Белая гвардия Михаила Булгакова

Ярослав Юрьевич Тинченко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Полемічне дослідження київського історика Ярослава Тинченка «Белая гвардия Михаила Булгакова» присвячено подіям в Україні кінця 1918 року — часу повалення гетьмана Скоропадського, Києву доби громадянської війни, пригодам родичів та друзів сім'ї Булгакових, що стали прототипами роману «Белая гвардия», видатному письменнику-киянинові Михайлу Афанасійовичу Булгакову та його долі. Сподіваємося, що нестандартний погляд на творчість Булгакова та історичні події в Україні часів громадянської війни зацікавлять не тільки поцінувачів літературної спадщини видатного письменника, а й усіх, хто цікавиться тим складним і буремним часом. Книжка розрахована на широкий загал читачів, буде корисною як літературознавцям, так і історикам.

Дослідження видано за фінансового сприяння акціонерного товариства пивзавод «Оболонь».

Полемическое исследование киевского историка Ярослава Тинченко «Белая гвардия Михаила Булгакова» посвящено событиям на Украине конца 1918 года — времени свержения гетмана Скоропадского, Киеву в период гражданской войны, приключениям родственников и друзей семьи Булгаковых, ставших прототипами романа «Белая гвардия», выдающемуся писателю-киевлянину Михаилу Афанасьевичу Булгакову и его семье. Надеемся, что нестандартный взгляд на творчество Булгакова и исторические события на Украине времен гражданской войны заинтересует не только поклонников литературного наследия выдающегося писателя, а и всех, кто интересуется той сложной и запутанной эпохой. Книга рассчитана на широкий круг читателей, будет полезной как литературоведам, так и историкам.

Исследование издано благодаря финансовой поддержке акционерного общества пивзавод «Оболонь».

- Ярослав Тинченко
  - Белая Гвардия и «Белая гвардия» Михаила Булгакова
  - Шестнадцать киевских переворотов
  - Михаил Булгаков и его роман
  - Киевские приключения Алексея Турбина
  - «Петлюриада» военного доктора
  - Служба в Белой Армии
  - Юнкерская эпопея Николая Булгакова

- Сергей Иванович Тальберг
- Леонид Юрьевич Шервинский
- Виктор Викторович Мышлаевский
- Федор Николаевич Степанов
- Лариосик
- Христианский рыцарь и «бессмертный гусар» Най-Турс — граф Федор Артурович Келлер
- О Булгакове, Петлюре, котах и китах, а также об украинском министре здравоохранения
- Женский образ в романе "Белая гвардия"
- Скоропадский, Директория и Третья власть
- Исторические портреты «Белой гвардии» или шахматная партия по Булгакову
- Вместо послесловия
- Учреждения и воинские части города Киева
- Хроника борьбы между Директорией и гетманом Скоропадским

Ярослав Тинченко

Белая гвардия Михаила Булгакова

Киев-Львов

Ярослав Тинченко
Белая гвардия Михаила Булгакова

Белая Гвардия и «Белая гвардия» Михаила Булгакова

Уже не одно поколение отечественных и зарубежных читателей искренне увлекается творчеством выдающегося киевского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Его произведения стали классикой славянской культуры, которую знает и любит весь мир. В ряду бессмертных произведений Булгакова особое место занимает роман "Белая гвардия", ставший в свое время писательским талантливого молодого журналиста. Этот роман во многом является автобиографическим, написанным на основе "живого" материала: фактов из жизни близких и друзей во времена гражданской войны на Украине.

Читатели и исследователи до сих пор не сошлись в определении жанра "Белой гвардии": биографическая проза, исторический и даже детективно-приключенческий роман, — вот те характеристики, которые можно встретить относительно этого произведения. Характер же романа Михаила Афанасьевича заложен в его названии: "Белая гвардия". Если исходить из исторических реалий названия, то роман должен восприниматься, как глубоко трагический и сентиментальный. Почему? Именно это мы и попробуем объяснить.

Описываемые в романе исторические события относятся к концу 1918 года: борьбе на Украине между социалистической украинской Директорией и консервативным режимом гетмана Скоропадского. Главные герои романа оказываются втянутыми в эти события, и в качестве белогвардейцев защищают Киев от войск Директории. Под знаком носителей Белой идеи мы и воспринимаем персонажей романа. В своей "белогвардейской сущности" были глубоко убеждены и те офицеры и добровольцы, которые действительно в ноябре-декабре 1918 года защищали Киев. Как выяснилось позже, белогвардейцами они не были. Добровольческая белогвардейская армия генерала Антона Деникина не признавала Брестского мирного договора и де- юре оставалась в состоянии войны с немцами. Не признавали белые и марионеточного правительства гетмана Скоропадского, правившего под прикрытием немецких штыков. Когда на Украине

началась борьба между Директорией и Скоропадским, гетману пришлось искать помощи в среде интеллигенции и офицерства Украины, в большинстве поддерживающей белогвардейцев. Чтобы привлечь на свою сторону эти категории населения, правительсктво Скоропадского в газетах объявило якобы имеющий место приказ Деникина о вхождении войск, сражающихся с Директорией, в состав Добровольческой армии. В соответствии с этим приказом, части, защищавшие Киев, становились белогвардейскими. Этот приказ оказался откровенной ложью министра внутренних дел правительства Скоропадского Игоря Кистяковского, который таким образом завлекал в ряды защитников гетмана новых бойцов. Антон Деникин отправил в Киев несколько телеграмм, отрицающих факт наличия такого приказа, в которых он отказывался признавать защитников Скоропадского белогвардейцами. Эти телеграммы были сокрыты, и киевские офицеры и добровольцы искренне считали себя частью Добровольческой армии. Лишь после того, как украинская Директория взяла Киев, а его защитники были пленены украинскими частями, телеграммы Деникина были обнародованы. Оказалось, что плененные офицеры и добровольцы не являлись ни белогвардейцами, ни гетманцами. Фактически, они защищали Киев неизвестно зачем и неизвестно от кого. Киевские пленные для всех воюющих сторон оказались персонами вне закона: белые от них отказались, украинцам они были не нужны, для красных оставались врагами. Более двух тысяч человек, в основном офицеров и представителей интеллигенции, попавших в плен к Директории, было отправлено вместе с эвакуировавшимися немцами в Германию. Оттуда, при содействии Антанты, они попадали во всевозможные белогвардейские армии: Северо-Западную Юденича под Петроградом, Западную Бермондт-Авалова в Восточной Пруссии, Северную генерала Миллера на Кольском полуострове, и даже Сибирские армии Колчака. Подавляющее большинство пленников Директории происходило с Украины. Своей кровью из-за безрассудной гетманской авантюры им пришлось обагрить поля битв под Царским Селом и Шенкурском, Омском и Ригой. Лишь единицы вернулись на Украину. Таким образом, название "Белая гвардия" является трагическим и скорбным, а с исторической точки зрения еще и ироническим.

У второй половины названия романа — "гвардия" — так же есть свое объяснение. Добровольческие части, формировавшиеся в Киеве против войск Директории, изначально возникли в соответствии с законом Скоропадского о Национальной гвардии. Таким образом, киевские формирования официально считались

Национальной гвардией Украины. Кроме того, некоторые близкие и друзья Михаила Афанасьевича Булгакова до 1918 года служили в российской гвардии. Так, родной брат первой жены писателя Евгений Лаппа погиб во время Июльского наступления 1917 года, будучи прапорщиком Гвардии Литовского полка. Юрий Леонидович Гладыревский, основные черты которого были воплощены в литературном образе Леонида Юрьевича Шервинского, служил Лейб-гвардии в 3-м Стрелковом полку.

Имеют свое историческое пояснение и другие варианты названия романа "Белая гвардия": "Белый крест", "Полночный крест", "Алый мак". Дело в том, что во время описываемых исторических событий в Киеве формировалась Северная добровольческая армия генерала Келлера. Граф Келлер по приглашению Скоропадского некоторое время возглавлял оборону Киева, а после занятия его украинскими войсками был расстрелян. Основные вехи жизни Федора Артуровича Келлера, а так же его внешние физические недостатки, связанные с ранениями, были очень точно описаны Булгаковым в образе полковника Най-Турса. По приказу Келлера опознавательным знаком Северной армии стал белый крест, который изготавливался из материи и нашивался на левом рукаве гимнастерки. В последующем Северо-Западная и Западная армии, которые считали себя приемниками Северной армии, оставили опознавательным знаком своих военнослужащих белый крест. Скорее всего, именно он и послужил поводом для возникновения вариантов названий с "крестом". Название же "Алый мак" вполне можно связать с победой большевиков в гражданской войне.

Хронологические рамки романа "Белая гвардия" у Михаила Афанасьевича мало соответствуют реальным историческим событиям. Так, если в романе от дня начала боев под Киевом до времени вступления украинских войск проходит всего около трех суток, то на самом деле события борьбы между Скоропадским и Директорией развивались целый месяц. Начало артиллерийского обстрела Киева украинскими частями приходится на вечер 21 ноября, похороны убитых офицеров, описанные в романе, состоялись 27 ноября, а окончательное падения города произошло 14 декабря 1918 года. Таким образом, историческим роман "Белая гвардия" назвать сложно, поскольку писателем не соблюдалась реальная хронология событий. Так, среди перечисленных в романе погибших офицеров нет ни одной правильной фамилии. Многие факты романа являются авторским вымыслом.

Безусловно, при написании романа "Белая гвардия" Михаил Афанасьевич Булгаков пользовался доступными источниками и

своей великолепной памятью. Тем не менее, не стоит преувеличивать влияние этих источников на писательский замысел. Многие факты, почерпнутые из газет Киева конца 1918 года, писатель пересказывал исключительно по памяти, что привело лишь к эмоциональному воспроизведению информации, не содержащему точности и правильности изложения событий. Воспоминаниями Романа Гуля "Киевская эпопея", опубликованными в Берлине в 1921 году, Булгаков не пользовался, хоть это и склонны утверждать многие булгаковеды. Сведения о событиях на фронте под Красным Трактиром и Жулянах, приводимые в романе, исторически точны до мельчайших подробностей (кроме фамилий, конечно). Этих сведений Гуль в своих воспоминаниях не приводил, поскольку участвовал в других событиях под Красным Трактиром. Булгаковым они могли быть получены лишь от старого киевского знакомого Петра Александровича Бржезицкого, бывшего штабс-капитана-артиллериста, который по очень многим биографическим данным и характеру почти полностью соответствует литературному образу Мышлаевского. Да и вообще у нас есть большие сомнения, что Булгаков имел возможность знакомиться с эмигрантскими белогвардейскими изданиями. То же можно сказать и о прочих воспоминаниях, посвященных событиям в Киеве в 1918 году, издававшихся в эмиграции. Большая их часть была написана на основе тех же газетных фактов и городских слухов, к которым и сам Булгаков имел в свое время прямой доступ. Вместе с тем, вполне очевидно, что Михаил Афанасьевич перенес в роман некоторые сюжеты из воспоминаний В. Шкловского "Революция и фронт", впервые опубликованные в Петрограде в 1921 году, а затем публиковавшиеся под названием "Сентиментального путешествия" в Москве в 1923–1924 годах. Только в этих воспоминаниях Булгаков мог взять сюжет с засахариванием гетманских броневиков. На самом деле такого в истории обороны Киева не было, а сам сюжет является выдумкой Шкловского, почему последний может являться единственным источником подобной информации.

На страницах романа ни разу не упоминается название города, в котором разворачиваются события романа. Лишь по топонимике да событиям в описываемом городе читатель может определить, что речь идет о Киеве. Все названия улиц в романе были изменены, но оставались весьма близкими по звучанию к своим реально существующим собратьям. Именно поэтому без особого труда можно определить многие места описываемых событий. Исключение, пожалуй, составляет лишь маршрут

бегства Николки Турбина, который в реальности проделать невозможно. Известные всему Киеву сооружения также без изменений были перенесены в роман. Это и Педагогический музей, и Александровская гимназия, и памятник князю Владимиру. Можно сказать, что Михаил Афанасьевич без каких-либо писательских ремарок изобразил свой родной город того времени.

Описанный в романе дом Турбиных полностью соответствует дому Булгаковых, до сих пор сохранившемуся в Киеве. Вместе с тем, не вызывающая сомнений автобиографичность романа не соответствует многим событиям в самой семье Булгаковых. Так, мама Михаила Афанасьевича, Варвара Михайловна, умерла только в 1922 году, мать же Турбиных умирает весной 1918 года. В 1918 году в Киеве из родственников Михаила Афанасьевича жили сестры Леля и Варвара с мужем Леонидом Карумом, братья Николай, Иван, двоюродный брат Костя "Японец", наконец, Татьяна Лаппа — первая жена писателя. В романе же "Белая гвардия" отображены далеко не все члены семьи. Биографические параллели мы можем проследить в образах Алексея Турбина и самого писателя, Николая Турбина и Николая Булгакова, Елены Турбиной и Варвары Булгаковой, ее мужа Леонида Карума и Сергея Тальберга. Отсутствующими являются Леля, Иван и Костя Булгаковы, а также первая супруга писателя. Смущает и тот факт, что Алексей Турбин, очень похожий на Михаила Афанасьевича, неженат. Не совсем позитивно отображен в романе Сергей Тальберг. Это мы можем отнести лишь на счет разногласий и ссор, которые были неизбежны в такой большой семье, как Булгаковы.

Окружение и друзья дома Булгаковых того времени также отображены в романе далеко не полностью. В разное время на Андреевском спуске бывали Николай и Юрий Гладыревские, Николай и Виктор Сынгаевские со своими пятью сестрами, Борис (застрелившийся в 1915 году) и Петр Богдановы, Александр и Платон Гдешинские. Булгаковы посещали семью Коссобудзских, где были брат Юрий, сестра Нина и ее жених Петр Бржезицкий. Среди молодежи лишь немногие были военными: Петр Бржезицкий кадровым штабс-капитаном артиллерии, Юрий Гладыревский подпоручиком да Петр Богданов прапорщиком. Именно эта тройка в своих основных чертах и фактах военных биографий вполне сходится с тройкой литературных персонажей "Белой гвардии": Мышлаевским, Шервинским, Степановым-Карасем. Одна из сестер Сынгаевских была выведена в романе Ириной Най-Турс. Еще одну женскую роль в романе получила киевлянка Ирина Рейс, отображенная в романе Юлией Рейсс,

возлюбленной Алексея Турбина. Некоторые биографические факты для образов Мышлаевского, Шервинского, Карася взяты от прочих членов компании семьи Булгаковых. Впрочем, эти факты, как, например, сопоставление Мышлаевского и Николая Сынгаевского, настолько малы, что не дают нам права называть образы главных героев романа собирательными. Намного проще обстоит дело с Лариосиком — Илларионом Суржанским, образ которого почти полностью создан на основе проявлений характера и биографических фактов жившего в то время в семье Булгаковых племянника Карума Николая Судзиловского. О каждом из персонажей романа и его реальном историческом прототипе мы поговорим отдельно.

О незаконченности романа "Белая гвардия" известно давно. Писательские замыслы в этом отношении простирались до размеров трилогии, охватывающей своими хронологическими рамками всю гражданскую войну. Известно и то, что Михаил Афанасьевич планировал отправить Мышлаевского служить к красным, Степанов же должен был служить у белых. Почему же Михаил Афанасьевич не закончил свой роман? По хронологии, известный нам вариант "Белой гвардии" доводится писателем до начала февраля 1919 года — отступления из Киева войск Директории. Именно в этот период булгаковская "коммуна", как ее называл Карум, распалась: Петр Богданов ушел с петлюровцами, а Бржезицкий уехал с немцами в Германию. В последующем и прочие члены компании разъехались по разным причинам. Уже осенью 1919 года они оказались совершенно в разных регионах: Богданов воевал в составе Северо-Западной белогвардейской армии под Петроградом, где и погиб в бою с красными, Бржезицкий после долгих мытарств очутился в Красноярске, где преподавал в колчаковской артиллерийской школе, а затем перешел к красным, Карум, Гладыревский, Николай Булгаков и сам Михаил Афанасьевич сражались с большевиками в Добровольческой армии генерала Деникина. Знать о том, чем занимались в то время прототипы главных героев романа, Михаил Булгаков никак не мог. Рассказать о своих злоключениях в гражданскую войну Михаилу Афанасьевичу могли лишь Карум да Бржезицкий, которые с 1921 года жили в Киеве. Хотя, у нас есть сомнения, что они могли вообще кому-то рассказывать подробности своей службы у белых. Прочие же или эмигрировали, как Николай Булгаков и Юрий Гладрыревский, или погибли, как Петр Богданов. Писатель в общих чертах знал о судьбах, постигших своих друзей и знакомых, но подробностей, естественно, ему знать было неоткуда. Именно из-за отсутствия информации о своих героях Михаил Афанасьевич, как нам

кажется, прекратил работу над романом, хоть сюжет выходил очень интересный.

Наша книга не призвана анализировать текст романа, искать культурологические параллели либо строить какие-нибудь гипотезы. С помощью архивных изысканий: работы над послужными офицерскими списками Бржезицкого, Гладыревского, Карума, делом Судзиловского, делами репрессированных Бржезицкого и Карума, военно-училищными делами, в которых фигурируют Николай Булгаков и Петр Богданов, большим количеством источников по истории гражданской войны и белогвардейских воинских частей, принимавших в ней участие, рядом других документов и материалов с большой точностью нам удалось восстановить биографии практически всех лиц, ставших так или иначе прототипами для создания литературных образов "Белой гвардии". Именно о них, а также о Михаиле Афанасьевиче Булгакове в гражданскую войну и после нее мы и расскажем в этой книге. Так же мы попытались восстановить историческую подоплеку самих событий "Белой гвардии", и тех фактов, которые должны были послужить основой для создания продолжения романа. В роли исследователей гражданской войны мы пытались создать историческую концовку романа Михаила Афанасьевича Булгакова "Белая гвардия". По большому счету, роман был использован нами в качестве фундамента, от которого можно оттолкнуться при описании нелегкого пути обычной киевской семьи и ее друзей в годы гражданской войны. Герои нашей книги в первую очередь рассматриваются как участники важных исторических событий, и лишь затем как прототипы романа Михаила Афанасьевича Булгакова.

В книге помещен большой вспомогательный материал к истории событий, описываемых в романе "Белая гвардия", а также города Киева, в котором разворачивались эти события.

За помощь в создании этой книги хотелось бы выразить благодарность Российскому Государственному военно-историческому архиву, Государственному архиву общественных и политических организаций Украины, Государственному архиву Высших органов власти Украины, Государственному архиву кинофотодокументов Украины, Музею Одной Улицы, а так же сотруднице музея Музея Одной Улицы Владиславе Осьмак, директору Музея Дмитрию Шленскому, сотруднице Мемориального музея М.А. Булгакова Татьяне Рогозовской, военным историкам Николаю Литвину (Львов), Владимиру Назарчуку (Киев), Анатолию Васильеву (Москва), Андрею Кручинину (Москва), Александру Дерябину (Москва), Сергею

Волкову (Москва), киевскому культурологу Мирону Петровскому, киевоведу Михаилу Кальницкому.

Особо хотелось бы поблагодарить генерального директора акционерного общества пивзавод "Оболонь" Александра Вячеславовича Слободяна, без посильной помощи которого издание многих наших исследований было бы весьма проблематичным.

Шестнадцать киевских переворотов

Киевский фольклор, в особенности, фольклор времен гражданской войны, был богат и разносторонен. Не смотря ни на какие перевороты, грабежи, расстрелы киевляне оставались киевлянами, слагали анекдоты и истории про каждую новую власть, благо, эти менявшиеся власти сами давали городу обильный материал для рассказов и обсуждения.

Описание смены властей в Киеве можно найти и у всех писателей, переживших гражданскую войну и так или иначе соприкасавшихся с городом. Стоит вспомнить хотя бы "Необыкновенные приключения доктора" Михаила Афанасьевича Булгакова: "Пятую власть выкинули, а я чуть жизни не лишился… (…) Происходит что-то неописуемое… Новую власть тоже выгнали…" Пожалуй, калейдоскопическая смена властителей города больше всего занимала киевлян в гражданскую войну. Правда, многим из них эта смена стоила жизни. Попробуем же провести экскурс в историю киевских переворотов, чтобы поближе познакомиться с городом и его жителями того времени.

Перевороты были разные. Одни — совсем бескровные, другие — с долгими и упорными уличными боями, третьи — с кровавыми расстрелами и погромами. Некоторые власти оставались в городе всего один или несколько дней, другие же правили Киевом более полугода.

Три года жестокой Первой мировой войны забрали у Киева почти все мужское население: студенты и вчерашние гимназисты, чиновники и врачи, кадровые офицеры и купцы, рабочие и ремесленники, — все ушли на фронт. Оттуда пока возвращались лишь искалеченные воины да похоронки. Для киевлян, как и для жителей других городов империи, эти три года в моральном отношении были очень тяжелыми.

Настоящим потрясением стала и Февральская революция 1917 года, которая для жителей города еще ассоциировалась с первым переворотом в Киеве. Странная это была революция: в один день все почему-то вспомнили о свободе, равенстве и братстве, дружно заклеймили позором императорскую Россию и с криком "ату их" бросились уничтожать царские портреты, сбивать с гордых российских двуглавых орлов короны, вытаскивать на улицу и избивать старых героев-генералов и почтенных

чиновников преклонных лет, которые, как оказалось, были "заклятыми врагами свободного человека".

Волна всеобщего ликования докатилась до Киева с некоторым запозданием: столичные газеты не выходили или не успевали доходить, а телеграммы, приходившие в город, решительный командующий Киевским военным округом генерал Ходорович, который в то время на большей части Украины был высшим военным лицом, приказывал не пропускать к городскому населению. Лишь 3 марта газета "Киевская Мысль" напечатала подробные сведения о событиях в Петрограде.

Первый переворот — чем он был для горожан? Как известно, широкая натура славян в своих действиях в основном руководствуется эмоциями. Оказалось, что чуть ли не весь город мечтал о том дне, когда будет свергнут российский император, и на смену ему придут демократия и даже социализм. В те дни можно было увидеть на улицах Киева роскошных дам в дорогих туалетах, с золотыми кольцами и бриллиантами, которые всерьез говорили, что являются приверженцами социализма. Среди людей, поддержавших Февральскую революцию, был и родственник Михаила Булгакова, капитан Леонид Карум, который с красным бантом на груди арестовывал бывшего командующего Юго-Западным фронтом генерала от инфантерии Николая Иудовича Иванова. Но к этому мы еще вернемся.

Первая смена власти стала действительно освобождением, — освобождением от самих себя. С нескрываемым восторгом киевляне сбросили с пьедестала памятник трагически погибшему в Киеве премьер-министру Николая II П.А. Столыпину, находившийся в самом центре города, возле городской Думы, сооружение которого еще несколько лет назад поддерживали всем городом. Михаил Булгаков в очерке "Киев-город" писал об этих событиях: "Что за это время происходило в знаменитом городе, никакому описанию не поддается. Будто уэллсовская атомистическая бомба лопнула над могилами Аскольда и Дира, и в течение 1000 дней гремело и клокотало, и полыхало пламенем не только в самом Киеве, но и в его пригородах, и в дачных его местах окружности 20 верст радиусом".

С первых же дней в Киеве началось противостояние: за обладание властью спорили штаб Киевского военного округа, городская Дума, вновь созданные Совет рабочих и солдатских депутатов, а также… Центральная Рада. Многие киевляне в то время даже не догадывались о существовании украинской проблемы. Центральная Рада во главе с профессором Михаилом Грушевским и писателем Владимиром Винниченко имела очень большие планы. Она стремилась к созданию федеративного

Украинского государства в составе девяти южных губерний бывшей Российской империи с центром в Киеве. Идеи Центральной Рады имели широкий резонанс на Украине, и она сразу же стала серьезной политической силой. Наравне с Центральной Радой претендовали на власть штаб Киевского военного округа, который исповедывал крайние консервативные взгляды, а также детище революции — Совет рабочих и солдатских депутатов, в подавляющем большинстве — социалистический, с сильным оттенком анархизма. Городская Дума на фоне этих трех противников потеряла всякое значение и в гражданскую войну использовалась в качестве "революционной реликвии" — нейтральной стороны, посредством которой противники могли договориться между собой.

Так были распределены основные роли на все последующие киевские перевороты. Штаб округа вскоре стал контрреволюционным и белогвардейским, Совет рабочих и солдатских депутатов — большевистским и красным, наконец, Центральная Рада — украинской и петлюровской. Контрреволюционеры, большевики, украинцы; белые, красные, петлюровцы — вот тот контингент соперников, который на протяжении трех лет не давал покоя киевлянам.

Октябрьский переворот в Петрограде взрывной волной прокатился по всей территории бывшей Российской империи. Эта волна быстро дошла до Киева и привела ко второй смене власти в городе. На сей раз второй киевский переворот повлек за собой несколько дней уличных боев и множество людских жертв. Штаб Киевского военного округа, поддерживающий сверженное Временное правительство, отказался передать власть в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который к тому времени выделил из своего состава уже полностью большевистский Революционный Комитет. Этот Комитет поднял на борьбу со штабом рабочих киевских заводов и обольшевиченные части старой русской армии. Штаб защищали в основном юнкера киевских училищ и школ прапорщиков, а также некоторые верные Временному правительству воинские подразделения. Во время этого второго переворота киевляне- "контрреволюционеры" дрались с киевлянами-большевиками. Для более чем 100-тысячного города силы противников были ничтожны — всего-то по 4 тысячи бойцов с каждой стороны. Но этого хватило для того, чтобы целых три дня, с 11 по 13 ноября (с 29 по 31 октября старого стиля) 1917 года, на улицах Киева шли уличные бои. В этих боях на стороне штаба округа активное участие принимал и Николка Булгаков, в то время — юнкер Алексеевского инженерного училища.

Этот второй переворот закончился весьма странным образом. Центральная Рада без лишнего шума своими войсками заняла ключевые позиции в городе и полностью забрала власть в свои руки. Штаб округа, уже побитый большевиками, признал правопреемственность Центральной Рады, на сторону которой перешла еще и часть войск штаба. Большевикам также ничего не оставалось делать, как признать Центральную Раду. Так на смену Временному Правительству пришла украинская Центральная Рада, которая и была второй по счету властью в Киеве. Впрочем, и она продержалась недолго. Второй переворот дал более 100 убитых на улицах города — "контрреволюционеров" и большевиков, в основном — киевлян.

С первых же дней перехода власти в Киеве к Центральной Раде, стало возникать множество проблем, в основном связанных с украинской культурой и украинским языком. Украинские национальные деятели честно пытались всячески обходить болезненный для города вопрос языка и украинизации. Но многие киевляне были неумолимы. В результате, киевские низы, настроенные пробольшевистски, ждали только удобного случая, чтобы разделаться с Радой, а киевские верхи — "кадеты" и "паны", как их уже успели окрестить низы, оставались равнодушными к украинскому правительству и ориентировались лишь на созыв справедливого, по их мнению, Всероссийского Учредительного собрания. И Центральная Рада в Киеве осталась одна.

Товарищи большевики, наученные горьким опытом октябрьских дней Киеве, в декабре 1917 года объявили войну Центральной Раде. Их войска, возглавляемые большевиком В. Антоновым-Овсеенко и левым эсером половником М. Муравьевым, быстро двигались на Киев. Украинские полки, не видя особой разницы между социализмом и большевизмом, но, симпатизируя большевикам больше, рассыпались перед красногвардейскими отрядами. К концу января 1918 года большевики были уже под Киевом. В самом городе низы, рабочие киевских заводов, 29 (16) января подняли против Центральной Рады вооруженное восстание. Защитить украинское правительство вызвалась ишь горстка военнослужащих да украинцы-добровольцы из киевлян. Начались жестокие уличные бои. На сей раз в них принимало участие всего по 2 тысячи бойцов с каждой стороны.

В первые дни уличных боев основные события разгорелись в двух местах: на Печерске, возле завода "Арсенал" и на Владимирской улице, в районе Педагогического музея, где размещалась Центральная Рада. Сюда отряды подольских красногвардейцев добрались по Андреевскому спуску. На

Андреевском спуске вскоре начались отчаянные схватки между вытесненными из центра подольскими большевиками и сечевыми стрельцами Центральной Рады. У подольских красногвардейцев штаб находился в самом низу Андреевского спуска — в обувной фабрике Матиссона, служащие фабрики одновременно были и бойцами отрядов. Сам штаб возглавляли подольские большевики, портные М. Кугель и Цимберг, о существовании и происхождении которых упоминает и Михаил Булгаков. Помните, что было написано на изразцах печки рукою Николки Турбина? — "Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского района. Дамский, мужской и женский портной Абрам Пружинер. 1918 года, 30-го января".

Большинство жителей города осталось равнодушным к борьбе на улицах Киева между украинцами и большевиками. Последним в какой-то мере они даже сочувствовали, ведь это были "свои" — русские. По городу шаталась масса офицеров и юнкеров, которые с полнейшим равнодушием наблюдали за боями. Благодаря отрядам с "хвостами" на шапках — гайдамакам, прибывшим во главе с Симоном Петлюрой в Киев, восстание местных большевиков удалось ликвидировать. Но, в это же время к городу подошли большевистские части Муравьева и Антонова-Овсеенко. 4 февраля (22 января) 1918 года разразилась артиллерийская канонада. Муравьевцы пять дней обстреливали Киев из орудий. В конце концов, 9 февраля 1918 года город был окончательно взят большевиками.

Так состоялся третий переворот в Киеве, но чего он стоил! Во время борьбы за Киев в уличных боях погибло около тысячи большевиков и бойцов-украинцев. Киевская красная гвардия была практически полностью уничтожена отрядами Петлюры. Большевики были до невозможности озлоблены горожанами. М. Муравьев отдал Киев своим войскам на фактическое разграбление. И больше всех, конечно же, пострадали те киевляне, для которых большевики были "своими". Киевская аристократия, офицерство, юнкера, а также украинское население расстреливались сотнями. Все центральные районы были разграблены. Над городом стоял рев, а в нем самом свирепствовала большевистская вакханалия.

Третья власть продержалась в городе чуть больше месяца, но это была самая ужасная власть в Киеве за всю гражданскую войну. Ведь после оставления города большевиками, киевляне не досчитались 3 тысяч своих самых известных и лучших жителей, погибших от пуль и штыков большевиков. Семью Булгаковых третий переворот в Киеве также не обошел стороной. Правда, при

нем не присутствовал Михаил Булгаков. А жаль, после него он бы намного мягче относился к украинской власти. Нет, семья Булгаковых не пережила "погром буржуев", да и не потеряла она никого расстрелянным или растерзанным большевиками. Но Николай Булгаков во время уличных боев третьего переворота был случайно ранен.

Третья власть большевиков была почти без боя выкинута из Киева украинцами и их новыми союзниками… немцами. Пока в Киеве шли бои, Центральная Рада в Брест-Литовске заключила с государствами Четверного союза — Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией — мирный договор.

В соответствии с этим договором Центральная Рада обязалась предоставить государствам Четверного союза значительную продовольственную контрибуцию, а взамен получала военную помощь от Германии и Австро-Венгрии. Впрочем, украинцы могли справиться с большевиками и без этой "помощи", но в ней была заинтересована в первую очередь сама Германия. Ведь ее войска на Украине были лучшим гарантом того, что обещанное Центральной Радой продовольствие попадет в страны Четверного союза.

1 марта 1918 года (н. ст.) на улицах города киевляне вновь увидели Симона Петлюру и его "краснохвостых" гайдамаков. Этот отряд двигался в арьергарде украинских и немецких войск и первым вступил в освобожденный от третьей власти Киев. По-разному киевляне встретили водворение Центральной Рады в городе с помощью немецких штыков. Немцы, не смотря на все ужасы большевистского террора, все же еще оставались врагами. Особого энтузиазма не вызвало и возвращение второй власти, вернее — уже четвертой — украинской Центральной Рады. Впрочем, во время ее правления киевляне, благодаря печальным воспоминаниям о феврале 1918 года, наконец- то смогли оценить все достоинства украинской власти, которая, во всяком случае, не устраивала из захвата Киева форменный погром. Правда, нельзя сказать, что не было со стороны гайдамаков необоснованных убийств. По аналогии с подольскими портными Кугелем и Цимбергом, гайдамаки стали искать зачинщиков киевского Январского восстания в еврейской среде. В Киеве произошло несколько кровавых эксцессов, после которых гайдамаки были выдворены из города на фронт. К чести Петлюры стоит сказать, что гайдамаками в то время он уже не командовал. Испугавшись возрастающего авторитета, Центральная Рада отправила Петлюру в отставку.

А что по поводу четвертой (она же вторая) власти думали Булгаковы? Вот что в частности об этом писал в "Белой гвардии"

Михаил Афанасьевич: "Когда же к концу знаменитого года в Городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего, что они останутся здесь, в Городе, ибо это их Город, украинский город, а вовсе не русский, Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка. И он оказался до известной степени прав: вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием. Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве. Тальберг сказал, что те в шароварах — авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские.

Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы, и на головах у них были рыжие металлические тазы, предохранявшие их от шрапнельных пуль, а гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что при взгляде на них Тальберг сразу понял, где корни. После нескольких тяжелых ударов германских пушек под Городом московские смылись куда-то за сизые леса есть дохлятину, а люди в шароварах притащились обратно, вслед за немцами. Это был большой сюрприз. Тальберг растерянно улыбался, но ничего не боялся, потому что шаровары при немцах были очень тихие, никого убивать не смели и даже сами ходили по улицам как бы с некоторой опаской, и вид у них был такой, словно у неуверенных гостей. Тальберг сказал, что у них нет корней, и месяца два нигде не служил".

Скажем честно, недолюбливал Михаил Булгаков четвертую (вторую) власть. Хотя, прав он был в том, что весной 1918 года эта власть действительно не имела корней. Украинские социалисты, собравшиеся в Центральной Раде, великолепно понимали, что долг платежом красен. Но еще больше они понимали, что ни один украинский крестьянин добровольно не отдаст немцам ни одного мешка хлеба. Поэтому Центральная Рада всячески пыталась выйти из щекотливой для нее ситуации, что ей совершенно не удавалось. Педантичные немцы, вежливо подождав полтора месяца, волевым решением без единого выстрела разогнали Центральную Раду вместе с частью ее войск. Это был уже пятый киевский переворот, произошедший 29 апреля 1918 года. Четвертая власть на некоторое время прекратила свое существование.

Пятая власть в городе Киеве была очень странной властью. Именно о последних днях существования этой власти в декабре 1918 года мы узнаем из романа "Белая Гвардия". Начала она свое существование, как ни странно, в киевском городском цирке, где 29 апреля 1918 года под охраной немецких штыков "недорезанными" третьей властью помещиками и зажиточными (по терминологии той же третьей власти) крестьянами был избран некто "Его Ясновельможность Пан Гетман Всей Украины Павло Скоропадский". Больше всех появлением на свет "Ясновельможности" были довольны немцы. Ведь, как оказалось, новоявленный гетман Павло Скоропадский был одним из самых крупных помещиков Украины. Для немцев он был лучшим гарантом того, что обещанное социалистической Центральной Радой продовольствие будет доставлено по назначению. К тому же, за свое призрачное гетманство Скоропадский стал фактически вассалом Германии. "Его Ясновельможность" сразу же заявила, что на месте провозглашенной Центральной Радой Украинской Народной Республики провозглашается Украинская Держава. А чтобы ее не путали с УНР, государственное желто-синее знамя Центральной Рады гетман перевернул вверх тормашками — получилось сине-желтое. Бывшие члены Центральной Рады очень обиделись на "Ясновельможность" и заявили, что социалисты помещикам не товарищи. "Его Ясновельможность" тоже оказалась обидчивой, и послала всех без исключения украинских общественных и политических деятелей подальше, решив, что Украинская Держава будет создана собственными силами. Этими самыми "собственными силами" оказались бывшие чиновники Николая II, которые, как оказалось, всю жизнь только и мечтали о том, чтобы строить Украинскую Державу гетмана Скоропадского.

Впрочем, киевлянам пятая власть больше всего понравилась. "Добродушные" немцы перепороли всех украинских крестьян, пересажали по тюрьмам украинских социалистов, вышибли в Россию "есть дохлятину" большевиков и избавили город от извечного бродила.

Но ничто не вечно в этом мире. 9 ноября 1918 года в Германии началась революция, которая привела к окончательному поражению Четверного союза в Первой мировой войне. Немцы уезжали на родину, пожелав гетману счастливо оставаться. Скоропадский растерялся, поскольку перед отъездом немцы, как истинные джентльмены, выпустили на свободу часть тех украинских социалистов, которых они посадили в тюрьмы после разгона Центральной Рады. Среди них был и Симон Петлюра, который начал собирать верные украинские войска и перепоротых крестьян, чтобы показать "Ясновельможности", кто

истинный глава Украины. Скоропадский бросился искать поддержку в среде интеллигенции и офицерства, но та, русская по духу и белогвардейская по сути, предложила "Ясновельможности" не дурить, оставить свои гетманские замашки и вновь надеть генеральские погоны русской императорской гвардии. Скоропадскому пришлось вспомнить, что он действительно бывший генерал-лейтенант российской армии, объявить о том, что теперь его Украинская Держава будет частью возрожденной России, и вообще наделать кучу всяких ненужных глупостей. Гетман даже объявил мобилизацию в Киеве, под которую попали герои романа "Белая гвардия". Кстати, в отрядах, защищавшие город от восставших крестьян, служили и будущий писатель, а также его младший брат — Николай Булгаков. Однако уже ничто не могло спасти "Ясновельможность", поддержки у населения он все равно не получил.

14 декабря 1918 года, после того, как пятая власть продержалась в городе семь с половиной месяцев, в Киеве воцарилась шестая власть. Правда, эта самая новая власть заявила, что она не новая, а старая, и по совместительству является уже побывавшими в городе второй и четвертой властями. Дело в том, что в Киев явились войска Украинской Народной Республики, которые на сей раз перевернули вверх тормашками гетманское сине-желтое знамя. Украинская Директория, возглавляемая бывшими лидерами Центральной Рады социалистами В. Винниченко и С. Петлюрой, торжественно заняла гетманский дворец и приступила к возрождению традиций управления времен Рады. Не успевшие удрать на родину немцы глупо улыбались — еще бы, ведь они уже не были хозяевами положения, а Директория относилась к ним с нескрываемой враждебностью, памятуя о том, кому она обязана пятым переворотом, воцарением "Ясновельможности" и разгоном Центральной Рады.

Эта шестая власть (она же вторая и четвертая) находилась под сильным влиянием галичан — западных украинцев, войска которых были опорой Петлюры. Галичане повели в городе тотальную войну с уличными вывесками — все русские вывески были заменены на украинские. Владельцы различных заведений были вынуждены под угрозой ареста проводить украинизацию вывесок, которая делалась из-за незнания украинского языка достаточно просто: буква "и" менялась на "і", а "ы" на "и". Сложнее было с твердым знаком, который приходилось закрашивать или совершенно снимать. Шутили, что твердый знак украинскими властями был взят под арест. Некоторые киевские евреи по дешевке скупали у владельцев вывесок твердые знаки, которые

уже при одиннадцатой власти — белогвардейцах, были проданы тем же владельцам за громадные суммы. Интересно, что после ухода из Киева Директории украинизированные вывески оставались в городе еще при четырех властях.

Ради справедливости стоит сказать, что шестую власть, как и в бытность ее властью второй и четвертой, киевляне опять несколько недооценили. Дело в том, что шестая власть оказалась самой миролюбивой из всех властей, которые были в Киеве за весь период гражданской войны. Еще при четвертой власти, т. е. в Центральной Раде, был принят закон, который отменял на территории Украинской Народной Республики смертную казнь. Этого же закона придерживалась и Директория, которая при вступлении в Киев захватитла в плен несколько тысяч офицеров, в основном — киевлян, защищавших свой город от надвигающейся крестьянской армии. Интересно, что среди этих пленных был и юнкер Николай Булгаков, о чем мы еще расскажем. Естественно, что почти никто из пленных не был расстрелян и даже более того — многие были распущены по домам. Ни одна власть не поступала со своими пленными так благородно, как это сделала Директория. Но кто ж в условиях гражданской войны способен оценить красивые жесты? Пожалуй, никто…

Шестая власть продержалась в городе совсем недолго — всего-то шесть недель. Социалистическая по своему содержанию, она с точностью повторила ошибки своей предшественницы — Центральной Рады. Директория опять схватилась с большевиками, которые достаточно быстро разогнали крестьянские части УНР и в ночь с 5 на 6 февраля 1919 года вошли в Киев. Состоялся седьмой переворот, а в Киеве воцарилась седьмая власть, весьма похожая на третью. Интересно, что этот седьмой переворот так же нашел отражение в творчестве Михаила Булгакова, чему мы посвятили отдельный раздел нашего исследования.

В Киев опять вернулся со своими войсками товарищ В. Антонов- Овсеенко, правда, на сей раз без полковника Муравьева. Вернулись в свой город и те киевские большевики, которые вынуждены были бежать из него вместе с третьей властью. Нужно сказать, что привычки и развлечения у большевиков остались те же, что были при третьей власти. Первое, что было сделано красным комендантом Киева товарищем Н. Щорсом, это выселение жителей из 37 "наиболее буржуазных", на его взгляд, домов. В этих домах сразу же поселились "ответственные работники и прочие товарищи".

После февраля 1918 года большевики для себя открыли одну

очень интересную истину: воевать и расстреливать должны совершенно разные люди. Поэтому в Киев прибыли как части Красной армии, которые специализировались на борьбе с врагами внешними, так и загадочная Чрезвычайная Комиссия (проще — ЧК), которая ведала погромами, получившими наименование "контрибуций", и расстрелами. Также большевики уяснили для себя, что расстреливать интеллигенцию и офицерство "пачками", в очень больших количествах да еще средь бела дня не эстетично и пошло, к тому же, это ведет к крайнему озлоблению населения. "Выводили в расход" (тоже очень модный большевистский термин того времени) несколько по-другому. Как правило, сначала производился ночной арест, который сопровождался "контрибуцией". Жертву уводили на Елизаветинскую улицу, где в особняке Бродского находилась киевская ЧК, и там очень долгое время допрашивали. Могли допрашивать и в генерал-губернаторском дворце, но его в качестве арестованных посетило меньше киевлян. Допрашиваемого могли держать в заключении месяцами. Зачастую, это заключение было вызвано чекистским желанием наживы за счет семьи несчастного, которая брала на себя обязательство выплатить большой выкуп. Киевские чекисты в большинстве своем были людьми невежественными, обожали лишь кокаин и золото. Подавляющее большинство арестованных ими "буржуев" и "контрреволюционеров" уничтожалось там же, а тела их сначала закапывались во дворе, а затем вывозились за город. Под знаком жуткого террора седьмая власть обосновалась в Киеве, правда, опять ненадолго.

Войска Украинской Народной Республики не на много были отброшены красными от Киева, а потому собрались с силами, и в начале апреля 1919 года перешли в решительное контрнаступление. Случайным союзником украинской армии оказался некто атаман Струк, который со своими отрядами занимал район Чернобыля и не допускал туда красных. Именно этот Струк утром 10 апреля 1919 года ворвался с северной стороны в Киев. Им была захвачена Куреневка, Подол, а также большая часть центра города. К тому же, разразилось восстание против большевиков и на Демиевке, а один из четырех находившихся в Киеве красных полков перешел на сторону Струка.

Большевикам пришлось бежать из Киева, а в городе воцарилась восьмая власть, правда, воцарилась всего на один день. Странным человеком был атаман Струк. Бывший российский офицер, он после окончания Первой мировой войны вернулся к себе на родину — в Чернобыльский уезд. Симпатизировал Центральной Раде, был приверженцем

Украинской Народной Республики, а во время восстания против пятой власти в Киеве — гетмана Павла Скоропадского — сформировал из крестьян Чернобыльский полк, с которым некоторое время входил в состав армии Директории. Но не нравилась Струку регулярная армия, а потому, когда Киев занимала седьмая власть, большевики, отправился атаман с полком домой, где занял свой уезд, и никого туда не пускал. Все бы ничего, да был атаман Струк ярым антисемитом. Особенно остро антисемитизм этот проявлялся в уезде, где струковцы не давали покоя чернобыльским евреям. Со своими привычками Струк пожаловал и в Киев, сразу же учинив на Куреневке и Подоле еврейский погром.

Уже вечером 10 апреля перетрусившие красные и киевляне поняли, что город находится в руках обычного бандита, от которого драпанули даже такие известные советские деятели, как Ворошилов и Петровский. Утром 11 апреля 1919 года на Куреневку и Подол была отправлена мощная карательная экспедиция красных, вооруженная пушками и пулеметами. Погостив в Киеве один день, атаман Струк решил, что этого будет достаточно, а потому без лишнего сопротивления убрался из города. Таковым был восьмой переворот в Киеве, который продолжался всего один день, но запомнился жителям города очень надолго. Борьба большевиков со струковцами в Киеве была достаточно ярко описана выдающимся писателем Аркадием Гайдаром, бывшим киевским красным курсантом.

А в Киев после небольшой встряски вернулась седьмая власть, теперь — уже девятая. Киевское ЧК сделало из восьмого переворота надлежащие выводы, и в течение нескольких дней отстреляло всех, кто имел хоть малейшее отношение к Украинской Народной Республике (второй, четвертой и шестой властям), а также тех, кто вел себя "подозрительно" во время восьмого переворота. Во время девятой власти киевские чекисты выдумали себе новое развлечение, не уступающее по оригинальности даже методам испанской инквизиции. Понимая, что умудренных печальным опытом киевлян из обеспеченных или культурных кругов уже ничем не расколешь, была изобретена потрясающая уловка. В один прекрасный день все газеты оповестили киевлян, что в город прибыл бразильский консул, которому требуются служащие. Быть под защитой иностранного консульства было для многих гарантией того, что, во всяком случае, при этой власти тебя не расстреляют. Естественно, к новоявленному консулу повалили толпы желающих в основном из тех киевлян, которым было чего бояться при большевиках. Этот бразильский консул оказался человеком очень добрым и

ежедневно принимал под свою защиту десятки людей. Правда, некоторых смущало, что этот самый консул великолепно разговаривал по-русски и не умел пользоваться столовыми приборами, но лучшего не было — Советскую Россию в то время почти никто в мире не признал, а потому на иностранных подданных, в особенности, консулов, был большой спрос. Но самое интересное заключалось в другом: каждый вечер киевское ЧК умирало со смеху, читая списки отловленных за день глупых киевлян, отдавшихся в руки бразильского консула — гениальной выдумки чекистов.

Правда, жадность чекистов погубила. Пытаясь выудить как можно больше киевских подпольных "буржуев" и "контрреволюционеров", ЧК дождалась прихода десятой власти, а потому проработать добытые списки в большинстве не смогла. Вероятно, если бы выдумка с бразильским консулом дошла до своего логического завершения, город бы лишился еще нескольких сотен своих жителей.

Девятая власть отличилась еще одними странными поступками. Именно тогда у большевиков появилась своеобразная черта ставить где попало и в больших количествах всяких истуканов, символизирующих собой каких-нибудь очередных героев революции. Интересно, что эти истуканы — а-ля памятники, были какими-то не настоящими, изготовлялись из подручных средств: гипса, дерева и даже картона. Так, рядом с чугунным памятником Богдану Хмельницкому на Софийской площади был установлен деревянный "обелиск" "Победе Октября", на Караваевской площади (теперь площадь Л. Толстого) появилась гипсово-картонная "колонна" "Вождям революции", а весь город был утыкан всевозможными гипсовыми чудищами, изображающими К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Я. Свердлова, К. Либкнехта, Р. Люксембург. Все это было вскоре убрано десятой и одиннадцатой властями, которые были единодушны в своей "любви" к большевикам.

Девятая власть продержалась в Киеве достаточно долго — четыре с половиной месяца, а если считать ее правление в сумме с седьмой властью, то выйдет порядочный для гражданской войны период — почти семь месяцев город находился в руках большевиков.

30 августа 1919 года Киев был разбужен мощной канонадой, которая гремела как с запада, так и с востока — левого берега Днепра. Большевики спешно собирали вещи, бразильский консул вместе с руководством ЧК бежал в одной машине. Красная армия не смогла справиться с двумя противниками сразу: с запада на нее напирали украинские войска С. Петлюры, а с востока на Киев

шли белогвардейцы. Первыми к городу подошли украинцы, которые сломили под городом отчаянное сопротивление красных курсантов. Эти кровавые бои вскоре отобразил в своей повести "В дни поражений и побед" уже упомянутый нами А. Гайдар.

Утром 31 августа войска Петлюры — части Украинской Галицкой армии и полки Запорожского корпуса — вошли в Киев. По всему городу были расклеены сообщения о возвращении правительства Украинской Народной Республики — десятой власти, которая в свое время уже была в Киеве второй, четвертой и шестой властями. Большая часть города была занята галичанами, которых с удивлением рассматривали местные жители. Одновременно с тем, отбросив на мостах через Днепр слабые заставы петлюровцев, в город вступили добровольческие белогвардейские части. Обе армии встретились друг с другом впервые. Украинцы не знали, как поступать им в этой ситуации, зато белогвардейцы действовали более решительно: без лишнего шума занимали мосты и главные магистрали Киева.

Командующие обеих армейских группировок противников направились в городскую Думу, где и встретились для проведения переговоров. Оба они оказались… немцами. Украинской группировкой командовал австриец генерал-хорунжий Антон Краус, белогвардейской — генерал-лейтенант российской армии немецкого происхождения Николай Эмильевич фон-Бредов (двоюродный брат последнего, тоже фон-Бредов, в немецкой армии в чине генерала командовал дивизией). Этим фактом были поражены не только киевляне, но и бойцы обеих армий. Шутили, что два немца на немецком языке решали судьбу славянского Киева. Пока шли переговоры, на Крещатике, возле городской Думы собралась громадная толпа киевлян. С одной стороны улицы стояли приверженцы Украинской республики, с другой — белогвардейской России. Оба лагеря испытывали враждебные чувства по отношению друг к другу. Над Думой развевались украинский и российский флаги.

Наступила неожиданная развязка. Проходившие мимо Думы запорожцы сорвали российский флаг и бросили его под копыта коня командира Запорожского корпуса полковника В. Сальского (кстати, киевлянина). В ответ с противоположной стороны улицы гвардейскими подразделениями белогвардейцев был открыт огонь. Переговоры были сорваны и Бредов приказал разоружить все прибывшие в Киев украинские части. Несколько батальонов галичан без сопротивления сдали оружие. Запорожцы же отступили на окраины города. В скором времени Петлюра приказал отступать от Киева вовсе: по тылам украинской армии в сторону города двигались с побережья Черного моря отрезанные

от своих красные войска. Их прорыв грозил разрывом украинских армий. Таким образом, части УНР занимали город всего один день. Они и были десятой властью.

С 19 августа 1919 года (с 1 сентября по отмененными белыми новому стилю) Киевом правила одиннадцатая власть — белогвардейцы, вытеснившие украинские войска из города. Свое воцарение они отпраздновали традиционным образом: поиском и уничтожением оставшихся в городе советских чиновников. Были расстреляны несколько офицеров за службу в Красной армии, а также несколько мелких обывателей за то, что якобы служили в ЧК. На окраинах под видом поиска большевиков были произведены еврейские погромы. Весь город содрогался от газетных статей и сведений, поступавших с Елизаветинской улицы. Здесь с первых же часов воцарения одиннадцатой власти началось исследование дома Бродского, домов, где жили чекисты и Генерал-губернаторского дворца. Были обнаружены десятки безвинно замученных киевлян, тела многих из которых из-за нанесенных при пытках увечий стали не опознаваемыми.

Через несколько дней после занятия города белыми вновь стала выходить популярная газета Виталия Шульгина "Киевлянин", которую жители не видели с весны 1918 года. За газетой стояли длиннейшие очереди, и многие с этим событием связывали надежды на скорую стабилизацию положения. Впрочем, не все было так гладко, как хотелось. В город явилась и контрразведка, которая стала активным образом выискивать и арестовывать жителей, заподозренных в службе у большевиков. Эта контрразведка была далеко не безупречной организацией. Некоторые бывшие ответственные работники большевиков покупали себе свободу и даже получали разрешение занимать административные должности, на которых они находились при красных. Была у контрразведчиков и одна чисто чекистская черта — арестовывать немногих оставшихся в живых состоятельных граждан с целью получения выкупа.

Достаточно сурово белогвардейцы обошлись и с бывшими российскими офицерами, находившимися в Киеве. Как известно, белогвардейская армия в то время еще продолжала официально именоваться Добровольческой. И действительно, в 1918 году она еще была таковой и комплектовалась по принципу добровольчества. В 1919 году армия стала проводить мобилизации, а также вливать в свои ряды пленных красноармейцев. Мобилизуемое офицерство в занятых белыми районах коренным образом отличалось от добровольческого офицерства 1918 года. Особенно это стало понятно после занятия белыми Харькова, где поступавшие в армию офицеры не были

проникнуты Белой идеей. После Харькова командование Добровольческой армии отбросило старый принцип комплектования. Теперь все киевские офицеры (а их опять набралось в городе несколько тысяч) сначала были обязаны пройти регистрацию, причем записывали офицеров в алфавитном порядке. Эта регистрация была занятием крайне утомительным, поскольку за первые три дня смогли получить свои регистрационные карточки лишь те офицеры, фамилия которых начиналась на букву А.

Но регистрацией дело не заканчивалось, после нее офицер был обязан с послужным списком, документами старого времени и автобиографией явиться в Реабилитационную комиссию, где решалась его дальнейшая судьба. Если документы удовлетворяли комиссию, то офицер получал право поступить в. Добровольческую армию. У большинства офицеров старых документов не осталось, кроме того, многие из них, чтобы прокормить семью, при большевиках служили на разных работах (в основном — подсобного характера). Этим офицерам приходилось после Реабилитационной комиссии поочередно посещать контрразведку (которая выясняла характер службы данного офицера у большевиков), военную судебно-следственную комиссию (которая давала юридическое заключение) и военно-полевой суд (выносивший окончательное решение). И во все эти инстанции стояли длиннейшие очереди. Пикантность ситуации заключалась в том, что в большей части выше перечисленных учреждений работали офицеры, которые также оставались в Киеве при большевиках. Так, Реабилитационная комиссия комплектовалась из бывших преподавателей Киевских красноармейских командных курсов, тех самых, воспитанники которых (и А. Гайдар в их числе) оказали отчаянное сопротивление белым на подступах к городу. За этих преподавателей, которых, в общем-то, стоило расстрелять, поручился сам командующий войсками Киевской области генерал А.М. Драгомиров. Поэтому они и попали в Реабилитационную комиссию. Посещать различные инстанции были обязаны не только офицеры, но и юнкера, а также военные чиновники, к которым приравнивались военные врачи. Таким образом, в этих очередях, по логике вещей, должны были стоять и братья Булгаковы — Михаил и Николай.

А на Подоле и Куреневке гарцевала выкинутая когда-то из города восьмая власть. В Киев собственной персоной со всею бандой явился атаман Струк, которого белогвардейцы приняли к себе на службу. Его отряд был переименован в "Малороссийский конный полк", а сам Струк стал полковником. Первым делом

новоявленный деникинский полк устроил на Подоле еврейский погром. Белогвардейцы были очень смущены, но поделать ничего не могли: киевских офицеров они гоняли по очередям, а части Добровольческой армии были на фронте. Фактически, Струк некоторое время был самой грозной силой в белом Киеве. Все это не способствовало тому, чтобы киевляне оставались в восторге от одиннадцатой власти.

Впрочем, весь этот беспорядок продолжался недолго, поскольку в Киев пожаловала двенадцатая власть — прорывающиеся с юга на север красные войска И. Якира. Оторванные от своих на побережье Черного моря три советские дивизии предприняли доблестный поход между фронтом украинцев и белых. Именно они принудили Петлюру 31 августа отступить из Киева. Чтобы помочь прорывающимся из окружения дивизиям, советское командование приняло решение бросить 44-ю стрелковую дивизию в наступлените на Киев, где и должно было состояться частичное объединение сил красных. Интересно отметить, что 44-я дивизия, бывшая 1-я Украинская советская, уже дважды занимала Киев: при седьмом и девятом переворотах.

14 октября 1919 года красные части с севера и запада ворвались в город. Защищать Киев было практически некому: мизерные по своему составу белогвардейские части, охранявшие город, были разбиты на подступах к нему. После значительного уличного боя белые были оттеснены к мостам через Днепр. Из киевских офицеров, находившихся на стадии реабилитации, был наспех сформирован Киевский офицерский полк, который и сдерживал наступавших. Интересно, что часть этого полка состояла из офицеров, посаженных белыми в тюрьмы по подозрению в службе у красных. Большевики завладели практически всем городом, поэтому мы их с полной уверенностью можем назвать двенадцатой властью.

Киевские обыватели даже морально не были готовы к тому, что город может опять попасть в руки к красным. Поэтому в центре города работали все магазины, рестораны, паштетные, кафе и гостиницы — все то, что большевиками в то время считалось наглядными признаками капитализма. Можно себе представить, во что красноармейцы превратили все это благополучие! Крещатик и все центральные улицы были ограблены дочиста. Некоторые владельцы магазинов, сохранившие еще чувство юмора, вынуждены были повесить таблички такого рода: "Погромщиков просим не волноваться, уже все забрано". Мужское население центральных районов подверглось строжайшей проверке, а все обнаруженные военные расстреливались. Впрочем, многие офицеры успели бежать к

Днепру.

15 октября началось постепенное вытеснение белыми нежданных гостей. Оно привело к трем дням кровавых уличных боев. Ни красные, ни белые не хотели уступать Киева. И лишь с прибытием значительных подкреплений белые 17 октября 1919 года смогли окончательно изгнать из города двенадцатую власть.

В Киев вернулись белые, которые теперь стали считаться тринадцатой властью. Для киевлян возвращение белых в город было уже событием не таким радостным, как в прошлый раз. Самые обеспеченные и самые известные жители Киева, еще не истребленные предыдущими властями, уже перестали надеяться на лучшее и взялись паковать чемоданы. Из Киева на юг бежали многие. Белые не препятствовали этому бегу, поскольку уже сами понимали, что не сегодня, так завтра им придется пуститься вслед за беженцами. Отборные части Добровольческой армии были остановлены красными под Тулой и постепенно отступали. В городе оставались мизерные подразделения. Киевский офицерский полк из-за недоверия к нему командования был расформирован. Значительное число офицеров города отвернулось от Добровольческой армии. Киев не дал белогвардейцам ни одной новой воинской части.

Фактически, город жил ожиданием прихода красных. Среди белогвардейцев бушевал тиф, который унес жизни и многих киевлян. "Полковник" Струк также понял, что карта Добровольческой армии бита, а потому бросил фронт и подался к себе в Чернобыльский уезд. Все более-менее уцелевшие от тифа и разгрома белогвардейские полки стягивались к Одессе.

15 декабря 1919 года к Киеву с запада и востока подошли красные части. Город был взят в клещи. Киевские офицеры оказали яростное сопротивление красным на подступах к городу. Атаки большевистских полков захлебнулись. В ночь на 16 декабря части 44-й советской дивизии (уже трижды бравшей город) по тонкому льду Днепра перешли на Правый берег и решительным штыковым ударом отбросили офицерские заставы от мостов. В Киев ворвались красные. В городе начался отчаянный уличный бой, который продолжался 12 часов. К вечеру того же дня с запада в город вошли красные полки 58-й дивизии. Создав многократный перевес сил, большевики окончательно завладели Киевом. Оставшиеся защитники города были перебиты. В Киев пришла четырнадцатая власть, которая уже совершала в городе третий, седьмой, девятый и двенадцатый перевороты.

На сей раз большевики изменили своим привычкам: в городе погромов и расстрелов почти не было. Красноармейские части, также страдавшие от тифа и изнеможения, проследовали дальше

на юг, вслед за отступавшей Добровольческой армией. Четырнадцатая власть была крайне человечна, что на нее мало походило. Взятые в плен белогвардейцы и петлюровцы в худшем случае направлялись в концентрационные лагеря, а в лучшем — сразу же поступали на пополнение воинских частей Красной армии. Бывшие белые отправлялись на польский фронт, бывшие военнослужащие украинской армии — на южный фронт против Врангеля. Немногие уцелевшие киевские старожилы, а таких к 1920-му году были уже единицы, практически не ощущали давления большевистской власти. ЧК так же стало более сдержанной в своей кровавой и страшной работе. Чем это можно было объяснить? Советская Россия в конце 1919 года столкнулась с новым врагом — возрожденной Польской державой, которая в своих территориальных притязаниях не ограничивалась этническим Надвислянским краем и пыталась возродить границы Речи Посполитой, существовавшие до 1772 года. Поляки посягали на Западную и Правобережную Украину, Беларусь, Вильнюсский край и Киев. К тому времени они уже успели отторгнуть и часть территории Германии. В апреле 1920 года глава Польской державы Ю. Пилсудский заключил мирный договор с главой Украинской Народной Республики С. Петлюрой. Поляки и украинцы становились союзниками в борьбе против красных. Большевики справедливо считали, что основным врагом России является Польша, этого же мнения придерживались и белогвардейцы. Именно поэтому, имея врагом третью силу, красные стали более лояльно относиться к белогвардейцам, как "тоже русским". Все оставшиеся в живых коренные киевляне из интеллигенции и обеспеченных кругов были зачислены в разряд "тоже русских", и таким образом избежали гонений при четырнадцатой власти.

Впрочем, на сей раз досталось киевским полякам, которых в городе было очень много. В предыдущие перевороты поляки, как представители нации, имеющей свое государство, менее всего пострадали. Ни красные, ни белые, ни украинцы их пытались не задевать, поскольку это могло грозить международным конфликтом. Однако при четырнадцатой власти и поляки дождались своей Варфоломеевской ночи, правда, в более мягких тонах. Поляки-рабочие и мещане забирались в Красную армию и отправлялись в Сибирь. Польская интеллигенция высылалась из Советской России, а самые опасные для большевиков представители польской нации традиционно "выводились в расход". Кстати говоря, гонения на поляков большевики продолжили и в начале 20-х годов.

Основные соединения Красной армии дрались с Врангелем в

Северной Таврии и с Пилсудским в Беларуси и Прибалтике, на Украине войск оставалось крайне мало. Именно этим воспользовалось командование польской армии, бросившее весной 1920 года на Киев польские и украинские части. Красные отступали практически без боя, и в начале мая части союзников очутились на окраинах города.

6 мая 1920 года 6-я Стрелецкая украинская и польские дивизии без особых потерь вступили в Киев. Это был пятнадцатый переворот в городе. Не смотря на то, что польских войск было в три раза больше, нежели украинских, Киев считался возвращенной столицей Украинской Народной Республики. Вскоре в город прибыл и глава УНР Симон Петлюра. Этот человек в истории Киева во время гражданской войны сыграл поистине выдающуюся роль. Ему пришлось во главе украинских войск вступать в город уже три раза. Для киевлян Петлюра успел стать за три года своим, а потому воцарение пятнадцатой власти было воспринято очень лояльно. Стоит сказать, что за время гражданской войны Украинская Народная Республика была в Киеве второй, четвертой, шестой и десятой властями. Поэтому, пятнадцатая власть была встречена, как вполне закономерное явление. Тем более что в УНР, в отличие от красных и белых, не было таких ужасных учреждений, как ЧК или контрразведка. Даже смертная казнь с 1918 года ни разу не была восстановлена. Поляки, в отличие от немцев образца 1918 года, вели себя вполне прилично: погромы не устраивали, аресты почти не производили, крестьян практически не пороли. Озлобить население города они особо ничем не могли. С. Петлюра и Ю. Пилсудский разъезжали по городу в открытом автомобиле, и киевляне чувствовали себя вполне спокойно.

Однако это внешнее благополучие было опять прервано красными. Последние не могли стерпеть потери Киева, а потому в начале июня бросили на фронт против поляков 1-ю Конную армию С. Буденного. Красные кавалеристы забрались глубоко в тыл полякам, дошли до самого Житомира, чем принудили поляков начать эвакуацию Киева. Вместе с поляками, не желая попадать в руки большевикам, уезжали последние коренные жители города. Каждая власть, уходя из города, устраивала напоследок что-нибудь из ряда вон выходящее: расстреливала заложников, организовывала еврейский погром или же просто палила из орудий по оставляемому Киеву. Поляки так же решили не отходить от этой традиции, правда, "отличились" чуть-чуть по-другому. Они взорвали основные киевские мосты через Днепр: Цепной и Стратегический, чем и запомнились жителям города. Ходили слухи, что С. Петлюра напоследок издал воззвание к

народу такого содержания: "Приводил я в Киев немцев — не захотели, привел поляков — тоже не приняли, так приведу вам турок, и будете жить под турецкой властью!". Самое интересное то, что недобитые киевские жители, которые не хотели прихода красных, действительно надеялись на то, что Петлюра приведет турецкие войска.

12 июня части Красной армии почти без боя окончательно захватили Киев. Они стали шестнадцатой и последней в гражданскую войну властью в городе. К воцарению советской власти в Киеве практически не осталось коренных жителей центральных районов, которые были уничтожены или пустились в эмиграцию. Гражданская война полностью опустошила город, изменила его облик. Многие, кто жил в городе до революции, опасался возвращаться сюда. Не мог вернуться в свой Киев и Михаил Булгаков, который всего ненадолго появился в городе после двухлетнего отсутствия в сентябре 1921 года. Многие из оставшихся в живых коренных киевлян боялись, что их опознают и отправят в ЧК, а потому меняли фамилии и прятались по захудалым городишкам. Для Киева наступил очередной период в истории — период так называемого советского строительства 20-х годов. Этот период нашел отображение в творчестве известного писателя, ставшего советским киевлянином, Николая Островского и его книге "Как закалялась сталь".

На этом мы можем завершить наш экскурс в историю киевских переворотов в гражданскую войну.

Михаил Булгаков и его роман

Центральной фигурой романа "Белая гвардия", с которой начинает и которой фактически заканчивает повествование Михаил Афанасьевич Булгаков, является военный врач Алексей Васильевич Турбин, после смерти матери ставший главой семьи и квартиры на Алексеевском спуске, 13. Многие биографические факты Алексея Турбина дают нам повод считать, что писатель изобразил в романе самого себя. В уста Алексея Турбина Михаил Афанасьевич вложил суждения, доминировавшие в киевском обществе в 1918 году, и подверг их иронии и критике. Вполне возможно, таким образом, писатель спорил с самим собой и со своими убеждениями времен гражданской войны. В 1917–1920 годах Михаилу Афанасьевичу пришлось пережить события, которые не могли не изменить его мировоззрение. Возможно, этот переворот Булгаков и хотел показать на примере Алексея Турбина, ведя с ним и его убеждениями в романе скрытый диспут. Найдутся читатели, которые не согласятся с таким отождествлением главного героя и автора. Именно поэтому сначала мы попробуем обосновать внешние параллели, и лишь затем перейти к взглядам и суждениям.

Итак, Алексей Васильевич Турбин, двадцативосьмилетний военный врач, вернулся в Город в мае 1918 года, "после первого удара, потрясшего горы над Днепром". Попал он на похороны матери, белый гроб с ее телом в неделю приезда Алексея был свезен вниз по крутому Алексеевскому спуску для отпевания в церковь Николая Доброго. В 1918 году двадцатисемилетний Михаил Афанасьевич Булгаков, почти год проработав в России земским врачом, вернулся в Киев. Однако его мать, Варвара Михайловна, скончалась 1 февраля 1922 года, потому то этот факт многие противники отождествления Алексея Турбина и Михаила Булгакова считают одним из главных. Объяснений тому, почему Михаил Булгаков "похоронил" мать Турбиных весной 1918 года, существует несколько. Самая кощунственная из них утверждает, что Михаил Булгаков якобы поссорился с Варварой Михайловной из-за ее брака с давним другом, врачом Иваном Павловичем Воскресенским, которого писатель, как утверждают булгаковеды, недолюбливал. Другая, более простая и человечная версия относительно смерти материи Турбиных заключается в

том, что Михаил Афанасьевич начал работу над романом в 1922 году, после смерти Варвары Михайловны. Булгаков писал роман, как размышления о виденном и пережитом. Именно это, на наш взгляд, и сыграло главную роль в данном эпизоде.

Варвара Михайловна Булгакова действительно в мае 1918 года оставила дом на Андреевском спуске, 13 и переехала к Воскресенскому, который жил также на спуске. Потому-то первоначально в доме оставалась лишь молодежь: братья Михаила Афанасьевича Николай и Иван, и младшая сестра Леля. Вскоре к ним присоединились сам Михаил Булгаков со своей супругой Татьяной Лаппа, двоюродный брат Костя "Японец" и приехавшие летом из Москвы сестра Варвара со своим мужем Леонидом Карумом. Таким образом, в Киеве действительно собралась большая часть семьи.

Алексей Васильевич Турбин, рекомендуясь подполковнику Малышеву, сообщил о себе следующее: "В тысяча девятьсот пятнадцатом году, по окончании университета экстерном, в венерологической клинике, затем младшим врачом в Белградском гусарском полку, а затем ординатором тяжелого трехсводного госпиталя. В настоящее время демобилизован и занимаюсь частной практикой". Эта биография Турбина не совсем соответствует биографии Михаила Булгакова. Писатель окончил университет лишь в апреле 1916 года, несколько месяцев работал в Каменец-Подольском и Черновицком госпиталях, отправлялся в качестве младшего врача в 3-й Конный корпус графа Келлера, а осенью 1916 года, как ратник 2-го разряда, не годный к воинской службе, был назначен земским врачом в село Никольское Сычевского уезда Смоленской губернии. В 1915 году во время летних каникул Булгакову приходилось в качестве санитара оказывать помощь в саратовских госпиталях. С венерическими заболеваниями он также имел дело в больших количествах, но не в отдельной лечебнице, а на своем участке в Смоленской губернии. Полковым младшим врачом Михаил Афанасьевич Булгаков никогда не был, а самого Белградского гусарского полка в российской армии не существовало. Вместе с тем, Булгаков любил в своих произведениях упоминать о кавалерии, конях и гусарах, хоть сам он имел к ним небольшое отношение: в 1919 году в Добровольческой армии служил врачом при 5-м Александрийском гусарском полку, которым когда- то командовал "бессмертный гусар" граф Келлер, и в котором во время Первой мировой войны служил известный поэт Николай Гумилев. Будучи на Украине в 1918 году, Михаил Булгаков, также как и Турбин, занимался частной практикой. Возможно, в биографию литературного героя Алексея Турбина были вплетены

"медицинские" вехи жизни писателя.

Для Михаила Афанасьевича Булгакова 1918 год был очень тяжелым, — он страдал пристрастием к морфию, которое, по свидетельству Татьяны Лаппа, появилось во время работы в Смоленской губернии. Это пристрастие вскоре стало доставлять неудобства всему семейству, а больше всего — первой супруге писателя, которую Булгаков даже среди ночи понуждал бежать в аптеку за наркотическими препаратами. Вот что вспоминал по этому поводу Леонид Карум: "Оказалось, что Михаил был морфинистом, и иногда ночью после укола, который он делал себе сам, ему становилось плохо, он умирал. К утру он выздоравливал, но чувствовал себя до вечера плохо. Но после обеда у него был прием и жизнь восстанавливалась.

Иногда же ночью его давили кошмары. Он вскакивал с постели и гнался за призраками. Может быть, отсюда и стал в своих произведениях смешивать реальную жизнь с фантастикой" (цитируется по публикации С. Ноженко в сборнике "Записки юного врача").

Тема морфия в "Белой гвардии" в скрытой форме присутствует во многих эпизодах, связанных с Алексеем Турбиным и его отношениях с родственниками. Эта тема в романе завуалирована ранением, болезнью, возможной смертью и даже влиянием политических событий. Первое же внешнее описание Алексея Турбина косвенно свидетельствует о его болезненном состоянии: "…бритый, светловолосый, постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года, во френче с громадными карманами, в синих рейтузах и мягких ночных туфлях, в любимой позе — в кресле с ногами". В последующем эта тема полностью раскрывается в истории с ранением и последующей болезнью Алексея Турбина, которая чуть не свела его в могилу в "Белой гвардии" и свела в "Днях Турбиных". Тема смерти Турбина, по нашему глубокому впечатлению, относится не к созданию образа Алексея, а к замыслу Михаила Афанасьевича изобразить трагическую гибель личности, являющейся носителем идей монархизма и российского консерватизма. В пьесе через смерть Турбина Булгаков показывает гибель в бывшей Российской империи самой идеи восстановления старого мира, крушение мировоззрения многих представителей русской интеллигенции, в том числе — и самого писателя.

Борьба со смертью и излечение от последствий ранения Алексея Турбина по хронологии событий (конец декабря 1918 года) вполне сопоставимы с попыткой избавиться от пристрастия к наркотикам у самого Михаила Булгакова. Как будущий писатель "соскочил с иглы", и что ему пришлось перенести в связи

с этим, мы не знаем. Но понятно то, что в условиях того времени, как, собственно, и сейчас, просто взять и отказаться от наркотиков физически необычайно сложно. Потому-то муки Алексея Турбина вполне могут быть сопоставимы с состоянием самого Михаила Афанасьевича. По воспоминаниям Татьяны Лаппа, публиковавшимся в упомянутом сборнике "Записки юного врача", следует, что Михаил Булгаков избавился от пристрастия наркотикам без особых проблем. Однако это едва ли возможно.

Впрочем, внешние черты Алексея Турбина для автора не являются такими значимыми, как его мысли и взгляды. В романе он изображен носителем определенной идеологии, которая в завуалированной форме взята под пристальное внимание писателя. Алексей Турбин среди героев "Белой гвардии" является единственным, кому писатель поручает произнести громадные монологи политического характера, ему чуть ли не единственному предоставляется право рассуждать о событиях и других людях. Вместе с тем, высказывания и мысли Турбина все время подвергаются сомнению и критике. Фактически, роман ведет Алексей Турбин, над которым судьей стоит писатель, прошедший турбинскими дорогами и знающий цену своему прошлому.

В "Белой гвардии" мы четко видим два "Я". Одно "Я" принадлежит Алексею Турбину, человеку из 1918 года, считающего большевиков мелочью, по сравнению с которой возрождение Российской империи кажется делом ближайшего времени. "Я" писателя из 1922 года, времен советской власти, имевшего возможность наблюдать гибель Белой идеи, отрицает наличие рационализма в его идеях, излагаемых "Я" Турбина. Идеологические "проповеди" и максималистские высказывания резко выделяют Алексея Турбина из среды героев "Белой гвардии". Ни один персонаж романа не остается равнодушным к суждениям Алексея Турбина. Его взгляды наивно-нарочиты и сентиментально-помпезны, что вполне характерно для интеллигенции Украины 1918 года:

"О, каналья, каналья! Да ведь если бы с апреля месяца он начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву. Поймите, что здесь, в Городе, он набрал бы пятидесятитысячную армию, и какую армию! Отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, все гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дорогою душой. Не только Петлюры бы духу не было в Малороссии, но мы бы Троцкого прихлопнули в Москве, как муху. Самый момент: ведь там, говорят, кошек жрут. Он бы, сукин сын, Россию спас".

К этому монологу Алексея Турбина Михаил Булгаков через

несколько страниц добавляет авторский монолог, который возник, как результат размышлений по прошествии длительного времени после событий на Украине конца 1918 года:

"Дело в том, что Город — Городом, в нем и полиция — варта, и министерство, и даже войско, и газеты различных наименований, а вот что делается кругом, в той настоящей Украине, которая по величине больше Франции, в которой десятки миллионов людей, — этого не знал никто. Не знали, ничего не знали, не только о местах отдаленных, но даже, — смешно сказать, — о деревнях, расположенных в пятидесяти верстах от самого Города. Не знали, но ненавидели всей душой. И когда доходили смутные вести из таинственных областей, которые носят название — деревня, о том, что немцы грабят мужиков и безжалостно карают их, расстреливая из пулеметов, не только ни одного голоса возмущения не раздалось в защиту украинских мужиков, но не раз, под шелковыми абажурами в гостинных, скалились по-волчьи зубы и слышно было бормотание:

— Так им и надо! Так и надо; мало еще! Я бы их еще не так. Вот будут они помнить революцию. Выучат их немцы — своих не хотели, попробуют чужих!

— Ох, как неразумны ваши речи, ох как неразумны.

— Да что вы, Александр Васильевич!.. Ведь это такие мерзавцы. Это же совершенно дикие звери. Ладно. Немцы им покажут".

Таким образом, в сопоставлении этих двух мнений, относящихся к 1918 и к 1922 годам, мы уже видим ту палитру взглядов, которая была присуща Михаилу Булгакову в различные периоды жизни. Апеллирование к "Я" Алексея Турбина на наш взгляд является спором писателя со своими ранними взглядами и попыткой осознать причины, приведшие к их изменению.

Фактически, в романе "Белая гвардия" мы видим зеркало, в котором есть Михаил Булгаков 1918 года, изображенный в роли Алексея Турбина, и писатель 1922 года. Постепенно два различных "Я" Михаил Афанасьевич вел к общему знаменателю, что прослеживается в тексте романа, однако работа эта так и не была завершена. Повествуя о прощании братьев Турбиных с уезжавшим в Германию Сергеем Тальбергом, Михаил Булгаков сделал такую ремарку: "Братья промолчали, стараясь не поднимать бровей. Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка". Вскоре, раздумывая об отношениях с Тальбергом, Алексей Турбин соглашается с писательской характеристикой: "Мерзавец, а я действительно тряпка". Интересным здесь представляется тот факт, что литературный

герой, не посвященный в таинство общения между писателем и читателями "Белой гвардии", соглашается с мнением автора, которое он, как художественный персонаж, знать не может. Самокритичность Алексея Турбина, в большей степени проявившая себя после событий с ранением, дает нам основание считать, что в личности, принадлежавшей обществу погибшей Российской империи, происходит идейная ломка, которая, по логике, должна была привести к признанию Советской Власти: "Бандиты!! Но я… я… интеллигентная мразь, — и тоже неизвестно к чему…"

История с "тряпкой" в творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова имела свое продолжение. Как свидетельствует исследователь Лосев, писатель в последние годы жизни настаивал на снятии из текста романа "Белая гвардия" характеристик с "тряпкой". Этим Михаил Булгаков засвидетельствовал свою прямую причастность к литературному образу Алексея Турбина.

Киевские приключения Алексея Турбина

Многих исследователей-булгаковедов, киевоведов и просто почитателей творчества писателя всегда привлекал описанный в "Белой гвардии" маршрут бегства Алексея Турбина из центра города в направлении Андреевского спуска от петлюровцев, вступивших в Киев днем 14 декабря 1918 года. Этот маршрут пыталась пройти не одна сотня поклонников Булгакова, тем более что пролегает он в историческом районе города. Кажется, с этим бегством все вполне ясно, и многие уже приписали его самому Михаилу Афанасьевичу. Тем не менее, у нас реальность этого бегства вызывает большие сомнения.

Как известно, документальных данных о службе Михаила Булгакова в гетманских войсках мы не имеем. Зная общую историческую картину декабря 1918 года, опираясь на роман "Белая гвардия" и автобиографические записки "Необыкновенные приключения доктора", мы можем с полной уверенностью утверждать, что знаем, где и в какой период служил Михаил Булгаков. Для того чтобы разобраться с этим вопросом, мы для начала должны с исторической точки зрения рассмотреть события романа "Белая гвардия" и участие в них Алексея Турбина. Попробуем определить, о какой воинской части, расположенной в гимназии, повествует писатель в романе "Белая гвардия"? Как следует из романа, Алексей Турбин поступил в мортирный (тяжелый артиллерийский) дивизион, находящийся в 1-й киевской Александровской гимназии. Сразу отметим, что в тяжелом дивизионе по воинским штатам того времени должно было находиться в худшем случае 8 орудий (2 батареи по 4 орудия), а в лучшем — 12 орудий (2 батареи по 6 орудий). В романе же сказано: "Когда Турбин пересек грандиозный плац, четыре мортиры стали в шеренгу, глядя на него пастью. Спешное учение возле мортир закончилось, и в две шеренги стал пестрый новобранный строй дивизиона". То есть, речь идет не о дивизионе, а о неполной 4-орудийной тяжелой артиллерийской батарее.

Существовал ли мортирный дивизион в армии, обороняющей Киев от войск Украинской Народной Республики С. Петлюры? Нет, не существовал. Для полного ответа на этот вопрос

попробуем рассмотреть те артиллерийские части, которые были в наличии у защитников Киева. Всего в армии, поддерживающей в городе гетмана Скоропадского, имелось 42 легких орудия (7 батарей) и одна гаубица. Основу артиллерии Киева составлял так называемый Сердюцкий гарматный полк, созданный летом 1918 года в составе трех батарей по шесть орудий (всего — 18 орудий). Этот полк был расположен в казармах Кадетской рощи, на территории бывшего Николаевского артиллерийского училища (теперь здесь Академия Вооруженных сил Украины). Полком командовал известный военный теоретик и знаток артиллерийского дела полковник Афанасьев. В 20-х числах ноября, с началом боевых действий между гетманцами и петлюровцами под Киевом, весь полк был выведен на позиции под городом. В Кадетской роще остался штаб полка, который по приказу Скоропадского разворачивался в бригаду: формировалась четвертая батарея. Вместе с этой батареей Афанасьев и его штаб 5 декабря так же отбыли на фронт. Таким образом, сердюцкие батареи никак не могут быть артиллерийскими частями, о которых писал Булгаков.

Рассмотрим остальные три артиллерийские батареи, оборонявшие Киев от войск Петлюры. Одна из этих батарей (6 орудий) принадлежала 7-й артиллерийской бригаде полковника Бориса Демьяновича 4-го Киевского кадрового корпуса. Эта бригада в городе располагалась в артиллерийских казармах по адресу Жилянская, 43. Из-за отсутствия орудий в бригаде к началу боевых действий имелась всего одна отдельная батарея полковника Хомутова. В этих же казармах находилась и одна-единственная гаубица 4-й тяжелой артиллерийской бригады. Все упомянутые орудия на протяжении 2124 ноября так же были выведены на фронт. Таким образом, эти артиллерийские части для нас также не представляют интереса.

Существовала одна юнкерско-офицерская батарея (6 орудий), сформированная в течение ноября при 1 — й офицерской добровольческой дружине полковника Святополк-Мирского. Эта батарея долгое время находилась в казармах по адресу Львовская, 18. Командовал батареей полковник Шуневич. В этой батарее служило действительно небольшое количество юнкеров из Киевского Николаевского артиллерийского училища. Ко времени описываемых в "Белой гвардии" событиях батарея давно находилась на фронте под Святошиным. Чинов этой батареи не коснулась участь попасть в плен, и почти все они разбежались.

К окончательному падению гетманской власти в городе оставалась лишь одна артиллерийская батарея так и не сформированного 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона

Киевской офицерской добровольческой дружины генерала Кирпичева. Командовал батареей подполковник П.Н. Мартынов, его помощником был гвардии капитан Спекторский. Последний, в соответствии с приказами, должен был возглавлять 2-ю батарею указанного дивизиона, но за не имением таковой временно замещал вакантную должность в реально существующей батарее. В дивизионе так же планировалось создать 3-ю горно-артиллерийскую батарею подполковника Румянцева и даже две тяжелые батареи, но планам этим не суждено было сбыться. Имеющаяся батарея находилась в резерве командования и располагалась в здании артиллерийского училища на нынешней Соломенской площади, там же, где находилась и сердюцкая артиллерия. С вступлением в Киев войск Директории большая часть военнослужащих этой батареи разбежалась. Те же, кому некуда было бежать, оставались в батарее до вечера, и затем были арестованы. Не смотря на некоторое сходство фамилий командиров батареи с фамилиями, приведенными в "Белой гвардии", мы твердо убеждены, что эта батарея так же не могла быть местом службы Михаила Афанасьевича — слишком далеко от его дома она находилась. Следовательно, доехать до нее на извозчике в течение пятнадцати минут, как свидетельствует Татьяна Лаппа, он физически не мог.

По городу было разбросано еще несколько пушек: три или четыре в Васильковских укреплениях на Печерске; одна на Банковской улице, возле штаба генерала Долгорукова; одна рядом с генерал-губернаторским дворцом, где находился гетман Скоропадский. Естественно, что и эти орудия так же не имели никакого отношения к мортирному дивизиону, описанному Булгаковым.

Последнее, на что мы хотели бы обратить внимание в деле о пушках, это то, что во дворе Александровской гимназии на самом деле в то время никаких артиллерийских частей не находилось. Не обнаружили в гимназии ничего похожего на артиллерию и вступившие 14 декабря 1918 года украинские подразделения. Таким образом, мы можем утверждать, что в гимназии действительно располагалось воинские подразделение, в котором вполне мог служить сам Михаил Булгаков, но это была не артиллерийская часть, тем более, не мортирный дивизион.

Кто служил в дивизионе из "Белой гвардии"? Как видно из романа — юнкера и студенты; от себя должны заметить, что это были достаточно странные юнкера и студенты. Почему? Мы попробуем объяснить, и начнем со студентов. На вопрос командира дивизиона: "Ну, как?", его помощник ответил: "Драться будут, но полная неопытность. На сто двадцать юнкеров

восемьдесят студентов, не умеющих держать в руках винтовку". Тут стоит добавить, что писатель, по всей видимости, несколько запутался в цифрах, поскольку уже на следующей странице командир дивизиона заявил: "Ну, так вот-с, — Малышев очень понизил голос, — понятно, что мне не хочется остаться в этом каменном мешке на подозрительную ночь и, чего доброго, угробить двести ребят, из которых сто двадцать даже не умеют стрелять!".

В любом случае, речь идет о том, что около половины личного состава дивизиона не умело стрелять даже из винтовок. Это кажется очень странным, поскольку вряд ли людей, абсолютно не знакомых даже со стрелковым оружием, могли направить (или оставить) в артиллерию, да еще к тяжелым орудиям, где нужен очень большой военный опыт!

Сами по себе студенты нам кажутся тоже весьма странными. Дело в том, что при гетмане Скоропадском, в 1918 году, преимущества при поступлении или продолжении учебы в высших учебных заведениях предоставлялись в первую очередь бывшим военным, вернувшимся с фронтов Первой мировой войны. Недоучившиеся студенты, ставшие офицерами, бывшие гимназисты, закончившие школы прапорщиков, вольноопределяющиеся и унтер-офицеры — все пошли в институты и университеты. Гетман Скоропадский запретил принимать в свою армию так называемых офицеров военного времени, а таких с войны оставалось подавляющее большинство и на фоне безработицы им ничего не оставалось, как идти учиться. Именно поэтому украинское студенчество 1918 года на три четверти состояло из бывших военных, прошедших войну. Естественно, что студенты образца 1918 года поголовно умели стрелять, что входит в противоречие с утверждением командира дивизиона о том, что его студенты не умеют стрелять.

Еще одна странность заключается в том, что писатель при описании личного состава дивизиона несколько раз упомянул синие студенческие фуражки. Дело в том, что синие фуражки, как неотъемлемый атрибут формы каждого студента, в 1918 году не были в употреблении. Студенты 1918 года в подавляющем большинстве донашивали военную форму, и министерство просвещения Скоропадского из экономии отменило обязательное ношение студенческой формы. Таким образом, синие фуражки студентов дивизиона так же являются весьма сомнительными.

А могли ли вообще служить студенты в булгаковском мортирном дивизионе, если таковой бы реально существовал в декабре 1918 года? Уверенны, что нет. В то время в городе имелось четыре крупных высших учебных заведения: Киевский

университет Святого Владимира, Украинский университет (в помещениях теперешней Академии Вооруженных сил Украины), Коммерческий институт (теперь — Государственный педагогический университет имени Драгоманова) и Политехнический институт.

Еще в конце октября в Києєє для охраны города стала формироваться так называемая Киевская офицерская добровольческая дружина генерала Кирпичева. Инициаторами создания этой дружины были бывшие офицеры, обучающиеся в Киевском университете Святого Владимира. На призыв поступать в дружину откликнулось подавляющее большинство студентов университета из бывших военных. Университет опустел настолько, что на некоторое время был закрыт. Это вызвало беспорядки 14 ноября 1918 года, спровоцированные социалистически настроенными студентами из штатских. Университет пришлось закрыть надолго, и он фактически не функционировал до прихода в Киев войск УНР. Все лучшие и убежденные студенты из военных ушли в добровольческие части еще в конце октября — начале ноября, а прочие из штатских под благовидным предлогом закрытия университета скрылись. Таким образом, Киевский университет для частей, формирующихся в конце ноября — начале декабря (а к таковым нужно отнести дивизион из романа, находящийся не на фронте, а в Киеве) уже ничего дать не мог. Примеру студентов университета последовали и многие студенты-офицеры Политехнического института.

12 ноября 1918 года Советом Министров гетмана Скоропадского была объявлена тотальная мобилизация офицеров до 30 лет. В соответствии с этой мобилизацией практически все студенты-офицеры, не ушедшие в части добровольно, забирались принудительно. По вопросу мобилизации 13 ноября в Коммерческом институте состоялась сходка студентов-офицеров различных вузов, которая вынесла оригинальную резолюцию, опубликованную в киевских газетах, процитировать которую стоит полностью:

"1. Ходатайствовать о призыве совместно со студентами-военнослужащими так же всех остальных студентов и вольнослушателей всех курсов институтов, способных носить оружие, и о прекращении занятий, приеме и зачислений в институт впредь до демобилизации.

2. Считать всех призываемых и ушедших добровольно на борьбу с анархией выбывшими из института без взноса платы.

3. Ввиду того, что в законе о призыве офицеров цель призыва указана слишком неопределенно, студенты-офицеры, стоя на

страже общегосударственных интересов и завоеваний свободы и выражая полную готовность бороться в рядах всех сознательных слоев общества с хулиганством, просят о более определенных со стороны правительства указаниях и целях приема.

4. Признать необходимость правительства призвать всех собственников-хлеборобов, а так же все слои крупных буржуазных классов, способных носить оружие, и отправить их в первую линию фронта для защиты их же интересов.

5. Войти в контакт с остальными комиссиями высших учебных заведений города Киева для согласования действий".

Интересно, что Военное министерство с радостью откликнулось на пожелания студентов-офицеров, заявив, что "со стороны военного ведомства не может быть вообще никаких препятствий против увеличения категории призыва, потому что чем больше будет призвано, тем больше обеспечится порядок". В результате, через несколько дней прочие студенты так же были призваны в армию на правах юнкеров и вольноопределяющихся 1 — го и 2-го разрядов.

Студенты Коммерческого института создали свой собственный "Летучий студенческий добровольческий отряд", который сначала под руководством поручика Щелковича, а затем штабс-капитана Шиманского формировался в середине ноября по адресу: Владимирская, 47, а в конце того же месяца перешел в здание института. Этот отряд в начале декабря отбыл на фронт на пополнение других частей. Таким образом, студенты Коммерческого института так же не могли входить в состав мортирного дивизиона Михаила Булгакова.

Еще проще обстояло дело с Украинским университетом. Подавляющее большинство его студентов симпатизировало Украинской Народной Республике, а потому пыталось уклониться даже от обязательного призыва, отказ от которого грозил расстрелом.

Студентами-военнослужащими Политехнического института в первые же дни боев были укомплектованы практически все воинские части, защищавшие Киев. Дело в том, что институт располагался возле ряда казарм, начальники которых, естественно, воспользовались случаем, и без разбора забрали к себе всех студентов.

Таким образом, мортирный дивизион "Белой гвардии", если бы таковой реально существовал, не мог получить поддержки со стороны студенчества.

Перейдем ко второй части личного состава мортирного дивизиона "Белой гвардии". Здесь интересно будет вспомнить речь командира дивизиона перед роковой ночью на 14 ноября

1918 года: "Бесподобно… Артиллеристы! Слов тратить не буду, говорить не умею, потому что на митингах не выступал, и потому скажу коротко. Будем мы бить Петлюру, сукина сына, и, будьте покойны, побьем. Среди вас владимировцы, константиновцы, алексеевцы, орлы их ни разу еще не видали от них сраму".

Итак, в выступлении командир дивизиона упомянул константиновцев и алексеевцев, — именно так называли юнкеров, воспитанников 1 — го Киевского Константиновского пехотного и Алексеевского инженерного училищ. Юнкера- алексеевцы вполне могли служить в дивизионе, впрочем, с одной оговоркой. Военные училища не функционировали с конца 1917 года. Многие юнкера из алексеевцев, не пожелавшие вступить в украинскую армию Центральной Рады или отправиться в Добровольческую белогвардейскую армию, были выдворены из училищ и взялись за штатские ремесла. Среди них, кстати, был и воспитанник Алексеевского инженерного училища Николай Булгаков. Константиновцы ушли на Дон в полном составе, а потому в Киеве в конце 1918 года их физически не могло быть.

В ноябре-декабре 1918 года многие бывшие юнкера, в основном из николаевцев, ни разу не упомянутых в романе, поступили в добровольческие части, оборонявшие Киев от войск УН Р. Однако единой воинской части из них создать не удалось. Юнкера были вкраплены в различные подразделения, и, в отличие от мортирного дивизиона Михаила Булгакова, не выделялись на общем фоне.

Много раз упомянув в романе алексеевцев и константиновцев, писатель словом не обмолвился о воспитанниках Николаевского артиллерийского училища, которое тоже находилось в Киеве. Ведь по логике, в мортирном дивизионе должны были служить не алексеевцы-инженеры и константиновцы- пехотинцы, а николаевцы-артиллеристы. О существовании училища Михаил Булгаков знал. В романе "Белая гвардия" есть даже соответствующая фраза: "В Городе к началу революции оставалось четыре юнкерских училища — инженерное, артиллерийское и два пехотных". Почему же тогда писатель не вспомнил о юнкерах-артиллеристах?

Теперь попробуем выяснить, что Михаил Булгаков имел в виду, говоря о "владимировцах"? В Петрограде до ноября 1917 года действительно существовало Владимирское пехотное училище, юнкера которого именовались "владимировцами". Однако мы очень сомневаемся, что писатель знал о существовании такого училища. Если же он и знал о нем, то он должен был знать и то, что владимировские юнкера закончили крайне скверно: во время Юнкерского мятежа в Петрограде в

ноябре 1917 года они были почти все перебиты большевиками. Немногие уцелевшие владимировцы пробрались в Добровольческую армию, в составе которой жесточайше мстили за своих товарищей. Этих владимировцев в Киеве не могло быть.

Впрочем, существовали еще одни владимировцы — воспитанники Киевского кадетского Святого Владимира корпуса. В этом корпусе до 18-и лет учились подростки в основном из военных семей. После окончания корпуса молодые люди поступали в военные училища. Киевский кадетский корпус, в отличие от военных училищ, существовал и в 1918 году, при гетмане Скоропадском. Соответственно, владимировцы-кадеты, в отличие от 19-20- летних юнкеров, вполне могли служить в мортирном дивизионе.

Попробуем разобраться, в какой промежуток времени существовал предполагаемый мортирный дивизион. Как видно из текста, он еще ни разу не участвовал в боях, следовательно, был создан в канун крушения антипетлюровского фронта и не успел выйти на фронт. Мы уже анализировали хронологические рамки основной части романа и реальные события, а потому возвращаться к этому не будем. Напомним лишь, что борьба с Петлюрой у Михаила Булгакова уместилась в три дня, в то время как она шла под Киевом с 21 ноября по 14 декабря. Писатель за основу взял три самых запоминающихся дня из жизни города, на которых и построил хронологические рамки своего романа: 1-й день — 21 ноября (начало артиллерийского обстрела), 2-й день — 27 ноября (похороны погибших под Киевом офицеров), 3-й день -14 ноября (крушение гетманской власти, вступление в город войск УНР). Офицерские гробы похоронной процессии, смутившие в "Белой гвардии" студентов, несколько раз упоминаются в тексте, и можно подумать, что Алексей Турбин поступил в дивизион действительно 27 ноября. Однако это представляется весьма сомнительным. Дело в том, что дивизиону никто не дал бы находиться в городе до 14 декабря. Если бы дивизион действительно существовал хотя бы с 27 ноября, то в первых же числах декабря обязательно был бы отправлен на фронт. Скорее всего, в случае с поступлением на службу Алексея Турбина речь идет все же не о дне похорон (27 ноября), а о предпоследнем дне обороны Киева (13 декабря). Таким образом, воинская часть, располагавшаяся в Александровской гимназии, возникла и существовала приблизительно в последние дни правления гетманской власти.

Итак, что мы в результате знаем про описанный Михаилом Булгаковым мортирный дивизион?

1. Личный состав дивизиона приблизительно на половину

был укомплектован из молодых людей, одетых в синюю ученическую форму и абсолютно не умевших обращаться даже с огнестрельным оружием. Кто это мог быть? В 1918 году синюю форму продолжали носить только гимназисты. К тому же, именно они могли действительно не уметь стрелять, поскольку по молодости лет не принимали участия в боевых действиях Первой мировой войны. Мы считаем, что упомянутыми писателем студентами были на самом деле гимназисты.

2. Не оставляет сомнений, что в предполагаемом дивизионе в большом количестве могли служить только кадеты-владимировцы Киевского кадетского корпуса.

3. Дивизион "Белой гвардии" был создан в последние дни существования на Украине гетманской власти.

Наконец, мы не подвергаем сомнению место расположения предполагаемого дивизиона — здание 1 — й киевской Александровской гимназии.

Теперь у нас есть достаточное количество фактов, чтобы установить, какую именно воинскую часть описал Михаил Булгаков, и, возможно, служил в ней.

Раскроем наши карты: в городе Киеве в декабре 1918 года формировалась только одна часть (все остальные уже давно были на фронте) — дружина бойскаутов. Эта дружина создавалась из гимназистов и кадетов киевских средних учебных заведений и формировалась именно в здании 1 — й гимназии. В этом здании за всю его историю больше не располагалось ни одного воинского подразделения, не говоря уже о том, что в декабре 1918 года кроме бойскаутов там просто никого быть не могло. Добавим, что одним из руководителей созданной дружины был молодой подполковник Алексей Федорович Малышев… да, именно тот, о котором идет речь в романе "Белая гвардия". Но, расскажем обо всем по порядку.

К началу декабря 1918 года в штабе Главнокомандующего вооруженными силами генерала князя Долгорукова, оборонявшего Киев от Петлюры, стало понятно, что войск осталось крайне мало. Формировать в городе новые части не было смысла за отсутствием желающих в них служить. Вместе с тем, многие воспитанники киевских гимназий и кадетского корпуса давно изъявляли желание поступить в офицерские добровольческие части. Под благовидным предлогом слишком нежного возраста, еще в ноябре юношам было отказано в поступлении на службу в офицерские части. Тем не менее, вскоре генерал Долгоруков был вынужден изменить свое решение.

Идею создания части, состоящей из подростков,

Главнокомандующему подсказал известный киевский общественный деятель, медик Е.Ф. Гарнич-Гарницкий.

Евгений Федорович Гарнич- Гарницкий в молодости был известным спортсменом-атлетом. С годами, оставив спорт и серьезно занявшись медициной, Гарнич- Гарницкий на общественном уровне продолжал пропагандировать здоровый образ жизни. Как бывший профессиональный спортсмен, еще во времена Российской империи Евгений Федорович входил в состав Олимпийского комитета. Непосредственно в Киеве он занимался физическим

воспитанием молодежи, создал достаточно массовую организацию бойскаутов из гимназистов. Костяк этой организации составляли гимназисты 1-й Киевской Александровской гимназии. 29 ноября 1918 года, по приказу генерала Долгорукова, Е.Ф. Гарнич-Гарницкий взялся за создание на базе своей организации дружины бойскаутов. В распоряжение Гарнич-Гарницкого была передана часть здания Педагогического музея, где находился штаб формирования. Сама дружина от начала находилась в 1-й Киевской гимназии, поскольку гимназия располагалась в центре города, рядом со штабом, к тому же, многие служащие дружины были гимназистами-александровцами.

В ряде газет с началом формирования дружины появились сообщения такого рода: "С разрешения Главнокомандующего формируется добровольческая дружина учащихся (бойскауты), для несения охраны и выполнения тыловых работ внутри города из учеников двух старших классов средних учебных заведений, вполне здоровых, не моложе 16 лет. Ученики моложе 17 лет с разрешения родителей, 17 и старше — без разрешения родителей. Все желающие принимаются как добровольцы и получают вооружение, обмундирование и довольствие от казны. Прием производится ежедневно от 11 до 4 ч. в Педагогическом музее, Б. Владимирская ул".

Для осуществления руководства подразделениями дружины, генерал Долгоруков распорядился направить в помощь Гарнич-Гарницкому нескольких офицеров-специалистов узкого военного профиля, отправлять которых в окопы не было смысла. В частности, дружина получила в свое распоряжение офицеров-летчиков, знания которых на фронте за отсутствием самолетов были не востребованы. Старшим по званию из них был упомянутый

подполковник А.Ф. Малышев. Все офицеры-летчики носили на погонах специальный знак — перекрещенные пропеллер с крылышками, очень похожие на знак артиллеристов — перекрещенные пушки. Кстати говоря, во время существования Советской армии оба знака — "пушки" и "крылышки" — так же оставались, и порой достаточно сложно было различить, где летчик, а где — артиллерист.

Мы уверенны что именно "крылышки" на погонах офицеров дружины и их сходство с "пушками", подсказали Михаилу Булгакову идею описать не дружину бойскаутов, а мортирный артиллерийский дивизион.

Достаточно любопытной нам представляется личность военного летчика подполковника Алексея Федоровича Малышева.

Для романа "Белая гвардия" этот человек уникален еще и потому, что писатель ему единственному сохранил настоящую фамилию. При первом же знакомстве читателя с Малышевым Михаил Булгаков уточнил, что: "Господин полковник держал в руке перо и был на самом деле не полковником, а подполковником в широких золотых погонах, с двумя просветами и тремя звездами, и со скрещенными золотыми пушечками". Далее писатель дал достаточно точное описание А. Ф. Малышева: "Господин полковник был немногим старше Турбина — было ему лет тридцать, самое большее тридцать два. Его лицо, выкормленное и гладко выбритое, украшалось черными, подстриженными по-американски усиками. В высшей степени живые и смышленые глаза смотрели явно устало, но внимательно".

Алексею Федоровичу на самом деле было 32 года (он родился 16 декабря 1885 г.), был выходцем из военной семьи, а потому учился и в Астрахани и Санкт-Петербурге. Алексей Малышев имел военно-техническое образование, служил в 10-м саперном батальоне Варшавского военного округа. Аматорски увлекался авиационным спортом, а после окончания в 1911 году авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы, был переведен в Брест-Литовский воздухоплавательный батальон. По своей натуре Алексей Федорович был человеком энергичным, стремился получить в свое безграничное распоряжение мощный самолет. Благодаря этому он освоил такие популярные в то время модели самолетов, как "Фарман" и "Ньюпор", стал добиваться перевода в чисто авиационную часть. Лишь перед самой войной желание Малышева было удовлетворено, и он попал на службу в 3-ю киевскую авиационную роту. В Киеве молодой офицер поселился окончательно, и жил на улице Резницкой, 9. В то время на его плечах были погоны всего лишь поручика. Во время боевых действий на фронте Малышев достаточно быстро дослужился до звания подполковника. Для летчиков это было намного проще, нежели для офицеров других родов войск. В авиации, по сравнению с той же пехотой были сравнительно небольшие потери, летчиков берегли, а звания давали наравне со всеми. Потому-то для довоенного кадрового поручика было вполне нормально в 1918 году носить погоны подполковника. А из довоенных поручиков к тому времени уцелели немногие, и Малышев, как летчик, был среди них.

Алексей Федорович вместе с другими офицерами-летчиками еще в начале ноября 1914 года вступил в добровольческие офицерские дружины. Некоторые из летчиков к началу ноября успели погибнуть. В частности, в бою под Мотовиловкой, который состоялся 17 ноября 1918 года, полегла группа офицеров-

летчиков 1-й офицерской дружины полковника Святополк-Мирского. На поле боя остался известный киевский авиатор штабс-капитан Василий Антонович Антропов и некоторые другие пилоты. Естественно, что после этих событий офицеры "экстравагантных" военных профессий были переведены на штабную работу, а в начале декабря отправлены в распоряжение Е.Ф. Гарнич-Гарницкого и его бойскаутов.

В связи с формированием дружины бойскаутов не обошлось и без печальных сравнений. Кто-то из журналистов вспомнил, что во время 1-й украинско-большевистской войны (декабрь 1917 — март 1918) уже формировалась одна дружина из студентов и гимназистов якобы для охраны города. Что из этого вышло, киевляне хорошо знали: 29 января 1918 года дружина была брошена в бой против большевиков под станцию Круты, где большая ее часть погибла. Этот аргумент против формирования дружины бойскаутов был достаточно веским, но генерал Долгоруков клялся и божился, что гимназисты в боевых действиях участия принимать не будут. Забегая вперед скажем, что своего слова по отношению к бойскаутам Долгоруков не сдержал, как, впрочем, не сдержал слова, данного им киевлянам "не оставлять города" и офицерам "умереть в рядах вверенных войск".

Первые же дни существования дружины дали положительные результаты. Многие патриотические газеты с восторгом писали о юных защитниках города. "Киевская Мысль" 4 декабря 1918 года в номере 231 поместила обширную по тем временам статью, посвященную бойскаутам:

"Организация добровольческих дружин учащихся.

Известный циркуляр министра народного просвещения В.П. Науменко о досрочном освобождении от занятий учащихся двух старших классов средних учебных заведений города Киева и о разрешении им при желании записываться в отряды бой-скаутов с целью поддержания порядка в городе, вызвал большое оживление среди учащихся. В Педагогическом музее на Владимирской улице в настоящее время идет усиленная запись этих добровольцев, для сформирования из них затем особых отрядов по охране города и несения ими караульной службы на телефоне, телеграфе, в разных правительственных учреждениях и т. п. Этим, как предполагается, будет достигнута возможность освобождения от караульной службы кадровых офицеров и рядовых и усиление тем за их счет рядов добровольческих дружин. От записывающихся гимназистов, реалистов, коммерсантов требуется собственноручное заполнение особого контрольного листа. Во главе всей этой организации стал доктор Е.Ф. Гарнич-Гарницкий.

Давно уже существующая в Киеве его организация бойскаутов из учащихся преимущественно средних учебных заведений, явилась ядром новой организации, и ныне вливается в последнюю как ее основная часть. Педагогический музей с развивающимся теперь над ним русским национальным флагом сейчас центр и добровольцев учащихся и добровольческих дружин, наконец, еще военно-общественного совета по снабжению армии. Служба учащихся в дружине является платной. Выплачивается 150 рублей в месяц и 10 рублей суточных при несении караула. Дружинникам, кроме того, выдается верхняя одежда и оружие.

Вчера предстояла перевозка в городе транспорта казенного спирта. Ввиду некоторых соображений, на военно-общественном совете решено было отстранить от охраны спирта при перевозке обычную стражу. Дело доверено дружине из учащихся".

Таким образом, несение караулов возле почты, телеграфа, правительственных учреждений (гетманского дворца) и даже такое "архиважное" дело, как охрана перевозки спирта, было уделом новой военизированной организации.

Приток добровольцев в дружину был колоссальный. Уже 6 декабря Е.Ф. Гарнич-Гарницкий вынужден был дать объявление в утреннем выпуске "Голоса Киева", о том, что в 17 часов вечера 6 декабря "ввиду полного набора нужного количества учащихся запись в дружину прекращается".

Сколько людей насчитывалось в дружине бойскаутов? На этот вопрос сейчас ответить сложно, но думаем, что формировалась она по штатам 1-й офицерской дружины, а потому имела в своем составе три отдела по 120 гимназистов. Четвертый отдел от начала предусматривалось создать из воспитанников Киевского кадетского корпуса. Один из этих отделов, сформированный исключительно из питомцев Александровской гимназии, был оставлен в самом здании гимназии. Кстати говоря, 120 студентов из "Белой гвардии", не умеющих стрелять, являются на самом деле одним из отделов дружины бойскаутов, состоящим из 120 гимназистов-александровцев. Остальные три отдела некоторое время были разбросаны по всему городу.

Гимназисты Гарнич-Гарницкого действительно не умели обращаться с оружием. Изменить положение не могли и офицеры дружины, а потому генерал Долгоруков принял решение о пополнении трех отделов дружины кадетами-владимировцами, обучавшимися владению оружием с раннего детства Они должны были составить четвертый отдел. В архиве Киевского кадетского корпуса сохранился соответствующий приказ Главного учебного управления Военного министерства ч. 209 от 7 декабря 1918 года (перевод с украинского):

"По распоряжению Главнокомандующего в г. Киеве должна быть сформирована дружина бойскаутов из учеников 7 и 8 классов средних учебных заведений, не младше 16 лет, чтобы дать законный выход патриотическим чувствам молодежи, которая, не смотря на запрет, все же вступает в армию. Назначение дружины — охрана и тыловые работы в г. Киеве, что даст возможность боевой элемент выслать на позицию. Ученики младше 17 лет могут вступить в дружину только с разрешения родителей, а 17-ти и больше лет — без разрешения.

Для исполнения этого, в соответствии с распоряжением п. Военного министра, приказываю Директору Владимирского корпуса сформировать из желающих кадетов 7-го класса роту бойскаутов на выше упомянутых основаниях, назначив в командный состав роты одного из командиров рот и воспитателей. Сформированную роту по отдельному моему приказу направить в распоряжение Начальника Инструкторской школы старшин, которому подготовить для роты помещения, теплую одежду и т. д. и, когда все будет готово, мне доложить.

Начальнику Инструкторской школы старшин роту бойскаутов Владимирского корпуса использовать исключительно для тыловой службы домовой охраны зданий в районе школы и для связи с боевой частью школы на позиции.

Основание: приказ Военного министра от 29.11.1918 г.

Подписал: начальник Главного учебного управления генерал Протазанов"

Начальник Киевского кадетского корпуса генерал-лейтенант Евгений Евстафиевич Семашкевиевич и его воспитанники, как люди военные, восприняли этот приказ обязательным для всех кадет 16–18 лет. Потому уже 9 декабря рота Киевского Владимирского корпуса, состоящая из 240 кадет, прибыла в распоряжение генерала Долгорукова. Последний решил не создавать из них отдельной части, а распределить по уже имеющимся трем отделам дружины бойскаутов. Так, каждый отдел на 120 гимназистов не умеющих стрелять, получил по 80 кадет, стреляющих превосходно. К тому времени один отдел дружины находился в Дарнице, другой — в здании Алексеевского инженерного училища, где располагалась Инструкторская школа старшин (теперь здесь находится Военный лицей), а третий — в 1-й Киевской Александровской гимназии. Всего в дружине имелось 600 человек: 360 гимназистов и 240 кадет.

Как попал в дружину бойскаутов сам Алексей Турбин? Пришел записаться добровольцем в магазин мадам Анжу. Должны сразу же отметить, что в том месте, где находился булгаковский магазин мадам Анжу, на самом деле существовал магазин мадам

Ольги, в котором, впрочем, никогда не было никаких пунктов записей.

Откуда знал о существовании дружины Михаил Афанасьевич Булгаков? Попробуем ответить и на этот вопрос.

В декабре 1918 года Михаил Булгаков, как врач, имеющий военную практику, на самом деле был мобилизован в армию, и попал в дружину бойскаутов скорее всего по распределению. Кстати говоря, тотальная мобилизация в Киеве проходила 9, 10 и 11 декабря 1918 года. Под угрозой расстрела в участковые отделения державной варты должны были явиться все лица 20-30-летнего возраста, которые после прохождения медицинской комиссии направлялись в воинские части. Подольский участок державной варты, куда, скорее всего, явился Михаил Булгаков, находился в Воскресенском переулке, д. 3. Могли уклониться М. Булгаков от призыва? Конечно, мог, но это грозило расстрелом, а будущий писатель был по характеру человеком не особенно рискованным. Максимум, что мог бы сделать Булгаков, это прийти в державную варту 11 декабря. Скорее всего, он так и поступил. Таким образом, явившись 11 декабря на участок, он мог пройти комиссию и получить назначение только на протяжении 11–12 числа, а в часть попасть только 13 декабря. Даже проявив несколько неуместную сознательность и придя на комиссию в первый же день мобилизации, 9 декабря, все равно Михаил Булгаков не попал бы в воинские части ранее 12 декабря.

Как попал будущий писатель в дружину бойскаутов, нам до конца выяснить не удалось. Тем не менее, можно выдвинуть достаточно обоснованную версию о том, что кто-нибудь из знакомых семьи Булгаковых (тот же доктор Воскресенский) лично знал доктора Е.Ф. Гарнич-Гарницкого, который и взял к себе в дружину Михаила Булгакова.

Как следует из романа "Белая гвардия", Алексей Турбин попал в мортирный дивизион, расположенный в 1-й Киевской Александровской гимназии, в один из последних дней обороны Киева от войск С. Петлюры (скорее всего, 13 декабря). В любом случае, 13 декабря он был отпущен подполковником Малышевым домой:

"— Вы, доктор, можете отправляться домой. И фельдшеров отпустите. И таким образом: фельдшера пусть явятся сюда завтра в семь часов утра, вместе с остальными… А вы… (Малышев подумал, прищурился.) Вас попрошу прибыть сюда завтра в два часа дня. До тех пор вы свободны. (Малышев опять подумал.) И вот что-с: погоны можете пока не надевать. (Малышев помялся.) В наши планы не входит особенно привлекать к себе внимание. Одним словом, завтра прошу в два часа сюда".

Теперь перейдем к событиям 14 декабря 1918 года. В 12.30 дня украинские части по всему фронту начали наступление против войск Скоропадского и Долгорукова, оборонявших Киев. Офицерские отряды, добровольцы и мобилизованные массами бросали позиции и шли в город. За ними по пятам двигалась петлюровская пехота, которая в бой не вступала. Все добровольческие части шли к Педагогическому музею, где собирались капитулировать. В 15.30 здания музея и 1-й Киевской Александровской гимназии достигли части 1-й Днепровской дивизии войск УНР, и защитники Киева капитулировали. Среди них практически не оказалось бойскаутов из отдела, который еще вечером 13-го декабря находился в здании Александровской гимназии. Этот отдел рано утром 14-го декабря был действительно распущен офицерами по домам. К сожалению, мы не знаем подробностей ликвидации этого отдела, но считаем, что Михаил Булгаков вполне правдоподобно изобразил в "Белой гвардии" его роспуск подполковником Малышевым:

"— Кого желаете защищать, я спрашиваю? — грозно повторил полковник.

Мышлаевский с искрами огромного и теплого интереса выдвинулся из группы, козырнул и молвил:

— Гетмана обязаны защищать, господин полковник. — Отлично-с. Дивизион, смирно! — вдруг рявкнул он так, что дивизион инстинктивно дрогнул. — Слушать!! Гетман сегодня около четырех часов утра, позорно бросив нас всех на произвол судьбы, бежал! Бежал как последняя каналья и трус! Сегодня же, через час после гетмана, бежал туда же, куда и гетман, то есть в германский поезд, командующий нашей армией генерал от кавалерии Белоруков. Не позже чем через несколько часов мы будем свидетелями катастрофы, когда обманутые и втянутые в авантюру люди вроде вас будут перебиты, как собаки. Слушайте: у Петлюры на подступах к городу свыше чем стотысячная армия, и завтрашний день… да что я говорю, не завтрашний, а сегодняшний, — полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом, — разрозненные, разбитые части несчастных офицеров и юнкеров, брошенные штабными мерзавцами и этими двумя прохвостами, которых следовало бы повесить, встретятся с прекрасно вооруженными и превышающими их в двадцать раз численностью войсками Петлюры… Слушайте, дети мои! — вдруг сорвавшимся голосом крикнул полковник Малышев, по возрасту годившийся никак не в отцы, а лишь в старшие братья всем стоящим под штыками. — Слушайте! Я. кадровый офицер, вынесший войну с германцами, чему свидетель штабс-капитан Студзинский, на свою совесть беру

и ответственность все!… все! Вас предупреждаю! Вас посылаю домой!! Понятно? — прокричал он.

Да… а… га, — ответила масса, и штыки ее закачались и затем громко и судорожно заплакал во второй шеренге какой-то юнкер".

Так ли это происходило или нет, говорил ли Малышев речь, или он вообще не появлялся в отделе, остается загадкой. Единственное, что известно доподлинно, это то, что утром 14 декабря отдел дружины бойскаутов, находившийся в 1-й Киевской Александровской гимназии, перестал существовать. Приведенные в речи Малышева Михаилом Булгаковым факты несколько неверны: в ночь с 13 на 14 декабря Павел Скоропадский подписал грамоту об отречении, о которой стало известно лишь утром. О реальном бегстве Скоропадского и Долгорукова мы имеем лишь косвенную информацию, требующую уточнения. В своих воспоминаниях Скоропадский утверждал, что еще днем 14 декабря находился в Киеве. По некоторым данным Долгоруков так же какое-то время оставался на своем посту, и лишь после того, как украинские войска вошли в Киев, укрылся от них в одной из немецких частей.

Днем 14 декабря Михаил Булгаков вышел из дома и направился по Андреевскому спуску на Владимирскую улицу. Во сколько именно часов это было? Как следует из текста "Белой гвардии", литературный герой Алексей Турбин спал до двух часов дня (вернее, до без десяти двух), затем проснулся, "словно водой облитый", оделся, взял оружие и успел перемолвиться со своей сестрой. К началу трех часов А. Турбин оказался на углу Андреевского спуска и Владимирской улицы, за "чудовищную" сумму взял извозчика и поехал к Педагогическому музею. В тот день Владимирская улица была запружена повозками интендантства и отступающими войсками, а потому Алексей Турбин мог добраться к музею не ранее 15.00. Именно здесь в поисках своей исчезнувшей части он и напоролся на подходившие части украинских войск.

На этом моменте стоит остановиться особо, и обратиться к воспоминаниям уже упоминаемого нами писателя Романа Гуля, участника событий, развернувшихся около 15.30–16.00 дня 14 декабря возле Педагогического музея: "В Педагогическом музее скопилось более 2000 человек. Но в комнатах лежат только наиболее усталые. Большинство наполнило большой вестибюль, толпятся у входа, стоят вокруг здания — ждут "конца". Конец авантюры — почти пришел. По городу со всех сторон близится, трещит стрельба. Слышны неясные крики толпы. Мы столпились у здания — ждем последнего акта. Вдруг за углом, совсем близко

толпа закричала громкое: "Слава! Слава!" и затрещали выстрелы. Все около музея вздрогнули, метнулись, большинство кинулось в здание, толкая друг друга. В кучке оставшихся на улице закричали з цепь! в цепь! Захлопали затворами. Но к оставшимся бросились из толпы. "— Господа! что Вы! — бросьте! все равно ведь все кончено! Вы всех погубите!". И через мгновение около музея не было никого, а в вестибюле стоял взволнованный генерал Канцырев, собираясь вступить в переговоры…"

Так в Педагогическом музее около 16.00 произошла капитуляция защитников Киева. В толпе, находившейся около музея, был и Михаил Булгаков, который догадался бежать не в музей, а домой. Юнкер Николай Булгаков, младший брат писателя, оказался менее опрометчивым и попал в музей, где вместе с остальными был пленен петлюровцами.

Теперь попробуем перейти к бегству писателя от бойцов украинских частей. Вот что об этом дне Михаил Булгаков в последующем написал в своих "Необыкновенных приключениях доктора":

"II. Йод спасает жизнь

Вечер… декабря Пятую власть выкинули, а я чуть жизни не лишился… К пяти часам дня все спуталось. Мороз. На восточной окраине пулеметы стрекотали. Это — "ихние". На западной пулеметы — "наши". Бегут какие-то с винтовками. Вообще — вздор. Извозчики едут. Слышу, говорят: новая власть тут…"

"Ваша часть (какая, к черту, она моя!!) на Владимирской". Бегу по Владимирской и ничего не понимаю. Суматоха какая-то. Спрашиваю всех, где "моя" часть… Но все летят, и никто не отвечает. И вдруг вижу — какие-то с красными хвостами на шапках пересекают улицу и кричат:

— Держи его! Держи!

Я оглянулся — кого это?

Оказывается — меня!

Тут только я сообразил, что надо было делать — просто-напросто бежать домой! И я кинулся бежать. Какое счастье, что догадался юркнуть в переулок. А там сад. Забор. Я на забор.

Те кричат:

— Стой!

Но как я ни неопытен во всех этих войнах, я понял инстинктом, что стоять вовсе не следует. И через забор. Вслед: трах! трах! И вот откуда-то злобный взъерошенный белый пес ко мне. Ухватился за шинель, рвет вдребезги. Я свесился с забора. Одной рукой держусь, в другой банка с йодом (200 gr.). Великолепный германский йод. Размышлять некогда. Сзади топот. Погубит меня пес. Размахнулся и ударил его банкой по

голове. Пес окрасился в рыжий цвет, взвыл и исчез. Я через сад. Калитка. Переулок. Тишина. Домой… (…)

… До сих пор не могу отдышаться!

… Ночью стреляли из пушек на юге, но чьи это — не знаю. Безумно йода

жаль".

Итак, перед нами отрывок автобиографической прозы Михаила Булгакова, который мы попробуем проанализировать с исторической точки зрения. Начнем со времени описанного события. М. Булгаков пишет о пулеметах, "стрекотавших" на западном и восточном участках города. Этими пулеметами могут быть только пулеметы графа Келлера, действительно "стрекотавшие" возле городской Думы на Крещатике в 16.00. С западом и востоком определиться намного сложнее, поскольку неизвестно, что для Михаила Булгакова было в городе западом, а что — востоком. Упомянув о том, что было около 5 часов дня, писатель дает нам ясно понять, что было еще светло, поскольку других ассоциаций слово "день" вызывать просто не может.

Но в середине декабря как в 1918 году, так и сейчас, в 16.30 наступали сумерки, а в 17.00 было уже темно, а потому и в данном случае речь идет, скорее всего, о четырех-начале пятого.

Интересными для нас являются и "красные хвосты" на папахах бойцов украинских частей. В составе Осадного корпуса армии УНР, бравшего Киев, действительно была одна воинская часть, носившая красные шлыки ("хвосты") — так называемый 1-й курень Червонных казаков атамана Тихенко, входивший в состав 1-й Днепровской дивизии. Именно эта дивизия, имея в авангарде курень Тихенко, первой вошла в Киев и захватила в плен остатки гетманско- белогвардейских войск, скопившихся в Педагогическом музее. Частей с "красными хвостами" на всю украинскую армию было несколько, и только одна из них — курень Червонных казаков — находилась в Киеве. Именно поэтому такая мелкая подробность, как красные шлыки на папахах, полностью отвечающая исторической действительности, лишний раз убеждает нас в том, что будущий писатель был свидетелем и невольным участником событий, развернувшихся возле Педагогического музея 14 декабря 1918 года около четырех часов дня.

Бегство Булгакова. Пожалуй, мы дошли до самого интересного, и должны остановиться, чтобы сделать некоторые разъяснения. Дело в том, что по нашему глубокому убеждению бегство Николки Турбина и побег от петлюровцев Алексея Турбина, в сущности, являются одним и тем же событием. Почему мы так считаем?

Начнем с Николки Турбина. В последующем мы еще подробно расскажем о печальных похождениях Николая Булгакова и трагической гибели генерала Келлера (во многом — литературного образа полковника Най-Турса), а сейчас остановимся на этих лицах лишь вкратце. Боя, описанного Михаилом Булгаковым в "Белой гвардии", который состоялся в 16.00 на Брест- Литовском шоссе, в котором принимал участие Николай Турбин и погиб Най- Турс, на самом деле не было. В это же время был похожий бой генерала Келлера, но не на Брест-Литовском шоссе, а на Крещатике. В этом бою Николай Булгаков не участвовал, как, впрочем, не принимал участия вообще ни в каких боях 14 декабря 1918 года. Николай Афанасьевич, как военнослужащий дружины генерала Кирпичева, попал в Педагогический музей, из которого смог выбраться раненым в голову осколками стеклянной крыши лишь накануне Нового года. Поэтому, бежать с Брест-Литовского шоссе на Андреевский спуск он никак не мог.

Еще проще обстоит дело с Алексеем Турбиным и Михаилом Булгаковым. Как известно, писатель никогда не имел боевых ранений, не мог он их получить 14 декабря 1918 года. Потому история с ранением является литературным вымыслом. Зачем же она была введена в роман? В то время Михаил Афанасьевич был морфинистом и его состояние к концу декабря 1918 года стало весьма скверным. К чести писателя стоит сказать, что он избавился от пристрастия к наркотикам, но при этом Михаил Булгаков имел со здоровьем ряд осложнений. После бегства от Педагогического музея он почти сразу слег в постель. Поскольку такой факт биографии имел место, писатель решил не обходить его вниманием, а представить, как легкое ранение, повлекшее за собой ряд осложнений, которые во время гражданской войны были почти неизбежны (в частности, самыми распространенными осложнениями были разные формы тифа).

Не исключено, что возле Педагогического музея Михаил Булгаков встретил уже переодетого в штатское подполковника А.Ф. Малышева, который и посоветовал ему бежать. Так или иначе, но Булгаков сорвал узкие военно- медицинские галунные погоны и помчался по маршруту в обход Владимирской улицы: по Фундуклеевской и Театральной, мимо магазина мадам Ольги в сторону Андреевского спуска. Вполне возможно, что он забыл снять с шапки российскую офицерскую кокарду, что и вызвало стрельбу вслед червонных казаков. Как следует из романа, от музея Алексей Турбин беспрепятственно добежал по Театральной до Золотоворотского сквера: "Было ровно четыре часа дня на старинных часах на башне дома напротив. Начало чуть-чуть

темнеть. Улица совершенно пуста. Мрачно оглянулся Турбин, гонимый предчувствием, и двинулся не вверх, а вниз, туда, где громоздились, присыпанные снегом в жидком сквере, Золотые ворота. Один лишь пешеход в черном пальто пробежал навстречу Турбину с испуганным видом и скрылся".

Что было потом? Об этом опять таки повествует писатель в романе: "Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах… Тянет к холодку… к обрыву… И так потянуло к музею. Непременно понадобилось увидеть, хоть издали, что там возле него творится. И, вместо того, чтобы свернуть, Турбин сделал десять лишних шагов и вышел на Владимирскую улицу. Тут сразу тревога крикнула внутри, и очень отчетливо малышевский голос шепнул: "Беги!" Турбин повернул голову вправо и глянул вдаль, к музею. Успел увидать кусок белого бока, насупившиеся купола, какие- то мелькавшие вдали черные фигурки… больше все равно ничего не успел увидеть.

В упор на него, по Прорезной покатой улице, с Крещатика, затянутого далекой морозной дымкой, поднимались, рассыпавшись во всю ширину, серенькие люди в солдатских шинелях. Они были недалеко — шагах в тридцати. Мгновенно стало понятно, что они бегут уже давно и бег их утомил. Вовсе не глазами, а каким-то безотчетным движением сердца Турбин сообразил, что это петлюровцы".

Итак, на углу Прорезной и Владимирской, там, где в соответствии с романом находится конфетница "Маркиза", Михаил Булгаков встретился с подразделениями 1-го Днепровского полка, которые, в отличие от куреня Червонных казаков, не пошли к Педагогическому музею, а проследовали по Бибиковскому бульвару к Крещатику, повернули в сторону Думы, где нарвались на пулеметы графа Келлера. Одна сотня Днепровского полка еще при следовании по Крещатику была направлена вверх по Прорезной к Владимирской улице. Именно ее и увидел писатель. Как следует из романа, Алексей Турбин выскочил с Прорезной и понесся по Владимирской улице в сторону Софийской площади. Когда он очутился возле Малоподвальной (Малопровальной), на Владимирскую со стороны Прорезной выбежали днепровцы, которые и открыли огонь по бежавшему человеку. Турбин юркнул в Малоподвальную и побежал по ней вниз — в сторону Михайловского переулка. Могла ли вообще состояться перестрелка на Малоподвальной улице, в которой был ранен Алексей Турбин и убит один из преследователей? Нет, не могла. Дело в том, что расстояние от угла Прорезной до угла

Малоподвальной улиц, разделявших беглеца и днепровцев

больше, чем расстояние от угла Малоподвальной до угла Михайловского переулка. Следовательно, днепровцы могли появиться на Малоподвальной не раньше, чем писатель успел бы свернуть в Михайловский переулок или в одну из калиток на Малоподвальной. К тому же, в романе ясно сказано, что бежавшие по Прорезной люди выглядели уставшими и запыхавшимися, а наш беглец имел еще большой запас сил. Впрочем, по большому счету мы вообще не думаем, что Михаила Булгакова кто-либо преследовал на Малоподвальной.

Итак, по-видимому Михаил Булгаков в результате перелез через калитку и юркнул в подворотню теперешнего дома № 10 Малоподвальной улицы. Там он, естественно, не повстречал Юлии Рейс, зато встретил злую белую собаку, в которую пришлось запустить йодом. Что было дальше? А это самое интересное…

Уже давно киевоведы определились в том, что Николка Турбин по описанному Михаилом Булгаковым в романе маршруту никак не мог попасть с Брест-Литовского шоссе на Подол и Андреевский спуск. Сам путь к Подолу фактически пролегает через полгорода, и должен был занять у Николки часа полтора, если не больше. Поэтому, многие булгаковеды не стали ломать голову над маршрутом бегства Н. Турбина, отнеся его к фантазиям писателя. А зря… Но что же это тогда за маршрут, описанный Булгаковым?

Попробуем предположить, что буквальное прочтение названий улиц в случае с Николаем Булгаковым не срабатывает. Тогда не действительной будет и параллель с названиями, приведенная в книге А. Кончаковского и Д. Малакова "Киев Михаила Булгакова": Фонарный переулок — Керосинная улица (теперь ул. Шелуденко), Разъезжая улица — Ростиславская (теперь ул. Н. Коперника) Лубочицкая улица — Глубочицкая, Ловская улица — Львовская, а Вольский спуск — Вознесенский спуск (теперь ул. Смирнова-Ласточкина).

По логике, Николка Турбин сначала побежал от Керосинной (Фонарной) к Ростиславской (Разъезжей) улице. Но в этом не было никакого смысла, поскольку Николка, таким образом, совершал большой крюк и должен был миновать как минимум еще две или три улицы, о которых в романе нет ни слова. Как следует из текста "Белой гвардии", выбежав на угол Лубочицкой и Повской улиц (по Кончаковскому и Малакову Глубочицкой и Львовской), Николай Турбин заглянул на Ловскую и вдали увидел "танцующую конницу с зиними пятнами на папахах", а так же услышал хлопки выстрелов. Если бы это цействительно была Львовская улица, то Николка там ничего бы не увидел:

Пукьяновку и Подол украинские части заняли лишь утром 15 декабря. Вечером 14 декабря их там просто не было. Но если даже предположить, что он побежал вниз по Глубочицкой улице, то тогда попасть на Вознесенский спуск Николай Турбин никак не мог, поскольку таковой оставался далеко позади. Спустившись по Глубочицкой улице вниз, он бы попал к Житнему рынку и воровскому женскому монастырю, откуда было рукой подать до дома. Николке не пришлось бы пересекать весь Подол и выхПеодить к началу Андреевского спуска, как это описано в романе. Таким образом, бегство по этому маршруту представляется сложным, запутанным и непонятным.

Попробуем предположить, что Фонарный переулок, это не Керосинная ˆлица, а все та же Малоподвальная. И бежал от преследователей сам Михаил

Булгаков. Тогда получается, писатель побежал по Политехническому шоссе (все той же Владимирской улице) и вскочил на Малоподвальную улицу (Фонарный переулок). Здесь он перепрыгнул через решетку в подворотне теперешнего дома № 10 на углу улицы (в "Необыкновенных приключениях доктора" — через забор, в случае с Алексеем Турбиным — калитку в деревянной черной стене дома, а с Николаем Турбиным — через стену) и встретился нос к носу со злой белой собакой, которую ударил банкой с йодом. Вот как эта неожиданная встреча была описана в романе: "Первые же ворота на правой руке зияли, Николка вбежал в гулкий пролет, выбежал на мрачный скверный двор с сараями красного кирпича по правой и кладкой дров по левой, сообразил, что сквозной проход посредине, скользя, бросился туда и напоролся на человека в тулупе". Белая собака, окрашенная йодом в рыжий цвет, и послужила прообразом злого дворника с громадной рыжей бородой, который встретил Николку Турбина и схватил его за руку и ногу.

Кстати говоря, через такой же двор, похожий на двор теперешнего дома № 10 на Малоподвальной, вела раненого Алексея Турбина Юлия Рейс: "Бегите сюда. За мной бегите, — шепнула женщина, повернулась и побежала по узкой кирпичной дорожке. Турбин очень медленно побежал за ней. На левой руке мелькнули стены сараев, и женщина свернула. На правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад". Мы уверены, что дворы, которые пересекали Николка и Алексей Турбин, являются одними и теми же, и в двух ракурсах свидетельствуют нам о пути бегства самого Михаила Булгакова.

Гадать о том, бежал или не бежал домой Михаил Булгаков от петлюровцев — дело крайне неблагодарное. Поэтому, пожалуй, остановимся на уже достигнутом и обратимся к воспоминаниям

первой супруги М. Булгакова Татьяны Николевны Лаппа: "Пришел Сынгаевский и другие Мишины товарищи и вот разговаривали, что надо не пустить петлюровцев и защищать город, что немцы должны помочь… а немцы все драпали. И ребята сговаривались на следующий день пойти. Остались даже у нас ночевать… А утром Михаил поехал. Там медпункт был… И должен был быть бой, но его, кажется, не было. Михаил приехал на извозчике и сказал, что все кончено и что будут петлюровцы".

Таким образом, захватывающие бегства, приведенные в романе "Белая гвардия", заканчиваются весьма прозаически: наш герой на самом деле вернулся на извозчике домой.

«Петлюриада» военного доктора

Многие читатели часто задаются вопросом: а было ли продолжение у романа Михаила Булгакова "Белая гвардия"? Как известно, еще в 1924–1925 годах писатель намеревался возобновить работу над окончанием произведения. Доказательством тому служат и обнаруженные варианты заключительных 19-й и 20-й глав романа, ранняя обработка которых автором явно предусматривала логическое завершение романа лишь в последующем. Ряд рассказов Михаила Афанасиевича: "В ночь на 3-е число", "Алый мах", "Я убил", являются ни чем иным, как раздерганной 20-й главой "Белой гвардии", урезанной до минимума в последней ее редакции. В виде нескольких страничек бессвязного текста известна 20-я глава и современному читателю, знающему "Белую гвардию" лишь по изданиям последних лет. Именно о 20-й главе и пойдет разговор.

Итак, как помнит читатель, роман фактически не имеет окончания. События "Белой гвардии" обрываются в утро 3-го февраля 1919 года. Ситуация на Украине в начале 1919 года была сложной и запутанной. Украинская Директория, торжественно введенная в Киев крестьянскими массами, этими же массами, тяжело больными синдромом большевизма, изгонялась из города. Советский Народный Комиссариат начал вооруженную борьбу с Директорией в день вступления войск УНР в столицу Украины -14 декабря 1918 года. Именно в этот день на границе между Украиной и Россией, в Нейтральной зоне, начались отчаянные бои за мелкий городок Харьковщины — Купянск. Полковник Болбочан (в романе — Болботун), командовавший украинскими частями на Левобережной Украине, мог только защищаться — переходить в наступление Директория запрещала, пустившись в долгие и никому не нужные переговоры с Совнаркомом. Болбочан дозащищался до того, что из России подошли свежие советские части, которые совместно с украинскими красными формированиями на протяжении января 1919 года очистили большую часть Левобережной Украины от войск Директории. Мобилизованные в украинскую армию крестьяне под воздействием большевистской агитации разбегались, а старые сплоченные национальные части были изможжены

приграничными боями. Уже 12 января красные были в Чернигове, 22 — в Нежине.

Именно в этот самый момент на территории Украинской Народной Республики была объявлена тотальная мобилизация. В армию брали всех подряд, не считаясь даже с национальностью и убеждениями мобилизованного. За неявку расстреливали. Чтобы понять, насколько серьезной была ситуация, стоит сказать, что в чисто националистические по характеру части направляли даже только- только одетых в военную форму евреев (в основном — врачей и мелких чиновников). Естественно, попадал под общую мобилизацию и Михаил Булгаков. Об этом, собственно, он узнал из газет.

Как повествует начальный вариант 19-й главы "Белой гвардии", военный врач Алексей Турбин прочитал в газете следующее: "…врачам и фельдшерам явиться на регистрацию… под угрозой тягчайшей ответственности…". Это был приказ по Главному Управлению войск УНР № 46 от 15 января 1919 года. Подписал этот приказ никто иной, как бывший сокурсник Михаила Булгакова по медицинскому факультету Киевского университета, а теперь начальник

Главного военно-санитарного управления доктор Дмитрий Одрина (в романе — доктор Курицкий). Алексей Турбин отнесся к приказу со вниманием, но без особого энтузиазма:

"— Начальник санитарного управления у этого босяка Петлюры доктор Курицкий…

— Ты смотри, Алексей, лучше зарегистрируйся, — насторожился Мышлаевский, — а то влипнешь как пить дать. Ты на комиссию подай.

— Покорнейше благодарю, — Турбин указал на плечо, — а они меня разденут и спросят, кто вам это украшение посадил? Дырки-то свежие. И влипнешь еще хуже. Вот что придется сделать. Ты, Никол, снеси за меня эту идиотскую анкету, сообщишь, что я немного нездоров. А там видно будет.

— А они тебя катанут в полк, — сказал Мышлаевский, — раз ты здоровым себя покажешь.

Турбин сложил кукиш и показал его туда, где можно было предполагать мифического и безликого Петлюру.

— В ту же минуту на нелегальное положение и буду сидеть, пока этого проходимца не вышибут из города".

Как нам представляется, Николай, только не Турбин, а Булгаков, действительно отнес за старшего брата соответствующую регистрационную карточку в Главное военно-санитарное управление. Что из этого вышло? Об этом можно судить по одному из самых больших в жизни испугов Михаила

Булгакова, описавшего его в четырех произведениях.

В конце января 1919 года все самые надежные части киевского гарнизона — подразделения 1-й Сечевой дивизии, были брошены на фронт против фасных. Но эти части вводились в бой хаотично, и сражение под Броварами украинскими войсками было проиграно. Уже 30 января с фронта началось повальное бегство, и 1 февраля толпы дезертиров появились в предместьях Киева. В самом городе оставались мизерные части — распропагандированный большевиками 2- й Сечевой полк человек в 600, а также еще не закончившие формирования 3- й Сечевой и 1 — й Синежупанный полки (в первом около 500, а во втором — более 600 бойцов). 3-й Сечевой полк был отправлен на охрану улиц города и поимку лиц, уклоняющихся от призыва, а 1-й Синежупанный 1-го февраля был выдвинут на Левый берег Днепра, в Никольскую Слободку, с категорическим приказом останавливать, разоружать, а при надобности — и расстреливать, всех тех, кто беспорядочно бежал с фронта, пытался проникнуть в город или же казался просто подозрительным.

С раннего утра 2-го февраля патрули 3-го Сечевого полка стали ходить по квартирам военнообязанных. Брали в первую очередь офицеров, медиков, военных чиновников. Естественно, что подобная участь должна была постигнуть и Михаила Булгакова. К тем из военнообязанных, которые оказывали сопротивление, применялась сила. Были случаи расстрелов. Так, по некоторым данным, в ночь со 2-го на 3-е февраля в Киеве было расстреляно по подозрению в большевизме 16 бывших матросов. По сообщениям коммунистической прессы, всего за эти дни поплатились своей жизнью около 100 человек. В основном это были паникеры, провокаторы, дезертиры, а также случайные прохожие. Время было военное, и без расстрелов ни одна власть не обходилась.

Естественно, об этом великолепно знал и Михаил Афанасьевич Булгаков. События, которые пришлось пережить будущему писателю в февральские дни 1919 года, впоследствии нашли отображение в романе "Белая гвардия" и образе Алексея Турбина, в рассказе "Я убил" и докторе Яшвине, в романе "Алый мах" и "будущем приват-доценте" Бакалейникове. То, что и Яшвин, и Бакалейников, и Турбин на самом деле является одной фигурой, думаем, не вызывает никаких сомнений. И фигура эта — Михаил Афанасьевич Булгаков.

Как видно из романа "Белая гвардия", доктор Турбин проигнорировал извещение Главного военно-санитарного управления УНР. Что из этого вышло? 2-го февраля 1919 года к Турбиным нагрянули нежданные гости.

"Двое вооруженных в сером толклись в передней, не спуская глаз с доктора Турбина… Турбин, щурясь и стараясь не волноваться в присутствии хлопцев, глядел в бумагу. В ней по-украински было написано:

С одержанием сего пропонується вам негайно…

Одним словом: явиться в 1-й полк синей дивизии в распоряжение командира полка для назначения на должность врача. А за неявку на мобилизацию согласно объявления третьего дня, подлежите военному суду….

Турбин еще раз перечел подпись — "Начальник Санитарного Управления лекарь Курицький". Именно так повествует один из первых вариантов 20-й главы о том, как Алексей Турбин попал в украинскую армию.

Более живо и захватывающе этот эпизод описан в рассказе "Я убил" доктором Яшвиным: "И тотчас, кашляя, шагнули в переднюю две фигуры с коротенькими кавалерийскими карабинами за плечами.

Один был в шпорах, другой без шпор, оба в папахах с синими шлыками, лихо свешивающимися на щеки.

У меня сердце стукнуло.

— Вы ликарь Яшвин? — спросил первый кавалерист.

— Да, я, — ответил я глухо.

— С нами поедете, — сказал первый.

— Что это значит? — спросил я, несколько оправившись.

— Саботаж, вот що, — ответил громыхающий шпорами и поглядел на меня весело и лукаво, — ликаря не хочуг мобилизоваться, за що и будут отвечать по закону.

Угасла передняя, щелкнула дверь, лестница… улица…

— Куда же вы меня ведете? — спросил я и в кармане брюк тронул нежно прохладную рубчатую ручку.

— В первый конный полк, — ответил тот, со шпорами.

— Зачем?

— Як зачем? — удивился второй. — Назначаетесь к нам ликарем".

Этот эпизод, встречающийся в различных произведениях писателя несколько раз, дает нам основание считать, что именно при таких обстоятельствах Михаил Афанасьевич попал в украинскую армию. Первая супруга Булгакова Татьяна Лаппа оставила свидетельства о службе писателя в войсках Директории, у синежупанников, чем подтвердила историчность и автобиографичность литературных текстов.

Итак, Михаил Булгаков очутился в армии Украинской Народной Респуб- пики. В какую именно часть он попал? В раннем варианте 20-й главы "Белой гвардии" и романе "Алый мах"

речь идет о "1 — м полку Синей дивизии" (он же — 1-й Синежупанный полк), а в рассказе "Я убил" — о 1-м конном полку. Мы убеждены в том, что писатель был мобилизован именно в 1-й Синежупанный полк. Почему?

Во-первых, потому что в то время в Киеве не было ни одной украинской конной части.

Во-вторых, единственным полком, охранявшим от дезертиров Цепной мост (куда попали и Турбин, и Яшвин, и Бакалейников) был 1-й Синежупанный.

В-третьих, в начале 1919 года только одна часть армии УНР имела шлыки синего цвета -1 — й Синежупанный полк. Именно о таких шлыках рассказывает доктор Яшвин.

В-четвертых, командир 1-го Синежупанного полка имел фамилию, очень похожую на Мащенко (в "Белой гвардии" и "Алом махе") и Лещенко (в рассказе "Я убил"). Его фамилия была Пащенко. Остальные же командиры украинских частей имели фамилии, очень далекие от выше приведенных.

В-пятых, во всех произведениях Булгаковым были описаны униформа, быт и нравы синежупанников.

Таким образом, Михаил Булгаков попал в 1-й Синежупанный полк 1-й Синежупанной (Синей) дивизии. Эту воинскую часть писатель помнил давно, поскольку существовала она еще при Центральной Раде, и весной 1918 года находилась в Киеве.

Чтобы понять настроения, царившие в среде синежупанников, стоит обратиться к истории их создания. С началом Первой мировой войны в Австро- Венгрии галицкой интеллигенцией и политическими эмигрантами с Надднепрянщины был создан Союз Освобождения Украины, ставивший своей целью отторжение от Российской империи Восточной Украины, и создание под протекцией австро-венгерской монархии единого коронного Украинского края. Осуществить эти планы Союз намеревался не только с помощью австрийских и немецких штыков. Планировалось создать и чисто украинские национальные соединения. Первая национальная часть, полк Украинских Сечевых Стрельцов, сформированная в составе австро-венгерской армии из галицких украинцев, уже в 1914-м году выступила на фронт. Но галицкие части, созданные из австро- венгерских поданных это одно, а надцнепрянские формирования, из бывших подданных Российской империи, в составе армий Четвертого союза — это совершенно другое. Естественно, что подобные формирования были нужны Союзу. Из кого же их создавать? Ответ был найден быстро — из пленных- украинцев российской армии.

Уже в 1915-м году в Германии возникли три солдатских

лагеря, предназначенные исключительно для военнопленных-украинцев. В 1917-м году возник лагерь для офицеров-украинцев. Лагеря находились под опекой Союза Освобождения Украины, который присылал литературу и инструкторов. Такой же процесс выделения украинцев из среды военнопленных шел и в Австро-Венгрии.

После заключения 9 февраля 1918 года между Центральной Радой и государствами Четверного союза Брестского мира, в лагерях военнопленных- украинцев стали спешно создаваться украинские части. Эти части должны были быть направлены на помощь Центральной Раде в ее борьбе с большевиками. В Германии из украинцев создавались две дивизии, в Австро-Венгрии — одна.

Части 2-го Синежупанного полка под Киевом, апрель 1918 года

Несмотря на продовольственный кризис, и немцы, и австрийцы истратили множество денег на то, чтобы хорошо одеть и вооружить бывших военнопленных. Для дивизий, созданных в Германии, была изготовлена особая форма: синие жупаны традиционного украинского покроя, синие шаровары, серые смушковые шапки с синими шлыками. По своей форме, дивизии стали называться "Синежупанными", или — просто "Синими".

В середине марта 1918 года части 1-й Синежупанной дивизии стали прибывать в Киев, и именно тогда их мог впервые увидеть Михаил Булгаков. Однако, просуществовали синежупанники недолго. Немцы, испугавшись того, что создали грозную силу, способную выгнать их с Украины, в ночь с 26 на 27 апреля 1918 года, перед Гетманским переворотом, разоружили и расформировали Синежупанные дивизии. Большая часть бывших синежупанников подалась в повстанческие отряды, боровшиеся

против немцев и гетмана Скоропадского. С началом же Антигетманского восстания на Украине в ноябре 1918 года многие синежупанники выехали на помощь Директории. Из них, по личному желанию С. Петлюры, уже в начале декабря 1918 года был сформирован курень (батальон), а в середине декабря -1 — й Синежупанный полк. Планировалось восстановить всю 1 — ю Синежупанную дивизию, а потому уже имеющийся полк именовался "1 — м полком Синей дивизии". Собственно, это наименование упоминал и Михаил Булгаков.

Вновь увидеть 1 — й Синежупанный полк писатель мог на параде, проходившем на Софийской площади 19 декабря 1918 года по случаю въезда в Киев Директории. Именно этот парад во всех подробностях был описан в "Белой гвардии". Вот что, в частности, Михаил Афанасьевич писал непосредственно о синежупанниках на параде, среди которых ему пришлось некоторое время

служить: "Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами синяя дивизия.

В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синими верхами, шли галичане. Два двухцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое сукно. За первым батальоном валили черные в длинных халатах, опоясанных ремнями, и в тазах на головах, и коричневая заросль штыков колючей тучей лезла на парад".

В одном писатель ошибся — галичан среди синежупанников не было. Зато уловил один очень интересный и специфический факт. В полк в то время входило всего два куреня (батальона). Первый курень состоял исключительно из бывших синежупанников, одетых в свою старую синюю форму и смушковые шапки со шлыками немецкого пошива. Второй курень полка был сформирован в городе Бахмуте Екатеринославской губернии из местных повстанцев, с синежупанниками времен Центральной Рады ничего общего не имевших. Командовал бахмугскими повстанцами бывший офицер-синежупанник, который и привел их в Киев на соединение с уже имеющимся Синежупанным куренем. Поскольку бахмугские повстанцы соответствующей синей формы не имели, вместо таковой им были выданы темно-синие суконные медицинские халаты, которые должны были играть роль жупанов. Вместо шапок второй курень получил французские каски своеобразной формы. Дополняла обмундирование бахмутцев немецкая амуниция. По

поводу "униформы" второго куреня — "тазов с халатами", писатель иронизировал во многих своих произведений. Таковым был 1-й Синежупанный полк, в который попал вечером 2-го февраля 1919-го года доктор Булгаков, а с ним и литературные персонажи Турбин, Яшвин, Бакалейников.

Как уже упоминалось, в соответствии с приказом командующего Осадным корпусом полковника Коновальца (в романе — Торопца), еще 1 февраля 1919 года 1-й Синежупанный полк занял район Никольской Слободки на Левом берегу Днепра под Киевом. Именно сюда в ночь со 2-го на 3-е февраля был доставлен новый полковой доктор — Михаил Булгаков. На этой позиции синежупанники находились до вечера 5 февраля, ночью они перешли через мост на Правый берег, где простояли без контакта с врагом до 19 часов 6 февраля. Лишь вечером того дня почти без потерь 1 — й Синежупанный полк последним отступил из Киева. Первые красные патрули на улицах города появились около 22 часов 6 февраля. Почему мы на этом акцентируем внимание?

Во всех произведениях М. Булгаков приводит точную дату мобилизации — вечер 2-го февраля 1919 года. Сложнее с датой бегства из части. И в рассказе "Я убил", и в одном из первых вариантов 20-й главы, и в повести "Алый мах" все описываемые писателем события укладываются в одну ночь. То есть, если исходить из логики произведений, то бегство из 1-го Синежупанного полка состоялось утром 3-го февраля 1919-го года. Но не стоит забывать, что ориентироваться в датах по событиям булгаковских произведений бесполезно и не нужно. Стоит вспомнить, что даже события, реально происходившие с 21 ноября по 14 декабря 1918 года (осада Киева войсками Директории, описанная в "Белой гвардии") писатель уместил в романе всего в три дня. Сколько же всего дней Михаил Булгаков пробыл в 1 — м Синежупанном полку?

На этот вопрос ответить достаточно легко. По Булгакову, и доктор Бакалейников из "Алого маха", и Алексей Турбин (по первому варианту 20-й главы) бежали из полка во время его движения по улицам Киева. А это — вечер 6-го февраля. Доктор Яшвин в рассказе "Я убил" по дороге домой встретил красный патруль, а Бакалейников и Турбин ожидали возможности его встретить, что опять таки указывает на 6-е февраля. Наконец, если свести вместе события, описываемые в "Алом махе" и рассказе "Я убил", то их с лихвой хватит уже на два вечера. Таким образом, доктор Булгаков на самом деле пробыл в 1-м Синежупанном полку не один вечер, а четверо суток — с вечера 2-го февраля по вечер 6-го февраля.

"— Кто командует полком?

— Полковник Лещенко, — с некоторой гордостью ответил первый, и шпоры его ритмически звякали с левой стороны у меня". Именно так доктор Яшвин впервые услышал о командире синежупанников. Подобный вопрос задавал и Алексей Турбин, правда, ему сказали о полковнике Мащенко. С полковником Мащенко пришлось встретиться и доктору Бакалейникову. Кем же действительно был командир 1 — го Синежупанного полка? А был он полковником Пащенко, если полностью — Марком Ефимовичем Волчком-Пащенко (приставка "Волчок" была псевдонимом Пащенко). Как видим, в "Белой гвардии" и "Алом махе" Михаил Булгаков изменил всего одну начальную букву фамилии полковника, а в рассказе "Я убил" — две.

По словам писателя, полковник Пащенко был явно неприглядной личностью. Антисемит, садист, погромщик, человек мало образованный, "обезьяна"… именно такой неутешительный портрет предстает перед читателями Булгакова. В рассказе "Я убил" мы встречаем описание полковника: "Он был в великолепной шинели и сапогах со шпорами. Был туго перетянут кавказским поясом с серебряными бляшками, и кавказская же шашка горела огоньками в блеске электричества на его бедре. Он был в барашковой шапочке с малиновым верхом, перекрещенным золотистым галуном. Раскосые глаза смотрели с лица недобро, болезненно, странно, словно прыгали в них черные маячки. Лицо его было усеяно рябинами, а черные подстриженные усы дергались нервно".

Марк Ефимович Волчок-Пащенко на самом деле был достаточно интересной личностью. Имел высшее образование — в свое время закончил историко- филологический факультет. До Первой мировой войны был очень неплохим журналистом, известным под псевдонимом "Волчок", достаточно успешно пробовал себя на писательском поприще. Основным родом его занятий было преподавание в школе, поэтому он принадлежал к когорте народных учителей, справедливо считавшихся в то время сельской интеллигенцией.

С началом Первой мировой войны Пащенко был мобилизован в армию, стал военным чиновником, а в 1915-м году попал в плен к немцам. Уже в плену он связался с Союзом Освобождения Украины и стал одним из активных его членов. В 1917-м году Марк Ефимович активно выступал за создание лагеря для военнопленных офицеров-украинцев, а с возникновением такого в Ганноверском Мюндене был одним из его руководителей. Вот что вспоминал об этом один из офицеров-синежупанников (перевод с украинского): "Сначала руководство у нас держали паны

Сиротенко (тогда подпоручик) и Волчок-Пащенко (военный чиновник). Первый — по специальности адвокат, второй — народный учитель. Оба хорошие ораторы, убежденные украинцы, оба с организаторскими способностями. Только пан Волчок (это псевдоним, а настоящая фамилия его была Пащенко) был более разносторонний в работе и в речах своих более сочный. Очень хорошо знал украинский язык и его нам преподавал. В своем старании привить нам правильное понимание слов и выражений он пускался в область истории происхождения слова от его корня и так интересно и захватывающе преподавал эти места, что время на его лекциях протекало абсолютно незаметно".

В лагере кроме преподавательской деятельности Марк Пащенко взял на себя всю культурную работу. Его стараниями были организованы театр, хор, оркестр духовых инструментов, фотомастерская, изостудия. Когда была создана 1-я Синежупанная дивизия, Волчок-Пащенко возглавил ее культурно-просветительский отдел. Казаки дивизии очень любили Марка Ефимовича, который уделял им много внимания. По политическим убеждениям он был украинским эсером (социалистом-революционером), близко знал Симона Петлюру, и после расформирования дивизии работал вместе с ним.

Во время Антигетманского восстания именно Пащенко предложил возродить Синежупанные части. Поэтому нет ничего удивительного, что именно его Петлюра назначил командиром формирующегося 1 — го Синежупанного полка, сделав, таким образом, полковником.

Как видим, реальный полковник Пащенко достаточно далек от описываемого Михаилом Булгаковым, хоть у нас нет уверенности, что Пащенко не изменился после возвращения на Украину и начала Антигетманского восстания. Наверняка обозлился, стал более жестким к людям.

Многие офицеры-синежупанники не одобряли назначения Пащенко командиром полка. Ведь он не имел даже элементарного военного образования. Как писал его помощник и будущий командир полка (перевод с украинского) "одной из наших болячек того времени было назначение на ответственные командные должности в армии людей, которые военное дело мало понимали. Почему-то считалось, что хороший культ-просвещенец может с успехом заменить хорошего профессионала-офицера".

Вечером 2-го февраля 1919 года Михаил Булгаков под конвоем был доставлен в штаб 1 — го Синежупанного полка, который еще находился в Киеве — в Генерал-губернаторском дворце. Незадолго до того во дворце жил глава украинской

Директории Владимир Винниченко, а теперь здесь были синежупанники. Во дворце при весьма неблагоприятных обстоятельствах и состоялось знакомство Булгакова и полковника Пащенко. В описании этого знакомства в рассказе "Я убил" утверждалось, что сопровождалось оно избиением полковником дезертира (хотя, в общем-то, а что собственно с дезертирами в военное время еще делать?).

В тот же вечер штаб переехал за своим полком на Никольскую Слободку, где литературному доктору Яшвину пришлось целую ночь помогать солдатам с тяжело обмороженными конечностями.

К сожалению, полностью восстановить хронику пребывания Михаила Булгакова в 1-м Синежупанном полку мы не в силах. Хотя, отдельные эпизоды проведенню; среди синежупанников четырех суток упомянуть можем.

В частности, на Никольской Слободке синежупанниками действительно была обнаружена достаточно сильная коммунистическая организация. Дело в том, что здесь в основном жили рабочие завода "Арсенал" — самого революционного завода в Киеве. Именно они принимали наиболее активное участие в боях с войсками штаба Киевского военного округа в октябре 1917 года и Центральной Рады в январе-феврале 1918 года. Естественно, что некоторые арсенальцы с нетерпением ожидали прихода Красной армии, и в начале февраля 1919 года стали открыто выражать свои взгляды, разоружать дезертиров, нападать на отдельных украинских военнослужащих. Собственно, именно за это они и поплатились. К сожалению, подробности этого дела нам не известны. Тем не менее, мы считаем, что события, касающиеся допросов коммунистов полковником Пащенко, описанные Михаилом Булгаковым в рассказе "Я убил", вполне могут отвечать исторической действительности. К тому же, Пащенко мог быть действительно ранен перочинным ножом, и его должен был перевязывать Михаил Булгаков.

Основной задачей 1-го Синежупанного полка было разоружение и арест дезертиров, с чем он вполне справился. Свидетелями этого были и доктор Бакалейников из "Алого маха" и Алексей Турбин из "Белой гвардии". Вероятно, что и купание в ледяной воде также пришлось испытать Михаилу Булгакову.

Ключевым эпизодом, запомнившимся писателю на всю жизнь, было убийство "паном куренным" неизвестного. "Первое убийство в своей жизни доктор Турбин увидел секунда в секунду на переломе ночи со 2-го на 3-е число. В полночь у входа на проклятый мост. Человека в разорванном черном пальто, с пицом синим и черным в потеках крови, волокли по снегу два хлопца, а

пан куренный бежал рядом и бил его шомполом по спине. Голова моталась при каждом ударе, но окровавленный уже не вскрикивал, а только ухал…"

К сожалению, нам очень сложно установить, кто из имеющихся в то время в 1 — м Синежупанном полку пяти куренных был именно тем, кого отчетливо помнил Михаил Булгаков. Не известны нам и мотивы этого убийства…

В ночь с 5-го на 6-е февраля 1919 года полк перешел через ярко эсвещенный Цепной мост на Правый берег Днепра, где в ожидании красных занял эборонную позицию. На синежупанников была возложена задача прикрывать этступление украинских войск из Киева, действовать в их арьергарде. Простояв до 19 часов вечера возле моста, части полка, в соответствии с приказом, двинулись в город.

Центральный участок и Демиевка уже были заняты отрядами местных коммунистов, а потому 1 — й Синежупанный полк вынужден был отступать через Подол и Лукьяновку к Брест-Литовскому шоссе. Выйдя с Никольской на Александровскую улицу, синежупанники стали спускаться на Подол. Именно в этот моменту М. Булгакова созрело непреодолимое желание бежать. Он понимал, нто под давлением красных украинские войска надолго оставляют город. Уже на Подоле, возле церкви Рождества Богородицы (теперь не существующей), эулгакову удалось осуществить свой побег, описанный и в раннем варианте Ъелой гвардии", и в "Алом махе", и в "Необыкновенных приключениях докто- эа": "Ночью пятнадцать градусов ниже нуля (по Реомюру) с ветром. В пролетах свистело всю ночь. Город горел огнями на том берегу. Слободка на этом. Мы эыли посредине. Потом все побежали в город. Я никогда не видел такой давки. Конные. Пешие. И пушки ехали, и кухни. На кухне сестра милосердия. Мне сказали, что меня заберут в Галицию. Только тогда я догадался бежать. Все ставни были закрыты, все подъезды были заколочены. Я бежал у церкви с пухлыми белыми колоннами. Мне стреляли вслед. Но не попали. Я спрятался во дворе под навесом и просидел там два часа. Когда луна скрылась, вышел. По мертвым улицам бежал домой. Ни одного человека не встретил".

Так для Михаила Булгакова закончилась короткая служба в армии Украинской Народной Республики. Правда, во всей этой истории осталась для нас и одна неразгаданная тайна…

Вспомним доктора Яшвина из рассказа "Я убил". Не лишена интереса версия о том, что "Яшвин" расшифровывается как: "я ж вин", по-русски: "я ж он". Вся первая половина рассказа, как мы убедились, является правдой. А вот вторая, описывающая убийство полковника Лещенко доктором Яшвиным, остается

неразгаданной.

После того, как Михаил Булгаков дезертировал, 1-й Синежупанный полк отступил к Василькову, где участвовал в ряде боев с красными частями. Полковник Пащенко в боевых условиях не смог справиться с руководством полка, за что уже 3-го марта был отрешен от командования и отправлен под следствие. Лишь старые партийные связи помешали осудить М. Пащенко, и в скором времени он вышел на свободу. Разжалованный полковник был обижен на всех и вся, а посему решил вернуться к преподаванию в школе. Но не тут-то было…

В один весенний день в село, где преподавал Волчок-Пащенко, пришли красные. Кто-то им рассказал, что местный сельский учитель всего несколько месяцев назад у Петлюры командовал полком. Естественно, что в тот же день бывший командир 1-го Синежупанного полка Марк Ефимович Волчок-Пащенко был расстрелян.

При чем же здесь Булгаков? — справедливо спросите вы. В общем-то, сложно что-нибудь утверждать, но определенную гипотезу высказать можно.

Попробуем провести небольшую хирургическую операцию и объединить отрывки, взятые из первого варианта 20-й главы "Белой гвардии" (это же место без изменений есть и в "Алом махе"), и рассказа "Я убил":

"Турбин сладострастно зашипел, представив себе матросов в черных бушлатах. Они влетают как ураган, и больничные халаты бегут врассыпную. Остается пан куренный и эта гнусная обезьяна в алой шапке — полковник Мащенко. Оба они, конечно, падают на колени.

— Змилуйтесь, добродию, — вопят они.

Но тут доктор Турбин выступает вперед и говорит:

— Нет, товарищи, нет. Я — монар…

Нет, это лишнее… Атак: я против смертной казни. Да, против. Карла Маркса я, признаться, не читал и даже не совсем понимаю, при чем он здесь, но этих двух надо убить как бешеных собак. Это — негодяи. Гнусные погромщики и грабители.

— А-а… так… — зловеще отвечают матросы.

— Д-да, т-товарищи. Я сам застрелю их.

В руках у доктора револьвер. Он целится. В голову. Одному. В голову. Другому".

"Одну из пуль я, по-видимому, вогнал ему в рот, потому что помню, что он качался на табурете и кровь у него бежала изо рта, потом сразу выросли потеки на груди и животе, потом его глаза угасли и стали молочными из черных, затем он рухнул на пол". ("Я убил").

Парад 1-го Синежупанного полка на Софийской пл., апрель 1918

Вы скажете, что выше приведенные отрывки являются писательским вымыслом. Более того, первый отрывок в тексте изображен, как фантазии Гурбина и Бакалейникова, а второй — хронологически не может подходить под зерсию смерти Волчка-Пащенко.

Конечно, возможно, что описание смерти Мащенко и Лещенко является зымыслом Булгакова. Но, может быть, именно потому писатель изобразил: мерть Мащенко в фантазии Алексея Турбина, чтобы не накладывать события эазных времен одно на другое? Никакой конкретной привязки смерти Лещенка со времени нет и в рассказе "Я убил". Ведь не случайно писатель описание убийства полковника выделил в тексте многоточием.

Тем не менее, высказанное нами предположение относительно реальной смерти полковника Пащенко остается гипотезой. Смущает только одно — концовка рассказа "Я убил": "После молчания я спросил у Яшвина:

— Он умер? Убили вы его или только ранили?

Яшвин ответил, улыбаясь своей странненькой улыбкой:

— О, будьте покойны. Я убил. Поверьте моему хирургическому опыту".

Остается загадкой: не "хирургический" ли "опыт" подсказал Михаилу Булгакову, что бывший командир синежупанников полковник Марк Пащенко был расстрелян красными в 1919 году?

Служба в Белой Армии

После неудавшейся службы в войсках Украинской Народной Республики Михаил Афанасьевич надолго отошел от жизненных проблем. Красные, занявшие в феврале 1919 года город, мало интересовались бывшими офицерами и военными чиновниками, уделяя внимание лишь "буржуям" и вообще всем тем, кто владел хоть каким-то движимым или недвижимым имуществом. Михаил Булгаков продолжал свою медицинскую практику врача-венеролога. Его услугами пользовались и красные.

В июле 1919 года в киевских газетах красное командование объявило о мобилизации врачей и военных чиновников. В списках тех, кто был обязан явиться на сборные пункты, значился и Михаил Булгаков. Опираясь на этот факт, некоторые "исследователи" сделали вывод, что Булгакову пришлось некоторое время служить даже у красных. Но это не отвечает действительности. Михаил Афанасьевич укрылся от мобилизации на даче Булгаковых под Киевом. Леонид Карум впоследствии в своих воспоминаниях оставил упоминания о жизни Михаила Булгакова при красных: "Работа венерического врача шла успешно. Только в последний месяц, когда в июле 1919 года большевики объявили поголовную мобилизацию, Булгаков проживал где-то "в нетях" на даче под Киевом. Этим он избежал мобилизации".

31 (18) августа 1919 года части Добровольческой армии генерала Деникина вступили в Киев. В городе сразу же было оповещено о регистрации всех офицеров, военных чиновников, юнкеров и вольноопределяющихся. Под регистрацию подпадал и Михаил Афанасьевич Булгаков, в то время продолжавший заниматься медицинской практикой. 6 сентября (24 августа) в Киев приехал капитан белой армии Леонид Карум, муж Варвары Булгаковой, который помог Булгакову пройти нудную и утомительную регистрацию. Способствовал этому и оказавшийся белым разведчиком Юрий Гладыревский. В результате, Булгаковым удалось избежать ряда унизительных проверок деникинской контрразведки на предмет службы у красных. Михаил Афанасьевич получил назначение на должность военного врача во Владикавказский военный госпиталь, где ощущался острый недостаток в профессиональных медиках. Вместе с Карумом и сестрой Варварой 12 сентября (30 августа) 1919 года

Михаил Афанасьевич Булгаков покинул родной город.

Вот что вспоминал по этому поводу Леонид Сергеевич Карум: "С появлением добровольцев он (Михаил Булгаков — прим. Т.Я.) опять появился в квартире, но объявил, что оставаться в Киеве больше не намерен, а поедет на Кавказ, где поступит на военную службу. И булгаковская коммуна распалась. Миша хотел ехать со мной.

Я пробыл в Киеве 5 дней. На шестой я отыскал вагон, куда мы погрузились с Варенькой, Мишей и Тасей. Вагон прицепили к поезду, который шел в Таганрог, и 30 августа 1919 года (ст. ст. — прим. Т.Я.) мы двинулись в путь".

В приведенном отрывке есть две неточности: Булгаков был назначен на Кавказ, а не отправлялся туда добровольцем. Тася, супруга будущего писателя Татьяна Лаппа, с ним не поехала. На Кавказ она приехала чуть позже.

В середине сентября Михаил Афанасьевич поступил на службу во Владикавказский военный госпиталь, откуда и вызвал телеграммой жену приехать к нему. Во Владикавказе Татьяна Николаевна осталась на долгое время, а Михаил Булгаков в начале октября был назначен полковым врачом в 5-й Александрийский гусарский полк Добровольческой армии, расположенный в Грозном. С этим полком тесно были связаны судьбы многих людей, так или иначе повлиявших на творчество будущего писателя. Именно этим полком когда-то командовал граф Федор Артурович Келлер, погибший в Киеве во время гетманских событий и выведенный в романе "Белая гвардия" в образе полковника Най-Турса. В этом полку во время 1-й Мировой войны служил в чине корнета выдающийся русский поэт Николай Гумилев. Сам полк был одним из самых славных в прежней российской армии, его военнослужащие имели прозвище "черных гусаров" — "гусаров смерти".

Александрийский полк был окончательно восстановлен лишь накануне приезда в Грозный Михаила Булгакова. Еще весной 1919 года александрийцы насчитывали не более 50 человек, теперь же это был полнокровный кавалерийский полк, имевший в своих рядах до 600 превосходных всадников. Главной задачей александрийцев было обеспечение тылов Вооруженных Сил Юга России на Кавказе, пресечение попыток горцев нарушать важные военные коммуникации. Местом дислокации полка было Графское предместье Грозного, куда и прибыл Михаил Афанасьевич. Он сразу же был принят дружной полковой офицерской семьей. Кавказ того времени, а особенно всегда неспокойная Чечня, были кипящим котлом, серьезно угрожающим белым. На Кавказе против белогвардейцев ополчились горские

фанатики-мусульмане, недобитые местные большевики-интернационалисты, православные грузинские националисты.

Решить больную Кавказскую проблему добровольческое командование пыталось еще в 1918 году. В начале 1919 года на Северный Кавказ были введены белые войска генерала Эрдели. Северокавказской Вандеей того времени вновь стала Чечня, защищали которую объединившиеся большевики и чеченцы. На протяжении января-февраля 1919 года белые части генералов Шкуро и Покровского подчинили себе Дагестан, Ингушетию, Осетию, равнинную Чечню. 5 февраля (23 января) пал Грозный. Чеченские части и разбитые большевики были изгнаны в горы, где и заперты на долгое время. Генерал Деникин, устроив карантинную линию на Северном Кавказе, вновь бросил все силы против Красной армии. Чеченский национальный вождь имам Узун-Хаджи в горной Чечне собирал силы. На помощь ему Грузинское национальное правительство прислало офицеров-инструкторов и оружие. В начале октября 1919 года чеченцы вновь перешли к активным действиям. Чеченские отряды перерезали железную дорогу Петровск-порт — Дербент, которая тянулась вдоль побережья Каспийского моря. Главной базой Узун-Хаджи стал Чечен-аул, который чеченцы сильно укрепили. Чтобы вновь восстановить порядок, против Узун-Хаджи генерал Эрдели приказал выслать усиленную экспедицию, главной силой которой должен был стать 5-й Александрийский гусарский полк.

Вечером 24 (11) октября 1919 года усиленный отряд во главе с известным белым генералом Драценко выступил в горную Чечню. Вместе с полком из Грозного уходил Михаил Афанасьевич Булгаков. Эта экспедиция длилась более двух месяцев и закончилась 9 января 1920 года (27 декабря 1919 года). Практически все самые интересные события этой экспедиции нашли отображение в "Необыкновенных приключениях доктора", написанных Михаилом Афанасьевичем сразу же после окончания гражданской войны. Сохранились и некоторые другие свидетельства однополчан М. Булгакова об этом походе, которые, как нам кажется, будет интересно привести здесь.

Александрийскому гусарскому полку в качестве охранения и поддержки были приданы части 1 — го Кизляро-гребенского и 3-го Терского казачьих полков, принадлежавших 3-й и 4-й Терским дивизиям. Эти полки несколько раз упоминаются Булгаковым в его произведении. В поход так же выступил 81-й Апшеронский пехотный полк, сформированный из крестьян Кубанского края, которых Михаил Афанасьевич в своих "Необыкновенных приключениях" ошибочно называет кубанцами (т. е. — казаками). Войскам было придано несколько конно- артиллерийских

казачьих батарей. Полковник Глебов ускоренным ночным маршем вел свои войска на Чечен-аул. Вот что вспоминал об этом один из офицеров- александрийцев, поручик Николай Станюкович:

"Полк выступил ночью, следуя за казачьим авангардом. В непроглядной тьме только местные жители были способны инстинктивно следовать нужному направлению. Мы шли напрямик, пересекая сельские дороги, спускаясь в долины и поднимаясь на взгорья. Рассвет начинал только едва-едва брезжить, когда эскадроны втянулись в необозримое поле кукурузы, скрывавшее коня вместе с всадником. Здесь-то и сосредоточились, по сведениям разведки, вражеские отряды, подготовляя налет на железную дорогу. Полк развернулся лавой, но все же не мог покрыть всю ширину кукурузной посадки. Фланги оставались в руках противника. Это скоро и подтвердилось: по нашему расположению справа и слева открылась частая ружейная стрельба. К характерному треску винтовок примешались выстрелы охотничьих ружей, и даже уханье длинных шомпольных пищалей — как пришлось убедиться, оружия самого губительного, наносящего разрывные раны… Положение создалось незавидное: видимости никакой, трудное продвижение шагом и полная невозможность передачи приказаний по цепи. Наша конно-горная батарея, продавившая род коридора в лесу кукурузы, оказалась впереди нашей лавы и палила вслепую, а наши фланги обтекались противником, отлично знакомым с местностью. С боковыми казачьими разъездами была потеряна всякая связь.

Однако полк упорно продвигался вперед, имея задачей "прочесать" местность и вытеснить противника в предгорья, смутно обозначившиеся впереди.

Произошли уже и первые схватки холодным оружием. Пешие горцы оказались разбросанными небольшими группами. Сидя спиной друг к другу, они стреляли во всех направлениях и, окруженные, не сдавались. Тут мы понесли много потерь: рубить с коня заслоненных стволами исполинской кукурузы сидящих "тавлинцев" было весьма трудно. Прирожденные воины, они парировали удар шашки своими длинными шомполками и умирали с оружием в руках.

Дело принимало скверный оборот. Ружейный огонь противника нарастал, и наша неосторожно выдвинувшаяся вперед артиллерия, казалось, попала в окружение, орудийные залпы редели, да и в гусарской цепи чувствовалось неблагополучие. По звукам боя, крикам "Алла!" можно было заключить, что соседние эскадроны отходят. Светлело, но видимость оставалась ограниченной. Наступал переломный момент. В лесу кукурузы

далеко не увидишь. И тут, проламываясь на ошалелом, с окровавленной головой коне сквозь чащу, на наш "боевой" эскадрон налетел спереди конно-артиллерист.

Снаряды истощились! Офицеры отстреливаются из наганов, кольцо горцев сжимается. Спасайте пушки!… - кричал он, задыхаясь.

Старший офицер эскадрона, поэт и храбрец — барон Бодэ взмахнул шашкой.

Наше неистовое "ура!" чудом передалось по невидимой линии полка. Пушки были отбиты, и горцы на всем фронте обратились в бегство".

Не смотря на бешенную ночную атаку по громадному кукурузному полю, российские части так и не смогли взять аул. Полковнику Глебову пришлось еще несколько раз пытаться взять штурмом главную базу чеченцев. Стоит вспомнить, что "Необыкновенные приключения доктора" блестяще дополняют нами уже процитированные строки из рассказа однополчанина будущего писателя о взятии этого важного стратегического пункта:

"Узун-ханжи в Чечен-ауле. Аул растянулся на плоскости на фоне синеватой дымки гор. В плоском Ханкальском ущелье пылят по дорогам арбы, двуколки. Кизлярогребенские казаки стали на левом фланге, гусары на правом. На вытоптанных кукурузных полях батареи. Бьют шрапнелью по Узуну. Чеченцы как черти дерутся с "белыми чертями". У речонки, на берегу которой валяется разбухший труп лошади, на двуколке треплется краснокрестный флаг. Сюда волокут ко мне окровавленных казаков, и они умирают у меня на руках.

Грозовая туча ушла за горы. Льет жгучее солнце, и я жадно глотаю смрадную воду из манерки. Мечутся две сестры, поднимают бессильно свесившиеся головы на соломе двуколок, перевязывают белыми бинтами, поят водой.

Пулеметы гремят дружно целой стаей.

Чеченцы шпарят из аула. Бьются отчаянно. Но ничего не выйдет. Возьмут аул и зажгут. Где ж им с двумя паршивыми трехдюймовками устоять против грех батарей кубанской пехоты…

С гортанными воплями понесся их лихой конный полк вытоптанными, зыжженными кукурузными пространствами. Ударил с фланга в терских казачков.

Те чуть тёку не дали. Но подсыпали кубанцы, опять застрочили пулеметы л загнали наездников за кукурузные поля на плато, где видны в бинокль обреченные сакли. (…)

Готово дело. С сакли поднялись клубы черного дыма. Терцы

поскакали за кукурузные пространства. Опять взвыл пулемет, но очень скоро перестал.

Взяли Чечен-аул…

И вот мы на плато. Огненные столбы взлетают к небу. Пылают белые домики, заборы, трещат деревья. По кривым уличкам метет пламенная вьюга, отдельные дымки свиваются в одну тучу, и ее тихо относит на задний план к декорации оперы "Демон".

В результате двухдневных боев Чечен-аул пал. Остатки войск Узун-Ханжи, онимые гусарами и казаками, вынуждены были вновь укрыться в горах. Этот выигранный бой, в котором в качестве военного врача участвовал Михаил Афанасьевич Булгаков, стал главным результатом всей экспедиции. В юследующем чеченцы почти без сопротивления переходили на сторону белых. Зскоре из них была даже сформирована целая дивизия, которая воевала с красными на Украине и в Крыму. О самом интересном замирении чеченского селения поведал нам поручик Станюкович. Интересно то, что с чеченцами именно из этого селения встретился отставший с медицинской двуколкой Михаил Афанасьевич, о чем он так же рассказал в "Необыкновенных приключениях доктора". Вот что повествует в своих воспоминаниях Н. Станюкович:

"И вот луч солнца прорвался в расщелину гор и упал прямо на холм, увенчанный аулом — целью нашей экспедиции. Аул, как чалмой, прикрывает темя холма. Дворы верхнего кольца строений, окружающие мечеть с минаретом, являются крышами-потолками для следующего ряда, ниспадая ярус за ярусом. Надменно смотрела эта крепость Ислама на приближение "гяуров", но за дальностью расстояния и неровностью почвы аул казался безжизненным.

Однако, сверху нас заметили. Еще две, три петли дороги, и перед полком, заслоняя свой дом, рассыпавшись цепью, красовался конный отряд значительной численности. Я сказал "красовался" и не оговорился: под зеленым знаменем Пророка стояли всадники на бесподобных легких конях арабских кровей. Горцы вышли в бой, нарядившись в праздничные черкески, увешенные холодным оружием. Кинжалы и гнутые шашки "клынчи" дамасской закалки, в серебряных и золотых ножнах, усыпанных самоцветами. Большинство было вооружено старинными пищалями, но встречались и винтовки турецкого образца. Их возглавляли величественные белобородые старики под зелеными чалмами паломников Мекки. Горцы стояли в полной неподвижности, как бы позируя для потомства. Да, в сущности, оно так и было… (…)

Но вот мы вышли на ровное поле. Полковник Г-бов своим знаменитым командным голосом взревел:

Полк в атаку — марш, марш!!! — и тысяча всадников, обнажив шашки, с места перешла в галоп с таким сокрушающим "Ура!", которое, казалось, вырвалось из одной исполинской груди.

Раздалось ответное — Алла! — и две конные массы понеслись друг другу на встречу.

Но что это? Горцы, несмотря на поощрения стариков, начинают сдавать, осаживать и вдруг, с такой же стремительностью, поворачивают своих скакунов и уносятся вдоль стен оставляемого аула в надежное ущелье… (…)

Не прошло и двух часов, как на соседнем холме показался наш противник. Белый флаг теперь соседствовал с зеленым, но это нисколько не мешало ни красоте, ни величественности зрелища.

Полковник Г-бов один выехал вперед, жестом предлагая старейшинам приблизиться.

Спустившись в пологую долину, около полусотни горцев, возглавляемых своими патриархами, поднялись к нам и остановились в ожидании. Полковник, сопровождаемый одним "толмачем"-переводчиком, двинулся навстречу. Выехал вперед и глава аула. Он неторопливо отстегнул свой драгоценный клынч, поцеловал его и с глубоким достоинством поклонился, говоря на прекрасном русском языке:

Полковник, дарю тебе мое оружие. Я ошибся — признаю. И пусть наш путь будет впредь общим.

— Верю, — последовал ответ. — Война окончена. Между нами дружба".

В тот же самый день, спустя всего несколько часов после заключения мира между белым отрядом и чеченцами, по той же дороге проследовал и Михаил Афанасьевич Булгаков со своими спутниками. Естественно, о мире он знать не мог, а потому, увидев чеченцев, приготовился к близкой смерти: "Готово! Налетели. Вот они, горы, в двух шагах. Вон ущелье. А из ущелья катят. Кони-то, кони! Шашки в серебре… Интересно, кому достанется моя записная книжка? Так никто и не прочтет! У Шугаева лицо цвета зеленоватого. Вероятно, и у меня такое же. Машинально пошевелил браунинг в кармане. Глупости. Что он поможет! Шугаев дернулся. Хотел погнать лошадей и замер.

Глупости. Кони у них — смотреть приятно. Куда ускачешь на двух обозных? Да и шагу не сделаешь. Вскинет любой винтовку, приложится, и кончен бал.

Э-хе-хе, — только и произнес Шугаев.

Заметили. Подняли пыль. Летят к нам. Доскакали. Зубы

белые сверкают, серебро сверкает. Глянул на солнышко. До свиданья, солнышко…

… И чудеса в решете!.. Наскакали, лошади кругом танцуют. Не хватают, галдят: Та-ла-га-га!

Черт их знает, что они хотят. Впился рукой в кармане в ручку браунинга, предохранитель на огонь перевел. Схватят — суну в рот. Так оно лучше. Так научили.

А те галдят, в грудь себя бьют, зубы скалят, указывают вдаль (…)

Мирные! Мирные, господин доктор. Замирили их. Говорят, что наши через Болгатоэ на Шали-аул пошли. Проводить хотят! Да вот и наши!. С места не сойти, наши! (…) Горит аул. Узуна гонят. Ночь холодная. Жмемся к костру. Пламя играет на рукоятках. Они сидят поджавши ноги и загадочно смотрят на красный крест на моем рукаве. Это замиренные, покорившиеся. Наши союзники. Шугаев пальцами и языком рассказывает, что я самый главный и важный доктор. Те кивают головами, на лицах почтение, в глазах блеск. Но ежели бы версты две подальше…"

В конце декабря Михаил Афанасьевич Булгаков вместе с ранеными александрийцами вернулся в Грозный, откуда вскоре поездом выехал в Пятигорск. Вполне возможно, что по дороге из Грозного в Пятигорск произошло крушение воинского эшелона, описание которого мы так же встречаем в "необыкновенных приключениях доктора". В начале января 1920 года Михаил Булгаков окончательно вернулся во Владикавказский военный госпиталь, где работал до прихода красных. В это же время во владикавказских газетах появились литературные очерки Михаила Афанасьевича. Уже в феврале 1920 года Булгаков полностью переключился на журналистскую работу. Во время вступления в город Красных частей Михаил Афанасьевич заболел возвратным тифом, а потому даже не подвергался проверке ЧК. Таким образом, Михаил Булгаков избежал репрессий со стороны красных за службу в Кавказской белогвардейской армии.

Для Михаила Афанасьевича начался новый этап в жизни — путь советского журналиста и выдающегося писателя. Медицина, Андреевский спуск, офицерские погоны канули в лету и остались лишь на страницах произведений Михаила Булгакова. Уже 1920 году на сцене 1 — го советского Владикавказского театра была поставлена пьеса Булгакова "Братья Турбины (Пробил час)", ставшая самым ранним вариантом "Дней Турбиных". Для Михаила Афанасьевича Булгакова гражданская война закончилась.

Юнкерская эпопея Николая Булгакова

Юнкерская эпопея Николая Булгакова

В российской армии до революции было правило: если в армейском полку имелось несколько человек с одинаковой фамилией, то по старшинству чинов они получали к своим фамилиям еще и номера. У казаков российской армии эти номера довались не в масштабах полка, а в масштабах казачьего войска. Так, если в Донском казачьем войске в какой-то период служило двадцать четыре офицера с фамилией Греков, то именовались они, начиная от Грекова Первого и заканчивая Грековым Двадцать Четвертым. Такая же история приключилась и с братьями Булгаковыми во время их службы в войсках, защищающих Киев и гетмана Скоропадского от украинской армии С. Петлюры. Николай Булгаков, младший брат писателя, вновь надев военный мундир, на долгих два года гражданской войны стал Булгаковым Вторым.

Образ литературного героя Николки Турбина, созданный в романе "Белая гвардия", практически во всем соответствует реальному историческому прототипу — брату писателя Николаю Афанасьевичу. Во внешних описаниях, повадках, характере, судьбе Николая Турбина очень четко просматривается Николай Булгаков. На идентичности литературного образа и прототипа мы и построили наше повествование о Николае Афанасьевиче Булгакове.

В июне 1917 года Коля Булгаков окончил 1-ю Киевскую Александровскую гимназию, и, несмотря на то, что хотел поступить на медицинский факультет Киевского университета, из-за военных событий на фронте 15 июля 1917 года стал юнкером Киевского инженерного училища, которое по старинке называли Алексеевским.

Юнкера-алексеевцы к своему скудно-зеленому цвету мундира имели ярко-красные околыши на фуражках и такие же погоны, обшитые серебряным кантом. Это их выгодно выделяло из общей юнкерской массы города Киева, в котором в то время находилось четыре военных училища (считая и инженерное) и пять школ прапорщиков. В этих девяти военных учебных заведениях одновременно проходило четырех-шестимесячный (а в

Алексеевском инженерном училище — девятимесячный) курс подготовки до четырех тысяч мальчишек, носивших на плечах юнкерские погоны всевозможных цветов: светло-синего (константиновцы-пехотинцы), белого (николаевцы-пехотинцы), грязно-защитного (все школы прапорщиков и Николаевское артиллерийское училище). Алые околыши и погоны юнкеров-алексеевцев мы можем встретить на многих страницах романа "Белая гвардия". В этом нет ничего странного, поскольку все юнкера с 1917 года стали в семье Булгаковых ассоциироваться с Николкой и его юнкерской формой. Стоит добавить, что белая армия в 1918–1920 годах в подавляющем большинстве носила форму с ярко-красными погонами.

Интересной представляется еще одна деталь юнкерского быта Николая Булгакова, перешедшая в роман "Белая гвардия". Это песня "Идут, поют юнкера гвардейской школы", известная также как песня Николаевского кавалерийского училища "Бутылочка", переделанная на инженерный лад:

Сапоги фасонные,
Бескозырки тонные,
То юнкера-инженеры идут!

К сожалению, нам не известен полный "инженерный" вариант юнкерской песни Николки Булгакова (Турбина), а потому мы приведем ее по кавалерийскому первоисточнику:

Едут, поют юнкера гвардейской школы;
Трубы, литавры на солнце блестят.
Припев: Гей песнь моя, любимая,
буль-буль-буль бутылочка казенного вина (буль-буль-буль баклажечка походная моя).

Другой, более поздний вариант припева:

Грянем "Ура!", лихие юнкера,
За матушку Россию, за русского Царя!
Справа повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней.
Припев.
Съемки примерные, съемки глазомерные,
Вы научили нас водочку пить. (Вы научили нас женщин любить.)
Припев.

Справа и слева идут институточки (гимназисточки),
Как же нам, братцы, равненье держать?
Припев.
Здравствуйте барышни, здравствуйте милые,
Съемки у нас, юнкеров, начались!
Припев.
Наш эскадронный скомандовал: Смирно!
Руку (ручку) свою приложил к козырьку.
Припев.
Тронулся, двинулся, заколыхался
Алою лентой наш эскадрон.
Припев.

В советское время, когда на старые популярные мелодии слагались новые песни, не была обойдена вниманием и юнкерская "Бутылочка", ставшая… пионерской:

Смотрит вожатый, смотрят пионеры,
Что за отряд показался вдали и т. д.

Алексеевское инженерное училище было сравнительно молодым: сооружение здания его было закончено лишь к 1915 году, 15 апреля того же года состоялся и первый набор в училище. Таким образом, к середине 1917 года училище успело подготовить лишь пять выпусков молодых прапорщиков инженерных войск. Тем не менее, даже эти пять выпусков полностью удовлетворяли потребность в кадрах технических частей российской армий. Само училище находилось в здании, специально возведенном для него на самом краю города

— за Киево-Печерской лаврой (теперь здесь находится Киевский военный лицей

— бывшее Суворовское училище). Свое название оно получило в честь наследника престола Российской империи, цесаревича Алексея, единственного сына Николая II. Алексей номинально считался шефом и покровителем юнкеров-алексеевцев, которые носили его вензель на своих алых погонах. Естественно, что во время учебы в училище Николая Булгакова вензеля царевича Алексея были давно убраны с погон и фасада здания, а само училище официально именовалось Киевским инженерным. Однако это не мешало командованию, начальству и юнкерам в разговорах и военной переписке упорно именовать свое училище Алексеевским.

Начальником Алексеевского инженерного училища в 1917

году был генерал-лейтенант Евгений Феликсович Эльснер, известный ученый, конструктор и изобретатель. К тому времени ему было уже 50 лет, что для военного времени считалось порядочным возрастом. Именно поэтому бывший начальник снабжения Юго-Западного фронта генерал Эльснер был заменен молодым генералом, а сам получил назначение на должность начальника Алексеевского училища. Генерал Евгений Эльснер был человеком набожным и несколько суеверным, а потому частенько грешил тем, что "упоминал имя Господа всуе". Неудивительно, что в романе "Белая гвардия" Михаил Булгаков назвал Эльснера генералом Богородицким.

Итак, в июле 1917 года восемнадцатилетний гимназист-александровец Николай Булгаков в один миг преобразился в юнкера-алексеевца. Почему он избрал для поступления инженерное училище, а не пехотное или, скажем, артиллерийское? По всей видимости, этому есть несколько причин. Во-первых, закончив военно-инженерное училище, Н. Булгаков приобретал не только военную, но и гражданскую специальность, чего бы он не смог сделать ни в одном другом военном вузе. Во-вторых, быть военным инженером или артиллеристом в российской армии считалось очень престижным, поскольку образовательный уровень этих офицеров был несколько выше, нежели образовательный уровень кавалеристов или же пехотинцев. Ну а в третьих, инженерные войска российской армии на фронте несли значительно меньшие потери, нежели иные рода войск, посему надежды на то, что Николай Булгаков, будучи офицером-инженером останется в живых, было больше.

Впрочем, стать офицером инженерных войск Николаю Булгакову так и не удалось — революционные события помешали этому. Был 1917 год, в который свершилось целых два государственных переворота: Февральский, приведший к свержению монархии в России и Октябрьский, во время которого была свергнута демократия. Второй Октябрьский переворот не обошел стороной Киев и коснулся в большей степени юнкеров, среди которых был и Николка Булгаков.

Стоит сказать, что ни одно военное училище российской армии не поддержало Октябрьский переворот. Военная молодежь никогда в истории России не вмешивалась в политические события, честно служа не каким-либо партиям или движениям, а Родине. С Октябрьским переворотом юнкера стали врагами нового правительства, как люди, принявшие присягу старой, "контрреволюционной" власти и не воспринимающие политики большевистской партии. Юнкера, предаваемые даже своими

офицерами (тем же Тальбергом-Карумом), никогда перед противником не склоняли головы, предпочитая погибнуть. Военная молодежь, фактически святая в своих убеждениях, сделала многое, однако была вся истреблена большевиками. Именно таким был юнкер- алексеевец Николка Булгаков. 29 октября 1917 года волна юнкерских выступлений докатилась и до Киева. В то время в городе было три власти: обольшевиченный Совет рабочих и солдатских депутатов, стремившийся взять власть в свои руки, штаб Киевского военного округа, отстаивающий интересы несуществующего Временного правительства и пока что нейтральная украинская Центральная Рада. Комиссар Временного правительства в Киеве подполковник Иван Кириенко, родственник известного поэта Максимилиана Волошина, заявил, что не допустит в городе большевистского переворота. На это большевики ответили вооруженным восстанием, вспыхнувшим 29 октября 1917 года в 5 часов вечера. Основной опорой большевиков были солдаты и рабочие, а штаба округа — юнкера и студенты. Начались отчаянные уличные бои, в которых активное участие принимал и юнкер-алексеевец Николка Булгаков.

Первый кровавый эпизод киевских событий 29–31 октября был боем между юнкерами-алексеевцами и оболыиевиченными солдатами, рвавшимися к складам оружия на Печерске. Несмотря на крайне малую численность, юнкера сумели отразить натиск противника. А вечером на приступ восставшего завода "Арсенал" командование округом бросило юнкеров Константиновского и Алек- сеевского училищ, 1-й школы прапорщиков, студентов-добровольцев. Бои под стенами завода шли до 12 часов ночи. Многие юнкера и студенты сложили там свои головы.

Утром 30 октября константиновцы и алексеевцы (в том числе и Н. Булгаков) попытались разоружить некоторые большевистские воинские части, расположенные на Печерске. Но им этого сделать не удалось, и большевики перешли в наступление. Днем артиллерия, расположенная в Дарнице, выступила на стороне большевиков и открыла ураганный огонь по зданию Константиновского пехотного училища (теперь здесь находится Военный институт связи — бывшее училище связи им. Калинина), расположенного рядом с Алексеевским училищем. Юнкера-константиновцы были вынуждены покинуть здание своего училища, которое сразу же было занято солдатами-большевиками. Алексеевское инженерное училище оказалось в полном окружении. Вечером на штурм училища алексеевцев пошли сотни красногвардейцев и солдат. А в училище в то время была всего горстка юнкеров: по 100 человек на каждом из двух

курсов. 2-й курс защищал подступы к училищу, а 1-й курс был рассредоточен по окнам здания и вел непрерывную стрельбу. Был здесь и юнкер 1-го курса Николай Булгаков. Именно в это время, опасаясь за судьбу сына, к училищу с Подола пробралась мать, Варвара Михайловна Булгакова: "…когда в 7.30 часов вечера мы с Колей сделали попытку (он был отпущен на 15 минут проводить меня) выйти в город мимо Константиновского училища — начался обстрел этого училища… Мы только что миновали каменную стену перед Конст. училищем, когда грянул первый выстрел. Мы бросились назад и укрылись за небольшой выступ стены; но когда начался перекрестный огонь по училищу и обратно, — мы очутились в сфере огня — пули шлепались о ту стену, где мы стояли. По счастью, среди случайной публики (человек 6) пытавшейся здесь укрыться, был офицер: он скомандовал нам лечь на землю, как можно ближе к стене. Мы пережили ужасный час: трещали пулеметы и ружейные выстрелы, пули "цокались" о стену, а потом присоединилось уханье снарядов… Но, видно, наш смертельный час еще не пришел, и мы с Колей остались живые (одну женщину убило). В короткий промежуток между выстрелами мы успели

(по команде того же офицера) перебежать обратно до Инженерного училища". В последующем Варвара Михайловна смогла через Демиевку пройти в центр города, откуда попала на Подол. Николка же остался со своими товарищами сражаться в здании училища.

Поздно вечером 30 октября на сторону большевиков перешли некоторые украинские части. Центральная Рада своими войсками прочно заняла большую Часть города. В этой ситуации почти все военные училища и школы прапорщиков, с целью сохранения жизни своих воспитанников, объявили о поддержке Центральной Рады и самоустранялись от продолжения участия в боях между большевиками и штабом округа. Ночью о капитуляции заявил и начальник Алексеевского инженерного училища генерал Эльснер. Помните, об этом есть упоминание и в "Белой гвардии": "Училище. Облупленные александровские колонны, пушки. Ползут юнкера на животиках от окна к окну, отстреливаются. Пулеметы в окнах.

Туча солдат осадила училище, ну, форменная туча. Что поделаешь. Испугался генерал Богородицкий и сдался, сдался с юнкерами. Па-а-зор…"У т — ром 31 октября сопротивление продолжили лишь горстка чинов штаба Киевского военного округа и отдельные добровольцы. Но и они через некоторое время сложили оружие. Власть в городе полностью перешла в руки Центральной Рады. С разрешения последней, из Киева на Дон, в

зарождающуюся Добровольческую белогвардейскую армию генералов Алексеева и Корнилова отправились во главе с подполковником И. Кириенко все желающие "контрреволюционеры" из числа защитников штаба округа. Среди них было и много киевских юнкеров. Николай Булгаков с Кириенко не поехал, а остался в Киеве. Службы в Добровольческой армии ему таки не удалось избежать, правда, попал он туда лишь в 1919 году, но… об этом мы еще расскажем.

Впрочем, с Кириенко таки ушел на Дон один из косвенных героев "Белой гвардии", родной брат Натальи Владимировны Рейс, воплощенной в романе в образе возлюбленной Алексея Турбина Юлией Рейсс, капитан Петр Рейс. В то время он был курсовым офицером Константиновского пехотного училища, коллегой Леонида Карума (прототипа Тальберга), с которым ему еще приходилось работать в 1919–1920 годах.

В начале ноября в соответствии с приказом военного министра Центральной Рады Симона Петлюры Алексеевское инженерное училище было закрыто. Старший курс алексеевцев досрочно получил погоны прапорщиков инженерных войск, младший же курс, проучившись всего четыре месяца вместо положенных девяти, был распущен по домам. Алексеевское инженерное училище,

функционировавшее всего неполных три года, навсегда прекратило свое существование.

Среди бывших юнкеров-алексеевцев, несостоявшихся

офицеров инженерных войск, был и Николай Булгаков, который отказался доучиваться в украинских военных вузах, где начались занятия еще в сентябре 1917 года. Фактически, вчерашний юнкер оказался, образно говоря, на улице: без высшего образования, без работы и какого-либо статуса ему пришлось просто сидеть дома.

Несмотря на то, что Николка снял свой военный мундир и стал простым безработным, его коснулся и третий переворот в Киеве — вооруженная борьба между войсками Центральной Рады и большевиками в конце января — начале февраля 1918 года, которая закончилась победой последних. Многие бывшие юнкера примкнули к украинским частям, чтобы с оружием в руках драться со своими давнишними врагами — большевиками. Николай Булгаков, не симпатизируя Центральной Раде, устранился от активных действий, и был безучастным свидетелем десятидневных уличных боев в Киеве. Правда, для него это не прошло даром: в один из дней обстрела города большевистской тяжелой артиллерией Николка был легко ранен обломками кирпичей, ударившими его после разрыва очередного снаряда.

Вот что об этом эпизоде из жизни Н. Булгакова мы находим в отрывке романа "Белая гвардия", повествующем о судьбе литературного образа последнего, Николая Турбина: "Николка, получив из рук Василия Ивановича сахарную карточку восемнадцатого января восемнадцатого года, вместо сахара получил страшный удар камнем в спину на Крещатике и два дня плевал кровью. (Снаряд лопнул как раз над сахарной очередью, состоящей из бесстрашных людей). Придя домой, держась за стенки и зеленея, Николка все-таки улыбнулся, чтобы не испугать Елену, наплевал полный таз кровяных пятен и на вопль Елены:

— Господи! Что же это такое?!

Ответил:

— Это Василисин сахар, черт бы его взял! — и после этого стал белым и рухнул на бок".

Контузия Николая Булгакова была легкой, а потому он достаточно быстро смог оправиться, и к четвертому перевороту в Киеве, состоявшемуся 1 марта 1918 года (н. ст.), был уже на ногах. В городе вновь воцарилась Центральная Рада, на первых порах поддерживаемая немецкими войсками, оккупировавшими Украину.

На Украине вновь стали функционировать высшие учебные заведения, в том числе — Киевский университет Святого Владимира. Военные училища так и не были восстановлены, а потому Н. Булгаков в армейской среде долгое время считался недоучившимся юнкером. 1 сентября 1918 года юнкер 1-го курса Алексеевского инженерного училища стал студентом 1 — го

курса медицинского факультета.

Несколько видоизменился студенческий состав факультета. Как известно, в 1917 году на общих основаниях разрешили обучаться в высших учебных заведениях и женщинам. Этот закон не был изменен и при гетмане Скоропадском, а потому Киевский университет значительно пополнился девушками. Это добавило разнородности и медицинскому факультету, на 1 — й курс которого попали в подавляющем большинстве люди, знакомые со страданиями и смертью: фронтовые фельдшера и медсестры, младшие офицеры, наконец, бывшие юнкера.

В университете Николай Булгаков проучился чуть больше двух месяцев. Уже в конце октября в городе стали витать тревожные слухи о поражении немецких войск на фронте, развале австро-венгерской армии, голоде, забастовках и митингах в Германии и Австрии, а в довершение — восстаниях в украинских селах. В такой ситуации Киев постепенно стал мобилизовываться и вновь принимать военный облик. Гетман Скоропадский объявил о формировании Особого корпуса из русских офицеров, не желавших поступать в украинскую армию. Параллельно формировалась и так называемая Национальная гвардия — дружины, состоящие из офицеров военного времени — граждан Украины, которым в гетманской армии из-за неполного военного образования не нашлось места. В эти же дружины поступали бывшие юнкера, вольноопределяющиеся, сверхсрочные унтер-офицеры и добровольцы.

Военная молодежь Киевского университета горячо поддержала формирование Киевской добровольческой дружины Национальной гвардии под командованием генерал-майора Льва Николаевича Кирпичева. Это дружина создавалась под патронажем министерства внутренних дел Украины и непосредственным покровительством министра Кистяковского, которому гетман Скоропадский предоставил неограниченные полномочия. Параллельно с дружиной Кирпичева шло формирование 1 — й офицерской добровольческой дружины полковника Святополк-Мирского Особого корпуса.

14 ноября 1918 года в Киеве неожиданно для жителей города было объявлено военное положение, в соответствии с которым были временно закрыты все высшие учебные заведения, запрещены всякие сборища, манифестации, демонстрации. Уже 15 ноября это привело к столкновению между небольшой частью штатских лиц студенчества университета и частями 1-й офицерской дружины. Дав залп по демонстрантам, офицеры быстро навели порядок в городе.

Что же случилось на самом деле? А случилось то, что

Украинский Национальный союз, выделив из своего состава Директорию, поднял 14 ноября восстание против гетмана Скоропадского и его власти. К Директории стали быстро присоединяться крестьяне и патриотически настроенные воинские части, которые из Белой Церкви перешли в наступление на Киев. С получением этих известий Киев сразу разделился на две части: украинских патриотов и социалистов, сочувствующих Директории, и, образно говоря, белогвардейцев — приверженцев генерала Деникина. Между двумя лагерями гетману Скоропадскому места не нашлось…

14 ноября дружины генерала Кирпичева и полковника Святополк- Мирского объявили о том, что являются частью Добровольческой белогвардейской армии генерала Деникина. Над штабом дружины Кирпичева на Прорезной, 23 был поднят российский флаг. В этот же день из всех закрытых на некоторое время высших учебных заведений в добровольческие дружины толпами повалили бывшие военные. Студенты Киевского университета в своем подавляющем большинстве поступили в Киевскую дружину генерала Кирпичева, что уберегло их от скорой и неминуемой смерти.

16 ноября 1-я офицерская дружина Святополк-Мирского отбыла из города в неизвестном направлении. А через несколько дней Киев узнал о полном разгроме и гибели этой дружины под станцией Мотовиловкой. Уже 20 ноября под городом начались бои между войсками Директории и частями, защищавшими Киев. Этот день стал отправной точкой и в романе Михаила Булгакова "Белая гвардия", а потому нам стоит вернуться к нему, чтобы рассказать о дальнейшей судьбе Николая Булгакова:

"У ног его (Алексея Турбина — прим. авт.) на скамеечке Николка с вихром, вытянув ноги почти до буфета, — столовая маленькая. Ноги в сапогах с пряжками. Николкина подруга, гитара, нежно и глухо: трень… Неопределенно трень… потому что пока что, видите ли, ничего еще толком не известно. Тревожно в Городе, туманно, плохо…

На плечах у Николки унтер-офицерские погоны с белыми нашивками, а на левом рукаве остроуглый трехцветный шеврон. (Дружина первая, пехотная, третий ее отдел. Формируется четвертый день ввиду начинающихся событий.)"

Уже из этого описания нам становится ясным, что литературный персонаж Николай Турбин попал именно в Киевскую дружину генерала Кирпичева. В иной части, кроме этой дружины, он просто не мог служить, поскольку к 20 ноября в городе оставалась лишь одна полнокровная дружина — кирпичевская. Не будем мы акцентировать внимание и на том,

что "остроуглый трехцветный шеврон" — нашивку Добровольческой белогвардейской армии — в то время носила из всех воинских частей Киева лишь дружина Кирпичева. Кроме нее заявила о своей приверженности генералу Деникину только дружина полковника Святополк-Мирского, но офицеры последней до своего разгрома физически не успели нашить на рукава соответствующие шевроны. Дело в том, что единственной частью, имевшей разбивку на отделы и подотделы, была Киевская дружина генерала Кирпичева. Эта дружина изначально формировалась для внутренней охраны города, а потому общепринятая воинская структура (четыре роты в дружине) ей была неприемлема. В Киеве в то время имелось восемь полицейских участков (районов), для каждого участка создавался свой отдел дружины. Именно поэтому Киевская добровольческая дружина по планам должна была иметь в своем составе восемь пехотных отделов (рот), 9-й инженерный отдел, а также конную команду. Таким образом, принадлежность Николки к третьему отделу дружины ясно дает понять, что речь идет именно о Киевской добровольческой дружине генерала Кирпичева, и не о какой иной.

К 20 ноября Киевская добровольческая дружина генерала Кирпичева, по большому счету, имела ничтожный состав: полностью сформированными были лишь 1-й, 2-й, 3-й, частично 4-й отделы. Прочие же отделы только приступили к формированию. По воспоминаниям Р. Гуля, 2-й отдел Киевской дружины к началу боевых действий насчитывал всего 60 человек. Приблизительно столько же бойцов числилось в 4-м отделе. 1-й и 3-й отделы (из военных студентов) были укомплектованы почти полностью — имели более 100 человек каждый. Вскоре более-менее был укомплектован 5-й отдел, состоявший из бывших офицеров Императорской гвардии, в основном — товарищей Шервинского (Юрия Леонидовича Гладыревского).

Уже утром 19 ноября защищать Киев от войск Директории отправился 1-й отдел. Вечером того же дня на вокзал отправился доукомплектованный 2- й отдел, а также пополнения для разбитой дружины Святополк-Мирского. 20 ноября на фронт под Киев выехали части только начавшей формирование 2- й офицерской дружины полковника Рубанова, в тот же день обращенные на пополнение дружины Святополк-Мирского. 21 ноября наступил черед 3-го и 4- го отделов Киевской дружины генерала Кирпичева, а вместе с ними — и Николая Булгакова.

Отъезд из дома литературного героя Николки Турбина в "Белой гвардии" почти не упоминается: "Николка спозаранку свернул какой-то таинственный красненький узелок, покряхтел —

эх, эх… и отправился к себе в дружину…" Если учесть, что к судьбе Николки Михаил Булгаков в своем романе возвращается лишь в последний день обороны Киева от войск Петлюры (а это 14 декабря), то можно смело утверждать, что абсолютно никто не знал, где находился и чем занимался Н. Булгаков с 21 ноября по 14 декабря 1918 года. Зная общую историческую картину того времени, мы попробуем восстановить биографию Николая Булгакова в этот период.

Начиная с вечера 19 ноября киевские и украинские части, двигаясь параллельно Днепру, вступая в боевые столкновения друг с другом, занимали села, составляющие окраину города. Уже 21 ноября без особых осложнений войска Директории заняли село Игнатьевку (теперь находится в городской черте), чем перерезали дорогу из Киева в Житомир. Чтобы не допустить противника по Житомирской дороге к городу, в Петропавловской Борщаговке заняли оборону 2-й отдел дружины Кирпичева и разбегающиеся сердюки (гетманская гвардия). В их тылу (Святошинском лесу) вечером того же дня расположился 3-й отдел, в котором находился и юнкер Николай Булгаков.

Ранним утром 22 ноября по всему фронту начались отчаянные бои. Украинские части, выбив из Петропавловской Борщаговки 2-й отдел, на некоторое время заняли село. Подразделения Директории пытались продвинуться дальше к Святошину, но там были остановлены сильным ружейным и пулеметным огнем 3-го отдела Николки Булгакова. В это время на севере Петропавловской Борщаговки отзвуком расстрела украинского патруля обнаружил себя один из подотделов (40 офицеров) отступившего из села 2-го отдела дружины генерала Кирпичева. Этот отдел был окружен украинскими подразделениями и почти в полном составе взят в плен. Четверо офицеров были сразу же убиты, еще 29 расстреляны после импровизированного суда. Тела офицеров и добровольцев оставались в Петропавловской Борщаговке и были зверски изуродованы крестьянами.

Днем 22 ноября на выручку разгромленного 2-го отдела был двинут в атаку весь 3-й отдел дружины Кирпичева. Этот отдел выбил из села украинские части, отбил изуродованные тела своих товарищей и захватил одно орудие. Тела были настолько обезличены, что немногих офицеров удалось опознать. День похорон 27 ноября этих 33 офицеров в Киеве и стал вторым днем булгаковской "Белой гвардии". Сами похороны были также описаны Михаилом Булгаковым в романе, о чем мы уже говорили.

23 ноября 3-й отдел, подержанный со стороны Святошина батальоном немцев, продолжил наступление на село Игнатьевку.

Однако это наступление кроме ощутимых потерь ничего не принесло, и офицеры с добровольцами возвратились в Петропавловскую Борщаговку. Последующие дни на фронте протекали в активной ружейной и артиллерийской перестрелке, причем 26 и

27 ноября немцы вновь переходили в наступление. Это привело к тому, что уже

28 ноября под Киевом между немецким советом солдатских депутатов и Директорией было заключено перемирие до 9 декабря 1918 года, в соответствии с которым украинские войска обязались не предпринимать активных действий на фронте под Киевом до полного вывода из города немецких войск. Кроме того, полки Директории отводились на 20 километров от Киева, что исключало любые действия военного характера под городом. Начиная с 23 ноября офицеры и добровольцы были лишь бесправными свидетелями боев и переговоров между немцами и украинцами. И если последние считались противниками, то первые по идее должны были оставаться союзниками…

По большому счету, немцы спасли добровольческие части, в том числе и 3-й отдел Николая Булгакова, от разгрома и верной гибели. Вряд ли с теми мизерными силами, которые располагались под Киевом, можно было удержать город. А пока на фронте под городом царило перемирие. Немцы через Фастов отправляли свои войска на родину. Войска Директории все плотнее сжимали кольцо вокруг Киева, захватив и перерезав все железнодорожные ветки и дороги, ведущие в город. На остальной части Украины борьба между украинскими частями и гетманцами прекратилась или была на стадии завершения: всем стало ясно, что победила Директория, с которой вынуждены были пойти на переговоры даже немцы.

А что же добровольческие части, а как же Николай Булгаков? Они продолжали гнить в стужу и лютый мороз на занесенных снегом позициях, и никому из командования не было дела до защитников Города "Белой гвардии".

После того, как подавляющее большинство немецких солдат оставило Киев, а войска Директории возросли до колоссальных размеров, стало ясно, что Киев не удержать. Утром 14 декабря 1918 года добровольческие части оставили фронт и бросились в Киев. За ними по пятам, не вступая в бой, шли украинские части. Бойцы дружины Кирпичева сгрудились у здания Педагогического музея, где вынуждены были принять капитуляцию. Они стали пленниками, и были собраны в музее.

Описанное в романе бегство Николки Турбина с Политехнического (Брест-Литовского) шоссе является вымыслом.

Об этом мы уже говорили в разделе, посвященном образу Най-Турса, прототипом которого во многом стал граф Федор Артурович Келлер. В указанное в романе время добровольческие части уже давно капитулировали, на Брест-Литовском шоссе находились украинско-немецкие караулы, и никаких боев там быть не могло. Вероятно, Михаил Булгаков описал местность, по которой должен был бежать Николка Турбин, по памяти, находясь в Москве. Описание имеет громаднейшее количество неточностей. Именно поэтому пройти указанным маршрутом невозможно, реально он не существует.

На самом деле юнкер дружины Кирпичева вместе со своими боевыми товарищами стал "экспонатом" Педагогического музея. Этот факт имеет подтверждение в воспоминаниях его близких и родственников. Не будем говорить о состоянии офицеров и добровольцев, находящихся в плену. Остановимся лишь на одном весьма интересном историческом факте, тесно связанном с судьбой Николая Булгакова.

В романе "Белая гвардия" Николай Турбин умирает. В "Красной короне" автор повествования также хоронит тяжело раненого в голову героя- кавалериста — своего предполагаемого брата. Родные Николая Булгакова вспоминали, что во время гражданской войны он получил тяжелое ранение в голову. Нам известно, что в 1920 году Николай Булгаков был действительно ранен, но не в голову. Само ранение анение было получено несколько ранее. Что же это за ранение?

В киевских газетах конца декабря 1918 года мы находим ряд упоминаний о загадочном взрыве в Педагогическом музее, повлекшим за собой тяжелые ранения 22 и легкие ранения 48 офицеров и добровольцев. Двое казаков-охранников в результате взрыва было убито. Взрыв, произошедший вечером 27 декабря 1918 года, остался до сих пор не исследованным. Непонятно, кто и для чего устроил его. В списках пострадавших мы находим юнкера Булгакова Второго, раненого в голову. Наш ли это Николай Булгаков, или же какой-либо иной — понять сложно. Скажем лишь, что в событиях конца 1918 года в Киеве кроме известной семьи Булгаковых других носителей этой фамилии из среды военных мы не знаем. Не встречали мы и среди киевских юнкеров 1917 года лиц, носивших эту фамилию, кроме самого Николки, конечно. Вместе с тем, нам доподлинно известно, что во время взрыва Николай Булгаков находился в музее. Именно поэтому мы имеем твердое убеждение, что раненым в голову был именно Николка.

Что же случилось на самом деле в Педагогическом музее? На этот счет существуют различные версии. Газеты утверждали, что

"бомбу наверное брошено с автомобиля, который сразу после этого сбежал". Плененные офицеры и добровольцы во всем обвиняли петлюровцев, последние утверждали, что взрыв устроили сами пленные, чтобы иметь возможность бежать. Все имеющиеся версии выглядели, мягко говоря, абсурдными, а потому установить, кто и для чего организовал взрыв в музее, было сложно. Впрочем, во время взрыва действительно удалось бежать одному из главных действующих лиц борьбы за Киев генералу Волховскому с… петлюровским комендантом Педагогического музея.

Вот что вспоминал о взрыве один из пленников, Р. Гуль: "Я, сжатый с обеих сторон другими, задремал. Но вдруг вскочил от невероятного треска, взрыва. Показалось, что падают стены, рушится здание… Вылетели, дребезжа окна. И тут же раздался дикий крик сотен голосов. Люди вскочили с мест, бросились, побежали к дверям по лежащим. Страшный крик не прекращается. "Из пушек по нас стреляют!" кричит кто то. "Господа спокойно! Это взрыв!" доносятся голоса среди общего шума… Бежать конечно, некуда. Но все ждут второго удара и метнулись, сами не зная куда.

В отворенные двери нашей комнаты стали входить окровавленные раненые. Забегали сестры.

В соседнем круглом зале громадный купол из толстого стекла рухнул вниз — на лежащих. Стекла падали с такой силой, что пробивали насквозь стулья. Здесь — стоны, крики, паника отчаяния. Раненые с окровавленными лицами, руками, одеждой толпятся — выбегая из комнаты. Есть тяжело раненые".

А вот что вспоминал еще один пленный офицер И. Бобарыков: "Окно комнаты, в котором мы сидели, выходящее в парк, уцелело, но дверь, выходившая в коридор подле вестибюля, открылась. Сразу после взрыва мы услышали немецкие команды и трехэтажную русскую ругань, которой украинский караульный начальник старался привести в порядок своих подчиненных".

Всем раненым офицерам и добровольцам на месте оказывали медицинскую помощь. Почти никого из них на свободу так и не отпустили. О взрыве в Педагогическом музее стало туг же известно всему городу. Многие, кто имел среди пленных своих близких в эту и последующие ночи не сомкнули глаз. О пострадавших стало известно лишь 29 декабря. Здесь стоит вернуться к загадочному сну Елены Турбиной из "Белой гвардии":

"— А смерть придет, помирать будем… — пропел Николка и вошел. В руках у него была гитара, но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками. Елена мгновенно подумала, что он умрет, и горько зарыдала и проснулась с криком в ночи:

Николка. О, Николка?

И долго, всхлипывая, слушала бормотание ночи".

Этот отрывок из романа многим читателям казался странным, поскольку повествовал о живом Николке Турбине, спящем в соседней комнате. Может быть, именно эпизод с пленением Николая Булгакова, его пребыванием в музее и имеющем место ранением послужил для введения в роман этого печального сна Елены. Тем более что о судьбе Николая в семье Булгаковых долгое время ничего не знали.

Из скудных воспоминаний родственников, основанных на воспоминаниях самого Николая Афанасьевича, мы знаем, что он совершил побег из музея. Правда, когда именно бежал Николай Булгаков из плена, и в каком состоянии — остается загадкой. Как вспоминала Елена Сергеевна Булгакова со слов супруги Николая Афанасьевича: "Когда петлюровцы пришли, они потребовали, чтобы все офицеры и юнкера собрались в Педагогическом музее… Двери заперли. Коля сказал: "Господа, нужно бежать, это ловушка". Никто не решался. Коля поднялся на второй этаж (помещение этого музея он знал, как свои пять пальцев) и через какое-то окно выбрался во двор — во дворе был снег, и он упал в снег. Это был двор их гимназии, и Коля пробрался в гимназию, где ему встретился Максим (надзиратель). Нужно было сменить юнкерскую одежду. Максим забрал его вещи, дал ему надеть свой костюм, а Коля другим ходом выбрался — в штатском — из гимназии и пошел домой…" (Цитируется по книге "Киев Михаила Булгакова").

Этот рассказ, уже поддернутый пеленой истории и дошедший до нас через третьи руки, имеет ряд исторических неточностей. Кроме того, сигануть со второго этажа Педагогического музея достаточно сложно, даже если внизу снег. Сей побег Николки в изложении Елены Сергеевны нам как-то пришлось даже повторить — впечатления от него остались пресквернейшие. Из рассказа следует только то, что Николаю Булгакову удалось уйти из плена. Благодаря чему — это уже тайна. Не исключено, что не было и самого побега, — Николка был отпущен лишь благодаря своему ранению.

Последствия ранения брата пришлось видеть Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Если учесть, что на протяжении гражданской войны Михаил и Николай оставались вместе лишь с весны 1918 по осень 1919 года, то станет понятным, что упомянутое ранение в голову писатель мог наблюдать лишь во время Гетманской эпопеи. В другое время на глазах у брата Николай Булгаков просто не мог быть ранен, поскольку активных боевых действий в Киеве, в которых они могли бы принимать

участие, в указанные месяцы почти не было. А если бы не было ранения брата в голову, Михаил Афанасьевич не написал бы свой рассказ "Красная корона", в котором есть такие строки:

"Щурясь от солнца, я глядел на странный маскарад. Уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной. И день окончился. Стал черный щит, на нем цветной головой убор. Не было волос и не было лба. Вместо него был красный венчик с желтыми зубьями — клочьями.

Всадник — брат мой, в красной лохматой короне, сидел неподвижно на взмыленной лошади, и если б не поддерживал его бережно правый, можно было бы подумать: он едет на парад.

Всадник был горд в седле, но он был слеп и нем. Два красных пятна с потеками были там, где час назад светились ясные глаза…

Левый всадник спешился, левой рукой схватил повод, а правой тихонько потянул Колю за руку. Тот качнулся.

И голос сказал:

Эх, вольноопределяющегося нашего… осколком".

Конечно же, ранение Николая Булгакова было не таким страшным, как это видно из "Красной короны". Но, тем не менее, некоторые нервные расстройства, связанные с ранением в голову, преследовали Николая Афанасьевича всю его дальнейшую жизнь.

А как же, спросите вы, поиски тела Най-Турса, и роман Николки с Ириной Най-Турс? Дело в том, что не было никаких поисков погибшего Най- Турса — графа Федора Артуровича Келлера. У последнего к тому же в Киеве не имелось дочерей. По указанному в "Белой армии" адресу Най-Турсов проживала семья Сынгаевских — близких друзей Булгаковых. Если даже Николай Булгаков и крутил амурные дела с кем-нибудь из девушек Сынгаевских, то это отобразилось лишь в образе Ирины Най-Турс, но никак не касается описываемых событий: Николка был в плену, а погибший генерал Келлер никакого отношения к упомянутым семьям не имел.

Всю весну и лето 1919 года Николай Афанасьевич Булгаков оставался в Киеве — он был студентом медицинского факультета Киевского университета, а потому ни украинская, ни большевистская мобилизация ему не грозила. Лишь в сентябре 1919 года, когда в город вошли белые части, Николай Булгаков вновь стал в строй. Николай Афанасьевич, как бывший юнкер-инженер, был призван в Добровольческую армию и отправлен в Одесское Сергиевское артиллерийское училище для окончания военного образования. Факт этот подтверждается рядом документальных свидетельств, вплоть до воспоминаний супруги Н. Булгакова и некрологами последнего, в которых отмечена

учеба и окончание упомянутого училища. Именно поэтому доказывать очевидное нам просто нет смысла.

Почему Николай попал именно в артиллерийское училище? Дело в том, что во врёМй гражданской войны потребность в офицерах инженерных войск была невелика. В Добровольческой армии инженерных вузов не существовало, зато были артиллерийские, пехотные и казачьи училища. К тому времени в белой армии имелось значительное количество орудий иностранного производства, с которыми российские офицеры были мало знакомы. Именно поэтому возникла необходимость обучить соответствующее количество военных владеть всеми образцами тяжелого вооружения. Эта задача и была возложена на Одесское артиллерийское училище, куда по возможности направляли бывших юнкеров и студентов технических вузов, а так же военнослужащих, имеющих боевой опыт. Так в Сергиевское училище в Одессе в октябре 1919 года попал Николай Афанасьевич Булгаков.

К тому времени Одесское артиллерийское училище после долгого перерыва только возобновляло свою работу. Во главе него стали старые училищные офицеры-преподаватели во главе с известным военным ученым генерал-майором Нилусом. Обучение в училище должно было проходить по программе мирного времени, то есть три года. Впрочем, этим планам не суждено было сбыться. Интересно отметить тот факт, что юнкера-сергиевцы, так же как и юнкера-алексеевцы, носили алые погоны, но не с серебрянным, а с золотым галуном. Таким образом, Николай Булгаков получил почти ту же форму, которую он носил в 1917 году.

Лишь в ноябре 1919 года юнкера училища приступили к занятиям, которые на долгое время были прерваны в феврале 1920 года: к городу подходили красные, и Одессу нужно было защитить от противника. Юнкера- сергиевцы были выведены на улицы города, где сохраняли порядок и отбивали частичные атаки местных большевиков и красных частей прорваться к Одесскому порту. Днем 6 февраля 1920 года по приказу командования Сергиевское училище оставило город и на транспорте "Николай" было переправлено в Севастополь. На следующий день в Одессу вошли красные.

По прибытии училища в Севастополь доблестный генерал Слащов (легендарный Хлудов из "Бега" М. Булгакова) приказал юнкерам отбыть на фронт, проходящий по крымским перешейкам. 4 февраля (22 января) февраля 1920 года юнкера-сергиевцы на станции Джанкой встретились с уходящими с фронта на отдых воспитанниками Киевского Константиновского

военного училища. Это было то самое училище, которое в ноябре 1917 года после героических уличных боев с большевиками вынуждено было покинуть родной Киев и проделать в составе белой армии нелегкий путь двухлетней борьбы с красными. Именно в этом училище в то время преподавали Леонид Сергеевич Карум (прототип Тальберга), муж Варвары Булгаковой — сестры Николки, и Петр Владимирович Рейс — родной брат возлюбленной Алексея Турбина Ирины (в романе — Юлии). Уже после гражданской войны Л.С. Карум вспоминал, что в 1920 году в Крыму он действительно встречался с Николаем Афанасьевичем. Эта встреча могла произойти только 1 февраля 1920 года: больше два училища не пересекались, да и сам Карум не был в Сергиевском артиллерийском училище, расположенном в Севастополе. Вот что вспоминал о встрече константиновцев и сергиевцев товарищ Н. Булгакова, бывший юнкер Одесского училища В. Дюкин Второй: "Наш эшелон был отведен на запасной путь, и мы продолжали в нем жить в ожидании дальнейших приказаний. В первый же зечер нашего пребывания в Джанкое произошла незабываемая встреча с прибывшими с фронта и направляемыми на отдых юнкерами Киевского

Константиновского военного училища, отличившегося в январских боях с красными на Перекопе. Училище это понесло до 50 % потерь, но январское наступление фасных было отбито и сейчас юнкера шли на заслуженный отдых, везя с собой многих своих раненых. Узнав об их прибытии, мы бросились к их эшелону, и Константиновцы рассказали нам о последних тяжелых боях, продолжавшихся несколько дней и так дорого стоивших батальону".

Вскоре и Сергиевское училище было двинуто на защиту крымских перешейков, удерживаемых небольшими частями корпуса генерала Слащова. В составе этого корпуса существовал и Сводно-Гвардейский батальон, в котором служил еще один близкий друг семьи Булгаковых Юрий Леонидович Гладыревский (прототип Леонида Юрьевича Шервинского в "Белой гвардии"). Встречались ли на фронте Н. Булгаков и Гладыревский, нам, к сожалению, не известно.

На фронте юнкера-сергиевцы пробыли всего лишь месяц. За этот месяц они почти не понесли потерь, зато 40 из них были отмечены боевыми наградами. Был ли среди этих 40 юнкеров Николай Афанасьевич Булгаков — сказать сложно. Но то, что ему пришлось участвовать в боях на крымских перешейках в феврале 1920 года, является бесспорным фактом.

В марте училище вернулось в Севастополь, где вновь приступило к учебе. Юнкерам были предоставлены великолепные

условия для работы: их расположили в отличных казармах, хорошо кормили, они могли мыться (что было большой проблемой в гражданскую войну), купаться в море. Вместе с тем, учеба шла ускоренными темпами, к тому же, сергиевцы постоянно назначались в городские караулы, что весьма утомляло юнкеров. В октябре 1920 года планировалось произвести из училища ускоренный выпуск, но этим планам не суждено было сбыться. В конце октября началась эвакуация Крыма. Белые уходили, вместе с ними уходило и Сергиевское училище.

Во время эвакуации юнкера-сергиевцы охраняли город и пристань, и уходили с родной земли последними. По дошедшим до нас устным свидетельствам супруги Николая Афанасьевича, во время эвакуации он был вновь ранен. Его перенесли на транспорт "Рион", на котором Н. Булгаков и совершил путешествие к турецким берегам. Прочие же юнкера училища до конца оставались на охране города.

"Отдать концы" было некому, и юнкера шашками перерубили толстые канаты, навсегда отделив нас от берега и от родной земли…

Багровый закат жутким светом освещал надвигающиеся тучи, собиралась непогода… "Херсонес" взял курс на Константинополь…", — такие воспоминания оставил нам о последних минутах пребывания в Крыму один из бывших сергиевцев.

Сергиевское артиллерийское училище расположилось в Галлиполи, в долине "смерти и роз", где было продолжено обучение юнкеров. Не было учебников, не было орудий, учебного оборудования, да и желания, по большому счету, учиться тоже не было. Многие юнкера остались в занятом красными Крыму, другие влились в безликие толпы беженцев, чтобы найти себе в дальнейшей эмигрантской жизни занятие, способное дать кусок хлеба. И лишь самые стойкие оставались в училищах до конца. Был среди них и Николай Булгаков. Многие восхищались стойкостью и мужеством последних русских юнкеров. Вот что писал о них известный киевский общественно-политический деятель Василий Витальевич Шульгин:

"По грязи добираюсь к русскому коменданту. Охраняют юнкера. На них, как всегда, приятно взглянуть. И здесь они твердая опора, как были во всю революцию.

Удивительно, почему та же самая русская молодежь, попадая в университеты, превращала их в революционные кабаки, а воспитанная в военных училищах, дала высшие образцы дисциплины и патриотизма…"

Юнкера Добровольческой армии до конца оставались

преданными своему делу. 12 июля 1921 года, вдень именин генерала Врангеля, состоялось их производство в офицеры. Прапорщиком российской армии стал и Николай Афанасьевич Булгаков. Вся армия пыталась скрасить вновь произведенным офицерам чувство утраты Родины, передать им славные традиции чести и достоинства российского офицера. В честь состоявшегося производства командующий Добровольческим корпусом генерал Кутепов издал следующий приказ:

"Поздравляю вас с производством в первый офицерский чин. В необычной обстановке, вдали от родины надеваете вы военные офицерские погоны и вступаете в ряды доблестнейших частей Русской Армии.

Большинство из вас, участвуя в боях с врагами родины, уже доказало свою преданность России и Русскому делу. В этом ваша гордость, но в этом и ваша обязанность быть достойными тех славных погон, которые вы сегодня надеваете.

В этот незабываемый для вас день вспомните, что на вас возлагает надежды наш Главнокомандующий, на вас возлагает надежды вся Армия, вашей службы ждет родина.

Оглядываясь на то, с каким самоотвержением вы переносите все тяжести нашей жизни в Галлиполи, я уверен, что вы оправдаете все надежды и свято, до конца исполните свой долг перед Армией и родиной. Бог вам в помощь!

Генерал от инфантерии

Кугепов"

На военном поприще Николаю Афанасьевичу так и не удалось отличиться. Вскоре он оставил Галлиполи, уехал в Югославию, где окончил медицинский факультет Загребского университета. Оставшись на кафедре бактериологии, Николай Булгаков посвятил себя научной деятельности, работал под руководством известнейшего бактериолога профессора д'Эрреля, способствовал исследованиям в области медицины в Мексике и Франции. Во время 2-й Мировой войны Николаю Булгакову пришлось работать в лагере для перемещенных лиц в городе Компьен (Франция). Впрочем, медицинская карьера Николая Булгакова в эмиграции не является предметом нашего исследования.

Умер Николай Афанасьевич Булгаков, офицер российской армии, родной брат известного писателя, ставший прототипом литературного образа Николки Турбина в романе "Белая гвардия", во Франции 10 июня 1966 года.

Сергей Иванович Тальберг

"Мерзавец он. Больше ничего! — сам себе сказал Турбин, в одиночестве через комнату и переднюю от Елены. Мысли Елены передались ему и жгли его уже много минут. — Мерзавец, а я действительно тряпка. Если уж не выгнал его, то, по крайней мере, нужно было молча уйти. Поезжай к чертям. Не потому даже мерзавец, что бросил Елену в такую минуту, это, в конце концов, мелочь вздор, а совсем по-другому. Но вот почему? А черт, да понятен он мне совершенно. О, чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести! Все, что ни говорит, говорит, как бесструнная балалайка, и это офицер русской военной академии. Это лучшее, что должно было быть в России…", — такой, скажем прямо, нелестной характеристикой наградил Сергея Ивановича Тальберга, супруга Елены, Алексей Турбин.

В романе "Белая гвардия" Михаил Афанасьевич Булгаков представил Сергея Тальберга отрицательным героем: человеком, нечистоплотным во взглядах, карьеристом, нечестным со своей семьей, и в первую очередь — с Еленой Васильевной Турбиной, вышедшей за него замуж всего полтора года назад.

С первых же дней появления романа "Белая гвардия" родственники и друзья Михаила Булгакова однозначно определили сходство между литературным персонажем Сергеем Ивановичем Тальбергом, и супругом Варвары Булгаковой, сестры писателя, Леонидом Сергеевичем Карумом. Сам Карум так же узнал себя в Тальберге, что вызвало резкий протест в адрес Михаила Афанасьевича со стороны Варвары Булгаковой и Леонида Сергеевича. В последующем, эта история вылилась в острый конфликт, но не смотря на это Михаил Булгаков продолжал бывать у своей сестры Варвары и Карума, живших в Киеве.

В последние годы жизни Леонид Карум, живший в то время в Новосибирске, взялся за написание воспоминаний "Моя жизнь. Рассказ без вранья", где пытался по-своему рассказать о себе, событиях в семье Булгаковых и самом Михаиле Афанасьевиче. К сожалению, эти воспоминания, как видно из публиковавшихся отрывков, имеют громадное количество неточностей.

Леонид Сергеевич Карум за свою жизнь успел послужить при всех властях, сменявшихся на Украине, кроме УНР, конечно. При

каждой власти он, не считаясь ни с какими принципами, пытался добиться успехов в карьере, а когда понимал, что близок день смены этой власти, делал все возможное, чтобы быть принятым ко двору новых властителей. Предполагая определенное внимание к своей персоне, связанное и с литературным образом Тальберга, и родством с Михаилом Афанасьевичем, Карум в воспоминаниях попытался изложить свой взгляд на события.

Сравнивать воспоминания Карума и роман "Белая гвардия", по нашему глубокому убеждению, бессмысленно. Если в романе мы в первую очередь видим художественное произведение, то воспоминания являются ни чем иным, как попыткой оправдания Карума.

Леонид Сергеевич Карум во время сталинских репрессий подвергался арестам трижды: в 1929, 1931 и 1934 годах. Материалы следственного дела Карума остались в архивах Украины, и при определении правоты в споре между Карумом и Булгаковым они являются главным источником. Кроме них мы располагаем архивными материалами о службе Леонида Сергеевича Карума в российской армии, его политической деятельности в 1917–1918 годах, преподавательской работе у белых в 1919–1920 годах, службе у большевиков в период после гражданской войны. Документы всегда являлись самым лучшим источником, и именно на них мы основываем свой рассказ, почти не прибегая к помощи воспоминаний.

Кем был Тальберг из "Белой гвардии"? Как свидетельствует роман, это был прибалт немецкого происхождения, армейский капитан со значками университета и академии. Весной 1917 года Сергей Тальберг женился на сестре Турбиных Елене. Тогда же он впервые проявил свою способность приспосабливаться: "В марте 1917 года Тальберг был первый, — поймите, первый, — кто пришел в военное училище с широченной фасной повязкой на рукаве". От лица военно-революционного комитета Тальберг арестовал контрреволюционного генерала Петрова, тогда же выступал против деятельности уфаинской Центральной Рады. В 1918 году Сергей Тальберг стал одним из активных участников гетманского переворота, затем служил сотником в военном министерстве Скоропадского, с которым бежал в Германию. Последний штрих к мнению писателя о Тальберге — письменное извещение подруги Елене Турбиной о женитьбе последнего в Варшаве на Лидочке Герц.

Насколько эта литературная биография Тальберга соответствует реальному жизненному пути Карума? Биографические данные во многом сходны, но не во всем. Леонид Карум не участвовал в Гетманском перевороте на Украине, не

бежал в Германию и не бросал свою супругу, Варвару Булгакову. Во время Гетманского переворота Карум вместе с женой находился в Москве, а в конце 1918 года оставался в Киеве. Лишь в начале января 1919 года Леонид Карум покинул город, чтобы пробраться в Добровольческую армию генерала Деникина. Не смотря на эти расхождения, литературный портрет Тальберга весьма похож на Леонида Сергеевича Карума.

Почему Михаил Афанасьевич Булгаков наделил своего литературного героя фамилией Тальберг? Ведь по звучанию она далека от фамилии Карум. Попробуем ответить на этот вопрос. В Киеве на Большой Подвальной улице, 22 (теперь улица Ярославов Вал) жила достаточно известная семья юристов Тальбергов. В разные времена представители этой семьи работали по юридической специальности во всех возможных государственных учреждениях Киева. Последний из известных нам киевских Тальбергов, Николай Дмитриевич, в 1918 году, при гетмане Скоропадском, "отличился" настолько, что и представители УНР, и большевики обещали, что он закончит жизнь на виселице. Это был по- своему примечательный человек, "прославившийся" на весь Киев методами своей работы. Наверное, не было ни одной киевской газеты, которая так или иначе не упомянула бы его имя.

При гетмане Скоропадском Николай Дмитриевич Тальберг занял высокий пост вице-директора департамента полиции, не совсем отвечавший его служебному стажу. В 1913 году Тальберг был начальником следственного отдела Киевского губернского Земского правления, во время войны отличился раскрытием в городе крупного австро-венгерского шпиона. Весной 1918 года Николай Тальберг был причастен к нашумевшему в то время делу банкира Доброго, по которому было арестовано несколько министров Центральной Рады, а затем одним из первых поддержал Гетманский переворот Павла Скоропадского. Благодаря этому он и получил такой высокий пост.

Департамент полиции Скоропадского, который по-украински назывался "Державна Варта", оставил после себя очень недобрую славу. Начальник департамента Н.А. Аккерман и его заместитель Н.Д. Тальберг в прессе постоянно обвинялись в коррупции, взяточничестве, неоправданных политических арестах, потаканию различным заказным убийствам и бандитским группам. Естественно, об этом киевские газеты писали не раз, обвиняя в основном не спившегося до состояния маразма Аккермана, а Николай Тальберга, который считался главным виновником разгула преступности. Регулярная травля в газетах вынудила Аккермана и Тальбёрга 9 ноября (27 октября) 1918 года подать в отставку, после которой были обнародованы и другие факты из

деятельности руководителей варты. Так, Тальберг обвинялся в прямом причастии к организации заказных убийств. Работа самого департамента Аккермана и Тальберга так же оставляла желать лучшего, поскольку вензеля на погонах его сотрудников "Д.В." (Державна Варта), киевлянами истолковывались, как "дай взятку".

И Аккерман, и Тальберг успели бежать из Киева. Это их и спасло от суда. Вскоре после вступления войск УНР в Киев армейская газета "Ставка" под заголовком "Под суд!" писала о Тальберге (перевод с украинского): "Вице- директор департамента, мордобоец и палач, правая рука Аккермана, организатор киевских наемных убийц и вешателей должен попасть в руки правосудия". Естественно, что ни в какие руки правосудия Тальберг так и не попал, и дальнейшая его судьба остается неизвестной.

Какое влияние имела история с вице-директором департамента полиции Николаем Тальбергом на Михаила Афанасьевича Булгакова, сказать сложно. Но то, что факт существования реального Тальберга писатель должен был знать, у нас не вызывает никаких сомнений. Писатель, как видно из романа "Белая гвардия", очень внимательно читал газеты, и должен был знать эту слишком громкую историю.

Леонид Сергеевич Карум был не менее амбициозным человеком, нежели Николай Дмитриевич Тальберг. Карум все время пытался хотя бы на шаг опережать своих сверстников. Это его стремление заметно с первых же месяцев службы в российской армии. Дело в том, что Карум поступил в Киевское военное училище 17-и лет отроду, хоть вступительным возрастом считались 18 лет. В училище он получил все возможные воинские звания, и в 19 лет стал подпоручиком — самым младшим среди своего выпуска.

Как свидетельствует послужной список подпоручика Леонида Сергеевича Карума, составленный 8 января 1909 года, он родился 7 декабря 1888 г. в семье отставного поручика Курляндской губернии, был православного вероисповедания, окончил 2-ю Житомирскую гимназию и по 1-му разряду Киевское военное училище. За успешное окончание училища, Каруму был дарован год старшинства в звании подпоручика, что давало ему право быть представленным к очередному званию не через четыре, а через три года. С окончанием в 1908 году училища Леонид Карум вернулся в Житомир, где был зачислен на должность помощника начальника строевой команды и адъютанта 4-го батальона в 19-й Костромской пехотный полк. В то время Карум служил в одной дивизии с Антоном Ивановичем Деникиным, будущим

командующим Добровольческой армии, возглавлявшим 17-й Архангелогородский пехотный полк. Деникин имел склонность помнить всех офицеров, с которыми он служил в пределах полка или же дивизии, а потому Антон Иванович и Леонид Карум должны были знать друг друга лично.

Преподаватели, выпускники и воспитанники 1-го Киевского Константиновского военного училища, 1 декабря 1916 года. Во втором ряду, третий справа - Л.С. Карум, одетый еще в полковую форму

Леонид Карум уже в то время имел весьма честолюбивые планы на будущее. В 1911 году, 22-х лет от роду, Каруму было присвоено звание поручика, которое, как правило, получали в 24 года. Быстрое продвижение Леонида Сергеевича по службе было обусловлено разницей в один год с сокурсниками и дарованным годом старшинства. Но и на этом Карум не успокоился, а решил поступать в академию Генерального штаба, которая давала ему возможность обеспечить получение, спустя некоторое время, генеральских погон. Чтобы иметь право держать вступительные экзамены в любую военную академию, каждый офицер должен был прослужить три года в строю. После трех лет строевой службы немногие из офицерской среды были готовы к вступительным экзаменам. Однако Карум решился попробовать поступить в академию с первого захода, что он и пытался осуществить в 1911 году. Авантюра не удалась, и Леонид Карум решил переориентироваться на Военно- юридическую академию, куда принимали лишь с выслугой в четыре года. В эту академию, находившуюся в Петербурге, Каруму удалось поступить в 1912 году.

Александровская военно-юридическая академия была кастовым учебным заведением, готовившим строго ограниченное

число офицеров для работы в гарнизонных и военно-полевых судах. Конкурс в академию был большой, поскольку принимали не более 30 человек в год. Срок обучения в академии был 3-летний: два года офицеры изучали гражданское право, и год военное. Леониду Сергеевичу Каруму пришлось изучать военно-уголовное законодательство, военно-уголовное и военно-административное судопроизводство, историю военного права, историю русского права, финансовое, полицейское, международное и церковное право, политическую экономию, судебную медицину, психологию и логику.

Первая мировая война нарушила планы Карума, проучившегося в академии два года. По распоряжению Николая II военные академии были закрыты, а их преподаватели и воспитанники отправились на фронт. Леониду Каруму так же пришлось вернуться в свой полк, выступивший в Галицию против австро- венгерских войск.

Участие Карума в боевых действиях на фронте представляется нам весьма сомнительным. Дело в том, что к концу войны в полках пехоты российской армии из старых кадровых офицеров, как правило, оставалось 4–5 человек. Подавляющее большинство из них имело от 4 до 15 ранений, что являлось бесспорным свидетельством участия в боях с неприятелем. Особенно это касалось офицеров корпуса, в который входил 19-й Костромской пехотный полк полковника Раевского. Полк в 1914–1916 годах участвовал во взятии Львова и штурме Кракова, боях на Сане и Дунайце, особо отличившись в схватке под Холмом и скробовских боях. Интенсивность боев была настолько высока, что в первый же год войны из полка были выбиты почти все офицеры. Леонид Карум не имел ранений, что наталкивает на мысль о том, что его направили на тыловую должность, хоть он и продолжал считаться офицером 19-го Костромского полка. С началом войны в каждом полку нашлось по несколько офицеров, под разными предлогами уклонившихся от участия в боях. Эти офицеры, как правило, оседали в запасных частях, штабах округов и формирующихся подразделений. Вероятно, так же поступил и Леонид Карум, который, имея за плечами два года учебы в военно-юридической академии, мог вполне претендовать на должность в каком-нибудь военно-полевом суде. Не смотря на то, что Каруму удалось получить боевой орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, в боях на фронте он участвовал мало.

В марте 1916 года Карум подал прошение о переводе его, специалиста права, имеющего небольшой служебный опыт в области военной юриспруденции, на преподавательскую работу.

Леониду Сергеевичу хотелось вернуться в Киев, в свое военное училище, в котором он рассчитывал получить должность преподавателя законоведения. Прошение было удовлетворено, и 20 апреля 1916 года капитан 19-го пехотного полка Карум был прикомандирован к 1-му Киевскому Константиновскому военному училищу, где брался вести курс законоведения. В Константиновском училище большая часть преподавателей являлась его же выпускниками, а потому Карум был радушно принят в старую училищную семью.

Ровно год Леонид Сергеевич Карум проработал в училище. За этот год в жизни Карума произошли значительные изменения: он познакомился с Варварой Афанасьевной Булгаковой, на которой вскоре женился, стал одним из известнейших "революционных" офицеров Киева, наконец, возобновил обучение в открытой вновь Александровской военно-юридической академии.

После Февральской революции Леонид Карум принял активное участие в создании демократических органов управления города Киева. Он стал одним из руководителей Совета офицерских и солдатских депутатов, членом Исполнительного комитета общественных организаций Киева, считавшимся одной из трех властей в городе и на Украине в целом.

Как влиятельному революционному офицеру, Каруму было поручено доставить в Петроград бывшего командующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта Николая Иудовича Иванова, который пытался спасти от гибели монархию в России. С этим заданием Леонид Карум справился весьма успешно, о чем получил соответствующее удостоверение:

"Комендант Таврического Дворца 8 марта 1917

№ 296

Удостоверение

Дано сие Члену Исполнительного Комитета общественных организаций гор. Киева — Капитану Л.С. Каруму и Прапорщику Рогозину в том, что они по выполнении командировки (по доставлении арестованного Ген. Адъют. Иванова в Таврический Дворец) возвращаются обратно к месту своего служения в гор. Киев.

За Коменданта Таврического дворца

Прапорщик Албиев

Адъютант Кириллов"

По возвращении в город, 24 (11) марта 1917 года, Леонид Сергеевич Карум в Совете военных депутатов сделал подробный доклад о своей поездке. Вот что на следующий день писала об этом газета "Киевская Мысль":

"Вчера в 6 час. Вечера в театре Троицкого народного дома открылось общее собрание офицерских, юнкерских и солдатских депутатов Киевского гарнизона… Председатель совета офицерских депутатов капитан Л.С. Карум, в качестве представителя исполнительного комитета совета общественных организаций, открыл заседание. Обращаясь к собравшимся, капитан Карум провозглашает "ура" в честь "Народной могучей армии свободной великой России". Слова Карума были встречены оглушительными, долго-долго несмолкаемыми криками "ура".

Революционная звезда Карума продолжала ему светить во всех начинаниях. Конституционно-демократическая партия выдвинула его на выборах в списке кандидатов во Всероссийскую Думу. Сам Карум отвешивал комплименты социалистам, решительно отказавшись от ношения погон, сменив офицерский китель на солдатскую гимнастерку, а орден Владимира — на большой красный бант. Удача сопутствует Каруму, которого выбирают делегатом на Всероссийское совещание Советов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Здесь 13 апреля (31 марта) Леониду Сергеевичу удалось держать речь, которая пользовалась успехом и на следующий день была напечатана в газете "Речь", № 77:

"Делегат от Киевского гарнизона. Лучшим приветом, лучшей наградой может служить то, что по вашим стопам пошла армия в 60 тыс. штыков, готовая вам помочь. Когда смутно пошли слухи, что Петроград бушует, мы высыпали с флагами на улицу. Когда стало ясно, что революция победила, в этот день вы получили награду, а именно: до того Столыпин с цепями гордо высился между дубами, но вот прошло 10 тыс. людей, цепи сорвали. Столыпин рухнул и разбился. Истинной поддержкой вам является творческая армия… Эта армия организована не только сама, но она организует и власть. Были назначены комиссары. Армия должна иметь свой собственный гарнизон. Есть 100 отборных людей с одним офицером. В кафе "Шато" заседает исполнительный комитет. Когда первый момент улегся, протопоповская "Воля" стала сеять темные слухи. Были слухи что Петроград бастует и только ходит с манифестацией. Вы не являетесь виновниками на Стоходе. Я надеюсь, что вы докажете, что это ложь. Когда вы восстали, когда во главе войск шел Иванов, мы постановили его арестовать, и как подарок мы его привезли сюда".

Переменчивость любви толпы пришлось испытать на себе и Леониду Каруму, который запутался в политике 1917 года и "вышел из моды". Леониду Сергеевичу вновь пришлось вернуться к вопросам военного законоведения и личной жизни. В июне 1917

года Карум женился на сестре Михаила Афанасьевича Варваре Булгаковой, и с ней уехал в Петроград, где возобновила свою работу Александровская военно-юридическая академия. Леонцду Сергеевичу для получения полного академического образования не хватало одного курса, на котором изучались как раз военно-юридические дисциплины. Кроме того, в связи с началом Первой мировой войны ему не удалось сдать экзамены на получение звания гражданского юриста. Таким образом, учебные и личные дела теперь полностью поглотили время Леонида Карума.

Леониду Сергеевичу пришлось быть свидетелем исторических событий Октябрьского переворота, и кровавых юнкерских боев в Петрограде и Москве, которые до сих пор помнят не только у нас в стране, а и во всем мире. Такие же события, правда, в меньших масштабах, были и в Киеве. В частности, Константиновское военное училище, которое закончил и в котором преподавал Карум, открыто выступило против большевиков. В результате трехдневных уличных боев Константиновское пехотное училище потеряло убитыми 2 офицеров и 40 юнкеров, ранеными 2 офицеров и 60 юнкеров. Оставшиеся в живых, в количестве около 150 человек офицеров и юнкеров во главе с начальником училища генералом Калачовым выехали в Екатеринодар, чтобы с оружием в руках продолжить борьбу с большевизмом. Леониду Каруму летом 1919 года пришлось вновь преподавать в этом училище, теперь — белогвардейском Добровольческой армии. Вместе с училищем ушел на Кубань и один из коллег Карума, курсовой офицер капитан Петр Владимирович Рейс, брат Наталии Рейс, появившейся в романе "Белая гвардия" в образе Юлии Александровны Рейсс. Что связывало этих двух офицеров — нам, к сожалению, не известно. Остается загадкой: способен ли был Карум уйти вместе со своим училищем к белым еще в 1917 году, если бы он находился тогда в Киеве?

По счастливой случайности, Карума и Варвару Булгакову обошли стороной события Октябрьского переворота. Уже в декабре 1917 года Леониду Сергеевичу удалось закончить военно-юридическую академию, и стать полноправным специалистом в области военного права. Вскоре Карум и Булгакова перебрались в Москву, где Леонид Сергеевич должен был сдавать выпускные экзамены на юридическом факультете Московского университета. Испытание

Преподаватели и воспитанники Константиновского училища, 1 апреля 1917 года. Пятый слева в первом ряду сидящих - начальник училища, генерал Калачев, справа от него - полковник Сигарев, третий слева - Л.С. Карум. На этой фотографии Карум единственный среди присутствующих одет в солдатскую форму без погон

Карум прошел успешно, а потому в соответствии с решением университетской комиссии от 24 (11) апреля 1918 года, № 82, был признан юристом не только с высшим военным, но и с высшим гражданским образованием. Так на офицерском кителе Карума появились нагрудные знаки за окончание Военно-юридической академии и Московского университета, которые упоминаются Михаилом Булгаковым в романе "Белая гвардия".

Лишь в начале лета Варваре Афанасьевне и Леониду Сергеевичу удалось вернуться на Украину, в Киев. Карум, испытывающий в то время неприязнь к большевикам, не хотел оставаться у них на службе, а Варвара Булгакова хотела вернуться домой. Варвара и Леонид Сергеевич поселились на Андреевском спуске, 13, где уже жили Михаил Булгаков с женой, а так же Николай и Константин Булгаковы. В Киеве Карум поступил на службу в ликвидационный отдел Военно-юридического управления Военного министерства гетмана Скоропадского, что давало ему возможность значительно помогать семейному бюджету Булгаковых. В то время Леонид Сергеевич был единственным среди всех членов семьи, живших в доме на Андреевском спуске, 13, кто имел обеспеченное государственное жалованье и продуктовый паек. Звание сотника, которое приравнивалось к званию капитана, давало возможность Каруму получать столько, сколько было необходимо для содержания всех братьев и сестер Булгаковых.

События Антигетманского восстания, начавшегося на Украине 14 ноября 1918 года, затронули и Леонида Сергеевича Карума, который в первую очередь оставался кадровым

офицером, и лишь потом — военным юристом. К тому времени Леонид Сергеевич уже состоял на учете в так называемой Астраханской

армии, формировавшейся для борьбы с большевиками на Волге. Киевские добровольцы Астраханской армии, в связи с начавшимися событиями, вынуждены были перейти в действующие части. По своему желанию капитан Карум записался в Георгиевскую дружину, куда первоначально принимались кавалеры орденов Святого Георгия и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Командовал дружиной генерал-лейтенант Георгий Ступин, бывший житомирский сослуживец Карума, возглавлявший в свое время 18-й Вологодский пехотный полк.

В Георгиевской дружине Леонид Карум пробыл недолго: на фронте под Киевом стало горячо, и дружину вызывали на позиции. Карум счел возможным уклониться от посылки на фронт, для чего 2 декабря 1918 года оформил латышское гражданство и получил латышский паспорт за № 2197. Теперь Леонид Сергеевич ничем не был обязан гетману Скоропадскому и его дружинам, а потому со спокойной (как он считал) совестью мог ехать в Причерноморье, занятое войсками Антанты. Выехать из Киева Каруму удалось лишь в первых числах января 1919 года — уже при Украинской Народной Республике. Варвара Булгакова осталась в Киеве, а с Карумом поехал младший из братьев Булгаковых, восемнадцатилетний Иван, которого Леонид Сергеевич взялся пристроить в Астраханскую армию.

Лишь в середине января 1919 года путешественникам удалось добраться в штаб полковника Тундутова, возглавлявшего Астраханскую армию, где Карум получил чин полковника и должность председателя военно-полевого суда, а Иван Булгаков был определен на службу в штаб армии. Астраханская армия, уже переформированная в корпус, в то время представляла собой горстку добровольцев и два полка астраханских казаков, имевших в своем составе не более 2 тысяч штыков и сабель. Эта "армия" прекратила свое существование в конце апреля 1919 года, и по приказу Деникина была расформирована. Ее части вошли в состав соединений Вооруженных сил Юга России.

Леонид Сергеевич Карум некоторое время занимал военно-юридическую должность при штабе 6-й пехотной дивизии Добровольческой армии, куда вошли все добровольцы-астраханцы. Однако из дивизии он был изгнан бывшим начальником штаба Киевского военного округа генералом Бредовым, хорошо помнившим "революционного" офицера Карума. Леониду Сергеевичу пришлось податься в Екатеринодар,

где он рассчитывал получить должность в родном для него Киевском Константиновском военном училище. Начальник училища генерал Калачев, знавший Карума еще со времен его учебы, без всяких условий принял Леонида Сергеевича на должность преподавателя права. Так Карум в июне 1919 года вновь вернулся в Киевское военное училище.

13 августа 1919 года состоялся переезд училища из Екатеринодара в Феодосию, где училище пробыло почти до самой эвакуации Крыма. Планировалось, что училище вскоре вернется в Киев, занятый частями Добровольческой армии 31 (18) августа. Для выяснения состояния здания училища и его учебной базы в Киев с инспекцией был отправлен Леонид Карум. Уже 7 сентября (25 августа) он оказался в Киеве. Леонид Сергеевич забрал с собой в Феодосию Варвару Афанасьевну Булгакову. С ними же 12 сентября выехал и Михаил Булгаков, получивший назначение на должность врача во Владикавказский военный госпиталь. Уже 17 (4) сентября Леонид Карум и Варвара Булгакова добрались в Феодосию. Об инспекции Карума в Киеве мы узнаем из письма к отцу одного из юнкеров-константиновцев, Иллариона Владимировича Мусина- Пушкина:

"Феодосия, 4 Сентября 1919 года

Дорогой Папа!

Никак не мог тебе ответить сразу на письмо от 24-го № 11. Чрезвычайно было приятно получить сразу три письма, ибо до этого был большой перерыв. Твоих писем № 8 и 9 я не получал. Что касается нашего дальнейшего странствования, то Начальник училища просил отсрочки, так как в Киеве сейчас ужасная дороговизна. Наш законовед, ездивший туда (кстати, с моим чемоданом, почему он обратился ко мне, не понимаю), говорит, что хлеб стоит 80 рублей фунт, при большевиках он стоил 140 рублей. Это в Киеве.

Население встречало с восторгом, большевики творили там ужасные зверства. Настроение хорошее и спокойное, не смотря на то, что красные всего лишь в 25 верстах. Петлюровцев без труда отогнали на 70 верст. Здание училища не пострадало, весь инвентарь цел, потому что в здании помещалось военное училище красных. На днях едет для окончательного осмотра батальонный командир. Переедем же мы от 15 октября -15 ноября. Нас стали лучше кормить: вместо 12 рублей в Екатеринодаре на каждого теперь полагается 24 рубля в день. Даже сахару прибавили. Отпуск будет, это вполне достоверно, но когда, никто не знает, но во всяком случае в Кисловодск не попаду.

Крепко целую.

Христос с Тобой.

Ларюшка"

Илларион Мусин-Пушкин был одним из воспитанников Карума, и вскоре героически погиб в боях на Таманском полуострове. Там же был ранен еще один подопечный Леонида Сергеевича, юнкер-киевлянин Крейтон, сын гвардии полковника Сергея Крейтона, командовавшего во время Антигетманского восстания 2-м отделом Киевской дружины, тем самым, который в "Белой гвардии" возглавлял Най-Турс.

В конце декабря 1919 года положение на фронте, проходившем теперь по крымским перешейкам, стало настолько угрожающим, что командовавший обороной Крыма генерал Слащов (Хлудов из "Бега") приказал отправиться константиновцам на позиции. Всего месяц киевские юнкера пробыли на фронте, но этот месяц был вписан в историю училища самой яркой и героической страницей. Январь 1920 года был самым тяжелым для горстки защитников Крыма: они единственные из всех белых частей отбивались от наседавших красных. В то время и Колчак, и Юденич, и Деникин были разгромлены. И лишь мало кому до того известный генерал Слащов продолжал держаться до последнего солдата. А последними как раз были юнкера-киевляне.

О том, какими тяжелыми были бои за Крым, можно судить из летописи Киевского Константиновского училища. Вот описание лишь одного дня из училищной истории: "15 января батальон училища, восстанавливая положение на Перекопском валу, в метель и при морозе в 22 градуса вел упорный бой у Армянска, отбив ряд атак противника, переходя неоднократно в штыковые контратаки. Задача, поставленная батальону, была выполнена ценою тяжелых потерь: были убиты 3 офицера, в их числе — командир батальона Сребницкий и 29 юнкеров, ранены 4 офицера и 51 юнкер".

4 февраля (22 января) 1920 года генерал Слащов вывел училище на отдых к станции Джанкой, куда подтягивалось прибывшее из Одессы Сергиевское артиллерийское училище. В этом училище учился Николай Афанасьевич Булгаков, с которым Леонид Сергеевич смог увидеться.

В апреле 1920 года Киевское училище еще раз было вызвано на фронт. Здесь оно особо отличилось, проведя против большевиков известную "психическую" атаку. Вот что об этом вспоминал генерал Яков Слащов:

"…я отдал приказ юнкерам построиться в колонне по отделениям и двинул ее на гать с мостом. Артиллерия красных стала стрелять беспорядочно: ни один снаряд не падал на гать,

многие шрапнели падали на удар, давая камуфлеты, — очевидно, орудийная прислуга второпях не установила дистанционных трубок.

Ружейный огонь был не менее беспорядочен; несмотря на почти 2- верстное расстояние, пули летали через головы.

Батальон втянулся на гать; сначала отдельные люди красных, а потом и вся их цепь стала отбегать назад, артиллерия смолкла — видимо, взялась в передки, — сзади неслось "ура" бригады 13-й дивизии, нестройными толпами сбегавшей на гать, а юнкера шли с музыкой (оркестр).

Я невольно подумал, что достаточно было бы одного пулемета и одного орудия у красных, но в не дрожащих руках, чтобы смести все это, но такова сила нервного шока, который всегда возможен во всяком бою. Ошеломить можно кого угодно".

На преподавательской работе Леонид Карум оставался недолго. Уже в апреле 1920 года он оставил училище. Свой поступок он объяснял тем, что сменивший Деникина Врангель признал существование независимых государств, в том числе и Латвии, а потому Карум теперь мог уклониться от службы у белых, в которых он якобы разочаровался. Не знаем, что является в данном случае правдой. Теперь Леонид Сергеевич занял должность военного представителя при латвийском консуле, а так же принялся преподавать в гражданских учебных заведениях.

Весной 1920 года Леонид Карум сошелся с представителями крымской оппозиции, которые вскоре оказались одними из руководителей большевистского подполья. В то время положение крымских подпольщиков было не лучшим. По доносу провокатора, бывшего члена Совнаркома Украины Медведева, белые арестовали 14 руководителей из большевиков Крыма. Кроме того, было взято и много лиц, подозревавшихся в сочувствии к красным. Карум был одним из немногих военных юристов, вставших на сторону арестованных. В последующем, спасенные Карумом большевики предоставили ему несколько документальных свидетельств, доказавших в годы Сталинских репрессий его "невиновность" перед Советской властью по обвинению в белогвардейщине. Бывший руководитель Феодосийского райкома РКП(б) И. Каменский (Придорожный) оставил Каруму "охранную грамоту", которую в последующие годы по надобности обновлял:

"Для представления в Военные Организации

Апреля… дня 1925 года В Киевское ГПУ

По встретившейся надобности в связи с выданным мною в свое время Леониду Сергеевичу Каруму свидетельством настоящим имею прибавить следующее.

Я познакомился с Карумом во время моей работы в Крымском подполье в 1919 году в гор. Феодосии. Это был единственный офицер среди многих, с которыми мне приходилось сталкиваться по самому характеру своей подпольной работы, в котором я встретил человека абсолютно лишенного белогвардейской идеологии, и отношения с которым я поддерживал не только в силу необходимости. В белой армии он служил в качестве преподавателя юнкерского училища (Константиновского — из Киева). Если я не ошибаюсь, он преподавал законоведение и русский язык. Его я использовал (конечно, без его на то ведома), чтобы через него заводить знакомства с офицерами строевиками. Когда при подготовке вооруженного восстания наша организация провалилась — и я был арестован одним из первых — Карум, который более всех других имел основания не сомневаться в том, что контрразведка арестовала меня не "случайно", был единственным человеком, всячески содействовавшим моему спасению. В результате — еще при Деникине — Карум был отставлен от должности преподавателя и демобилизован, после чего он стал, если я не ошибаюсь, работать (о чем мне было известно еще в тюрьме) в Феодосийском Уездном Кооперативном Союзе — и при Врангеле в армии совсем не служил. Одновременно, как юрист, Карум помогал и даже выступал в военных судах, в качестве защитника по политическим делам (напр. дело тов. Эфрона).

После занятия Крыма нашими частями, я был секретарем Феодосийского Укома. В период суровой ликвидации белогвардейщины Карум не только был освобожден Особым Отделом, но и, сколько мне помнится, тут же получил назначение на общественную военно-преподавательскую должность. Я полагаю, что этого не произошло бы (принимая во внимание, какому фильтру подвергались тогда все военнослужащие), если бы Карум был бы замешан в чем-либо другом, помимо чисто преподавательской деятельности.

Еще такие факты: Карум до суда надо мной (т. е. когда он еще не подозревал, что я большевик) часто и резко высказывался против белых, чем очень рисковал, ибо не знал, в конце концов, что таков я сам.

В советское время — за эти 5–6 лет — я изредка встречал Карума *и* всегда он производил на меня впечатление человека, вполне преданного своей советской работе и сочувственно настроенного.

Этим своим письмом я нисколько не намерен вмешиваться в ход какого бы то ни было ныне производимого в отношении Карума дознания, но считал своим долгом представить о нем

свидетельственные показания из известного мне его прошлого.

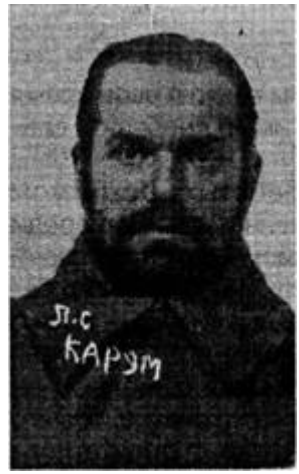
Член РКП И. Каменский"

В этом документе есть несколько неточностей, вызванных неосведомленностью автора. В частности, как отмечалось, Карум ушел из училища лишь в апреле 1920 года, а И. Каменский утверждает, что "еще при Деникине". Эти

факты, благодаря свидетельствам Каменского, в последующем не проверялись органами ОГПУ и ГПУ, что спасло Леонида Карума от расстрела.

После оставления белыми Крыма Леонид Сергеевич остался в Феодосии. Пришедшие красные его, как сообщника местных большевиков, не тронули. Уже зимой 1921 года Леониду Каруму и Варваре Булгаковой удалось вновь вернуться в Киев, где Карум поступил на Советскую службу. Долгое время он преподавал в Военной школе Каменева, созданной на базе Киевского Константиновского училища, затем перешел на должность военного руководителя Киевского института Народного Хозяйства. Леониду Каруму удалось создать военную кафедру института, где он собрал многих именитых офицеров и генералов старой российской армии. Работал у него и бывший колчаковский офицер Петр Иванович Бржезицкий, во многим ставший прототипом для создания образа Мышлаевского в романе "Белая гвардия".

В 1929 году Леонид Сергеевич Карум был арестован органами Киевского ОГПУ по обвинению в организации контрреволюционной офицерской организации. По этому делу было привлечено около трех тысяч офицеров по всему Советскому Союзу, когда-либо служивших в белых армиях. На основе сфабрикованных дознаний в ОГПУ были созданы дело "Весна" и дело "бывших гвардейских офицеров". Леонид Карум проходил в ОГПУ, как один из руководителей заговора "Весна". "Главарем" этого дела был выведен бывший генерал Владимир Ольдерогге, руководивший в то время Военной школой имени Каменева. Владимир Александрович Ольдерогге в гражданскую войну был одним из руководителей разгрома Красной армией войск Колчака. Его помощниками ОГПУ "сделало" Карума и бывшего полковника Минина, зятя Ольдерогге и однополчанина Леонида Сергеевича. Только в Киеве по этому дело было* арестовано и осуждено около 300 человек. Каруму на сей раз удалось открутиться, но его дело осталось. Именно из него мы и почерпнули ряд фактов из жизни Леонида Сергеевича. Из дела 1929 года мы так же публикуем здесь и заявление Карума, повествующее о его деятельности на военно-преподавательской работе в 1921–1929 годах.



Вновь взяли Леонида Карума в 1931 году. Три года он отсидел в лагере под Мариинском, а затем поселился в Новосибирске, куда приехала и Варвара Булгакова с дочерью. Леонид Сергеевич устроился на преподавательскую работу, читал курс немецкого языка, а затем заведовал кафедрой иностранных языков в Новосибирском медицинском институте. В послевоенные годы Леонид Карум взялся за написание воспоминаний "Моя жизнь. Рассказ без вранья".

Умер Леонид Сергеевич Карум в 1968 году, спустя 14 лет после смерти его верной жены, Варвары Афанасьевны Булгаковой.

ПРОКУРОРУ РЕСПУБЛИКИ По НАБЛЮДЕНИЮ ЗА ОРГАНАМИ ГПУ.
Копия Прокурору Украинской Военной Округи

Военного Руководителя и профессора
Киевского Института Народного Хозяйства
Леонида Сергеевича К А Р У М А.

З А Я В Л Е Н И Е.

ночь с 5-го на 6-ое ноября 1929 года, через 9 лет непрерывной
службы в Рабоче-Крестьянской Красной Армии на должностях высшего командного состава и после 9-ти лет моей советской профессорской деятельности в области государственного права и советского строительства, я, Военный Руководитель и профессор КИНХ'а был арестован Киевским Окротделом ГПУ.
Арест продолжался 65 дней, с 6-го ноября 1929 года по 9-ое января 1930 года, после чего я был выпущен из тюрьмы под подписку. До сегодняшнего дня я никак не могу получить разрешения на краткосрочный выезд из города Киева, чтобы защищать себя от несправедливых, лживых и оскорбительных обвинений, которым я подвергаюсь здесь.
9-го января мне сказали, что дело направлено в Харьков

Я обращаюсь к Вам за защитой и установлением революционной законности.
Когда я сидел в Киевской Допре я был лишен вследствие своей изолированности представить документы, необходимые для моей реабилитации.
Часть документов моя жена принесла по своей инициативе Оперуполномоченному ГПУ, ведшему мое дело, но из них только 4 документа /из 4 их/ взяты. Тогда моя жена лично отвезла их в г. Харьков Прокурору Республики т. Железногорскому. Эти документы были переосланы Киев, но я сомневаюсь, есть ли они при деле, так как мне сказал Оперуполномоченный ГПУ, они прибыли в Киев, якобы после окончания следствия по мне. Поэтому я снова их подаю Вам, как прокурору, наблюдающему за ГПУ, причем в большем количестве, чем раньше подавала жена, чтобы и ясно и детально можно было бы осветить всю подоплеку дела от начала революции до сегодняшнего дня.
Мне было предъявлено обвинение в качестве подозреваемого по ст. 54-10 УК, дважды в течение ареста - 12 и 20 ноября /после первого допроса/. Сущность их в следующем:
1/ будто бы распространял контрреволюционные листовки - это дело, как выяснило дознание / следствие/, то что было названо "листовкой" было учебным заданием по военной политработе, которое осенью 1929 года при решении комплексной выпускной задачи с тов. IУ-го курса преподаватель политработы, чл. ВКП/б/ тов. Ф. Я принял все меры, чтобы задания эти ограничились только политработой. Это я пояснил в своих показаниях. Я уверен, что тов. Минина, заведующего Военным Кабинетом, и тов. Бурке-преподавателя политработы, которые, конечно, должны быть при сем ясно устанавливают, что никакого намека не антисоветскую не могло быть не могло, что дело идет об учебном задании преподавателя партийца/. Я сам не специалист по политработе /я не могу быть всем предметам специалистом/; предмет этот в прошлом году

впервые преподавался на IV-м курсе - это был I-й выпуск зированных студентов - , быть может форма задания тов. ва была неудачной, но с моей стороны, как военного руков никакого преступления, тем более политического допущено ло, никакого злого намерения не было. Как мне известно, т же задания тов. Бужмелев, преподаватель политработы Воен школ, допускал и раньше в других школах и на различных уч занятиях. Да и содержание заданий такого характера, что в условиях мирного времени не может служить, каким либо о советским воззванием. Таким образом, я целиком и полност вергаю обвинения меня в антисоветской агитации.

2/ Меня подозревали, что я создал в КИИХ"е антисоветск пароль пригласив преподовать военные предметы бывших о в том числе 6-х человек уволенных из школ Каменева.

- Это подозрение тоже неверно.

Для постановки военными в таком большом институте/т КИИХ, нужно не менее 20 преподавателей, или, котор ин быть самы хорошими военными специалистами, иметь и и общее образование, что бы читать лекции студентам и в прочитанные занятия не хуже гражданских профессоров. И таких мы вообще в армии, где находиться в военно-строю требуются в одной должности около 100 военных пре телей, при наличии сравнительно небольшого лишнего ко в, очень трудно. Нужно найти лиц, которые по своим зна ходить на лекции т.к. в КИИХ"е лекции читаются днем. В Москве найти достаточное количество таких лиц, находящихся на тельной военной службе, приходится брать из запаса РК в отдельных случаях и отставных, бывших преподавателей школ. Так указывает поступать Управление Военно-учебных ний, руководящие этим делом. Однако мною были приглашен лиц, находящихся на действительной военной службе, как чальник штаба 40 стр. Дивизии полковник ДМ./ ныне БКП/, на скобчения тов. из дивизии -Тощевикин, далее состоящие в запасной военной службе полковник Аверков, Ни ьев, Перельтейн, Тимошольцев, Миллес, Добкевич- з человек и столько же я приглашал из запаса РККА. Добы из них бывшие офицеры. Но бывшее их положение в с запаса РККА, бывшие досрочные годы на учебных переподг РККА, которые должны быть призваны в случае мобилизации ничего любило известно их опорочивающего. Они не поддав лись никаким репрессиям или наказаниям. Трое из этих п вателей были уволены из школ Каменева, но уволены по с ному возрасту с пенсиями. Я был до 1926г. Начальником ного Отдела школы Каменева, знал их лично, как хороших преподавателей, и я пригласил их на небольшое число ле в КИИХ"е. Но далее, ведь я только приглашаю преподавате а утверждает их специальная комиссия с участием Предст лей особого Отдела 14-е стр. Корпуса. И все они были утверждены этой Комиссией, только в 1928г. во время м ареста был не утвержден один/ Ржевский/, по мнению П вителя Строевого командования/ а не О.С./ несколько от шим от современных требований. По моему мнению и это н вильно/ но я отсутствовал в Комиссии во время ареста/, преподователь старательно следит за всеми новостями во науки.

Меня спрашивали, почему" квалифицированный служите Фирсов, тоже бывший офицер, но " квалифицированный слу имел функции лаборанта и оружейника, поэтому должен бы ном", знавшим материальную часть/оружие/. Фирсов был с и ни очем предосудительным относительно его не извест но/ лично я его не знал. Просил принять его на службу ший Кабинетом т. Минин.

с Кр. Армии

Я не возражал, поскольку ему, а не мне, приходится иметь дело с "квалифицированным служителем" кабинета. Итак, все мои служащие были на 50% действительной военной службе, в том числе 4 были члены ВКП, 50% из запасов, в том числе 3 человека были из отставки, но все они имевшие прекрасные аттестации по Красной армии. Лично почти никем из них я знаком небыл, встречался лишь на службе. Никаких политических разговоров с ними я не вел. Как видно из показаний, ничего преступного или злонамеренного при преподовании этими людьми, или в моих отношениях к ним, небыло, поэтому я категорически отвергаю какое бы-то ни было обвинение в контрреволюционной группировке.

3/ В предъявленном мне 20 Ноября формулировке подозрения я был назван" Прокурором Деникинской Армии". Это гнусная ложь. У меня сохранилось несколько десятков документов, которые подтверждают, что я принял для избежания мобилизации всеми силами организацию иностранное подданство в 1918г., что в частности во время Деникина я был Инструктором Особенного Кооперативного Союза и преподавателем разных школ. У меня сохранилась в подлинниках телеграмма Деникинского начальника уезда, возражающего мне остать мне в г. Мариуполе/ Крым/ первой по кооперации" в присутствии пристава". Такое условие ясно хара-ризует мое положение при Деникине и Врангеле. Я убедительно прошу ознакомится с многочисленными документами, которые у меня сохранились в подлинниках, что бы выяснить этот вопрос. Наконец, это было уже выяснено три раза в трех Особых Отделах/ два раза в Феодосии, один раз в Киеве, о чем тоже есть документы/, но вот снова в 4 раз просят меня грязь. Насколько я себе представляю дело все в том, что я окончил Военно-Юридическую Академию/ о чем я никогда не думал скрывать/, но окончил ее, как видно из диплома в Декабре 1917г., так что в военно-судебных органах ни в старой армии, ни как видно из дела, во время гражданской войны никогда, нигде ни одного дня не служил. Наоборот, моя связь с подпольными кружками, при наследии которых помощь им видна из дела, помешала

4/ Не знаю, отразилась ли в производстве по моему делу вся моя работа за последние 9 лет при Советской власти. Я прилагаю пять аттестаций по военной линии, с 1922 по 1930г.г.- Две утверждение т. т. ЛАЗАРЕМ и ЛЕЙБЕЛЬСОМ, говорящие о моей полезной работе за все это время. Несмотря на то, что я поступил в Красную Армию в Декабря 1920г., никогда даже не поднимался вопрос о моей демобилизации. Наконец, это я в Киеве создал Курсы " Советского Государственного Права", " Советского Строительства", которое я один читал в течении многих лет, и "теорию Права и Государства", которую я читал в Киеве вместе с профессором Н.С. РОЗЕНОЕЛЬМ. На другого количестве киевских юристов в 1920г. при организации Киевской Ассоциации Марксизма-Ленинизма в правовую Комиссию которой под председательством проф. Н.С. РОЗЕНОЕЛЬМ/ все юристы были коммунисты, только я и работы в ней было ряд моих работ, принятых сочувственно.

В вдруг я вижу желание на основании каких то мелочных не проверенных, не состоятельных подозрений со стороны них, не знающих ни условия моей военно-педагогической работы, и всей моей советской работы- не только стереть на нет всю мою 9-летнюю работу, но прямо сделать из меня, какого то Государственного преступника.

Я могу категорически заявить, что в Киеве не было ни одного партийного или беспартийного научного работника, или ответственного командира РККА, которые не были бы, как громом поражены моим

арестом, как об этом писал проф. ЧУЛЫСВ проф. ГРОДЗ
СКОМУ в Харьков. Еще маленькая деталь: заключение по
му делу давал Киевский Прокурор т. Петров, которий ко
бенко не знает, в то время, как наблюдал за делом Пр
т. Бенедиктов/ т. Петров был в отпуску/. К сожалению,
ный Прокурор т. ЗОЛОТЕНКА тоже был лишен возможности д
заключение по делу, хотя мое дело, как лица, находящ
на действительной военной службе, должно было быть по
зором военной Прокуратуры. Я настойчиво прошу справе
и своей реабилитации, и без того я много незаслужен
ренес; я оставлен на Весь Киев и работать в нем на
затруднена, что у меня созрело решение уехать работать
ку или Харьков/ где, как государствовед я могу на
боту/. Еще в прошлом году я имел приглашение от т.
ЗУРЕНКО перейти на работу в Харьков.

-Я твердо надеюсь, на справедливость Вашего реше
как Прокурора Республики по наблюдению за РПУ, и жду
ния своей судьбы.

г. Киев

26 Января 1930г.

Карум

Леонид Юрьевич Шервинский

В романе "Белая гвардия" Михаил Афанасьевич Булгаков создал примечательный образ хвастуна и трепача, но большого мечтателя и влюбленного молодого человека (во всяком случае, делающего вид влюбленного), Леонида Юрьевича Шервинского. Портрет Шервинского, набросанный писателем несколькими яркими мазками, дает нам не совсем благоприятное представление об этом человеке:

"Карасевы золотые пушки на смятых погонах были форменным ничтожеством рядом с бледными кавалерийскими погонами и синими выутюженными бриджами Шервинского. В наглых глазах маленького Шервинского мячиками запрыгала радость при известии об исчезновении Тальберга. Маленький улан сразу почувствовал, что он, как никогда, в голосе, и розоватая гостиная наполнилась действительно чудовищным ураганом звуков, пел Шервинский эпиталаму богу Гименею, и как пел! Да, пожалуй, все вздор на свете, кроме такого голоса, как у Шервинского. Конечно, сейчас штабы, эта дурацкая война, большевики, и Петлюра, и долг, но потом, когда все придет в норму, он бросает военную службу, не смотря на свои петербургские связи, вы знаете, какие у него связи — о-го-го… и на сцену. Петь он будет в La Scala и в Большом театре в Москве, когда большевиков повесят в Москве на фонарях на Театральной площади. В него влюбилась в Жмеринке графиня Лендрикова, потому что когда он пел эпиталаму, то вместо fa взял 1a и держал его пять тактов. Сказав — пять, Шервинский сам повесил немного голову и посмотрел кругом растерянно, как будто кто-то другой сообщил ему это, а не он сам"…

Несколько дополнительных любопытных штрихов, касающихся личного отношения к Шервинскому Алексея Турбина, его переодевания и преображения при каждой сменяющейся власти, наконец, подчеркнутые писателем обширные денежные возможности данного персонажа романа, дают нам полное представление о Леониде Юрьевиче.

"А Шервинский? А, черт его знает… Вот наказанье с бабами. Обязательно Елена с ним свяжется, всенепременно… А что хорошего? Разве что голос? Голос превосходный, но ведь голос, в конце концов, можно и так слушать, не вступая в брак, не правда

ли… Впрочем, неважно".

Итак, таков булгаковский гвардейский улан, адъютант князя Белорукова, хороший певец, обеспеченный молодой человек и поклонник Елены Турбиной Леонид Юрьевич Шервинский. В его образе есть крайне много легкомысленных черт характера, которые сильно выделяют Шервинского из круга друзей дома Турбиных.

С первых же дней появления на свет романа "Белая гвардия" друзья, родственники, да и сам Михаил Булгаков образ Шервинского однозначно связывали с реальным историческим лицом — Юрием Леонидовичем Глады- ревским, близким другом семьи Булгаковых, фигурирующем на групповом снимке празднования Нового 1918 года в доме по Андреевскому спуску, 13. Присутствие Гладыревского в Киеве во времена, описанные в романе "Белая гвардия", подтверждают в своих воспоминаниях и некоторые родственники семьи Булгаковых. Именно о Юрии Леонидовиче Гладыревском, его нелегкой и героической судьбе, жизненном пути доблестного офицера Императорской гвардии мы и хотели бы рассказать.

Некоторые отрицательные черты характера Шервинского не были были присущи Гладыревскому. Дело было совершенно в ином: Гладыревский был несколько младше почти всех (кроме Николая Афанасьевича) членов компании семьи Булгаковых, что вызывало у них некоторое снисходительное отношение к совсем юному офицеру. Леониду Сергеевичу Каруму было к тому времени 30 лет, Михаилу Афанасьевичу Булгакову — 27 лет, Варваре Афанасьевне Булгаковой-Карум — 23 года, Николаю Судзиловскому (прототипу Лариосика) 22 года, а Юрию Гладыревскому, как и Николаю Булгакову, всего лишь 20 лет. Разница от 2 до 10 лет для людей старшего возраста не имеет такого значения, как для молодых людей.

Действительно, Михаилу Афанасьевичу Булгакову поступки, мысли и слова Юрия Гладыревского казались несколько неблагоразумными и по молодости горячными. А если к тому добавить, что Варвара Булгакова, "Золотая" Елена из романа "Белая гвардия", была на три года старше своего поклонника, то вообще можно говорить о том, что для двадцатилетнего молодого человека некоторые поступки амурного характера кажутся просто несерьезными. Впрочем, в Юрии Леонидовиче Гладыревском в данном случае нас интересует даже не это.

Несмотря на то, что Гладыревский был чуть ли не самым младшим в доме Булгаковых, по воинскому званию и положению он возвышался почти над всеми (конечно, кроме Карума, который в расчет не берется, как не входящий в компанию молодежи).

Юрий Леонидович был подпоручиком Лейб-гвардии 3-го Стрелкового Его Величества полка, заслуженным и боевым офицером. Прочие же члены и гости семьи Булгаковых в военном отношении не особо продвинулись: Петр Иванович Богданов (Степанов-Карась) был прапорщиком выпуска осени 1917 года, Николай Судзиловский — вольноопределяющимся, Николай Булгаков — юнкером, Михаил Булгаков — "ратником 2-го разряда, не годным к строевой службе", прочие же, за исключением Петра Бржезицкого, даже военного мундира никогда не носили.

Как появился Ю.Л. Гладыревский в семье Булгаковых? На этот вопрос ответить достаточно сложно. Известно, что мать Гладыревского жила в Киеве, в Диком переулке, рядом со Львовской площадью, недалеко от Андреевского спуска. В Киеве до революции некоторое время проживал и родной брат Юрия Николай, который был вхож в семью Булгаковых. Кроме того, Гладыревские, как выходцы из Прибалтики (Либавы) имели отдаленные родственные связи с Карумами, уроженцами Митавы.

Появление Юрия Леонидовича в Киеве можно отнести только к февралю 1918 года. Если Ю. Гладыревский и появлялся в городе до этого, то крайне ненадолго и очень эпизодически. Почему? Да потому, что с раннего детства он состоял на военной службе, о чем мы и хотим рассказать. В обнаруженном "Послужном списке прапорщика армейской пехоты Гладыревского", составленном 1-го декабря 1916 года, мы находим исчерпывающие биографические данные об этом человеке. Итак, Георгий (как писалось до революции в официальных документах имя Юрий) Леонидович Гладыревский родился 26 января 1898 года в городе Либаве (теперь — Лиепая, Латвия) в семье православного потомственного дворянина и надворного советника (сей чин был 7-го класса и приравнивался к чину подполковника). С раннего детства его судьба была неразрывно связана с армией, в отличие от родного брата Николая, выбравшего медицинскую стезю.

Одиннадцати лет отроду Юрий Гладыревский был отдан на воспитание и обучение в Ярославский кадетский корпус, в стенах которого пробыл шесть лет. Подробности из кадетской жизни Ю.Л. Гладыревского нам, к сожалению, не известны, а потому останавливаться на этом периоде мы не будем.

После успешного окончания Ярославского кадетского корпуса, выпуск из которого состоялся в конце мая 1916 года, Юрий Леонидович был откомандирован в Москву, где уже 3 июня был принят юнкером рядового звания в Александровское военное училище. В этом училище Гладыревский прошел не ускоренные четырехмесячные курсы прапорщиков, а шестимесячные курсы,

выпускники которых приравнивались к кадровому офицерству, что давало им право после окончания войны оставаться на военной службе. Училище Гладыревский окончил по 1 — му разряду, и 1 — го декабря получил чин прапорщика с дарованным старшинством с 1-го октября, что давало возможность досрочно получить следующее звание.

Как и все "свеженькие" выпускники военных училищ и школ прапорщиков, Юрий Гладыревский вполне мог претендовать сначала на продолжительный (месяц-два) отпуск для "решения семейных проблем", затем месяца четыре "прокантоваться" в запасных частях, где при финансовых возможностях можно было отсидеться до конца войны. Более того, училищному начальству Гладыревский, как исполнительный и порядочный офицер, приглянулся, а потому Юрий Леонидович мог вполне остаться на строевой должности и при училище. Но Гладыревский был совершенно иным человеком. Как офицер, имеющий за плечами кадетский корпус и одно из самых привилегированных училищ России, обладающий большой храбростью и необыкновенной физической силой, он воспользовался своим дворянским происхождением и деньгами… но не для того, чтобы попасть в далекий запасной полк, а с тем, чтобы сразу же отправиться на фронт, да еще и в Императорскую гвардию.

Уровень "голубой крови" в жилах офицерского корпуса российской армии стремительно падал. Недостаток офицеров, прошедших полный курс военной подготовки, потомственных дворян, способных достойно нести царскую службу, больнее всего отображался на гвардии. К тому времени гвардейские полки понесли жестокие потери в кадровом составе. Катастрофически не хватало офицеров, отвечающих особым гвардейским требованиям, а потому во время войны одно из необязательных, но немаловажных условий для приема в гвардейскую офицерскую среду — быть представителем именитой аристократической фамилии Российской империи — само собой исчезло. В гвардию теперь без особых проблем могли поступать и обычные дворяне, каковым был Юрий Гладыревский. Судьба его решилась быстро: уже 16 декабря 1916 года совсем юный прапорщик прибыл Лейб-гвардии в запасной батальон 3-го Стрелкового Его Величества полка, расположенный в Петрограде, чтобы немедленно отбыть на фронт. Впрочем, задержаться на некоторое время в столице прапорщику Гладырсвскому все же пришлось, поскольку он был обязан в мирных условиях на практике побыть на строевой должности младшего офицера. Тем не менее, вместо положенных четырех месяцев Юрий Гладыревский пробыл в запасном батальоне всего один месяц, и уже 22 января 1917 года был

зачислен Лейб-гвардии в 11-ю роту 3-го Стрелкового полка на должность младшего офицера.

Знаменная группа Лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Императорского Величества полка на фронте, 1914 год

Полк, в который попал Гладыревский, был боевой и заслуженной воинской частью. Решительные и смелые штыковые атаки стрелков полка привели к тому, что немцы уклонялись от рукопашного боя с гвардейскими стрелками, а сам полк был прозван противником "Сердитым". В какой-то степени Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк был действительно "Сердитым" — немцы и австрийцы хорошо запомнили его лихие действия в боях под Камнем Калишанским, Опатовым, Сенницей Королевской, Трестнем, Квадратным лесом. Гвардейскими стрелками было захвачено с полсотни пушек противника. В 1914–1916 годах полком командовали генералы Усов и Семенов, стяжавшие полку громкую славу. Особенно отличился на военном поприще генерал-майор Семенов, в последующем героически сражавшийся с большевистскими войсками в составе белых армий.

Ко времени прибытия на фронт Гладыревского, "Сердитым" полком командовал полковник Штерн фон Гвяздовский — требовательный и строгий в служебных отношениях человек. Именно он и немногие уцелевшие из офицеров старожилы полка должны были решить: достоин ли новоиспеченный прапорщик остаться в гвардии, и, в частности, Лейб-гвардии в 3-м Стрелковом Его Величества полку? Гвардейское офицерство было кастовым, и попадавшие в его среду молодые офицеры могли быть признаны гвардейцами, лишь отличившись в бою. К вящему сожалению Гладыревского, действительно маленького ростом, но обладающего большой физической силой, на фронте в то время

царило затишье. Следовательно, отличиться он не мог. Однако именно в этой ситуации проявился настоящий характер Гладыревского.

К тому времени в российской армии из сильных и мужественных людей стали создаваться особые команды гренадеров, вооруженные гранатами различных систем. Эти команды, зачастую ценой своей жизни, должны были выполнять особо опасные поручения: уничтожать укрепления противника, гранатами забрасывать немецкие окопы, а если нужно — то и самим подрываться на них, естественно, вместе с врагами. В таких командах процент выживания был намного ниже, нежели в обычных частях. Фактически, это были русские камикадзе времен Первой мировой войны. Во главе этих команд стояли молодые офицеры, которых специально отбирали по одному на бригаду или даже на целую дивизию. Гренадеры-инструктора (как именовали солдат и офицеров этих команд) проходили особую подготовку в армейских гренадерских школах, после чего откомандировывались на опасные участки фронта. Чтобы добиться уважения к себе со стороны однополчан, Юрий Леонидович Гладыревский пошел на смелый шаг и подал прошение о зачислении его в гренадерскую школу. Это прошение было удовлетворено, и прапорщик Гладыревский вскоре вошел в гренадерскую касту, которая особо почиталась в армии. Юрий Гладыревский, несмотря на свою сложную работу, смог выжить на фронте, получить чин подпоручика и даже быть представленным к боевым наградам.

Красиво драться, а если нужно — эстетично умирать, было особым шармом полка, в который попал Гладыревский. "Сердитые" стрелки одними из первых на фоне разложения российской армии заявили, что способны сражаться до конца. 28 мая 1917 года 3-й Гвардейский Стрелковый полк объявил себя "Полком Смерти", готовым драться даже в случае отказа от борьбы всей армии. Этот полк первым в российской армии нашил на рукав черно-красный шеврон ударников и эмблему Корниловских частей — элиты Белой России.

1917 год был последним в истории Императорской армии. Гвардейская Стрелковая дивизия таяла. Солдаты бежали домой, к офицерам не было никакого доверия. Но и в этой ситуации Гладыревский выстоял перед испытаниями. Он оставался в своем полку, благодаря гренадерскому авторитету пользовался уважением среди солдат и офицеров, поэтому в сентябре был прикомандирован к штабу Гвардейской Стрелковой дивизии на должность обер-офицера для поручений. Эта должность была третьей по значимости в дивизии, как правило, ее занимали

капитаны с образованием Академии Генерального штаба.

Снежной и холодной зимой декабря 1917 — января 1918 года остатки Гвардейской Стрелковой дивизии через Винницу и Жмеринку (ту самую; где в Шервинского влюбилась графиня Лендрикова) двигались на Киев. В штабе дивизии почти никого не оставалось. Фактически, дивизию вел подпоручик Гладыревский. Киев был землей обетованной для гвардейских стрелков. Офицеры стремились туда, чтобы остаться в городе и укрыться от ужасов начавшейся гражданской войны. Солдаты же намеревались объединиться в Киеве с большевистскими войсками, ведущими борьбу с Центральной Радой. В дивизии наблюдалась странная картина: консервативно настроенные офицеры еще имели власть над полностью обольшевичевшимися гвардейскими стрелками. В этом была заслуга подпоручика Юрия Гладыревского, своим авторитетом сумевшего уберечь боевых товарищей-офицеров от незаслуженной солдатской расправы.

10 февраля 1918 года (по н. ст.) полки Гвардейской Стрелковой дивизии нестройной массой ввалились в Киев. На общем собрании солдаты дивизии во главе с несколькими офицерами решили следовать для демобилизации далее в Россию. Подавляющее большинство офицеров, а вместе с ними и Юрий Гладыревский, остались в Киеве. У Юрия Леонидовича в городе, в Диком переулке (рядом со Львовской площадью) жили мать и брат. Здесь же были многие знакомые — и Гладыревский на долгое время осел в Киеве. Солдатами Гвардейской Стрелковой дивизии были брошены в городе дивизионные обозы и склады. Все они попали в распоряжение подпоручика Гладыревского, как одного из последних руководителей дивизии. На эти материальные запасы Юрий Леонидович смог не только прокормить себя, но и устроить в городе многих офицеров своей дивизии. Во время правления гетмана Павла Скоропадского Ю. Гладыревский отказался служить в его армии, стал "шпацким" (штатским) франтом, и именно в таком облике появился в обществе семьи Булгаковых.

Офицером штаба князя Долгорукова (булгаковского Белорукова), а не адъютантом, Юрий Леонидович действительно был. Генерал Долгоруков в ноябре-декабре 1918 года возглавлял войска, действовавшие на Украине против Директории УНР. Этот штаб был переполнен множеством офицеров в солидных чинах, а потому Гладыревский не играл там такой заметной роли, как это приписал Шервинскому Михаил Булгаков. Впрочем, кое-что он мог делать для своих близких и друзей. Так, многие офицеры, служившие на правах рядовых бойцов в добровольческих офицерских дружинах, вовремя оповещенные сослуживцами из

штаба (в том числе и Гладыревским), в день падения гетмана Скоропадского скрылись с фронта и не попали в плен к украинским войскам С. Петлюры. Сам Юрий Гладыревский также избежал плена. Кстати, эпизод с оповещением о падении Гетманской власти и неминуемой гибели офицерских частей под Киевом также присутствует в романе "Белая гвардия". Офицеры Гвардейской Стрелковой дивизии сыграли заметную роль в Киевских событиях конца 1918 года. Практически все они занимали должности в частях, противостоящих украинской Директории. Поэтому не удивительно, что Гладыревский, в свое время оказавший значительную помощь многим командирам из своей дивизии, был в курсе всех событий, которые происходили на фронте.

Сюжетная линия "Белой гвардии" обрывается на начале февраля 1919 года — приходе в Киев красных частей. Из последних вариантов глав романа, совсем недавно опубликованных в литературных изданиях, следует, что Шервинский остался в Киеве и продолжал ухаживать Еленой Турбиной, покинутой своим мужем. Юрий Леонидович действительно остался в Киеве, но не для того, чтобы успокаивать Варвару Булгакову. В то время он работал на белогвардейскую разведку, исправно сообщал штабу Добровольческой армии о событиях в Киеве, и разыгрывать из себя героя-любовника Гладыревскому было просто выгодно. И действительно, ЧК сложно было увидеть во влюбленном молодом человеке, заботящемся лишь о внешности, голосе да розах, вражеского разведчика. Об этом факте из биографии Гладыревского вряд ли в то время кто-либо знал. Не мог о нем знать и Михаил Булгаков, иначе его "Белая гвардия" могла дойти до нас с сильным детективным душком. А жаль, не правда ли?

Впрочем, о деятельности в Киеве Юрия Гладыревского можно было догадаться после вступления в город 31 августа 1919 года (н. ст.) белогвардейских частей. Уже на следующий день Гладыревский вышел на улицу с погонами… капитана Добровольческой армии. Таким образом, он ясно давал понять, что перепрыгнул через два звания, отделявших подпоручика от капитана. А в Белой армии званиями просто так не швырялись.

При белых Юрий Леонидович вернулся в свой Лейб-гвардии 3-й Стрелковый полк, который возрождался в Киеве в составе Добровольческой армии. Интересно то, что штаб формирования Гвардейских Стрелков Добровольческой армии находился всего в нескольких шагах от штаба дружины генерала Кирпичева, дравшейся с Петлюрой в конце 1918 года. Первый располагался на Прорезной, 23, второй — на Прорезной, 30. Самому

Гладыревскому пришлось работать в обоих штабах.

Далеко не все товарищи Юрия Леонидовича в феврале 1918 года остались в Киеве. Некоторые из них пробрались на Дон, где в составе Добровольческой армии в 1 — м Ледяном и 2-м Кубанском походе уже дрались с красными. На протяжении 1918 года на поле ратной славы полегли многие близкие полковые друзья Гладыревского: подпоручики Гернет и Халтурин, прапорщик Брик… Сформированная на Дону весной 1918 года сводная рота Лейб-гвардии 3-го Гвардейского Стрелкового полка 31 августа 1919 года (н. ст.) после боев за Бровары и Дарницу во главе с капитаном Яковлевым одной из первых вошла в Киев, где радостно была встречена своими боевыми товарищами.

С кадрами своего полка Гладыревскому в октябре пришлось защищать город от войск красных. В этих уличных боях, длящихся три дня, Юрий Леонидович получил легкое ранение. 3 ноября 1919 года (н. ст.) капитан Гладыревский по ранению был отправлен в запасную бригаду гвардии, в составе которой существовала запасная рота Лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка, комплековавшая пополнением уже существующий на фронте батальон полка полковника Кованько. Во главе этой роты капитан Гладыревский совершил отступление в Крым. В результате больших потерь рота была сведена во взвод. В начале 1920 года Юрий Леонидович вновь попал на фронт и вместе с другими бойцами удерживал крымские перешейки перед превосходящими частями красных. В конце мая гвардейские стрелки участвовали в белом десанте в Северной Таврии. Во время боев за деревню Эристовка 26 — 31 июня 1920 года (н. ст.) погиб почти весь взвод Юрия Гладыревского. Сам он чудом остался жив. Вот что гласила о гибели взвода гвардейских стрелков полковая реляция:

"Вечером Таганрогский полк снова сосредоточился в д. Эристовке, но охранение выставил не на хуторах, а на ближайших буграх; в лощину же, что к востоку от деревни, для своевременного обнаружения конницы противника, был выставлен взвод от гв. Стрелковой роты под командой кап. Гладыревского. Ночь прошла спокойно. Рано утром 16 июня, подтянув свежие части, красные снова перешли в наступление, на этот раз бросив на д. Эристовку пять полков (от № 198 до 202) при громадном количестве пулеметов. Густые цепи их стали теснить наше сторожевое охранение от главных сил. Однако роты успели перейти гать под сильным пулеметным огнем противника. В то же время Таганрогцы, отойдя к д. Эристовке, заняли позицию на южных буграх, причем участок 3-го батальона находился на правом фланге полка, несколько уступом вперед. Чтобы не дать

противнику быстро пройти гать, полк. ф. — Эссен приказал взводу капитана Гладыревского задержаться на мосту. Батальоны в это время должны были осмотреться и окопаться на занятых позициях. Тем временем конница красных стремительно атаковала взвод кап. Гладыревского. После небольшой схватки часть взвода была изрублена, часть взята в плен. Пленных большевики предали истязаниям: по занятии нами обратно деревни, их нашли замученными, причем у двух на груди были вырезаны Георгиевские кресты, а в переносицы вбиты нательные кресты. Из всего взвода удалось спастись только кап. Гладыревскому и фельдфебелю, которые бросились в сторону и, пробираясь по хатам, добрались до батальона".

Офицеры гвардейских стрелковых частей на фронте

Юрию Леонидовичу Гладыревскому, в последующем еще раз раненому в боях за Крым, пришлось навсегда покинуть свою Родину. 13 ноября 1920 года (н. ст.) на транспорте "Саратов" оставшиеся в живых офицеры российской Императорской гвардии оставили родные берега…

В эмиграции Юрий Гладыревский так и не стал известным певцом. Впрочем, как музыкант и исполнитель, он имел определенный успех. Умер Юрий Леонидович 20 марта 1968 года во Франции, в городе Канны. Знал ли он о том, что послужил прототипом для создания булгаковского образа Шер- винского, нам не известно. И вряд ли эта загадка когда-нибудь будет разгадана. Сам Гладыревский в эмиграции воспоминаний не писал, со своими сослуживцами связь почти не поддерживал, к работе над созданием книг по истории Белой гвардии не привлекался. Да и с выехавшими вместе с Добровольческой армией из Крыма младшими братьями Михаила Афанасьевича Булгакова связь, как нам известно, не поддерживал.

Послужной списокъ

Прапорщика ГЛАДЫРЕВСКАГО

Составленъ 1-го Декабря 1916 г.

I. Чинъ, имя, отчество и фамилія	Прапорщикъ Георгій Леонидовичъ ГЛАДЫРЕВСКІЙ
II. Должность по службѣ	Мл. офицеръ
III. Ордена и знаки отличія	Не имѣетъ
IV. Когда родился	26-го Января 1898 года.
V. Изъ какого званія происходитъ и какой губерніи уроженецъ	Потомственный дворянинъ, Сынъ Надворнаго Совѣтника, уроженецъ города Либавы.
VI. Какого вѣроисповѣданія.	Православнаго
VII. Гдѣ воспитывался	Окончилъ Ярославскій кадетскій корпусъ и въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ и выпущенъ на службу по I-му разряду.
VIII. Получаемое на службѣ содержаніе	Не получаетъ

Читалъ "21" Ноября 1916 года. Гладыревскій

IX.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволенія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы	Мѣсяцы.	Числа.
Прибылъ изъ Александровскаго училища для прикомандированія къ 3 стрѣлковому Его Величества полку				Командированъ въ 1-й Стрѣлковый Его Величества полкъ и назначенъ въ 3-й Стрѣлковый полкъ для слѣдованія.....	917	Янв.	10.
				Полкъ № 1111			
				[illegible]			
				[illegible]			
				Прибылъ изъ запаснаго батальона Л.Гв.3 Стрѣлковаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка и зачисленъ въ списки прикомандированныхъ къ полку съ назначеніемъ младшимъ офицеромъ II-й роты	917	Янв.	22
				Приказъ п.п.№ 22.			
	916	Дек.	16				
				Назначенъ обучающимся въ школу инструкторовъ полковыхъ гренадеръ....	-	Сен.	13.
				Приказъ п.п.№ 44.			
				Обратился къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей	917	Мар.	21.
				Приказъ п.п.№ 82.			
				Полкъ переименованъ Л.Гв.въ 3-й Стрѣлковый полкъ.....	917	Мар.	16
				Приказъ п.п.№ 73 и 83.			

IX.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба: военная, гражданская и по выборамъ; переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ по какому случаю: по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличія; Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволѣнія.

	Годы.	Мѣсяцы.	Числа.		Годы.	Мѣсяцы.	Числа.
Приказомъ Арміи и Флоту 1 Августа 1917 г. произведенъ въ подпоручики	917	Авг.	1.				
Со старшинствомъ	---	Маз	20				
Приказ. п. п. № 203							
Командированъ в Школу Пр. Отр. для поступленія на двухмѣсячные обер.-офицерскіе курсы пѣхоты и пулеметчиковъ							
Къ Командировкѣ	917	Окт.	15				
Прик. п. п. от 27/9							
Зачисленъ по 4 р. обер-офицера при Школѣ Пр. Отр.							
От 20 Ноябр	1917	Ноябр	24				
Прик. п. п от 28/7							

IX.

Прохожденіе службы.

Когда въ службу вступилъ и произведенъ въ первый офицерскій чинъ; производство въ слѣдующіе чины и дальнѣйшая служба; военная, гражданская и по выборамъ, переводы и перемѣщенія изъ одного мѣста службы или должности въ другую, съ объясненіемъ по какому случаю; по волѣ начальства или по собственному желанію; когда отправился и прибылъ къ новому мѣсту службы; награды чинами, орденами, знаками отличія, Всемилостивѣйшіе рескрипты, Высочайшія благоволенія

	Годы	Мѣсяцы	Числа
Въ службу поступилъ ИЗЪ кадетъ Ярославскаго кадетскаго корпуса			
въ Александровское Военное Училище юнкеромъ рядового зваиія	1916	Іюня	3
Принялъ присягу	1916	Іюня	6
Войсков. Унтеръ-офицеръ . .	1916	Октябр	I

	Годы	Мѣсяцы	Числа
ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ по окончаніи курса наукъ произведенъ въ прапорщики	1916	Декабр	I
Со старшинствомъ..1916		Октябр	I
Согласно телеграммы Главнаго Штаба с/г за № 29032 временно задержанъ при училищѣ впредь до распоряженія.....	1916	Декабр	I
Согласно телеграммы Главнаго Штаба с/г за № 30097 откомандированъ къ мѣсту назначенія въ запасный батальонъ Д. Г.О.З Стрелковаго Великаго Князя.....	1916	Декабр	13
Отправился по назначенію . .	1916	Декабр	14

X.

Бытность внѣ службы.

а) Во временныхъ отпускахъ: когда уволенъ, на какое время и явился ли въ срокъ; а если просрочилъ, то сколько именно и признанъ ли просрочка уважительною; б) въ безсрочномъ отпуску; съ какого и по какое время; в) для пользованія ранъ: гдѣ именно; по чьему разрѣшенію, съ какого и по какое время; г) по роду оружія, безъ исполненія службы; д) въ плѣну: когда и гдѣ взятъ и когда возвратился на службу и е) въ отставкѣ; когда уволенъ и когда вновь прибылъ на службу.

	Годы	Мѣсяцы	Числа
Уволенъ въ отпускъ . . .	191		

	Годы	Мѣсяцы	Числа

Виктор Викторович Мышлаевский

Как известно, женщины предпочитают бабников и повес целомудренным представителям мужской половины человечества. А если этот повеса является еще и героем такого известного произведения, как "Белая гвардия", то он становится кумиром не только женщин, но и вообще всех читателей. Именно так можно охарактеризовать отношение большинства почитателей творчества Михаила Афанасьевича Булгакова к образу поручика-артиллериста Виктора Викторовича Мышлевского, о котором нам и хотелось бы поговорить.

Многие булгаковеды связывают рождение литерного образа Виктора Мышлаевского с одним из друзей детства братьев Булгаковых Николаем Николаевичем Сынгаевским. В этой версии преуспели до того, что расписали Сынгаевского нравственной копией Мышлаевского, приписали ему "портретное" сходство с литературным героем и даже отправили его служить в армию. Тем не менее, по большому счету кроме наименования "друг детства" да сходства с именем — Виктор Викторович и Николай Николаевич — больше никаких совпадений в биографии Мышлаевского и Сынгаевского мы не наблюдаем. Многие строят схожесть Сынгаевского и образа Мышлаевского на эпизоде романа, связанном с гимназическими годами Турбина и Мышлаевского, когда сторож Максим уличил их в цуке (так в то время называлась "дедовщина") воспитанников младших классов. Однако там же мы встречаем отзыв о Мышлаевском полковника Малышева: "Нет, черт возьми… Это действительно офицер. Видали?", что абсолютно ни как нельзя отнести на счет Сынгаевского.

Виктор Сынгаевский никогда не имел никакого отношения к действительной военной службе: не учился в военных училищах, не служил офицером в артиллерии, не принимал участия в гражданской войне, не был забулдыгой и повесой, имел, в отличие от Мышлаевского, квартиру на Малой Подвальной, где жил вместе со всей семьей. Наконец, роман Мышлаевского с загадочной Анютой в случае с Сынгаевским представляется просто мифом. Если бы Михаил Афанасьевич Булгаков основывал описание своего героя на биографии друга детства, то Мышлаевский не был бы под Красным Трактиром, не бежал бы

оттуда в Киев, не служил бы в 1919 году у белых и не попал бы в результате в Красную Армию, как это планировал писатель в своей трилогии, где "Белая гвардия" была лишь первой частью. Кто же тогда Мышлаевский? На этот вопрос мы и постараемся ответить.

Как известно, до революции Булгаковы дружили семьями не только с Сынгаевскими, но и с Коссобудзскими, у которых частенько бывали. Главой этой семьи был военный врач 130-го Херсонского пехотного полка киевского гарнизона Константин Коссобудзский, близкий коллега друзей и родственников Булгаковых — Покровского и Воскресенского. После гражданской войны, когда из Киева в Польшу уехали Сынгаевские, почили родители Михаила Афанасьевича, погибли или же эмигрировали многие друзья детства, семья Коссобудзских оставалась единственной, которую не почти коснулись кровавые события. У Коссобудзских не менее 2–3 раз в месяц бывали и Варвара Булгакова со своим супругом Леонидом Карумом — так же прототипы главных героев Белой гвардии. Во время своих приездов в Киев заходил к

Коссобудзским и Михаил Афанасьевич. Бывал здесь и давний знакомый Булгаковых и Сынгаевских, Петр Александрович Бржезицкий, муж Нины Константиновны Коссобудзской. Бржезицкий некоторое время работал на военной кафедре Киевского Института Народного Хозяйства, возглавляемой Карумом, который и устроил его преподавателем, как бывшего офицера.

При изучении протоколов допросов Леонида Сергеевича Карума 1931 года, когда последний обвинялся в службе у белых и контрреволюционной деятельности, фамилия Бржезицкого не раз мелькала на страницах дела. Он так же оказался бывшим офицером. Профессиональное любопытство заставило нас обратиться к делу Бржезицкого, что дало множество любопытных сведений об этом человеке, биография и повадки которого до мельчайших подробностей дублировали описание и деяния Виктора Викторовича Мышлаевского, одного из главных героев "Белой гвардии".

Впервые двадцатилетний подпоручик-артиллерист Петр Александрович Бржезицкий появился в доме Коссобудзских и был представлен всей компании в конце 1913 года. К тому времени Бржезицкий закончил Суворовский Варшавский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Петр Александрович происходил из древнего польского аристократического рода с Украины, его отец, как и многие предки, был боевым генералом царской армии. Петр

Бржезицкий родился в Житомире, где служил отец и где оставалось семейное гнездо. По окончании училища, летом 1913 года, Петр Александрович был назначен младшим офицером в 33-ю артиллерийскую бригаду, располагавшуюся в Киеве. В то время Константин Коссобудзский временно исполнял обязанности военного врача 33-й дивизии, куда входила бригада Бржезицкого. На почве служебных отношений и произошло знакомство Коссобудзского и Бржезицкого, вскоре превратившееся в дружбу и бурный роман Петра Александровича с Ниной Константиновной Коссобудзской. Тогда же подпоручик Бржезицкий был представлен и другим семьям — Булгаковым и Сынгаевским. В то время в среде российского офицерства, особенного из именитых родов, как Бржезицкие, наметилась тенденция параллельно осваивать и гражданские профессии. Под воздействием своих новых знакомых Петр Александрович стремился поступить на медицинский факультет Киевского университета, что помешала ему сделать начавшаяся Первая мировая война.

Лето 1914 года осталось памятным для многих киевских семейств. На фронт уходили мужья, братья, сыновья. Должен был оставить гостеприимный дом Коссобудзских и Петр Александрович Бржезицкий, назначенный временным командиром батареи формирующейся из киевлян 70-й артиллерийской бригады. Командиром 70-й дивизии, в которую входила бригада, был назначен известный генерал-майор барон Алексей Павлович Будберг, ставший начальником Бржезицкого не только во времена Первой мировой, но и гражданской войн. Уже в августе 1914 года 70-й киевской дивизии пришлось пройти через тяжелые бои у Замостья, в которых получил свое боевое крещение Петр Бржезицкий. В 1915 году, после кровавой бойни у Горлицы и славной победы под Холмом дивизия была переброшена на Северный фронт, под Петроград. К тому времени войска противников перешли к позиционной войне, и на Северном фронте на долгое время установилось затишье. Бржезицкий, уже поручик, использовал каждую возможность, чтобы выбраться в Киев, вновь приехать в уже родную семью Коссобузских и компанию близких людей.

Февральская революция 1917 года сломала жизни многим людям в бывшей Российской империи. Не был исключением и фронтовой офицер Петр Александрович Бржезицкий, в чине штабс-капитана принявший на себя командование дивизиона 70-й артиллерийской бригады. Киевская дивизия к тому времени была элитарной и прославленной воинской частью. Еще до революции Император Николай II за Холмские бои повелел сохранить дивизию и после войны. На Северном фронте 70-я дивизия

считалась одной из лучших, барон Будберг, уходя на должность начальника корпуса, оставил право командования дивизией за собой. В Июньском наступлении 1917 года дивизия, одна из немногих, еще была способна проявить боевые качества. Но это уже была агония. Развал армии был неизбежен. Именно он в значительной степени и повлиял на судьбу Петра Александровича Бржезицкого. Положение действительно было ужасным. Вот что писал в своем дневнике о состоянии 70-й дивизии и ее артиллерии генерал Будберг:

"7 октября… Разложение распространилось и на державшуюся так долго в полном порядке 70 дивизию, которую подсек перевод ее за Двинск; она впервые попросила пока отстрочить заступление ее в окопы на смену 18 дивизии, измыслив в качестве предлога переизбрать все комитеты…

12 октября… Настроение отчаянно скверное; 70 дивизия кончена и подошла к общему пределу полного развала, жалкие остатки надежды, за которую я еще цеплялся…

3 ноября… В соседней 4 особой дивизии товарищи организовали массовое братание с немцами; мои батареи 70-й бригады открыли по братающимся огонь, за что товарищи сильно избили артиллерийских наблюдателей (на батареи не сунулись, там по 2 пулемета на батарею)…

1 декабря… Получил письма из корпуса; всюду вступили в должности выбранные начальники; у нас в 70 и 18 дивизиях эта процедура прошла еще достаточно разумно, но рядом творятся всякие безобразия; в артиллерии старых дивизионеров посадили коренными ездовыми (самая трудная служба), ротных командиров назначили кашеварами и уборщиками нечистот. Где-то южнее были случаи продажи нашими товарищами немцам своих пулеметов и орудий. Чудовищно все это, но при наших товарищах, к ужасу, не невозможно…

16 декабря… Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильное голодной смер™, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу; доносчики множатся всюду, как мухи в жаркий летний день и изыскивают гидру контрреволюции…"

В своей бригаде на позициях под Двинском штабс-капитан Бржезицкий оставался до конца, выполняя свой офицерский долг. Именно этот, самый сложный период, и наложил на него тот отпечаток забулдыги и повесы, просматривающийся в образе Мышлаевского. Стал таковым Петр Александрович не от хорошей жизни.

В конце февраля 1918 года, с помощью большевиков окончательно развалив российскую армию, немцы перешли в

решительное наступление по всему фронту. Горстка офицеров и солдат киевской дивизии защищала Двинск до последнего патрона. Именно этот бой, состоявшийся 22–23 февраля, по жестокой иронии судьбы почему-то стал днем основания тогда еще мифической Красной армии. А измученные и голодные бойцы доблестной 70-й дивизии попали в плен. Немецкое командование, в отличие от большевиков, высоко оценило героизм и мужество оставшихся верными своему долгу российских офицеров и немногих солдат. После окончательной оккупации немецкими и австро-венгерскими войсками Украины пленные киевской дивизии были переданы гетману Скоропадскому. Так, летом 1918 года Петр Бржезицкий вернулся на родину. Бывший штабс-капитан поехал не домой, в Житомир, а в Киев, где его еще ждали в семье Коссобудзских друзья и возлюбленная, но где он не имел ни работы, ни постоянного крова, ни уверенности в будущем: "Другие, армейские штабс-капитаны конченых и развалившихся полков, боевые армейские гусары, как полковник Най-Турс, сотни прапорщиков и подпоручиков, как Степанов-Карась, сбитых с винтов жизни войной и революцией, и поручики, тоже бывшие студенты, но конченные для университета навсегда, как Виктор Викторович Мышлаевский. Они, в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку", — так писал о своих героях Михаил Афанасьевич Булгаков в "Белой гвардии". А ведь эти слова, полностью отвечали моральному облику и материальному положению Петра Александровича Бржезицкого. Никто кроме него из всех друзей и знакомых Михаила Булгакова не мог заслужить таких слов в романе.

Чем же занимался Бржезицкий в Киеве в 1918 году? В армию гетмана Скоропадского он поступать отказался по принципиальным соображениям, хоть имел по своему военному положению и опыту полное право на соответствующий чин сотника и должность в Киеве. К прочим специальностям Петр Александрович так же был уже не способен — революция сделала свое дело. Она повлекла за собой неописуемую тоску и разочарование в жизни, а вместе с ними пристрастие к беззаботной и безалаберной жизни, той самой, которую вел и Мышлаевский.

Вот что пришлось рассказать Петру Бржезицкому под

физическим воздействием громил ГПУ о своем пребывании в Киеве в 1918 году:

"Протокол допроса. 1931 года февраля 3-го дня. Я, Уполномоченный ДТО ОГПУ ЮЗ'а Безкровный допросил сего числа обвиняемого Бржезицкого Петра Александровича, который показал:

В предыдущем моем показании мною укрыта служба в армии Гетмана, укрываемая до последнего времени по причине своего малодушия. Из Киева уехал эшелоном в Германию.

При Гетмане служил сторожем при автомобильном гараже Кр. Креста. Затем попал в организацию для защиты Киева от Петлюровцев. В ней служил около месяца в качестве рядового. Был на позиции у красного трактира и недалеко от станции Жулян. Затем самовольно бросил позицию и ушел в город, а дней через десять уехал в Германию с эшелоном. Там помещался в

концентрационном лагере в г. Ниенсбурге. Затем был переброшен в Англию.

Организация эта состояла, главным образом, из бывших офицеров. Попал я туда добровольно в качестве рядового".

Красный Трактир, Жуляны — эти названия взяты не из рассказов и воспоминаний писателя-эмигранта Романа Гуля, произведения которого Булгаков мог и в глаза не видеть, а о нем самом ничего не слышать, а от реального свидетеля из близкого окружения Михаила Афанасьевича. Рассказ Мышлаевского и повествование Гуля действительно во многом имеют сходные факты. Тем не менее, на воспоминаниях Романа Гуля просто не возможно было построить монолог Мышлаевского о Красном Трактире. Почему? Это мы и попробуем объяснить.

На позициях под Красным Трактиром с вечера 20 ноября действительно находился 2-й отдел Киевской добровольческой дружины генерала Кирпичева во главе с гвардии полковником Сергеем Крейтоном. В этом отделе служил Роман Гуль. В него же попал и Петр Александрович Бржезицкий. В романе "Белая гвардия" и в воспоминаниях Гуля, публиковавшихся во 2-м сборнике "Архива русской революции" в Берлине в 1921 году, действительно в подробностях описаны одни и те же события. Но из четких подробностей нам становится ясно, что монолог Мышлаевского и воспоминания Гуля взаимодополняемы, но никак не тождественны.

К вечеру 20 ноября 1918 года во 2-м отделе на позициях насчитывалось не более 50 человек офицеров и добровольцев. Как вспоминал Р. Гуль, из отдела был выделен 2-й подотдел в количестве 10 человек для занятия Красного Трактира, где уже располагался Лубенский Сердюцкий конно-казачий полк. Прочие

же чины отдела расположились в открытом поле невдалеке от Красного Трактира. Роман Гуль ушел со своим подотделом в Красный Трактир. Наш же герой рассказа остался в цепи на снегу. Р. Гуль подробнейше описал события, произошедшие со своим подотделом на утро 21 ноября: переход Лубенского полка на сторону войск Петлюры, гибель командира, бегство офицеров и нахождение их на батарее. Вместе с тем, он ни словом не обмолвился о судьбе офицеров и добровольцев, оставшихся под Красным Трактиром. А именно об этом рассказывал в доме Турбиных Мышлаевский:

"Стали это мы в полночь*, ждем смены… Ни рук, ни ног. Нету смены. Костров, понятное дело, разжечь не можем, деревня в двух верстах, Трактир — верста. Ночью чудится: поле шевелится. Кажется: ползут… Ну, думаю, что будем делать?.. Что: Вскинешь винтовку, думаешь — стрелять или не стрелять? Искушение. Стояли, как волки выли. Крикнешь, — в цепи где-то отзовется. Наконец зарылся в снег, нарыл себе прикладом гроб, сел и стараюсь заснуть: заснешь — каюк. И под утро не вытерпел, чувствую — начинаю дремать. Знаешь, что спасло? Пулеметы. На рассвете слышу, верстах в трех по-ехало! И ведь, представь, вставать не хочется. Ну, а туг пушка забухала. Поднялся, словно на ногах по пуду, и думаю: "Поздравляю, Петлюра пожаловал". Стянули маленькую цепь, перекликаемся. Решили так: в случае чего, собьемся в кучу, отстреливаться будем и отходить на город. Перебьют — перебьют…"

К вечеру 21 ноября подотдел Гуля соединился под Жулянами со всем отделом, в котором оставался и Бржезицкий. Как вспоминал Роман Гуль: "Простояв день в прикрытии батареи, мы присоединились к своему отряду, который занял окраину Жулян. Расположились по хатам. Офицеры, второй раз занимавшие Красный Трактир, рассказывают, как они захватили петлюровский обоз. Крестьяне везли петлюровцам — яйца, сало, хлеб, мясо, масло, водку… — "Вот смотрите", комментирует рассказчик, "все сами везут, а тут ни до чего не докупиться: не ма, да не ма."

Этот отрывок мы можем сопоставить с рассказом Мышлаевского о старом крестьянине, принявшем по ошибке офицеров за петлюровцев. Вполне возможно, что в данном случае и у Гуля рассказчиком был все тот же Бржезицкий.

По хронологии рассказа Мышлаевского выходит, что на позициях он провел всего один день. Однако, как мы уже говорили, хронологические рамки "Белой гвардии" не являются исторически правильными. События нескольких дней у Булгакова вполне сводились в один день из романа. Именно поэтому Мышлаевский, если бы он был реальным историческим лицом,

должен был пробыть на позициях как минимум до вечера 22 ноября. Только в этот вечер части подотдела из-под Жулян были отведены к Посту-Волынскому, где и состоялся конфликт между офицерами и руководством отдела, упомянутый в романе "Белая гвардия":

"Нуте-с, в сумерки пришли на Пост. Что там делается — уму не постижимо. На путях четыре батареи насчитал, стоят неразвернугые, снарядов, оказывается, нет. Штабов нет числа. Никто ни черта, понятное дело, не знает. И главное — мертвых некуда девать! Нашли наконец перевязочную летучку, веришь ли, силой свалили мертвых, не хотели брать: "Вы их в город везите". Туг уж мы озверели. Красин хотел пристрелить какого-то штабного. Тот сказал: "Это, говорит, петлюровские приемы". Смылся. К вечеру только нашел наконец вагон Щеткина. Первого класса, электричество… И что же ты думаешь? Стоит какой-то холуй денщицкого типа и не пускает. А? "Они, говорит, сплять. Никого не велено принимать". Ну, как я двину прикладом в стену, а за мной все наши подняли грохот. Из всех купе горошком выскочили. Вылез Щеткин и заегозил: "Ах, боже мой. Ну, конечно же. Сейчас. Эй, вестовые, щей, коньяку. Сейчас мы вас разместим. П-полный отдых. Это геройство. Ах, какая потеря, но что делать — жертвы. Я так измучился…" И коньяком от него на версту. А-а-а! — Мышлаевский внезапно зевнул и клюнул носом. Забормотал, как во сне:.

— Дали отряду теплушку и печку… О-о! А мне свезло. Очевидно, решил отделаться от меня после этого грохота. "Командирую вас, поручик, в город. В штаб генерала Картузова. Доложите там". Э-э-э! Я на паровоз… окоченел… замок Тамары… водка…"

Описанного эпизода нет в воспоминаниях Романа Гуля, хотя из архивов нам известно, что он имел место. Откуда же мог о нем узнать Михаил Афанасьевич Булгаков, как не от непосредственного участника конфликта? Им, собственно, и являлся Петр Александрович Бржезицкий, который после нахождения под Жулянами, так же как и Мышлаевский фактически бросил свою часть.

Куда может вернуться безквартирный и безработный мужчина с больной душой и тоской в сердце? Догадаться не сложно, естественно — к женщине. Точно так же поступил Бржезицкий и литературный персонаж Мышлаевский. Как следует из различных вариантов концовки "Белой гвардии", последний поплелся в дом Турбиных, где его привлекали две вещи: Анюта — горничная и водка. Интересы Бржезицкого в то время так же ограничивались этими двумя пунктами, правда, он продолжал

ухаживать не за горничной, а за Ниной Коссобудзской. Конечно, можно поспорить, что это не доказательство душевного родства Бржезицкого и Мышлаевского, поскольку такое родство можно подметить у большей части представителей мужской половины человечества. Тем не менее, для нас оно все же является достаточно веским и красочным аргументом.

К сожалению, мы не знаем подробностей личных отношений Петра Александровича и Нины Константиновны. Но, по всей видимости, они были весьма похожи на взаимоотношения Мышлаевского и Анюты:

"С Анютой всегда происходили странные вещи, лишь только поручик Мышлаевский появлялся в турбинской квартире. Хозяйственные предметы начинали сыпаться из рук Анюты: каскадом падали ножи, если это было в кухне, сыпались блюдца с буфетной стойки; Аннушка становилась рассеянной, бегала без нужды в переднюю и там возилась с калошами, вытирая их тряпкой до тех пор, пока не чавкали короткие, спущенные до каблуков шпоры и не появлялся скошенный подбородок, квадратные плечи и синие бриджи. Тогда Аннушка закрывала глаза и боком выбиралась из тесного, коварного ущелья. И сейчас в гостиной, уронив метелку, она стояла в задумчивости и смотрела куда-то вдаль, через узорные занавеси, в серое, облачное небо".

Чем все это закончилось, стало понятно из мало известного варианта 19-й главы романа:

"В спальне под соколом поручик Мышлаевский впервые в жизни нарушил правило, преподанное некогда знаменитым командиром тяжелого мортирного артиллерийского дивизиона, — артиллерийский офицер никогда не должен теряться. Если он теряется, он не годится в артиллерию.

Поручик Мышлаевский растерялся.

— Знаешь, Виктор, ты, все-таки свинья, — сказала Елена, качая головой.

— Ну уж и свинья?.. — робко и тускло молвил Мышлаевский и поник головой. (…)

В сумерки этого знаменитого 2 февраля, когда обед, скомканный к черту, отошел в полном беспорядке, а Мышлаевский увез Анюту с таинственной запиской Турбина в лечебницу (записка была добыта после страшной ругани с Турбиным в белом кабинетике Еленой), а Николка, сообразивший, в чем дело, утешал убитого Лариосика, в спальне у себя Елена в сумерках у притолоки сказала Шервинскому, который играл свою обычную гамму на кистях ее рук:

Какие вы все прохвосты…"

Мы не претендуем на то, что подобная сюжетная линия наблюдалась в отношениях между Петром Бржезицким и Ниной Коссобудзской. Однако в результате из концовки романа (менее известного варианта 20-й главы) исчезает Мышлаевский, которые по логике вещей затем всплывает у белых, а из Киева с последними немецкими эшелонами уезжает Бржезицкий. Личные ли отношения, либо какие иные причины толкнули на этот шаг Бржезицкого и литературного героя Мышлаевского — мы не знаем.

Как сложилась дальнейшая судьба Петра Александровича Бржезицкого? Оставив Киев вместе с последними немецкими частями, уже подчинявшимися командованию Антанты, Петр Бржезицкий был депортирован в Германии и долгое время жил в лагере под городом Ниенсбург. Поскольку он, в отличие от многих других российских офицеров, находящихся в Германии, оставил Украину почти добровольно, владел иностранными языками, Бржезицкого привлекли для работы в Английской военной миссии, занимающейся бывшими военнопленными. В офицерах, умеющих держать себя в обществе, владеть иностранными языками, действительно ощущался определенный недостаток: к тому времени различных лагерях для военнопленных в Германии оставалось до 300.000 российских солдат-военнопленных. Из-за начавшейся гражданской войны, непризнания Антантой Советской России, большевистских настроений в солдатской среде и пр. эта масса бывших военнопленных была лишена возможности в ближайшее время вернуться на родину. С этими солдатами работали не только английские, но русские офицеры. Всего в Германии действовало 23 союзных комиссии, в которых имелось до десятка российских офицеров в каждой. В одну из таких комиссий, функционировавшую в Ниенсбурге, и попал Петр Александрович Бржезицкий.

Работа у Бржезицкого была достаточно сложной: солдаты требовали отправки домой, митинговали и вообще напоминали взрывоопасную массу, способную влиять на политические события в Германии. Многие солдаты за соответствующее вознаграждение участвовали в попытки социалистического переворота в Берлине, Киле, и других немецких городах, известных революционными событиями. Чтобы хоть как-то сдерживать российские солдатские массы, англичане старались всячески удовлетворять потребности лагерей. Бывшие российские военнопленные питались и одевались намного лучше жителей побежденной в войне Германии. Правда, это давало малые результаты: бунты не стихали, солдаты на отрез отказывались

идти в белые армии. Те же, кто по настоянию офицеров все же попадал к Деникину или Юденичу, зачастую в первый же удобный момент перебегали на сторону красных. Вот в такой не совсем нормальной атмосфере пришлось два месяца работать Петру Бржезицкому.

Для поддержки Белого движения в России страны Антанты оказывали не только финансовую и материальную помощь, но и проводили переподготовку лучших офицеров в своих военных училищах. Делалось это для того, чтобы российские офицеры осваивали военную технику и опыт боевых действий стран-победительниц в 1-й Мировой войне. 1 мая 1919 года штабс-капитан Петр Бржезицкий, как старый кадровый офицер, был направлен в военную школу для переподготовки российских военных в городе Нью Маркет в Англии. Здесь ему предстояло пройти четырехмесячные курсы, на которых он имел возможность ознакомиться и попрактиковаться в обращении с английским вооружением, поставляемым Антантой белым.

В конце августа около ста человек офицеров, окончивших школу, было отправлено на Дальний Восток, в армию адмирала Колчака. Среди этих офицеров был и Петр Александрович Бржезицкий. Лишь в конце сентября 1919 года офицеры были доставлены во Владивосток, где и были распределены по частям. Военным министром у Колчака в то время был генерал-лейтенант барон Будберг, тот самый, который на протяжении трех лет командовал 70-й киевской дивизией. Так штабс-капитан Бржезицкий стал колчаковцем и был назначен

преподавателем Красноярской артиллерийской школы.

Фронт армий Колчака трещал по швам — красные наступали. Ожесточенные бои в начале января 1920 года разгорелись и под Красноярском. В бой были введены части Красноярской артиллерийской школы, несколько дней сдерживавшие фасных на подступах к городу. Не смотря на это, 7 января 1920 года Красноярск пап. Белые солдаты массово сдавались в плен. Остатки армии, проделывая тяжелый Сибирский поход, отступали к Байкалу. Вместе с армией уходила Красноярская школа, в которой в то время служил и брат Петра Александровича Виктор Бржезицкий. На железнодорожных станциях под Иркутском скопилось множество войсковых частей белых. Некоторые из них намеревались открыто перейти к красным. Лишь офицеры оставались непреклонными в своих целях и продолжали с боями пробиваться за Байкал. Остатки Красноярской артиллерийской школы застряли в Черемхове, городке, расположенном неподалеку от Иркутска. Здесь ободренные успехами Красной армии рабочие подняли вооруженные восстание. Виктор

Бржезицкий успел выскочить из западни и в последующем ушел с белыми в Китай. Петр Бржезицкий остался в Черемхово. Ему пришлось перейти к красным.

Что же было дальше? Вот что рассказывал Бржезицкий о своей жизни в 1920 году и после окончания гражданской войны на допросах в ГПУ:

"…я пришел к помещению штаба революционных войск и предложил свои услуги работать. Мне дали должность коменданта санитарного поезда № 7 (конец января 1920 г.). Здесь работал 2 м-ца, а потом мне дали повышение, а именно н-ка санитарной команды Инокентьевского госпиталя. Здесь я проработал 2 м-ца и был арестован. Вечером пришли за мной и обыскали и хотели взять, а комиссар сказал, что я с ним сам приеду на следующий день в Особый Отдел. Так и сделал, но меня, не смотря на заверения комиссара, не отпустили, а сказали, что специалистов мы отправляем на фронт. Отсидел я 4–8 дней и меня одиночным порядком отправили на фронт в Штаб Западного фронта. Прибыл я в штаб и меня зачислили в Смоленский запасной арт. дивизион старшим инструктором. Там я работал в комиссии по проверке артиллерийских знаний у командного состава тех частей, которые перебрасывались на Польский фронт. Затем, я точно не помню, кажется, в сентябре месяце 1920 г. меня перевели в 4-ую артилл. школу сначала на должность комвзвода, затем помкомбата. Затем, в 1921 г., в октябре месяце, меня перевели в Днепровскую военную флотилию на должность ст. артиллериста. В ней я пробыл до момента начала расформирования. Октябрь 1922 г., я был демобилизован. В скором времени была регистрация всех бывших белых и я взялся на учет.

В это время я работал грузчиком в артели. Затем был год безработным, состоя на учете Биржи Труда. 16-го июня 1924 г. получил назначение с Биржи на должность ст. рабочего в комхоз. Там работал вскоре десятником до 16/3 1929 года, когда был уволен по реорганизации. Не помню, в 1924 г. или в 1925 г. был снят с учета белых и зачислен в терчасть 33 арт. дивизион. В 1927 г. летом отбывал 1–1/2 месяца в этом дивизионе в Дарнице. В 1928 г., не помню когда, меня приписали к 14 арт. полку и выдали моблисток. В 1929 г., в конце лета (август м-ц) меня призвали на 1–1/2 мца на специальный артилл. лаг. Сбор в Ржищево. В 1930 г., в конце сентября, я был призван на кратковременные лагерные сборы в свою часть, а именно в 14 артилл. <полк>.

В марте 1930 г. я работал десятником на строительных работах в Жилсоюзе. Кроме того, я кончаю в курсы строительные

при ВСНХ.

Что касается моих знакомых, то благодаря моему замкнутому образу жизйи, я решительно никуда не хожу. Все время свое посвящаю только работе и ученью. Я должен кончить свое ученье в ударном порядке к 1 — го мая с/г. Единственно, к кому я ходил раз в 1–2 месяц<а>, это к родственникам моей жены (сестра родная жены замужем за сыном доктора Деленса (Де-Ленса — прим. Т.Я.)…"

Так сложилась дальнейшая судьба Петра Александровича Бржезицкого. В конце 1920 года, совершив головокружительное путешествие через Германию, Англию, Дальний Восток, Россию и Польшу он вновь вернулся в Киев. Здесь его еще ждала Нина Константиновна Коссобудзская, на которой после семи лет знакомства и многих лет военной разлуки он все же женился. Отсутствие нормальной работы и замкнутость была вызвана лишь тем, что он продолжал увлекаться алкоголем, который стал его настоящим роком после краха Белого дела на Дальнем Востоке.

Осенью 1930 года от Леонида Сергеевича Карума, мужа Варвары Булгаковой, известного нам, как прототипа Тальберга, Петр Александрович получил приглашение читать курс военной химии на военной кафедре Киевского Института Народного Хозяйства. Военную химию Петр Бржезицкий преподавал всего несколько месяцев. Интересно, что Мышлаевский тоже в какой-то мере занимался химией. Не один раз в "Белой гвардии" и различных вариантах ее финальных глав мы можем встретить замечания о том, что он увлекался разбавлением и смешиванием спиртных напитков, а так же самого спирта. Карум знал, что Бржезицкий бывший белый, но все же решил помочь ему. Это и погубило Петра Александровича и чуть не погубило самого Карума.

Еще в 1929 году органы ГПУ в Киеве начали охоту за бывшими участниками антибольшевистского сопротивления, высшими офицерами и генералами старой армии. Эта охота вскоре вылилась в мало известное дело "Весна", по которому было арестовано более двух тысяч бывших офицеров и генералов российской армии во всех регионах СССР. Их обвиняли в контрреволюционном заговоре против Советской власти. В организации заговора по иронии судьбы был обвинен бывший генерал Владимир Александрович Ольдерогге, который в 1920 году являлся одним из руководителей наступления Красной армии на Дальнем Востоке и которому Бржезицкий был обязан крушением всех своих надежд. Зять Ольдерогге, полковник Минин, бывший однополчанин Карума, так же работал вместе с Бржезицким. Минин и Карум были обвинены в причастности к

организации заговора. Бржезицкий, как бывший колчаковец, в ГПУ вообще считался чуть ли не идеологом заговора.

1 февраля 1931 года за Петром Александровичем Бржезицким приехал "черный воронок" на улицу Короленко, 14, кв. 1, где он жил с женой. После обыска Бржезицкий был арестован. В тот же день он рассказал все, что добровольно вспомнил о своей предыдущей жизни. На второй день ему пришлось вспомнить то, что он не хотел вспоминать в ГПУ. На третий день его заставили "вспомнить" то, чего он никогда не делал и не знал. А 4 февраля 1930 года в деле появилась стандартная и тысячи раз выверенная в ГПУ, а затем в НКВД запись: "Признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации, которая ставила себе целью свержение Советской власти и оказания содействия интервенции. Прошу при рассмотрении моего дела принять во внимание мое чистосердечное признание и раскаяние".

Советское правосудие того времени было достаточно скорым на расправу, поскольку "участники заговора" были арестованы и обработаны всего за несколько месяцев. 6 марта 1931 года по делу "Весна" части "киевской организации заговорщиков" было вынесено заключение: "Следственное дело № 135 по обв. Петра Александровича Бржезицкого… в преступлении, предусмотренном ст. 54 п. 11 и 2 УК УССР направить в Судебную Тройку ГПУ УССР с ходатайством о применении к Бржезицкому П.А. ВЫСШЕЙ МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ — РАССТРЕЛА".

Судебная Тройка при Коллегии ГПУ УССР, рассмотрев 20 апреля 1931 года дело Бржезицкого, нашла возможным заменить высшую меру всего пятью годами исправительно-трудовых работ. Уже в мае 1931 года Бржезицкий оказался в Темниковском исправительно-трудовом лагере в Мордовии. В феврале 1932 года Петра Александровича перевели в СЕВЛАГ, куда он, правда, так и не доехал…

Нина Константиновна Коссобудзская пять раз отправляла в прокуратуру прошения о пересмотре дела мужа. Однако, они были оставлены без внимания. А вскоре арестовали и всю семью Коссобудзских, и Нину Константиновну постигла горькая участь мужа.

Так оборвалась жизнь Петра Александровича Бржезицкого и Нины Константиновны Коссобудзской, принадлежавших к близкому окружению Михаила Афанасьевича Булгакова, что дает право считать из возможными прототипами героев романа "Белая гвардия" Мышлаевского и Анюты.

В Ы П И С К А .

Из обвинительного заключения

По делам : I/БЕЛОЛИПЕЦКОГО Сергея Кирилловича бывш. полковника, ст.54п.II-2, 2/ВОЛКОВА Михаила Ивановича, б.прапорщика ст.54 п.II и 6 и 2,3/ЩЕРБИНСКОГО Петра Фотиевича б.штаб-капитана, б.белого ст.54 п.II и 2,4/ВОЛКОВА Владимира Ивановича из дворян ст. 54 п.II и 2,5/ТИХОМИРОВА Владимира Михайловича, профессора, из дворян, ст.54п.II и 2,6/МАЖОРИНО Сергея Леонтиевичем, б.капитана ст.54п.II и 2, 7/ЛЕШУНОВА Сергея Сергеевича, б. полковника ст.54 II и 2/ 8/ТИХОМИРОВА Аркадия Ивановича б.подпоручика ст. 54 п.II и 2,9/СЛЯССКОГО Николая Павловича б. капитана ст.54 п.II и 2,10/ПАРФЕНЕНКО Карлампия Яковлевича, б. собственника ст. 54 п.II 2,II/ЛЕВИЦКОГО Валериана Парфирьевича, б.прапорщика ст. 54 п.II ,6 и 2,I2/ЯКОВЧУКА Сергея Семеновича б. прапорщика ст.54 п.II,6 и 2, I3/МАЛИНОВСКОГО Николая Федоровича протоиерея, ст.54 п. II и 2, I4/ БОРОДИНА Василия Ивановича б.торговца, ст. 54 п. II и 2,I5/ПОПРУЖЕНКО Вахима Михайловича б. поручика, ст. 54 п.II,6 и 2,I6/СЛУШКО-НАЛИНСКОГО Семена Игнатьевича, б.поручика ст. 54 п. II и 2, I7/ЮДИЦКОГО Константина Константиновича б. подпоручика, ст. 54 п. II и 2,I8/ЛЕВИЦКОГО Валентия Всеволодовича, б. прапорщика, ст. 54 п. II и 2,I9/КУКОВСКОГО Петра Владимировича из б.белого, из дворян, ст. 54 п. II и 2, 20/ ДУБОВЕНКО Николая Григорьевича, б. прапорщика ст. 54 п. II и 2, 21/ БЕЗПАЛОВА Всеволода Ростиславовича, б. прокурора ст. 54 п. II и 2, 22/ ФИРСОВА Николая Андреевича, б. подполковника ст. 54 п. II и 2, 23/ ДЯЩЕНКО - СОЛОВКИНА Петра Дмитриевича б. офицера, ст. 54 п. II ,6 и 2, 24/ МАГУТИНА Александра Максимовича б. военного чиновника, ст. 54 п. II и 2, 25/ БРЕНЗИКОГО Петра Александровича, б. капитана ст. 54 п. II и 2, 26/ МИЛЯ Александра Максимовича, б. служащего ст. 54 п. II и 2 и 27/ КОЛБАСИНА Анатолия Григорьевича, б. подпоручика ст. 54 п. II и 2 УК УССР .

В Августе м-це 1920 г. ГПУ УССР была раскрыта военно- офицерская и шпионская к-р организация, ставившая своей конечной целью свержение Советской власти, путем внутреннего вооруженного восстания и с помощи интервенции.

В вышеназванной организации широко развила свою к-р деятельность в разного рода Советских учреждениях на ж.д. и Водном транспорте, среди жителей г. Киева и прилегающих к нему местностей и запасов Красной армии, вербуя в к-р организацию главным образом антисоветский элемент из числа б.офицеров, б.белых, б.чиновников, б. людей, домовладельцев и т.д.

В период времени с декабря м-ца 1930г. по февраль 1931г ДТОГПУ Юго-Западн. ж.д. были арестованы, как члены вышеназванной к-р организации : 1/БЕЛОЛИПСКИЙ Сергей Кириллович б. полковник, б. белый 2/ВОЛКОВ Михаил Иванович, б. прапорщик б. белый, 3/ ЩЕРБИНСКИЙ Петр Фотиевич, б. штабс-капитан, б. белф, 4/ВОЛКОВ Владимир Иванович студент из дворян, 5/ТИХОМИРОВ Владимир Михайлович профессор анатомии из дворян, 6/ МАХОРИНО Сергей Леонтиевич, б. капитан б. белый 7/ДЯЩЕНОВ Сергей Сергеевич б. подполковник, б.белый 8/ТИХОМИРОВ Аркадий Иванович б. подпоручик, 9/СЛЯВСКИЙ Николай Павлович, б. капитан б. белый, 10/ПАРФЕНЕНКО Харлам ний Яковлевич, б.собственник, 11/ЛЕВИЦКИЙ Валериан Порфирьевич, б. прапорщик, б. белый, 12/ЯКОВЧУК Сергей Семанович б. прапорщик, 13/МАКЛАКОВСКИЙ Николай Федорович, протоиерей, 14/БОРОДИН Василий Иванович, б. торговец, 15/ПОПРУЖЕНКО Вадим Михайлович, б. поручик, б.белый, 16/ СЛУШКО-ЦАПЛИНСКИЙ Сергей Игнатьевич, б. поручик, б. белый, 17/ЮДИЦКИЙ Константин Константинович б. подпоручик, 18/ ЛЕВИЦКИЙ Мелентий Всеволодович б. прапощик, б.белый, 19/КУКОВСКИЙ Петр Владимирович б. белый, из дворян, 20/ДУБОВЕНКО Николай Григорьевич, б. прапорщик, 21/БЕЗПАЛОВ Всеволод Ростиславович б. прокурор, 22/ФИРСОВ Николай Андреевич, б. подполковник, 23/ЛЯЩЕНКО-СОЛОВКИН Петр Дмитриевич, б. офицер, 24/ЛАГУТИН Александр Максимович, б. военный чиновник, 25/БРЕЗЗИЦКИЙ Петр Александрович, б. капитан, 26/ МЕЙР Александр Максимович, одиннадц л. 27/ КОЛБАСИН Анатолий Григорьевич, б. поручик.

На предварительном следствии показаниями вышеупомянутых участников к-р организации и признанием своей к-р деятельности лично обвиняемыми установлено :.....

284

25. БРЕГЕЗИЦКИЙ Петр Александрович , б. капитан ,б. белый , признался в том, чтов 1920 г. он завербован ПОПРУГЕНКО Вадимом Михайловичем в Военно- офицерскую к-р организацию,что подтверждено показанием и признанием ПОПРУГЕНКО В.М./см. д.№135 л.д.11,12 и 14/.

ПОПРУГЕНКО были подробно раз'яснены цели и задачи к-р организации , а также было дано задание вербовать б. офицеров в к-р организацию/ см.д № 135 л.д.11 ,13 и 14/ .

БРЕГЕЗИЦКОМУ было известно о том,что помимо ПОПРУГЕНКО членами военно- офицерской к-р организации являются ФИРСОВ и ЛЕВИЦКИЙ/ см. д.№135 л.д.11 ,13 ,14,18 и 19/.

До ареста по настоящему делу БРЕГЕЗИЦКИЙ скрывал свою службу в армии Гетмана в чине офицера,см. д.№135 л.д. 9/.

Означенные преступления предусмотрены ст.54 п.11 и 2 УК УССР .

На основе вышеизложенного обвинительного материала следственное дело № 135, по обвинению БРЕГЕЗИЦКОГО Петра Александровича в преступлении предусмотренном ст. 54 п. 11 и 2 УК УССР считать законченным и руководствуясь существующим положением о Судебных Тройках

[illegible] :

Следственное дело № 135 по обв БРЕГЕЗИЦКОГО Петра Александровича , родивш. в 1893г. в г. Житомире , из дворян , бывш генерал- майора, старой армии , женатого ,русского , окончившего Варшавский Кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище в б. Петрограде ,капитана старой армии , армии Гетмана и Колчака, служившего десятником Киевского Райсовета, прож. в г. Киеве, член фонда Строителей , беспартийного , под судом не состоявшего , в преступлении предусмотренном ст. 54 п.11 и 2 УК

УССР направить в Судебную Тройку ГПУ УССР с ходатайством о применении к БРЕЗИЦКОМУ П.А. ВЫСШЕЙ МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ - Р А С С Т Р Е Л А .

Составлено "о" марта 1931г.
г. Киев.-

Уполномоченный ВОРОНАЯ
"СОГЛАСЕН": Пом.Нач.ДТОСПИ ПП"в. ВЕСЕЛОВ.
"УТВЕРЖДАЮ": Нач.ДТОСПИ ПП"в.-ДРЕЙЗИС.

В е р н о : Секретарь С/[illegible] ОВЧАРОВ/

Федор Николаевич Степанов

Многие современники событий "Белой гвардии" из круга семьи Булгаковых вспоминали, что в доме на Андреевском спуске, 13 бывал молодой человек низкого роста, слегка полноватый и несколько напоминающий карася. Но вспомнить имя этого человека, к сожалению, так никто и не смог, — он исчез в вихре гражданской войны, а память о нем почти стерлась. Татьяна Николаевна Лаппа, первая супруга М. Булгакова, утверждала, что знала сотого человека и видела его не один раз в кругу булгаковских знакомых. По воспоминаниям, он действительно учился вместе с братьями Булгаковыми и их друзьями в 1-й киевской Александровской гимназии, был офицером. Загадочное его исчезновение и несколько штрихов из воспоминаний о нем сопоставимы разве что с судьбой Петра Ивановича Богданова, хоть утверждать этого мы не можем.

Старший брат Петра Ивановича Богданова Борис был лучшим другом детства Михаила Афанасьевича. Он частенько бывал у Булгаковых и участвовал во всех детских праздниках и шалостях. Борса мы видим на ряде фотографий Булгаковых 1910–1914 годов. Был он свидетелем на свадьбе у Михаила Булгакова и Татьяны Лаппа в 1913 году. Петр Богданов появлялся в семье Булгаковых намного реже, а после трагического случая с братом вообще на долгое время прекратил общение с ними. В 1915 году Борис Богданов застрелился. По бытующей версии он был безответно влюблен в Варвару Булгакову, сестру Михаила Афанасьевича. К тому времени Борису нужно было идти на фронт, а он оставался в Киеве, чтобы вновь и вновь убеждаться в тщетности своих попыток преодолеть женское самолюбие и самомнение. Бориса стали обвинять в уклонении от воинского долга. Возможно, это его и добило.

Петр Иванович Богданов по понятным причинам старался обходить стороной дом на Андреевском спуске. Во время войны он окончил гимназию, некоторое время проучился в Киевском университете Святого Владимира, а в ноябре f917 года прошел ускоренный курс киевского Николаевского артиллерийского училища. Правда, на фронт Петру Ивановичу попасть так и не удалось, и новоиспеченный прапорщик остался в Киеве. Где он был и чем занимался во время боев в Киеве в ноябре 1917 и

январе-феврале 1918 годов, — сказать сложно. Скорее всего, в ноябрьских боях участвовал, от январских, как и множество российских офицеров, уклонился. С вступлением в Киев немецких войск и возобновлением занятий в университете Петр Богданов восстановился на своем курсе, и вернулся к гражданским проблемам. К этому времени, по прошествии почти трех лет, он вновь появился в доме Булгаковых, где периодически бывал на протяжении 1918 года. Подробностей посещения им дома по Андреевскому спуску, 13, мы, к сожалению, не знаем.

Бывшие петлюровские военнопленные, - офицеры и добровольцы Киевской дружины генерала Кирпичева и Полтавского добровольческого батальона, лагерь Альт-Дам , Штетин

Литературный герой "Белой гвардии" Федор Николаевич Степанов, подпоручик артиллерии, выпускник 1-й киевской Александровской гимназии, где он носил кличку "Карась" был "маленький, укладистый и действительно чрезвычайно похожий на карася…" Конечно же, между Степановым и Богдановым установить тождество достаточно сложно. Тем не менее, оба они носят типичные русские фамилии, что для польско-балтийской компании Булгаковых (естественно, не считая последних) уже являлось необычным. И Степанов, и Богданов были артиллеристами, правда, в несколько разных званиях. Но, в данном случае воинские звания не являются аргументом, поскольку в случаях с литературными героями Мышлаевским и Шервинским и их прототипами Бржезицким и Гладыревским также не сохраняются. Степанов является другом детства Турбиных, что вполне можно отнести к Петру Богданову и его отношениям с Булгаковыми. К тому же, и Степанов и Богданов продолжают учебу в университете. Кроме того, в романе отсутствуют какие- либо упоминания об участии Степанова в боевых действиях, что вполне соответствует биографии Петра Богданова, почти не участвовавшего в боях.

Литературный Степанов-Карась был немногословным, умным

и рассудительным человеком. Он скептически и без особого оптимизма смотрел на жизнь. Именно этим мы можем объяснить его объективные сомнения и некоторую иронию, когда в кампании Турбиных речь заходила о монархии, помощи союзников, чудесном спасении царской семьи. Степанов вполне мог уловить тенденции в обществе и вовремя приноровиться к событиям. Именно так он поступил при роспуске мортирного дивизиона полковником Малышевым, почувствовав, что он имеет на то веские аргументы. Так же мы можем оценить и поступление Карася на службу в продовольственную управу УНР, после того, как части Петлюры окончательно оставили Киев. Как повествует писатель в своем мало известном варианте 19-й главы, Степанов надежно спрятал свои офицерские документы, достал студенческие, по которым и был принят на украинскую службу. В доме Турбиных, как видно из романа, Степанов-Карась появляется не часто. Еще более редкими стали его посещения Турбиных после зачисления в продовольственную управу. По большому счету, на протяжении всего романа Федор Николаевич Степанов играет небольшую роль, находится все время на заднем плане, является пассивным и второстепенным участником событий, что весьма похоже на амплуа Петра Богданова в 1918 году, который наверняка не часто посещал Булгаковых.

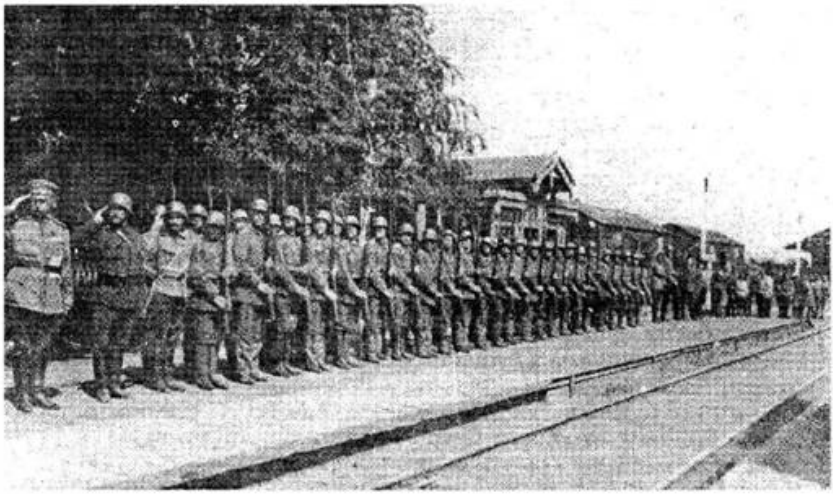
Упоминания о некоем Петре Богданове (без отчества и других данных) мы действительно можем найти в списках интендантского управления армии Украинской Народной Республики еще во время нахождения ее в Киеве. В последующем представитель интендантства П. Богданов всплывает в украинской армии еще один раз в апреле 1919 года на фронте Северной группы войск УНР. Наш ли это Петр Иванович Богданов? Скорее всего — наш. Да и должность его — представитель интендантского управления — вполне соответствует должности Карася из "Белой гвардии".

Как мог попасть Петр Богданов в украинскую армию? Все достаточно просто. Когда украинские войска вступили в Киев, они не имели налаженного военного административного аппарата и создавали его с помощью старых гетманских кадров и на базе Военного министерства Скоропадского. Требовались специалисты, и они принимались на службу независимо от национальности, происхождения, владения языка и даже политических взглядов. Так, в оперативный штаб на ответственную должность был принят один из руководителей защитников Киева от войск Директории генерал Синклер. После него в Военное ведомство стали принимать всех подряд. В газетах появилось множество объявлений о принятии на службу в

различные украинские инстанции специалистов. По одному из таких объявлений попал в интендантское управление войск УНР и Петр Иванович Богданов. Ему, как и всем людям, нужно было на что-то существовать, вот он и стал украинским чиновником. Скрывал ли он свою принадлежность к офицерству, сказать сложно, скорей всего, нет. Поскольку уже в январе 1919 года для многих украинских социалистических деятелей это не играло никакой роли, а воинский чин, пусть самый маленький, влиял на должность и оклад.

В начале февраля 1919 года кадры Военного министерства УНР в связи с наступлением Красной армии срочно эвакуировались из Киева. Большинство чинов управлений министерства получили назначение в действующие части. Петр Иванович Богданов был назначен в интендантское управление Северной группы войск армии УНР, которое располагалось в Ровно. Группа, небольшая по своему составу, вела борьбу с красными и польскими частями на Волыни, защищая Житомирское, Коростеньское, Ровненское и Луцкое направления. О функциях, выполняемых Богдановым в этом управлении, нам, к сожалению, ничего не известно.

Во главе Северной группы стоял молодой, амбициозный человек из бывших народных учителей, произведенный во время войны в офицеры, Владимир Оскилко. Не соглашаясь с официальным курсом военных руководителей Украинской Народной Республики, 29 апреля 1919 года в Ровно он поднял восстание против Петлюры. Это восстание, вошедшее в историю, как Оскилковский переворот, было достаточно быстро пресечено сечевиками Коновальца, — булгаковского полковника Торопца. Оскилко со своими приближенными вынужден был бежать в Польшу. Поляки и красные воспользовались неурядицами в Северной группе, перешли в наступление и к началу мая овладели Луцком и Ровно. Большинство военнослужащих группы, оказавшихся в Луцком мешке, попало в плен к полякам. Был среди них и Петр Богданов, из петлюровца превратившийся в обычного военнопленного.



Почетный караул 1-го стрелкового Светлейшего князя Ливена полка на ст. Веймар при встрече командующего Северо-Западной армией генерала Юденича

Все пленные через Ковель были перевезены поляками в лагерь Вадовицы, где оказался и Петр Богданов. Многие офицеры, находящиеся в лагере, в основном из бывших гетманцев, попавших в армию УНР случайно или по найму, как Богданов, обратились за помощью к Российскому комитету, существовавшему в Варшаве. Последний предложил достаточно оригинальную помощь для того, чтобы выбраться из лагеря, — записаться добровольцем в белогвардейскую Северную армию генерала Родзянко. Добровольцами стали около 200 военных и чиновников, в основном — офицеров. Записался добровольцем и прапорщик Богданов.

Уже через несколько дней эшелон увозил вчерашних гетманцев и петлюровцев из лагеря Вадовицы в Варшаву, где должно было состояться окончательное решение участи польских пленников. Но для этого понадобился всего день: белые под Петроградом нуждались в людях, которых с помощью Антанты они получали из Польши. Уже в июне 1919 года добровольцы попали в Митаву, где формировались белогвардейские части Западного корпуса Северной армии. Прапорщик Богданов получил назначение на должность добровольца-рядового в Либавский имени Светлейшего князя Ливена отряд, где к тому времени формировался 3-й Ливенский стрелковый полк. Богданов вновь оказался в действующей армии. 3-й Ливенский полк, переименованный вскоре в 19-й Полтавский стрелковый, полностью состоял из офицеров и добровольцев с Украины — участников борьбы между Директорией и Скоропадским на стороне последнего. Это были именно те офицеры, которые в

декабре 1918 года оказались узниками в Педагогическом музее в Киеве, и среди которых чуть не оказался Николай Булгаков. Большая часть чинов отряда

служила в Киевской добровольческой дружине генерала Кирпичева, либо в Полтавском добровольческом отряде, почему 3-й Ливенский полк и получил вскоре наименование "Полтавского". Либавский отряд для похода на большевистский Петроград формировал Светлейший князь Ливен, в честь которого именовались все части отряда. Так прапорщик Петр Богданов стал ливенцем и белогвардейцем-северозападником. В то время командный и офицерский состав армии на треть был украинским — это были бывшие гетманцы.

Уже в августе отряд Ливена, переименованный в 5-ю Ливенскую дивизию, был переброшен в Нарву для участия в наступлении на Петроград Северо-Западной армии генерала Юденича. По воспоминаниям современников, дивизия была великолепно вооружена и одета немцами, представляла собой грозную силу. В ночь с 10 на 11 октября 1919 года Ливенская дивизия форсировала речку Нарев у Луги и перешла в решительное наступление на Петроград. Части дивизии за несколько дней овладели рядом стратегических пунктов, а 16 октября ливенцы заняли Красное Село. Передовые отряды армии Юденича вышли к окраинам Петрограда, откуда были видны купола Исаакиевского Собора. Командованием белых овладела общая эйфория. Генералы считали, что Петроград падет в ближайшие дни, а потому спорили о том, кто первый войдет в бывшую столицу Российской империи. Но этому не суждено было сбыться. Командир одной из дивизий генерал Ветренко (бывший, между прочим, в 1918 году полковником у Центральной Рады и Скоропадского) преследуя свои цели, не выполнил боевой приказ, что повлекло за собой крушение наступления. Уже 7 ноября белые были отброшены на исходные позиции.

Специально приехавший на Северный фронт Лев Троцкий лично возглавил оборону Петрограда и контрнаступление против армии Юденича. 14 ноября белогвардейские части были прижаты к эстонской границе. Доблестная Ливенская дивизия более двух суток сдерживала противника на последнем клочке фронта, но и ей пришлось перейти на эстонскую территорию. Вот что вспоминал по этому поводу князь Ливен: "Ливенская дивизия вела бой в болотах против Нарвы. Холода стояли по времени года необыкновенные. Мороз доходил до 20 градусов. Хлеба не было. Готовить горячую пищу было негде. Эстонские начальники, даже командир 1-й дивизии генерал Теннисон, издевались бесчеловечным образом над русскими. Ко всем бедствиям армии

присоединилось еще большее бедствие беженцев, число коих было больше 10.000. Перейти границу эстонцы не разрешали. При трескучем морозе они должны были ночевать в лесах и на шпалах железной дороги. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях так же заражались и умирали".

Это был разгром белых под Петроградом. Во время тяжелого отступления и боев на границе был убит и прапорщик 19-го Полтавского стрелкового полка Петр Богданов. Подробностей его гибели мы, к сожалению, не знаем, и не узнаем их уже никогда.

Лариосик

Илларион Илларионович Суржанский, а если проще — Лариосик, благодаря своим нелепым, смешным, но в то же время весьма грустным выходкам завоевал сердца многих читателей. Некоторые булгаковеды уже окрестили его "Бледным Пьеро", сопоставляя литературного героя с известным театральным персонажем. Сходство Лариосика с реальным историческим прототипом Николаем Судзиловским, племянником Карума, некоторое время жившем в семье Булгаковых, подметили многие из окружения Михаила Афанасьевича. Татьяна Николаевна Лаппа, первая супруга Михаила Булгакова, отмечала, что Судзиловский "неприятный тип. Странноватый какой-то, даже что- то ненормальное в нем было. Неуклюжий. Что-то у него падало, что-то билось. Так, мямля какая-то". А вот что вспоминал о Николае Судзиловском Леонид Сергеевич Карум: "В октябре месяце появился у нас Коля Судзиловский. Он решил продолжать обучение в университете, но был уже не на медицинском, а юридическом факультете. Дядя Коля просил Вареньку и меня позаботиться о нем. Мы, обсудив эту проблему с нашими студентами, Костей, Колей и Ваней, предложили ему жить у нас в одной комнате со студентами. Но это был очень шумливый и восторженный человек. Поэтому Коля и Ваня переехали скоро к матери на Андреевский спуск, 36, где она жила с Лелей на квартире у Ивана Павловича Воскресенского. А у нас в квартире остались невозмутимый Костя и Коля Судзиловский." (Цитируется по статье И. Воробьевой "Бледный Пьеро — кузен из Житомира").

Сразу отметим, что в приведенной цитате Карума имеется как минимум три фактических ошибки, а потому доверять ему особо не стоит. Вместе с тем Леонид Карум передает нам собственное мнение о Николае Судзиловском, что и является для нас наиболее интересным. Почему мы считаем многие факты из воспоминаний Карума ошибочными? Начнем с того, что совершенно невнятно истолковывается цель приезда Судзиловского в Киев. В октябре, когда занятия в университете уже давно начались, он приезжает, чтобы продолжить обучение не на медицинском, а на юридическом факультете. По логике, такое просто невозможно, тем более, что медицина и право совершенно разные дисциплины, которые для начала требуют сдачи определенных вступительных экзаменов в установленное

время. Вызывает ряд вопросов и время приезда Николая Судзиловского, указанное у Карума — октябрь 1918 года. В Киеве Судзиловский вполне мог появиться еще в октябре, но в дом Булгаковых он попал лишь вечером 14 ноября 1918 года, о чем мы еще расскажем. Кстати говоря, в 1916 году Н. Судзиловский действительно несколько месяцев учился на юридическом факультете Московского университета. Откуда взял Карум данные о медицинском факультете — сказать весьма сложно. Достаточно самоуверенно Леонид Карум повествует и о своем праве голоса в доме Булгаковых, где он жил несколько месяцев: "мы обсудили и предложили". Наконец, данные о родственниках Карума Судзиловских, приводимые им в своих воспоминаниях, весьма расходятся с действительностью. Судзиловский был Николаем Васильевичем, а не Николаем Николаевичем, как о нем пишет Карум. Конечно, возможно, что Леонид Карум

имеет в виду какого-нибудь постороннего дядю Колю, или же сознательно, в силу неизвестных нам причин, путает родословную своих близких. Последнее вполне вероятно, поскольку во время ряда арестов в 1925, 1929, 1934 годах Леонид Сергеевич сознательно не вспоминал родственников, а если таковые всплывали в ходе следствия, то пытался увести следователя от подробностей их биографий. Так или иначе, но многое в воспоминаниях Карума не отвечает действительности. Кем же на самом деле был Николай Судзиловский? Именно на этот вопрос мы и постараемся ответить, благо, в нашем распоряжении оказалось его личное дело 1917 года. Михаил Афанасьевич Булгаков

действительно весьма удачно отметил в образе Лариосика основные черты Николая Судзиловского: изнеженный и сентиментальный барчук, весьма обеспеченный, привыкший к тому, что за него все сделают родители.

Богатство играло очень большую роль в семье Судзиловских. Отец Николая Василий Судзиловский, имея гражданский чин статского советника, соответствовавший по табели о рангах воинскому званию генерал-майора, был мелкопоместным дворянином польского происхождения, перешедшего в православие, в Белоруссии. Судзиловские имели владения в деревне Павловка Чаусского уезда Могилевской губернии, где и родился 7 августа 1896 года Николай. Здесь, а так же в Житомире и Могилеве, где Судзиловские так же имели место жительства, под присмотром родителей Николай Васильевич провел годы детства и отрочества. С учебой у Николая Судзиловского не сложилось, — родители считали, что способны сами дать сыну нужное образование коммерческого характера. Все остальные

предметы были успешно запущены и на долгое время забыты.

У Судзиловских не культивировалось знание языков, весьма модное в то время. Коля Судзиловский имел большие проблемы даже с русским и польским языками, которые, по логике, были родными. Вероятно, после того, как Судзиловские приняли православие, католическая польская культура в семье начисто отвергалась.

Довольно большие землевладения семьи давали стабильный доход, что позволяло Судзиловским достаточно ветрено относиться к жизни. Тем более,

что прибыль с урожая в Белоруссии того времени была весьма высокой по сравнению с прочими регионами Российской империи. В обществе положение отца, Василия Судзиловского, статского советника, уездного предводителя дворянства и влиятельного губернского помещика, было весьма весомым, а потому сыну опасаться за свое будущее не приходилось.

С началом войны родители решили перебраться подальше от фронта, — в глубь России. И хоть до Могилевской губернии было достаточно далеко, Василий Судзиловский трезво рассудил, что она все равно окажется прифронтовой полосой, а это значило, что

земельные владения и сама семья будут вынуждены работать на нужды фронта. Так оно и вышло.

В 1915 году Николай Судзиловский был отправлен отцом в Нижний Новгород, где и должен был переждать войну. К тому времени Коля уже на год отставал от своих сверстников, которые заканчивали гимназии к 18 годам. Чтобы получить аттестат зрелости, ему пришлось поступить в 8-й класс Плоцкой мужской гимназии, при вступлении в которую, вероятно, не обошлось без взятки. Впрочем, из этого мало что получилось, поскольку Коля Судзиловский решительно не хотел учиться. Будучи весьма законопослушным мальчиком, он, тем не менее, весьма презрительно относился к читаемым в гимназии дисциплинам. Результат был весьма плачевным. В аттестате, полученном Судзиловским 23 мая 1916 года, имелось на 12 оценок 9 (девять) троек. Учитывая тот факт, что во время войны преподаватели были менее требовательными, можно себе предположить, что же на самом деле представляли собой знания Коли. Скорее всего, тройки были поставлены исключительно из уважения к обеспеченности и возможностям молодого человека. Впрочем, в аттестате имелись и положительные стороны, Судзиловские имел отличное поведение, а так же пятерки по закону Божьему, законоведению и истории.

Хоть аттестат был и троечный, Судзиловский успешно сдал выпускные экзамены, по результатам которых мог быть зачислен в вуз и в случае мобилизации получить права вольноопределяющегося (солдата на особых правах с будущей перспективой производства в первый офицерский чин). Впрочем, идти в армию Коле Судзиловскому очень не хотелось, в чем его весьма поддерживал отец. И, приехавшему из российской провинции Николаю Судзиловскому в том же 1916 году удалось с ужаснейшим аттестатом поступить на привилегированный юридический факультет Московского университета, что избавляло его от службы в армии. Вероятно, и в этом случае не обошлось без влияния и возможностей отца.

Хоть Судзиловский и умудрился поступить на юридический факультет, он продолжал вести себя так, как и в Плоцкой гимназии. Столичные профессора решили не церемониться с новоявленным барчонком, и выставили его из университета в два счета, прямиком отправив в руки Московского городского присутствия по воинской повинности. Последнее особо не разбиралось в нюансах взяточничества, но зато четко знало, что отправлять просто так в армию потомственных дворян, к тому же весьма обеспеченных, не полагается. Происхождение спасло Колю от строевых частей, а кастовое положение сулило ему

возможность если и попасть на фронт, то в Императорскую гвардию. 23 декабря 1916 года Судзиловский был зачислен в 1-ю Петергофскую школу прапорщиков, которая комплектовала офицерами гвардейские пехотные полки.

Но безалаберность даже в военной школе подвела Николая Судзиловского! Если в гимназии он отделался троечным аттестатом, из университета был выгнан без особого скандала, то в школе прапорщиков в послужной список за свое отношение к учебе он получил "волчью" запись в послужной список и с позором 21 февраля 1917 года откомандирован солдатом в запасной полк. Вот что гласила эта пресловутая запись: "Отчислен от школы, как неуспевающий по всем отделам строевой и учебной подготовки, выказавший халатное отношение к делу и не проникший сознанием долга перед отечеством". Такую запись можно было получить после Февральской революции, но до нее быть обвиненным чуть ли не в предательстве нужно было умудриться. Подобные случаи отчисления из школ прапорщиков во время войны были единичными. Но именно такой записи никто из военных историков никогда более не встречал.

Пробыв неизвестно где две недели, Николай Судзиловский лишь 7-го марта 1917 года попал в 5-ю роту 180-го запасного пехотного полка, располагавшегося в Петрограде в часе езды от 1-й Петергофской школы прапорщиков. Но в стране уже произошла революция, а потому под заслуженный военно-полевой суд Судзиловский так и не попал. Ему сразу же удалось столковаться с командиром полка, который "милостиво" разрешил солдату Судзиловскому бить баклуши. Поскольку же долго засиживаться в запасных частях не полагалась, командир полка дал Судзиловскому распрекрасную характеристику в самое престижное Владимирское военное училище. Менее восторженный командир 5-й роты мягко говоря не поверил тому, что Судзиловский доедет до училища. Именно поэтому в конце апреля

1917 года, когда Николай должен был явиться в училище, командир роты не дал ему личные документы на руки, а отправил их через доверенного. К документам была прикреплена фотокарточка Судзиловского с такой надписью: "Сим удостоверяется, что это фотография есть вольноопределяющегося 5 роты 180 зап. пех. полка, командир 5-й роты прапорщик (подпись), председатель комитета (подпись)". Эта фотокарточка присутствовала в документах вероятно потому, что Судзиловский, имея обширные финансовые возможности, мог послать учиться по своим документам кого угодно. История с фотокарточкой, так же, как и история с записью из школы прапорщиков, является

исключительной и уникальной. Такие случаи вряд ли известны еще кому-нибудь из военных историков.

Владимирское военное училище, так же располагавшееся в Петрограде, не долго терпело Николая Судзиловского, который умудрился каким-то образом "отличиться" и там. Уже в конце мая Коля вернулся в свой 180-й запасной полк. Возможность оказаться на фронте, да еще и в качестве рядового, для Николая Судзиловского теперь становилась криво улыбающейся реальностью. Но не таков был Коля, чтобы просто так сдаваться! Он… женился. Военные могли только развести руками, — отсрочка от армии на несколько месяцев "для решения семейных дел" была получена. Октябрьский переворот вообще аннулировал обязанность Николая Судзиловского идти в армию.

Где был и чем занимался Николай Судзиловский в конце 1917 — начале

1918 годов, — сказать весьма сложно. Но то, что в 1918 году, при гетмане

Скоропадском он "всплыл" вместе с женой в Житомире — это факт. Там же оказались и родители Судзиловского. В том, что они приехали на Украину из Белоруссии, нет ничего удивительного. В Белоруссии в то время была оккупационная немецкая власть, а на Украине существовала власть Скоропадского, которая по взглядам была намного ближе Судзиловским. Возможно, что летом 1918 года Николай Судзиловский даже пытался поступать в Киевский университет, что мог подразумевать в воспоминаниях Леонид Карум, однако утверждать это мы не можем за неимением фактов.

Вечером 14 ноября 1918 года, в день окончательного падения гетманской власти, Николай Судзиловский появился в доме Булгаковых на Андреевском спуске, 13. Было ли это появление таким, как появление Суржанского в романе "Белая гвардия", сказать весьма сложно. Во всяком случае, Михаил Афанасьевич специфически описал первое впечатление, сложившееся от Лариосика: "Видение было в коричневом френче, коричневых же штанах галифе и сапогах с желтыми, жокейскими отворотами. Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы, коротко остриженной. Несомненно, оно было молодо, видение-то, но кожа у него была на лице старческая, серенькая, и зубы глядели кривые и желтые". К этому писатель добавил, что Лариосик был в необыкновенно грязной рубашке, поскольку добирался из Житомира в Киев целых одиннадцать дней: петлюровцы не пускали поезда в Киев.

Попробуем разобраться в том, мог ли в то время Ларион Суржанский, а вместе с ним и Николай Судзиловский,

действительно совершить подобное путешествие? С началом Антигетманского восстания на Украине 14 ноября 1918 года транспортное сообщение между городами было полностью нарушено. После 21 ноября пассажирские поезда в центральном регионе Украины вообще перестали ходить. Из Житомира в то время не было прямого пути в Киев: приходилось ехать либо через Бердичев-Казатин, где шли все пассажирские поезда, либо через Коростень. Бердичев был занят восставшими украинскими частями 14 ноября, Казатин — 20 ноября, Коростень — 22 ноября (взяли его, кстати, партизанские отряды атамана Козыря-Зирки). Естественно, что движение по этим железнодорожным веткам было почти полностью прекращено, а поезда, находящиеся в пути, все вернулись в изначальные пункты. Немцы вытребовали у Директории право пользоваться этими ветками для вывоза своих войск. Кроме того, по железной дороге перевозились украинские части. Сам Житомир оказался на полу осадном положении: в нем еще держался гетманский губернский комиссар Андро с горсткой офицеров и добровольцев.

Выскочить из Житомира на поезде в эти дни Лариосик никак не мог: состав все равно бы вернули в город. Таким образом, путешествия, описанного Суржанским, быть не могло. Впрочем, у Николая Судзиловского вполне могло иметь место более увлекательное и опасное приключение. После нескольких дней безрезультатного сидения в осаде губернский комиссар Андро сообразил, что помощи ждать неоткуда. Тогда, собрав всех офицеров, добровольцев и беженцев в один поезд, под видом петлюровского эшелона он решил прорваться в Киев. Через Коростень этот поезд прошел без помех, но под Киевом его пытались перехватить: станция Ирпень была занята украинскими частями уже через 15–20 минут после того, как липовый петлюровский эшелон в сопровождении специально присланного из Киева бронепоезда благополучно проследовал к городу. Гетман Скоропадский приказал встретить житомирский поезд со всеми почестями: это был первый случай прорыва состава по железной дороге с Правобережной Украины после начала Антигетманского восстания. В Киеве поезд очутился поздно вечером 28 ноября. Это был единственный поезд, на котором Николай Судзиловский, а так же литературный персонаж Ларион Суржанский могли добраться из Житомира в Киев.

Почему же Судзиловский сразу не появился в доме Булгаковых? Леонид Карум в своих воспоминаниях подчеркивал, что во время Киевских событий Коля был вольноопределяющимся. Вполне возможно, что в то время он числился в рядах прибывшего Житомирского отряда. Для этого не

обязательно было быть офицером и добровольцем: всех прибывших из Житомира мужчин, годных к строевой службе, отправили в этот отряд. Таким образом, Николай Судзиловский добровольно, или же по принуждению после прибытия в Киев вполне мог оказаться на фронте, почему его дорога к дому Булгаковых растянулась на две недели.

Гадать о том, был ли Коля Судзиловский в боях, мы не станем. Скажем лишь, что из Житомира всего прибыло около 300 человек разного пола и возраста. Две трети из них попало на позиции под Жулянами и Постом- Волынским. Сам Житомирский отряд в свою очередь дробился на кадры трех полков и двух добровольческих отрядов, а потому утверждать, где именно побывал на фронте Судзиловский, мы не станем.

Днем 14 ноября 1918 года Житомирский отряд почти в полном составе был пленен украинскими частями, вступившими в Киев. Немногие счастливчики вроде Судзиловского, имевшие возможность укрыться в городе, избежали ареста. Спасся бегством и губернский комиссар Андро, всплывший вскоре в Одессе в качестве доверенного лица Деникина под именем Д'Андро-де-Ланжерон.

Итак, Николай Судзиловский при весьма злосчастных обстоятельствах вечером 14 ноября 1918 года очутился в доме Булгаковых. Каковы были его пояснения насчет своего появления, — сказать сложно. Может быть, за неимением лучшей версии Судзиловский и нарассказывал басен о поступлении в университет в ноябре месяце. История булгаковского Лариосика более примечательна: обманутый и убитый муж-мальчишка, ищущий покоя и пытающийся убежать от своей роковой любви. Как нельзя кстати, в романе появляется и телеграмма матери Суржанского "в целых шестьдесят три слова". Кстати говоря, реальность таковой телеграммы в то время была минимальной

— телеграф работал исключительно на нужды военных. Как вспоминал Леонид Карум, Николай Судзиловский в отличие от Лариосика не имел проблем семейного характера, и даже более того — жена его находилась в положении. Был ли Коля Судзиловский действительно "очень восторженным человеком",

— сказать сложно. Тем не менее, это весьма походит на Лариосика. Как охарактеризовала его Елена Турбина: "Я такого балбеса, как этот Лариосик, в жизнь свою не видала. У нас он начал с того, что всю посуду расхлопал. Синий сервиз. Только две тарелки осталось".

Интересна и еще одна очень характерная черта, присущая Суржанскому и Судзиловскому — большие деньги. Даже в то время далеко не каждый Лариосик мог "как джентльмен"

подписывать бросившей его супруге векселя на семьдесят пять тысяч рублей, а в подкладке пиджака держать восемь тысяч. Кстати говоря, годовой оклад царского генерал-губернатора и командующего войсками в украинских губерниях составлял пятьдесят одну тысячу рублей — в полтора раза меньше той суммы, которую Лариосик "из джентельменски побуждений" "отстегнул" своей неверной супруге.

Так же является сущей правдой тот факт, что Лариосик и его исторический прототип Коля Судзиловский в хозяйском доме решительно всем досаждали. В этом нет ничего удивительного. Стоит лишь вспомнить, как Судзиловский получил троечный аттестат, изгонялся из университета, школы прапорщиков и военного училища. Остается лишь удивляться, как его терпели в доме Булгаковых. Да и вообще от человека с таким прямо скажем незавидным характером может уйти какая угодно женщина, не то что "змея подколодная Милочка Рубцова".

Из-за незаконченности романа "Белая гвардия" дальнейшая судьба Иллариона Суржанского нам осталась неизвестной. Впрочем, не знаем мы и того, чем закончил жизнь Николай Судзиловский. По воспоминаниям того же Карума, в 1919 году Судзиловский ушел вместе с белыми, в рядах которых и погиб в боях против большевиков. Но эта версия мало вероятна — не таким был человеком Коля Судзиловский, булгаковский Лариосик, чтобы служить в какой бы то ни было армии. Тем более, не имеем мы ни одного мельчайшего факта в поддержку этой версии. По большому счету, Николай Судзиловский вполне мог бежать за границу, и жить там со своими деньгами припеваючи. Так или иначе, но дальнейшая судьба Судзиловского до сих пор остается неизвестной.

МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

Дан сей [illegible] Николаю Константинову Сурожевскому, православнаго
вѣроисповѣданія, сыну [illegible] Ивановича Сурожевскаго, уроженцу
[illegible] губ. [illegible] уѣзда, [illegible] волости, [illegible] села,
[illegible] прихода, въ томъ, что онъ, обучаясь въ [illegible]
[illegible] мужской гимназіи, съ [illegible] сентября 1895 года
по [illegible] мая 1903 года, [illegible] 23-го сентября 1903 года
[illegible] испытаніе зрѣлости, при чемъ обнаружилъ слѣдующіе
успѣхи:

По Закону Божію	отмѣнные (5)
Русскому языку и словесности	удовлетворительные (3)
Физической географіи	удовлетворительные (3)
Математическимъ наукамъ	удовлетворительные (3)
Физикѣ	удовлетворительные (3)
Исторіи	удовлетворительные (3)
Математической географіи	удовлетворительные (3)
Логикѣ	отмѣнные (5)
Латинскому языку	удовлетворительные (3)
Греческому языку	удовлетворительные (3)
Французскому языку	удовлетворительные (3)
Нѣмецкому языку	удовлетворительные (3)
Древнееврейскому языку	отмѣнные (5)
Новогреческому языку	[illegible]

[illegible]

Настоящій аттестатъ предоставляетъ Судзиловскому Николаевскому права, обозначенныя въ §§ 129—132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 30 іюня 1871 года Устава гимназій и прогимназій и въ статьяхъ 86 и 237, пункта 3-й Устава о воинской повинности, изд. 1915 года.

Примѣчаніе: Согласно циркулярному распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 11 февраля 1916 г. за № 1310, оценка познаній гимназиста на испытаніи годовыхъ испытаніяхъ.

Гор. Нижній-Новгородъ. Мая 23-го дня 1916 года.

Директоръ гимназіи Н. Кивлетъ

Члены Педагогическаго Совѣта:

Нач. об. инспектора Г. Бѣлуха

Законоучитель Іоаннъ Мордовцевъ

Преподаватели: С. Порѣцкій
М. Соколовъ
Смоленскій
Ю. Ярмакъ
А. Макаровъ
Шумилинъ
Ев. Залѣсскій
Ф. Трощинскій
Свѣтловъ
Кивлетъ

У сего

Секретарь Педагогическаго Совѣта Шаховъ

Николай Васильевичъ Судзиловскій состоялъ въ числѣ студентовъ Нижегородскаго Московскаго университета на юридическомъ факультетѣ по осеннее полугодіе 1916-го года, какъ поступившій въ военное училище изъ Университета увольняется.

Января 19 дня 1917 г.

Директоръ Университета М. Мокиевскій

Секретарь по студенческимъ дѣламъ

10

191 6 годъ.

Московскаго Городского по воинской повинности Присутствія.

Пріемный Формулярный Списокъ.

Сапрыкинского Николая Васильевича

№ пріемной росписи и № призывного участка. Въ какомъ порядкѣ принятъ на службу.	№ 5348 участка. по Закону 31 Января 1916 г.
1) Прозвище (или фамилія). Имя и отчество принятаго на службу. 2) Званіе или сословіе и обществу, къ которому принадлежитъ.	Сапрыкинского Николай Васильевичъ Дворянина коломенскаго уѣзда-
Время пріема на службу: годъ, мѣсяцъ и число. Начало службы	191 6 года Января 1 дня Службы 191 6 года.
Время рожденія, годъ, мѣсяцъ и число	1896 г. Августа 1
Ростъ. Объемъ груди	2 арш. 6 вер. 10 вер. Вѣсъ 8 п. 24 ф.
Къ какой службѣ способенъ	Въ Пѣхоту
Взять на замѣчаніе всѣ заявленія о отсрочкѣ поступленія в ратники по призыву такого, а также особенности, коими хранятся до окончательнаго опредѣленія въ губернскомъ (областномъ) по воинской повинности Присутствіи на основаніи ст. 84 закона 25 Іюня 1912 г.	
Замѣтки о состояніи здоровья.	
1) Какого вѣроисповѣданія. 2) Холостъ, женатъ или имѣетъ ли дѣтей; число тѣхъ и дѣтей, а также отчество и вѣроисповѣданіе отцовъ.	Православнаго исповѣданія
1) Выдержалъ ли принятый на современный срокъ обязательный экзаменъ по полученному образованію (ст. 33 зак. 25 Іюня 1912 г.) или же учительскій ценз(ст. 45 и 52 того же закона) и, если не выдержалъ, то сравнялся ли. 2) Допущенъ, получивший отсрочку или приостановленіе права на современный срокъ службы или для поступленія въ военно-училищныя заведенія. 3) Если допущенъ къ сравненію, то не подалъ ли объ окончаніи учебнаго заведенія и какого именно. (Цирк. Н. Ш. Д. 8 Августа 1906 г. № 15). 4) Занятія, умѣнія или привычки.	Изъ Московскаго Университета

По подленному пріемному росписью сказалъ Секретарь [illegible]

На службу явился и на казенное содержаніе поступилъ 19 [illegible]

По приказу 1876 года № 77 § 30 инструкціи для пріема новобранцевъ выданы сму вещи и деньги:

Къ какому мѣсту назначенъ на службу Въ 1 Телеграфную

Начальникъ [illegible]

Старшій Начальникъ

Помощникъ Полковникъ [illegible]

Послужной списокъ

I-й Петергофской школы подготовки прапорщиковъ пѣхоты
юнкера Николая СУДЗИЛОВСКАГО.

I.

ПРОХОЖДЕНІЕ СЛУЖБЫ.

	Годъ и мѣсяцъ.	Число.		Годъ и мѣсяцъ.	Число.
Зачисленъ въ 1-ю Петергофскую школу подготовки прапорщиковъ пѣхоты для прохожденія курса.....	1916 Декабрь	23			
Отчисленъ отъ школы какъ неуспѣвающій по всѣмъ отдѣламъ строевой и учебной подготовки, выказавшій халатное отношеніе къ дѣлу и не проникшій сознаніемъ долга передъ отечествомъ.....	1917 Февр.	21			
Прибылъ и зачисленъ въ списки 5 роты 180 го Тургайскаго резервнаго полка по Пр. № 5 88	1917 Марта	7			

Христианский рыцарь и «бессмертный гусар» Най-Турс — граф Федор Артурович Келлер

Умигать — не в помигушки иґать — вдруг, картавя, сказал неизвестно откуда-то появившийся перед спящим Алексеем Турбиным полковник Най-Турс.

Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уж нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком. *

— Вы в раю, полковник? — спросил Турбин, чувствуя сладострастный трепет, которого никогда не испытывает человек наяву.

— В гаю, — ответил Най-Турс голосом чистым и совершенно прозрачным, как ручей в городских лесах.

— Как странно, как странно, — заговорил Турбин, — я думал, что рай это так… мечтание человеческое. И какая странная форма. Вы, позвольте узнать, полковник, остаетесь и в раю офицером?

— Они в бригаде крестоносцев теперича, господин доктор, — ответил вахмистр Жилин, заведомо срезанный огнем вместе с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении".

Пожалуй, самой героической личностью романа "Белая гвардия" Михаила Булгакова стал полковник Най-Турса. Определить возможных исторических прототипов этого загадочного полковника пытались уже многие литературоведы. Одни свои исследования строили на адресе семьи Най-Турсов, указанного Булгаковым — Малопровальная 21, другие намеревались обнаружить сходство биографий через описания военных событий 1916–1918 годов.

Кто же действительно скрывается за фамилией Най-Турс? Образ полковника является во многом литературным, но в его вымышленной Булгаковым биографии прослеживаются основные вехи жизни одного известного кавалерийского генерала. В Най-Турсе явственно угадывается единственный герой обороны Киева

от войск УНР, генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер. Помните недосказанную фразу Мышлаевского: "Ты знаешь, как убили полковника Ная? Единственный был…"

Этим человеком в романе восхищались все: и военный врач Алексей Турбин, и юнкер Николка Турбин, и поручик Мышлаевский и другие военные. Собственно, единственным генералом, за которым в то время в Киеве готово было пойти офицерство, был граф Келлер. Этот человек для многих был кумиром.

А если взглянуть на описания Най-Турса, приведенные писателем? "Траурные глаза… прихрамывающий… одетый в плохую солдатскую шинель с вытертой георгиевской ленточкой… с подстриженными усами, картавый и лаконичный… со сведенной после ранения шеей, почему поворачивался всем корпусом." Лучшего словесного портрета графа Келлера представить себе невозможно!

И погиб генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер героически. О его смерти узнал не только весь Киев, но и Добровольческая армия генерала Деникина, Сибирское правительство адмирала Колчака… Не

мог об этом не знать и Михаил Булгаков, изобразивший в своем романе всех главных участников борьбы между гетманом Скоропадским и украинской Директорией. В той истории граф Келлер был одним из главных действующих пиц, а потому не упомянуть его в "Белой гвардии", где Булгаков со скрупулезной точностью перечислил всех действующих лиц Антигетманского переворота, писатель не мог.

Ко времени описанных Михаилом Булгаковым в романе событий, Федор Артурович Келлер был достаточно стар. Родился он 12 октября 1857 года, го есть, к концу 1918 года ему исполнился уже 61 год. Происходил он из обрусевшей курляндской семьи (прибалтийцы немецкого происхождения), и именно поэтому коверкал в словах букву "р", которая, как известно, у многих русских аристократов с немецкими корнями была глухой и шипящей. Этим же недостатком в разговорной речи писатель наделил и Ирину Най-Турс, чем подчеркнул возникновение картавости не врожденным дефектом речи, а происхождением. Собственно, и фамилия Най-Турс, как и фамилия Келлер, является прусско-курляндской.

Коверкание буквы "р" графом Келлером, правда не такое заметное, как это может показаться в романе, было подмечено многими военными, и сослужило генералу в жизни весьма забавную службу. Впрочем, об этом мы еще скажем.

В молодости Келлер был весьма своенравным и очень

решительным человеком. Большая часть представителей его рода служила в армии, а потому военная карьера была от начала уготована и Федору Артуровичу. В 17 лет он был отдан на учебу в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, по окончании которого вместо училища сбежал на войну. Это был 1877 год, который вошел в историю России как год начала успешной Русско-турецкой войны за освобождение Балкан. Молодого человека, не имеющего не только военного образования, а даже не достигшего призывного возраста (20 лет), 1-го сентября 1877 года зачислили в 1-й Лейб-драгунский Московский Его величества полк вольноопределяющимся 2-го разряда. Это обозначало, что Келлер должен был сидеть в тылу и заниматься хозяйственной частью полка. Но не таким был молодой граф! Он попал в отряд доблестного "Белого генерала" Михаила Дмитриевича Скобелева. Известный генерал приметил Ф. Келлера, сделав его своим личным ординарцем. С боями граф Келлер прошел Сипистрию, Туртукай, Плевну, Шипку, Адрианополь, был ранен…

В Русско-турецкой войне Федор Артурович получил и двух "Егориев" — так называли знаки отличия Военного Ордена, известные нам под названием "солдатских Георгиевских крестов". Граф Келлер в то время был на правах рядового, и офицерские награды ему были не положены. По рассказам боевым товарищам, первого своего "Егория" 4-й степени "за дела под Шейновым" Федор Артурович получил "по неопытности": вез приказание Скобелева, и вместо штаба угодил в турецкие окопы, откуда смог вырваться целым и невредимым. Знак отличия Военного Ордена 3-й степени достался графу за занятие станции Семенли Тернова, куда он смог проскочить с группой всадников через горящий мост.

Солдатскими Георгиевскими крестами граф Келлер очень гордился, и, будучи именитым генералом, на полевой форме только их и носил (помните,

в романе Николка положил на грудь мертвому Най-Турсу "аршин пестрой георгиевской ленты").

Не будем вдаваться в подробности воинской службы Федора Артуровича Келлера. Осветим ее лишь вкратце. 31-го марта 1878 года, в соответствии с Высочайшим приказом, граф за отличия был произведен в первый офицерский чин прапорщика, в который производили лишь особо проявивших себя унтер-офицеров. Через полтора месяца, сдав экстерном на отлично выпускные экзамены в Тверском кавалерийском юнкерском училище, Келлер стал корнетом — полноценным офицером, прошедшим боевую закалку. Как ни странно, в Императорской гвардии граф не

служил. Он тянул обычную строевую службу в далеко не первых полках армейской кавалерии, почему и считался офицером-самоучкой, без гвардии, академии Генерального штаба и связей достигшего высших генеральских званий. Кстати, это подчеркнул и Михаил Булгаков, называвший Най-Турса "боевым армейским гусаром".

Пожалуй, еще одна страничка из довоенной жизни графа Келлера будет интересна нам. В 1904-м году, будучи уже полковником, Федор Артурович был назначен командиром 15-го Александрийского драгунского полка, находившегося в пределах Надвислянского края (Польши) — города Калиша. Этот полк до реформы русской кавалерии был гусарским, и имел громкие боевые традиции. Во время Наполеоновских войн, в 1813 году в битве при Кацбахе александрийские гусары опрокинули два французских кирасирских полка, чем спасли от разгрома прусскую пехоту. За это дело они были прозваны "бессмертными гусарами", официальная форма Александрийского полка была утверждена черного цвета, а полковым знаком стал череп с костями.

1905-й год был тяжелым для Российской империи — поражение в Русско- японской войне, Первая русская революция предвещали крах державы. Не спокойно было и в Калише. В городе было несколько предприятий, рабочие которых устраивали забастовки. На их подавление были брошены и части Александрийского полка, правда, мудрый граф Келлер избежал

кровопролития. Но это не спасло его самого. Как-то, проезжая в коляске по улицам города, Федор Артурович увидел, как в него была брошена бомба. Обладая невероятной реакцией, он поймал бомбу на лету, и отбросил ее далеко в сторону. Второй раз графу Келлеру повезло меньше. Бомба, брошенная польским революционером, сильно покалечила полковника. Врачи извлекли из тела графа 52 (!) осколка. Федор Артурович остался жив, но до конца жизни прихрамывал, шея была сведена, и при надобности он поворачивался всем корпусом. Именно это очень хорошо подметил Михаил Булгаков, отобразив физические особенности генерала Келлера в описании Най-Турса.

Кстати, после этого ранения, несмотря на то, что Федор Артурович всю жизнь прослужил в драгунских полках, был окрещен офицерами "бессмертным гусаром". Будучи уже генералом, он не расставался с гусарскими погонами, что также было отмечено писателем.

Тут стоит сделать небольшое отступление и сказать, что во время гражданской войны 5-й Александрийский гусарский полк, которым когда-то командовал Келлер, входил в состав Кавказской добровольческой армии генерала Врангеля. Осенью 1919 года этот полк совершил экспедицию в Чечню, в которой участвовал и прикомандированный к александрийцам в качестве полкового врача Михаил Афанасьевич Булгаков. В полку будущий писатель пробыл несколько месяцев, а именно тогда среди александрийцев бывший командир генерал Келлер был почитаем.

Дворцовая карьера не сложилась у армейского полковника Келлера. После лечения, в 1906 году, граф Келлер был назначен командиром Лейб- гвардии Драгунского полка, а в 1907 — флигель-адъютантом Его Императорского Величества. Федору Артуровичу, казалось бы, предстояло блестящее будущее при царе, — ан нет, мрачный офицер с армейскими чудачествами не вписывался в придворную свиту. К тому же, граф Келлер был слишком суров, что было неприемлемым для дворцовой дипломатии. Михаил Булгаков эту особенность Келлера передал и Най-Турсу: "Траурные глаза Най- Турса были устроены таким образом, что каждый, кто ни встречался с прихрамывающим полковником с вытертой георгиевской ленточкой на плохой солдатской шинели, внимательнейшим образом выслушивал полковника Най- Турса". Келлеру были также присущи странности и чудачества, какими в свое время отличался при дворе Александр Васильевич Суворов. Посему, граф имел стойкую репутацию "странного" генерала (генерал-майором он стал с конца 1907 года). Не следовало забывать, что всю жизнь он был простым армейским офицером, к тому же — кавалеристом.

Федору Артуровичу было намного проще общаться с солдатами, нежели с придворными. Ведь до того, как быть принятым к дворцу, он 5 лет заведовал командами новобранцев, более 10 лет командовал эскадроном, 9 лет возглавлял отдельные кавалерийские части.

В 1910 году генерал граф Келлер был вновь отправлен в армию, командовал кавалерийской бригадой на Кавказе, а в 1913 году в чине генерал- лейтенанта возглавил 10-ю кавалерийскую дивизию, которая дислоцировалась на Харьковщине.

Очень большую известность генерал-лейтенант Келлер получил во время Первой мировой войны. По признанию всех военных историков, он был самым лучшим кавалерийским командиром и одним из лучших генералов российской армии того времени. А началась его громкая военная слава вот как…

Российская и австро-венгерская армии с объявлением войны стали сближаться для встречного боя. В авангарде армий противников двигалась кавалерия. 8 августа 1914 года под деревней Ярославице в Галичине встретились российская 10-я кавалерийская дивизия генерала графа Келлера и австро-венгерская 4-я кавалерийская дивизия генерала Э. Зарембы. Обе дивизии рвались вступить в отчаянную кавалерийскую схватку с врагом. Генерал Заремба (поляк украинского происхождения) развернул 21 эскадрон своей дивизии для конной атаки. В первой линии выстроились уланы: 1-й галицкий полк генерала Брюдермана и 13-й галицкий полк генерала Бем-Ермоли, а во второй драгуны: 9-й галицко-буковинский полк Архикнязя Альбрехта и 15-й австро-венгерский полк Архикнязя Йозефа. Австрийская кавалерия была разодета в роскошные небесно-синие парадные мундиры мирного времени с красной и белой отделкой. Более двух тысяч всадников, как будто вернувшихся из времен Наполеоновских войн, вызывали на бой русскую кавалерию.

Граф Келлер принял вызов австрийцев, решив атаковать их первым всеми имеющимися под рукой силами. В наступление были брошены 4 эскадрона Новгородского драгунского полка, 3 эскадрона Одесского уланского полка, 3 эскадрона Ингерманландского гусарского полка. Русские эскадроны галопом атаковали идущую рысью дивизию противника. Первая линия австрийских улан в отчаянной сабельной схватке была сокрушена. Но свежие австрийские драгуны, вовремя вышедшие из второй линии, прорвали фронт русской конницы и грозили ей полным истреблением. В этой ситуации граф Келлер лично стал во главе штаба дивизии и конвоя из оренбургских казаков и боковым ударом смял прорвавшихся драгун. Силы австрийских

конников были истощены, когда, охватывая левый фланг, на поле боя появилось два эскадрона ингерманландских гусар, предусмотрительно оставленных графом в резерве. Это и сокрушило австрийскую кавалерию, бросившуюся в бегство. 4-я кавалерийская дивизия была разгромлена. Австрийцы потеряли до 300 человек убитыми и тяжело ранеными, более 650 кавалеристов было пленено. Трофеями графа Келлера стали 8 орудий, пулеметы, дивизионная походная канцелярия. 10-я кавалерийская дивизия потеряла до 150 человек убитыми и ранеными. За это блестящее кавалерийское дело генерал удостоился офицерского ордена Святого Георгия 4-й степени.

По признанию многих военных историков, дело у Ярославице стало последним крупным конным боем мировой истории. Все российские газеты много писали о генерале Келлере и его доблестной кавалерийской атаке. Граф получил громкую известность и признание, стал кумиром многих офицеров, таких же, как и герои романа М. Булгакова Алексей Турбин, Мышлаевский, Карась… А как восхищался своим командиром начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии, подполковник Александр Сливинский! "Генерал граф Келлер обладал присущей только выдающимся военачальникам способностью наэлектризовывать войска, воодушевлять и увлекать массу на самые отчаянные и опасные предприятия, на блестящие подвиги и на тяжелые жертвы". Этот самый Сливинский в 1918 году, при гетмане Скоропадском, был его начальником Генерального штаба и инициатором активной борьбы с Директорией.

А как же, спросите вы, кавалерийская атака на Виленском направлении второго эскадрона белградских гусар полковника Най-Турса в 1916 году, упомянутая в романе Михаилом Булгаковым? Дело в том, что в 1916 году на Виленском направлении никаких кавалерийских атак не производилось. В общем, и полномасштабным наступлением на этом направлении не было. В то время для России важным было другое направление — Ковельское. Не существовало в российской армии и Белградского гусарского полка. Близким по названию был, пожалуй, 12-й Белгородский уланский полк, но к упомянутым событиям этот полк никак относиться не мог. Стоит ли говорить, что не было в российской армии и офицера с фамилией Най-Турс? К этому добавим, что Михаил Булгаков, во многом олицетворивший себя в романе в образе Алексея Турбина, никогда не служил в действующих частях, а несколько месяцев работал в госпитале. Спрашивается, зачем понадобилось писателю упоминать факт, не имеющий исторической подоплеки? Нам кажется, что Михаил Булгаков подобным образом вызывал у

читателя ассоциацию с кавалерийской атакой графа Келлера. Почему? Да потому, что российское общество того времени знало и помнило одну кавалерийскую атаку Первой мировой войны — атаку 10- й кавалерийской дивизии. Кстати, атака эта была совершена как раз на Виленском направлении. И погибло в ней, используя военную терминологию, чуть больше эскадрона российских кавалеристов. А именно о погибшем эскадроне Михаил Афанасьевич и пишет.

Есть еще один очень интересный момент, связанный с "белградскими гусарами". Как можно понять из повествования Михаила Булгакова, в атаке погиб весь 2-й эскадрон, который во главе с вахмистром (современным старшиной) Жилиным "с гармоникой и бабами" отправился в рай. Этот самый Жилин в "Белой гвардии" появляется еще раз — в 20-й главе, но здесь он живой, да к тому же — красноармеец, охраняющий бронепоезд. Не странно ли, что 2- й эскадрон погиб, а его командир, полковник Най-Турс, уцелел? Получается очень интересный парадокс: в 1916 году Най-Турс остался без своих солдат, которые отправились на небо (о том, что они в результате остались в раю Булгаков не пишет), а в 1918 году, когда полковник попал в рай, вахмистр Жилин вернулся на землю в личине красноармейца. Значит, Най-Турс был достоин рая, а Жилин — нет. В общем, сюжет достаточно символический. В конце Первой мировой войны офицерство было предано своими солдатами, массово бросавшими фронт. Оно осталось одно перед лицом немецкой угрозы. Последние отборные солдатские кадры погибли в 1916 году. Армия комплектовалась неподготовленными к военному делу крестьянами и рабочими, которые враждебно относились к своим командирам. Нам кажется, что именно этот разрыв между русским офицером и русским солдатом и показал Михаил Булгаков. Для офицеров ненавидящие их солдаты перестали существовать, что равносильно смерти. Именно поэтому погибший для белого офицера Най-Турса вахмистр Жилин после смерти своего командира явился в Киев в форме красноармейца.

1916-й год Михаил Булгаков сделал той отправной точкой, в которой состоялось две смерти: физическая смерть старых императорских солдат, преданных своей Родине и своим командирам, и душевная смерть новых солдат, принесших в армию сомнения, хаос и разложение. С тех пор для солдат офицеры не существовали, как, собственно, не существовали и солдаты для офицеров.

2-й эскадрон, гармоника… Этот сюжет у Михаила Булгакова встречается 5 "Необыкновенных приключениях доктора", которые, как известно, всегда считались его автобиографической прозой. В

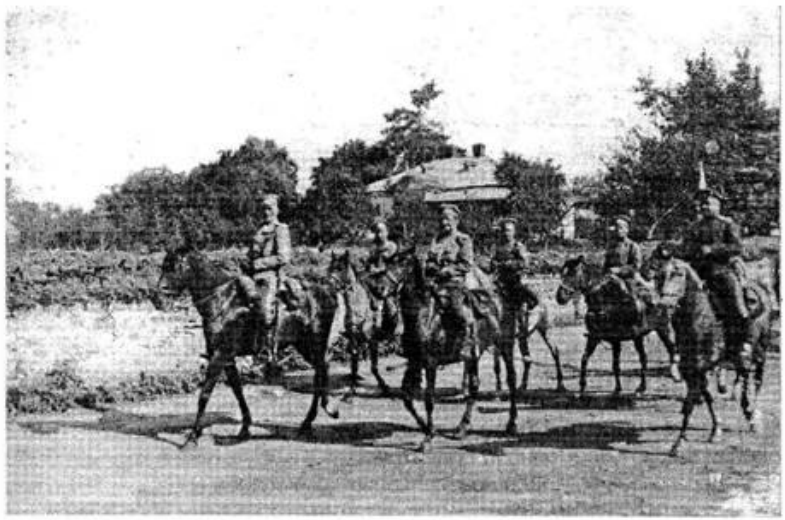
них идет речь о 2-м эскадроне кавалерийского полка красных. Совпадение? Может быть… Но ведь в гражданскую войну в смертельной схватке не раз сходились бывшие командиры и бывшие подчиненные. Так и до конца честный офицер Най-Турс на баррикадах противника увидел своего вахмистра и свой родной эскадрон…

Симпатии Михаила Булгакова в романе явно отданы Най-Турсу и таким как он — белым. Скромным офицерам, не имевшим за душой ничего кроме любви к своей Родине. Именно поэтому их, а не вахмистра Жилина, писатель отправил в рай. Погибшие же для Российской державы на фронте Первой мировой войны Жилины делали революцию…

Самое время вернуться к графу Келлеру. Этот генерал, как никто иной, испытал горечь разочарования в своих солдатах. В 1915–1916 годах Федор Артурович еще не раз отличался на фронте. За блестящие кавалерийские дела он был удостоен ордена Святого Георгия 3-й степени, Золотого Георгиевского оружия, стал генералом от кавалерии, командовал 3-м конным корпусом. Но внешне граф Келлер почти ничем от своих солдат не отличался. На фоне разодетого блестящего штаба корпуса генерал выглядел крайне скромно: по привычке продолжал носить старую, изношенную солдатскую шинель с вытертыми георгиевскими ленточками солдатских "Егориев", заслуженных еще в Российско-Турецкую войну. Пожалуй, единственное, что отличало графа от солдат, было то, что он носил генеральские погоны с гусарским зигзагом. Конечно, найдутся такие читатели, которые скажут, что шинель и георгиевская ленточка могут быть случайным совпадением: мало ли кто что носил? Может быть, это действительно совпадение. Но, дело в том, что, как и в современных вооруженных силах, в старой российской армии строго следили за правилами ношения военной формы. Офицерам полагалась в холодное время офицерская шинель. Носить солдатскую шинель тем же полковникам не полагалось, и было не к лицу. В то время в этом можно было усмотреть или крайнее невежество, или нужду. А нужно сказать, что полковники получали очень большое жалование, поэтому нуждаться в чем-либо, тем более, в казенной офицерской шинели, не могли. Опять-таки, для офицера офицерская шинель имела и практическое значение. Как и сейчас, она отличалась оттенком и качеством, а потому офицер не мог затеряться в солдатской среде, что имеет очень большое значение. Как известно, именно офицеры решают многое в военной жизни и быту солдат, а потому взоры последних всегда обращены на своих командиров, отличием которых во всех армиях является униформа, и в первую

очередь — верхняя одежда (в частности, офицерская шинель). С генералами намного проще. На дивизию или корпус их всего несколько человек, поэтому солдаты их знают в лицо. Для генералов, в отличие от офицеров, не является жизненно важным ношение определенной униформы. Впрочем, они так же обязаны не отходить от регламента. Но если они все же от него отходили, то это считалось особенностью или чудачеством. Именно поэтому для генерала Келлера плохая солдатская шинель являлась собственной особенностью, а полковник Най-Турс, если бы таковой существовал, из-за солдатской шинели прослыл бы ханжой, да еще получил бы большой нагоняй от начальства за неуставное ношение униформы.

Еще один немаловажный момент из жизни графа Келлера. Весной 1916 года во время одной из атак он был ранен. Генерала сразу же доставили в Каменец-Подольский военный госпиталь, где оказали медицинскую помощь. Именно в это время в госпитале работал не кто иной, как Михаил Афанасьевич Булгаков. Генерал Келлер был настолько известной и выдающейся личностью, что у нас не остается сомнений в том, что будущий писатель мог его видеть или же даже с ним встречаться.



Командующий 3-м Конным корпусом генерал Келлер, 1915 год
Достаточно четко просматриваются особенности движений графа, вызванная ранениями (фото из собрания Музея Одной Улицы)

Роковой февраль 1917-го года неумолимо смял и растоптал Российскую империю, а так же всех тех, кто еще пытался поднять свой голос в ее защиту. Правда, таких храбрецов на всю российскую армию нашлось всего несколько. Телеграммам, сообщавшим об отречении Николая II, граф Келлер, как

убежденный монархист, не верил. В любую минуту он был готов пойти на Петроград, и разогнать Временное правительство, восстановив на престоле государя. Генерал отправил Николаю II телеграфное сообщение: "3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи Царь, придем и защитим тебя". Рядом с Келлером на защиту гибнущей империи согласились стать всего лишь три генерала — командующий Гвардейским конным корпусом Хан Нахичеваньский, бывший командующий Юго- Западным фронтом Н.И. Иванов (тот самый, которого арестовал Карум), известный украинский общественный деятель, командующий 31-м армейским корпусом генерал Матюшенко — и все…

Николай II не отказался от своего решения об отречении. Этим шагом он предал тех, кто в отчаянную минуту был готов последовать за ним. "Сдал империю, как эскадрон", — злословили об уже бывшем императоре в "свободной России". Хана Нахичеваньского и его корпус Николай II поблагодарил за "усердие", но от его услуг "любезно" отказался. Генерал Иванов, которой с горсткой храбрецов намеревался идти на Петроград, также получил "отбой". Граф Келлер ответа не дождался.

На таких, как Келлер, Хан Нахичеваньский, Иванов и Матюшенко смотрели, как на людей, мягко говоря, старомодных. В своем желании не изменить раз данной присяге они остались одни. Хан Нахичеваньский вынужден был оставить армию и эмигрировать. Начальник штаба Гвардейского конного корпуса, генерал барон Винникен покончил жизнь самоубийством. Его примеру последовало еще несколько до конца преданных долгу гвардейских офицеров. Это были русские самураи 20-го века.

В своих действиях Федор Артурович Келлер остался один. Его не поддержал ни бывший император, ни 3-й конный корпус. Последовав общему течению событий, опасаясь последствий, офицеры, солдаты и казаки не решились в отчаянную минуту остаться со своим генералом. Так для графа Келлера корпус умер, точно так же, как для Най-Турса — 2-й эскадрон. Корпус остался там, на Виленском и Ковенском направлениях, под Ярославицей, Ржавендами и Топороуцем.

Граф Келлер, уже отстраненный от командования корпусом, остался в своем бывшем штабе, в городе Оргееве. 3-й конный корпус должен был быть приведен к присяге Временному правительству. Присутствие в корпусе бывшего его командира очень смущало новоявленных комиссаров воцарившейся власти. Они боялись, что одним своим присутствием граф Келлер может сорвать приведение частей корпуса к присяге. К генералу выехала целая делегация военных с уговорами "пожертвовать личными

политическими убеждениями для блага армии". Но Федор Артурович оставался непоколебим. "Я христианин. И думаю, что грешно менять присягу", — ответил он на все доводы. В общем, он был прав: единожды дав слово, нельзя его нарушать и быть клятвоотступником. Один из офицеров, присутствовавших при "уговорах" графа в последующем писал о нем: "Он был больше, чем христианин — христианский рыцарь". Михаил Булгаков наверняка не знал этих слов, но проникся идейностью графа, отправив в раю Най-Турса в бригаду крестоносцев — христианских рыцарей.

Поступок графа Келлера всколыхнул многих людей, остававшихся честными перед своей совестью. О "монархисте, контрреволюционере и черносотенце" генерале Келлере писали в то время многие газеты. О поступке Федора Артуровича должен был знать и Михаил Булгаков, родственник которого, капитан Карум, арестовал Н.И. Иванова и находился в эпицентре борьбы с теми, кто еще пытался защитить если не честь гибнувшей империи, то, во всяком случае, свою честь.

В марте 1917 года, не желая мириться с "новыми веяниями времени", граф Келлер оставил армию и отправился домой — в Харьков. Именно из этого города он выходил на фронт Первой мировой войны, а потому здесь и осталось его жилище. В Харькове графу Келлеру суждено было прожить более полутора лет, увидеть крах Временного правительства, Центральной Рады, Центрального исполнительного комитета большевиков Украины.

В апреле 1918 года на улицах Харькова появились шлемы германских военных, а на всей Украине воцарилась власть Ясновельможного пана гетмана Павла Скоропадского — бывшего флигель-адъютанта Его Императорского Величества, генерал-лейтенанта российской армии. Сочувствовал ли генерал Келлер властям, которые с калейдоскопической быстротой менялись перед его глазами на Украине? Вряд ли. Не поддерживал он даже Добровольческой белогвардейской армии генерала Деникина. Ее основателей, генералов Алексеева и Корнилова, граф Келлер справедливо считал революционными генералами. Ведь, как известно, генерал Алексеев, будучи начальником Ставки Верховного Главнокомандующего, советовал Николаю II отречься от престола, а генерал Корнилов в свое время руководил арестом императрицы. Впрочем, борьбе армии Деникина Келлер сочувствовал. Но стать в ее ряды он не мог, поскольку оставался человеком убеждений, а Добровольческая армия в то время большей частью была демократической.

Но старый генерал не был одиноким в своих помыслах. В конце октября к нему явилась целая делегация разномастных

политиков, гордо именующих себя "Советом обороны Северо-западной области", которая предложила графу Келлеру возглавить формирующуюся под Псковом так называемую Северную армию. В то время Псков, как Украина, Прибалтика и Белоруссия, был оккупирован немецкими войсками. Именно поэтому в районе Риги, Вильны, Двинска, Гродно, Гомеля и других городов шло активное формирование добровольческих отрядов из офицеров и интеллигенции. Эти отряды и должны были стать костяком Северной армии, основной задачей которой провозглашалось восстановление монархии. Лучшей, нежели граф Келлер, кандидатуры на должность командующего Северной армией найти было сложно. И Федор Артурович принял это предложение. Уже в конце октября он стал формировать кадры армии в Харькове, а 13 ноября 1918 года, перед началом круговорота Антигетманского восстания, прибыл со своим штабом в Киев.

Но Северной армии генерал Келлер так никогда и не увидел. Уже 15 ноября только образованная украинская Директория повела свои войска из Белой Церкви на Киев, чтобы свергнуть гетмана Скоропадского и его власть. Последнему ничего не оставалось делать, как объявить мобилизацию всех офицеров, и начать организовывать армию для борьбы с Директорией. И вновь встал вопрос о командующем армии. Павел Скоропадский обратился к генералу Келлеру возглавить "все вооруженные силы на территории Украины". Келлеру пришлось согласиться. Ведь отказ мог бы быть воспринят офицерством, как нежелание Келлера вообще принимать активное участие в разразившейся гражданской войне. Почему выбор Скоропадского пал именно на Келлера? Дело в том, что в то время в Киеве граф Келлер был самым авторитетным в военной среде генералом, на его обращение могли откликнуться очень многие офицеры, которые под разными предлогами оставались в стороне от событий.

Всего десять дней, с 17 по 27 ноября 1918 года, генерал Келлер занимал пост командующего вооруженными силами всей Украины. На его деятельности на этом посту мы останавливаться не будем, тем более что она была уже упомянута нами в предыдущих разделах. Скажем лишь, что под Киевом Келлер наспех сформировал фронт, который удержал первые натиски войск Директории. Но граф оставался приверженцем своих старых идей, готов был для общего объединения усилий подчинить вверенные войска генералу Деникину, да и гетмана Скоропадского не очень-то жаловал в своих высказываниях. Особенно погорячился Федор Артурович во время похорон на Лукьяновском кладбище 33 расстрелянных петлюровцами

офицеров дружины генерала Кирпичева. Возмущенный граф заявил о том, что до возрождения монархии всю власть на Украине намерен взять в свои руки. В тот же день генерал Келлер был смещен со своей должности. Граф особо не переживал из-за своей отставки, поскольку тут же вернулся к формированию Северной армии, штаб которой находился в Михайловском монастыре.

А как же быть с подробно описанными Михаилом Булгаковым событиями, связанными с Най-Турсом — спросите вы? Эти события действительно происходили. В частности, рассказ об эпизоде с валенками в то время ходил по Киеву в качестве анекдота. Еще во время назначения генерала Келлера, 17 ноября, на фронт под станцию Мотовиловка из Киева выехала офицерская дружина генерала Святополк-Мирского. Эта дружина не была снабжена зимним обмундированием, а потому по дороге отчаянно мерзла. Узнав об этом, уже в качестве главнокомандующего генерал Келлер распорядился всем частям выдать комплекты зимнего обмундирования. Но интендантское ведомство смогло лишь частично выполнить приказ генерала. В частности, по валенкам ведомство приказ не выполнило. По обыкновению горячий генерал Келлер собственной персоной явился в интендантское управление, где отчаянно кричал и махал пистолетом. Естественно, что после этого интендантство все приказы графа исполняло моментально. Нужно сказать, что за время своего недолгого командования Федор Артурович успел нагнать страху на всех тыловиков и дезертиров. Он издавал очень грозные приказы, в которых отступникам обещались все кары небесные. Правда, эти кары так почти ни к кому не были применены.

Есть еще один нюанс, на который читатели могут обратить внимание. Вот что писал о Най-Турсе Михаил Булгаков: "К начальнику первой дружины генерал-майору Блохину в первых числах декабря явился среднего роста черный, гладко выбритый, с траурными глазами кавалерист в полковничьих гусарских погонах и отрекомендовался полковником Най-Турсом, бывшим эскадронным командиром второго эскадрона бывшего Белградского гусарского полка… Генерал-майор Блохин после долгого разговора с Наем поручил ему — формирование второго отдела дружины с таким расчетом, чтобы оно было закончено к тринадцатому декабря". Итак, из этого отрывка следует, что Най-Турс являлся начальником 2-го отдела (роты) 1 — й дружины генерала Блохина.

Начнем с генерала Блохина. В списках армии гетмана Скоропадского такой генерал не значился. Не было его и среди

жителей города Киева. Правда, существовал полковник Блохин. Но этот полковник осенью 1918 года находился в дипломатической командировке на Кубани, а потому принимать участия в описываемых событиях не мог. Возможно, это вымышленная Булгаковым фамилия, под которой писатель имел в виду другого генерала.

Тогда попробуем разобраться в том, что это была за дружина. В то время в Киеве было всего две дружины: генералов Святополк-Мирского и Кирпичева. Дружина Святополк-Мирского была первой. Дружина Кирпичева номера не имела. Если предположить, что речь идет об очередности их формирования, то тогда 1-й будет дружина Святополк-Мирского, а 2-й — Кирпичева. Мог ли быть Най-Турс командиром 2-го отдела дружины Святополк- Мирского? Нет, не мог. Дружина эта была сформирована еще в начале ноября и 18 ноября разгромлена украинскими частями под станцией Мотовиловка.

Штаб 3-го Конного корпуса, Новоселица, октябрь 1915 года

1. Граф Келлер в своей знаменитой солдатской шинели, 2. полковник Лекарев, 3. капитан Сливинский (в 1918 году начальник Украинского Генерального Штаба), 4. ротмистр Щербачев, 5. поручик Валуев, 6. подпоручик Златогоров, автор снимка (фото из собрания Музея Одной Улицы).

В последующем дружина была пополнена и вновь приняла участие в боях, но это было в конце ноября. К тому же, дружина Святополк-Мирского не имела разделения на отделы и подотделы, а делилась на роты. Скорее всего, речь идет о дружине генерала Кирпичева, которая формировалась в середине ноября — начале декабря. К тому же, эта дружина располагалась в казармах на Львовской улице, куда Михаил Булгаков поместил и отделы своих главных героев: 2-й Най-Турса, и 3-й, в котором служил Николка Турбин. Но тут возникает еще одна неувязка: 2-м отделом дружины Кирпичева командовал гвардии полковник

Сергей Крейтон. Этот полковник был киевлянином, в Первую мировую войну командовал Лейб-гвардии 1-м Стрелковым полком. После победы Антигетманского восстания он был захвачен в плен украинскими частями, затем оставлен в Киеве и вскоре расстрелян большевиками.

Попробуем прояснить ситуацию по-другому. Михаил Булгаков указал, что в состав отдела Най-Турса входило 150 юнкеров и 3 прапорщика. Были ли юнкера в дружинах Святополк-Мирского и Кирпичева? Они то были, но эти юнкера были разбросаны по всем отделам и единой части не составляли. Сами по себе дружины считались офицерскими. Выходит, что Най-Турс не мог служить ни в дружине Кирпичева, ни в дружине Святополк-Мирского. Так где же в то время служил Най-Турс? Да нигде! Потому то служба полковника Най- Турса в 1-й дружине генерала Блохина является писательским вымыслом.

А как же, спросите вы, геройская смерть полковника Най-Турса и свидетельства о ней Николки Турбина? А как же большой крест и фраза "п. Туре. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня", вырезанная Николкой на дверях своей комнаты? А вот это самое интересное. В разделе, посвященном Николаю Булгакову, выведенному в романе в образе Николки Турбина, мы уже говорили о том, что младший брат писателя провел день 14 декабря несколько не так, как Николай Турбин. Возможно, он был свидетелем сопротивления отряда графа Келлера, но это сопротивление происходило не на Брест-Литовском шоссе, рядом с Керосинной улицей, где описал его Михаил Булгаков. Чтобы найти истину, вернемся к роковому историческому дню 14 ноября 1918 года.

В этот день войска Директории в 12.30 дня по всему фронту перешли в наступление. Видя невозможность дальнейшего сопротивления, командование гетманских частей приказало отступать в Киев. Большая часть офицеров направилась в Киев именно по Брест-Литовскому шоссе, однако на нем не было ни одного соприкосновения с противником. Гетманские части скапливались у здания Педагогического музея, где были готовы принять капитуляцию. Никакого сопротивления они не оказывали. Поэтому, перестрелок, описанных Михаилом Булгаковым, фактически не было. Последние гетманские подразделения минули роковой перекресток, где якобы погиб Най-Турс, еще в 14 часов дня. За ними, с разрывом около 15 минут, неотступно следовали части Директории. В 15 часов полки Днепровской дивизии Директории достигли уже Галицкой площади, которая находится вдалеке от предполагаемого места боя. Около 15.30 днепровцы появились возле Педагогического музея, где перед ними капитулировали гетманские части. В это

же время граф Келлер, получив информацию о хаосе в войсках, выступил со своим отрядом из Михайловского монастыря в сторону Крещатика. Возле Городской думы около 16 часов его отряд столкнулся с частями Днепровской дивизии. Состоялась единственная в этот день короткая стычка, в результате которой отряд Келлера отбросил части днепровцев. Тогда генерал сказал сакраментальную фразу, которая была передана командующему Осадным корпусом Директории Коновальцу и тот ее не раз любил повторять: "Бывают такие победители, которые очень похожи на побежденных". Таким образом, бой у Городской думы, действительно состоявшийся в 16 часов, был единственной стычкой этого дня.

Граф Келлер реально осознал всю опасность положения, в которой очутился он и его люди. В этой ситуации генерал принял беспрецедентное в военной истории решение. Он со слезами на глазах приказал своему отряду… разбегаться. Помните последний приказ Най-Турса: "Юнкегга! Слушай мою команду: сгывай погоны, кокагды, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газъезжую, на Подол! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячьтесь, гассыпьтесь, всех по догоге гоните с собо- о-ой!

Затем, взмахнув кольтом, Най-Турс провыл, как кавалерийская труба:

— По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш!"

Конечно же, нам не известно, что говорил граф Келлер своим подчиненным, но то, что он советовал им бежать на Подол — это факт. Печерск был занят повстанцами еще утром, а центр украинские войска захватили только что. По логике, оставался свободным от частей Директории только Подол. Так что, основная мысль речей графа Келлера и Най-Турса сходится (распыление и бегство на Подол).

В описании столкновения полковника Най-Турса с петлюровцами Михаил Булгаков допустил еще одну историческую неточность. Стычка эта, как повествует роман, состоялась в 16 часов. В описании стычки автор не пожалел красок, вспомнил и гарцующих всадников, и серые клинки в их руках, и даже какие-то вывески домов. Следует, что происходило это в светлое время суток. Но проблема заключается в том, что в середине декабря темнеть начинает около 15.30, так что к 16 часам уже мало что видно. Кстати, бой возле Городской думы происходил именно в сумерках. Поэтому, описание стычки отряда Най-Турса на Брест-Литовском шоссе является писательским вымыслом еще и потому, что из-за темноты реальность ее

возникновения была мизерной. У нас есть все основания считать, что, взяв за основу реальный исторический факт (стычка у думы) и прообраз графа Келлера, Михаил Булгаков перенес их в другое место, а события пересказал так, как ему они виделись. Но из-за этого определенное историческое содержание эпизод с Най-Турсом не утратил.

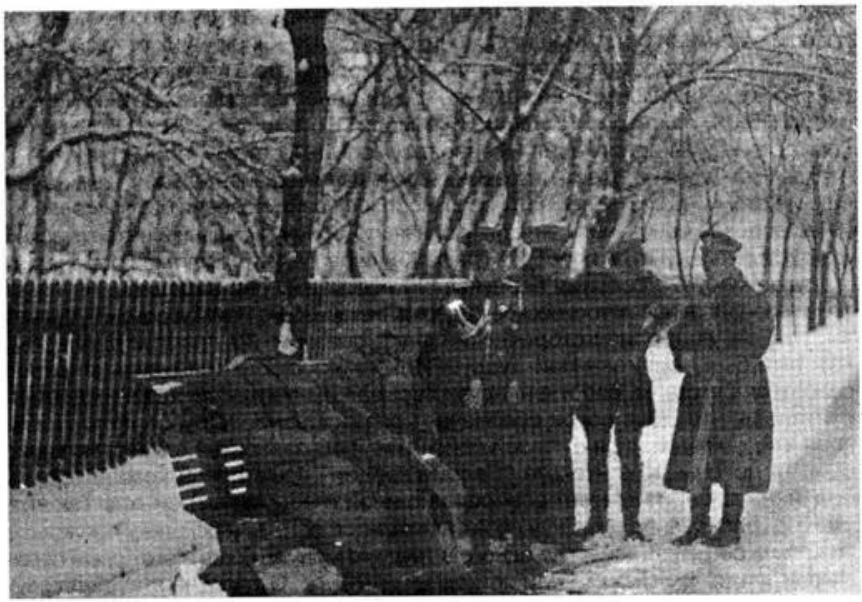
Есть еще один исторический факт, связанный с графом Келлером, который был приписан Най-Турсу. Полковник, чтобы принудить юнкеров спасаться бегством, собственноручно срывал им погоны. С древних времен считалось, что срыв погон обозначает разжалование. Другое дело, когда военный, отказавшийся от своей присяги или обязанностей, самостоятельно снимал погоны. В контексте "Белой гвардии" срыв погон командиром у подчиненных приобретает совершенно иной и необычный смысл. Так вот, именно граф Келлер срывал у своих адъютантов погоны, поскольку последние не хотели оставлять генерала одного в трудную минуту. Граф в этот срыв погон вкладывал тот же смысл, что и полковник Най-Турс. Скажем честно, подобных случаев в военной истории мы знаем очень мало.

Одним из кульминационных моментов романа "Белая гвардия" является героическая смерть Най-Турса. Михаил Булгаков пишет, что полковник погиб на глазах у Николки во время боя 14-го декабря в 4 часа дня. Обратимся к истории и вспомним, погиб ли кто-нибудь из высшего или среднего звена бывших гетманских офицеров в Киеве в этот день. Оказалось, что все главные действующие лица, а также практически все известные нам штаб-офицеры 14 ноября остались целы. Этот день прошел почти бескровно. Кого же тогда мог иметь в виду Михаил Булгаков?

Нам кажется, что писатель имел в виду все-таки графа Келлера. Почему? Да потому, что ни 14 ноября, ни в последующие дни не было ни одного известного публике убийства, кроме… трагической смерти генерала от кавалерии графа Келлера. Даже нам, исследователям, факты гибели в те дни генералов, полковников либо подполковников неизвестны. Судьба генерала Келлера в Киеве всех живо интересовала. Уж слишком известным человеком он был. Как же сложилась судьба графа после того, как он распустил свой отряд?

Генерал Келлер вместе с несколькими верными офицерами вернулся в Михайловский монастырь. Сюда поздно вечером 14 декабря прибыл немецкий майор, который настоятельно советовал графу перейти в германскую комендатуру под защиту немецких штыков. Почти силой адъютанты вывели генерала на

улицу, где на него по просьбе майора для безопасности накинули немецкую шинель. Майор попросил у Келлера на всякий случай снять Георгиевскую саблю и шейный орден Георгия 3-й степени, чтобы не привлекать внимания на улице. Но Федор Артурович возмутился, что одеваться немцем не хочет, а потому никуда не пойдет. Генерал остался дожидаться своей судьбы в Михайловском монастыре. Одного из адъютантов-добровольцев он отправил сообщить петлюровцам о своем местонахождении, добавив, что негоже прятаться российскому генералу.



Штаб 3-го Конного корпуса, Новоселица, октябрь 1915 года.
Первым сидит граф Келлер: "Траурные глаза.., прихрамывающий..., одетый в плохую солдатскую шинель с вытертой георгиевской ленточкой..., с подстриженными усами, картавый и лаконичный..., со сведенной после ранения шеей, почему поворачивался всем корпусом" (М. Булгаков, "Белая гвардия")

В тот же вечер в Михайловский монастырь явилась часть Днепровской дивизии во главе с командиром дивизии подполковником Тимченко, который и арестовал графа Келлера. Последний вместе с двумя верными адъютантами полковником Пантелеевым и ротмистром Ивановым был оставлен под домашним арестом в Михайловском монастыре.

20 декабря 1918 года в Киеве состоялся большой военный парад. На нем Симону Петлюре, как победителю гетмана П. Скоропадского, была поднесена Георгиевская сабля графа Келлера. Для всех киевлян это означало только то, что генерала больше нет в живых. Роман Гуль в своих воспоминаниях писал, что "кто-то подносил батьке брильянтовую шашку свежерасстреляного генерала Келлера". Долгое время точную

дату смерти графа, да и ее подробности, никто узнать не мог, а потому считалось, что Келлер погиб 14 ноября 1918 года, в тот день, когда его в последний раз видели приближенные офицеры. Сбила всех с мысли и сабля генерала, подаренная на Софийской площади Симону Петлюре. Именно поэтому многие киевляне не знали, что граф

Келлер в то время еще оставался жив. Скорей всего, так же заблуждался и Михаил Булгаков, оставивший в романе дату смерти полковника Най-Турса по времени последней стычки отряда Келлера — 14 ноября, 4 часа дня. Не мог писатель знать и подробностей смерти графа, потому-то смерть Най-Турса отличается от реальных событий. Так что, Михаил Булгаков, писавший свой роман в 1922 году, описал последние минуты Най-Турса так, как их видел сам.

А что же случилось с генералом Келлером на самом деле? Около недели его вместе с адъютантами продержали под арестом в Михайловском монастыре. Газеты, общественность, немцев сильно интересовала судьба графа. Михайловский монастырь для него был уже ненадежной темницей. В ночь с 20 на 21 декабря 1918 года за Федором Артуровичем Келлером явились казаки Черноморской дивизии во главе с офицерами из Главной следственной комиссии атамана М. Ковенко. Генералу заявили, что намереваются перевести его в Лукьяновскую тюрьму. По дороге к новому месту заточения, на Софийской площади, у подножия памятника Богдану Хмельницкого генерала Келлера и двух его адъютантов застрелили якобы "при попытке к бегству"… Это произошло в 4 часа утра 21 декабря 1918 года. По чьему приказу был убит граф, остается до сих пор загадкой. Командующий Осадным корпусом армии УНР полковник Евгений Коновалец заявлял, что это убийство произошло без его ведома. Директория также всячески открещивалась от участия в насильственной смерти Келлера. На запросы немцев о гибели Келлера из Директории ответили, что в морге "находится какой-то мертвый генерал с синими лампасами" (в день своей смерти граф был в форме Оренбургского казачьего войска, прикладной цвет которого — синий).

Опасаясь огласки смерти Федора Артуровича Келлера, которая могла бы привести к волнениям в Киеве, полковник Коновалец разрешил похоронить графа с условием, что о его погребении будут знать только самые близкие люди. Генерал был похоронен на Лукьяновском кладбище под чужой фамилией…

Такова настоящая судьба генерала графа Келлера, который, на наш взгляд, послужил прообразом полковника Най-Турса в романе Михаила Булгакова "Белая гвардия".

О Булгакове, Петлюре, котах и китах, а также об украинским министре здравоохранения

"Я позавчера спрашиваю этого каналью, доктора Курицкого, он, изволите ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года. Был Курицкий, а стал Курицький… Так вот спрашиваю: как по-украински "кот"? Он отвечает: "кит". Спрашиваю: а как "кит"? А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется".

"Кот" — "кит", эта игра слов в русском и украинском языке с легкой руки Михаила Булгакова стала нарицательной и, пожалуй, уже в двадцатые годы в качестве пословицы вошла неотъемлемой частью в разговорную речь. Именно благодаря этой самой игре слов личность доктора Курицкого, который упоминается в последнем варианте романа "Белая гвардия" всего-то три-четыре раза, стала заметной для многих почитателей творчества выдающегося писателя.

В специальной литературе встречалось несколько предположений относительно прототипов доктора Курицкого. Существовала даже версия, что образ доктора Курицкого был взят с близкого друга семьи Булгаковых, профессора Воскресенского. Правда, эта версия практически ни чем не была обоснована.

Кто же на самом деле скрывается под маской доктора Курицкого? В тексте романа "Белая гвардия" есть красочный эпизод с прибытием Лариосика Суржанского в семью Турбиных. Лариосик, как бы оправдываясь, описывал свой нелегкий путь из Житомира в Киев: "Выехал я, поезд был гетманский, а по дороге превратился в петлюровский. И вот приезжаем мы на станцию, как ее, ну, вот, ну, господи, забыл… все равно… и тут меня, вообразите, хотели расстрелять. Явились эти петлюровцы, с хвостами…

— Синие? — спросил Николка с любопытством.

— Красные… да, с красными… и кричат: слазь! Мы тебя сейчас расстреляем! Они решили, что я офицер и спрятался в санитарном поезде. А у меня протекция просто была… у мамы к доктору Курицкому.

— Курицкому? — многозначительно воскликнул Николка. — Тэк-с, — кот… и кит. Знаем.

— Кити, кот, кити, кот, — за дверями глухо отозвалась птичка.

— Да, к нему… он и привел поезд к нам в Житомир…"

Из приведенных выше двух отрывков вырисовывается пока не до конца ясный портрет украинского общественного деятеля петлюровского толка, к тому же, достаточно известного, по своей медицинской профессии близко знакомого с Михаилом Булгаковым.

Можем ли мы из романа еще что-нибудь узнать об этом человеке? Попробуем обратиться к первоначальному варианту 19-й главы "Белой гвардии", где есть два упоминания о нем. Первый раз фамилия доктора Курицкого встречается Алексеем Турбиным в газете. Последний в один из январских дней 1919 года с удивлением для себя обнаружил, что "Начальник санитарного управления у этого босяка Петлюры доктор Курицкий". Второй раз фамилию своего знакомого А. Турбин встречает в приказе прибыть на должность военного врача 1-го Синежупанного полка украинской армии. Подпись под этим приказом гласила: "Начальник Санитарного Управления лекарь Курицкий". Теперь мы имеем полное представление о загадочном докторе Курицком, и вполне легко можем выявить его реальный исторический прототип. Итак, что в результате нам известно о Курицком? Доктор Курицкий был достаточно хорошо знаком и часто встречался с Алексеем Турбиным, а после разговора о "котах" и "китах" не раскланивался с ним. С ноября 1917 года Курицкий перешел в общении исключительно на украинский язык, и не прибегал к помощи русского языка даже при гетмане П. Скоропадском. Кроме того, доктор Курицкий был достаточно известным общественно-политическим деятелем. Пользовался авторитетом даже у жителей Житомира (Лариона Суржанского), откуда в Киев смог привести санитарный поезд. Наконец, при Директории доктор Курицкий занял высокую должность начальника Главного военно-санитарного управления армии УНР.

Кто был начальником Главного военно-санитарного управления армии УНР в начале 1919 года? На этот вопрос ответить совсем несложно. Этот пост занимал молодой доктор Дмитрий Одрина, сокурсник Михаила Булгакова по Университету, соратник и близкий друг Петлюры и активный член Центральной Рады, известный общественно-политический деятель того времени. Но, обо всем по порядку.

Михаил Булгаков и Дмитрий Одрина были почти ровесниками. Первый родился в 1891 году, второй — в 1892-м.

Оба они в 1916 году закончили медицинский факультет Киевского университета. Но судьба двух молодых людей сильно отличалась. Будущий писатель появился на свет в Киеве, в достаточно обеспеченной семье преподавателя Духовной академии. Дмитрий Одрина родился в бедной, образованной крестьянской семье в селе Телешовцы Белоцерковского уезда Киевской губернии. М. Булгаков неважно учился в самой престижной 1-й киевской мужской гимназии. Одрина из-за отсутствия средств обучался в сельской церковно-приходской школе и земском училище. За отличную учебу земская управа выделила талантливому сельскому парню небольшую стипендию, чтобы он смог продолжить образование в киевской фельдшерской школе. Со скрипом Михаил Булгаков в 1909 году был зачислен на медицинский факультет Киевского университета, где вместо положенных пяти, из-за женитьбы умудрился проучиться целых семь лет. Путь в университет для Дмитрия Одрины из-за отсутствия материальных средств был намного более сложным. После окончания фельдшерской школы молодому человеку некоторое время пришлось работать в земской больнице. Не смотря на достаточно тяжелую фельдшерскую работу, Д. Одрина смог сдать экстерном экзамены за курс Жмеринской мужской гимназии, и только затем получить долгожданное свидетельство о законченном среднем образовании. Лишь в 1911 году сбылась заветная мечта молодого Одрины, который был принят на медицинский факультет Киевского университета Святого Владимира.

В 1914 году на курс уже много повидавшего на белом свете Дмитрия Одрины был переведен Михаил Булгаков. Здесь и встретились будущие писатель и один из его героев. Мы не знаем, связывали ли Одрину и Булгакова какие-либо узы товарищества, но тот факт, что они друг друга должны были очень хорошо знать, не вызывает никакого сомнения. По окончании в 1916 году университетского курса, Булгаков и Одрина добровольцами отправились на фронт. На фронте М. Булгаков и Д. Одрина служили почти вместе: будущий известный писатель работал в Каменец-Подольском госпитале, а будущий государственный деятель УНР руководил санитарным поездом, который привозил с фронта в Каменец-Подольский и Тернопольский госпитали раненых. В отличие от Булгакова, который через несколько месяцев уехал заниматься медициной в тыл, Одрина работал на фронте военным врачом более года.

Еще в фельдшерской школе юный Дмитрий Одрина увлекся политикой. В университете он уже был членом самой радикальной партии Российской империи — РСДРП, а в

последующем — одним из виднейших украинских эсеров (Украинской Партии Социал-Революционеров), соратником и близким другом Симона Петлюры. С Февральской революцией 1917 года Дмитрий Одрина активно включился в политический процесс возрождения Украинской государственности. Он участвовал в украинизации российский войск Юго-Западного фронта, организовал в армии первые украинские санитарные пункты. Молодой военный врач поддерживал связь и с Киевом, участвовал во многих заседаниях украинской Центральной Рады.

Летом 1917 года по личной просьбе Генерального Секретаря Военных дел Центральной Рады Симона Петлюры, Дмитрий Одрина вернулся в Киев и стал помощником Петлюры по военно-санитарным вопросам. Вскоре, при Секретариате Одрина создал медицинско-санитарный отдел войск, который ведал всеми военно-медицинскими проблемами. К работе отдела Одриной были привлечены многие светила медицины того времени: генерал-майор медицины доктор Мартирий Галин, профессор Александр Черняховский, доктор Евгений Лукасевич и другие. В то время вместе с Д. Одриной работал еще один недавний выпускник медицинского факультета, который также хорошо должен был знать молодого Михаила Булгакова — доктор Искра. Большой заслугой отдела Одрины являлось основание при Центральной Раде украинского отделения Всемирного Красного Креста, что свидетельствовало о несомненном признании Украины миролюбивой общественностью других стран. Долгое время медико-санитарный отдел располагался в одном здании с Военным Секретариатом С. Петлюры — на Гимназической улице.

В декабре 1917 года на молодого врача Дмитрия Одрину была возложена сложная и ответственная задача создания Генерального военно- санитарного управления, которое должно было обслуживать два фронта (Юго- Западный и Румынский), а также большую часть трех военных округов старой российской армии (Киевский, большая часть Одесского и часть Московского), войска которых находились на территории Украины. Вот что гласил по этому поводу приказ С. Петлюры ч. 65 от 13 (26) декабря 1917 года (перевод с украинского):

"С провозглашением Юго-западного и Румынского фронта единым Украинским фронтом, правительство Украинской Народной Республики вступило на путь фактического создания этой целостности. Приказом по Военному Секретариату и фронтам оперативная и командная власть объедена в назначении главнокомандующего фронтом. Выходя из фактического положения и срочной надобности объединения также и санитарного управления на бывших Юго- западном и Румынском фронтах, а также и на трех санокругах (Киевском, бывшей южной части Московского и Одесском) приказываю Генеральному Военно-Санитарному Управлению (бывший медицинско-санитарный отдел войск) принять меры к немедленному проведению в жизнь объединения военных управлений санитарной части фронтов и округов и санитарных частей общественных организаций (Красный Крест, Земсоюз и пр.) указанных фронтов и округов под своим покровительством и руководством. Путь практического переведения и установления принципа представительства в Военном Санитарном Совете — Управлении предлагаю установить самому Генеральному Санитарному Управлению…"

Дмитрий Одрина с усердием взялся за роботу. Ему был предоставлено на Крещатике большое здание, в котором и было создано военно-санитарное управление. Но главой управления он оставался всего несколько дней. В Центральной Раде произошла политическая перестановка сил, в результате которой 18 (31) декабря 1917 года Симон Петлюра получил отставку. Вместе с Петлюрой свой пост оставил и Д. Одрина. Он в качестве военного врача отправился на фронт начавшейся Первой украинско-большевистской войны, где и пробыл до весны 1918 года.

В родной город Булгаков и Одрина вернулись почти одновременно — в марте 1918 года. Михаил Афанасьевич вновь поселился на Андреевском спуске, 13, а Дмитрий Одрина остановился вместе с С. Петлюрой в Стрелецком переулке. Чтобы пройти от Стрелецкого переулка к Булгаковскому дому на Андреевском спуске, требовалось всего 15 минут,

зафиксированных в романе "Белая гвардия". Об этих 15 минутах речь шла, когда Алексей Турбин был тяжело ранен, ему требовалась помощь опытного врача из близких знакомых, и планировалось пригласить Курицкого. В то время Д. Одрина был личным секретарем и помощником С. Петлюры, возглавлявшем земскую управу, находящуюся на Софийской площади — рядом с Андреевским спуском и Стрелецком переулком. В июле 1918 года вместе с Петлюрой Д. Одрина за выступления против Скоропадского был заключен гетманской вартой в Лукьяновскую тюрьму, откуда смог выйти лишь в ноябре. Дмитрий Одрина был одним из инициаторов восстания против Гетманской власти на Украине. Не без его участия организовывалась армия Директории, против которой сражалась часть главных героев "Белой гвардии".

За несколько дней до восстания вместе с С. Петлюрой Одрина выехал в Белую Церковь, где находились верные Директории сечевые стрельцы. Здесь ему было поручено вновь создать и возглавить Главное военно-санитарное управление армии УНР. В тяжелых условиях борьбы с войсками гетмана Скоропадского и немецкими воинскими частями Дмитрию Одрине пришлось фактически с нуля организовывать военно-санитарные пункты для украинских подразделений. Первое, что он пытался сделать, это направить в каждую часть опытных военных врачей, снабдить их необходимыми медикаментами и перевязочными средствами, собрать вокруг себя профессиональных медиков, создать стационарный госпиталь и передвижные санитарные пункты.

С началом Антигетманского восстания Дмитрий Одрина с немногими своими помощниками переехал в Казатин, где находилась ставка Главного атамана войск УНР Симона Петлюры. Здесь был сформирован санитарный поезд, с которым Д. Одрина выезжал в Житомир во время двоевластия в этом городе. После житомирского путешествия он вернулся в Казатин, откуда уже вместе с Петлюрой 19 декабря 1918 года отбыл в Киев.

В столице Украины Дмитрий Одрина сразу же вернулся в свое Главное военно-санитарное управление на Крещатике, где с удвоенной энергией взялся за работу. В его компетенцию входило назначение военных врачей в части и подразделения украинской армии, а потому нет ничего удивительного, что своего бывшего сокурсника, Михаила Булгакова, Дмитрий Одрина отправил служить в 1 — й Синежупанный полк. Чем закончилась для Михаила Афанасьевича служба в украинской армии, мы уже знаем. А как сложилась дальнейшая судьба у булгаковского доктора Курицкого — Дмитрия Одрины?

Молодой врач успешно совмещал политическую и служебную

деятельность. Оставаясь на посту начальника Главного военно-санитарного управления, Д. Одрина собрал вокруг себя многих видных медиков того времени, что способствовало улучшению работы медицинских служб в украинской армии. Отбрасывая ради блага граждан украинского государства политические догмы, Дмитрий Одрина сотрудничал со многими врачами, занимавшими ответственные посты в Российской империи и Украинской Державе гетмана Скоропадского.

Успевал Дмитрий Одрина заниматься и политикой. В начале 1919 года он стал лидером партии украинских эсеров, участвовал в созыве Трудового конгресса Украины, был одним из его руководителей. Современники высоко оценивали организаторские и политические способности Одрины. Не случайно в июне 1919 года в Каменце-Подольском во время очередного кризиса в украинском правительстве Дмитрий Одрина был назначен министром охраны здоровья, заместителем Главы Совета Министров УНР (вице-премьером). В 27 лет Д. Одрина путем значительного напряжения сил и нервов достиг очень много, но таким образом сильно подорвал свое здоровье.

Осенью 1919 года на Украине разбушевался жестокий тиф. От него не смогли найти спасения ни украинские армии, ни белогвардейцы, ни даже местное население. Польское правительство задержало на своей территории транспорты с медикаментами, посланные на Украину Красным Крестом. Антанта, обещавшая поддержать Украинскую Народную Республику, под разными предлогами так же отказалась оказывать ее гражданам медицинскую помощь. Лечить больных тифом было нечем, а в условиях войны и негде. В этой ситуации можно себе представить моральное состояние министра охраны здоровья УНР Дмитрия Одрины, человека очень совестливого, как истинного врача, принимавшего любую человеческую боль близко к сердцу.

В начале октября 1919 года Д. Одрина выехал в действующую украинскую армию для того, чтобы рядовым врачом оказывать помощь тяжело больным казакам и старшинам. Естественно, что и сам он не избежал заражения тифом. Будучи уже тяжело больным, Дмитрий Одрина отказался принять предложение Петлюры выехать на излечение в Польшу, и остался среди умирающих украинских военнослужащих. Как министр охраны здоровья УНР он считал, что даже перед лицом смерти не может бросить своих подопечных. Рядом с ним остались и некоторые известнейшие политические деятели того времени. Участь Одрины разделил бывший гетманский министр юстиции, глава Украинского Красного Креста В.Г. Вязлов. До последнего удара

сердца они оставались на своем рабочем посту в Каменец-Подольском военном госпитале, том самом, в котором когда-то работал и Михаил Булгаков. Здесь, среди тяжело больных солдат и офицеров украинской, галицкой, польской, белогвардейской, красной армий Одрина и его коллеги достойно встретили смерть.

Поступок Дмитрия Одрины, достоин самого глубокого уважения. Ведь он не спасался от смерти, а смело вступал с ней в бой, заранее готовый погибнуть от сложно излечимого тифа. Одрина был украинским националистом и разговаривал только по-украински, но в своем госпитале он приютил больных бойцов всех вражеских армий.

Выдающийся украинский политический деятель и военный медик доктор Дмитрий Одрина умер от тифа при обходе больных Каменец-Подольского госпиталя 16 ноября 1919 года.

Пожалуй, у многих наших читателей останется вопрос: а как же быть с фамилией Курицкий, которую Михаил Булгаков обыграл и в русском, и в украинском варианте? Дело в том, что две трети военных врачей времен гетмана Скоропадского по странному совпадению имели фамилии, которые заканчивались на "-ский". Соответственно, в украинском варианте звучания этих фамилий добавлялся мягкий знак, что и отметил писатель. Начальником Главного военно-санитарного управления при гетмане был генерал-майор медицины Ф. Яницкий (укр. — Яницький). Его ближайшими сотрудниками являлись знаток военно-санитарного дела и военно-санитарных законов доктор Сибирский (укр. — Сибірський), бывший преподаватель Военно-медицинской академии профессор Томашевский (укр. — Томашівський), доктора Ворпаховский (укр. — Ворпаховський), Певницкий (укр. — Певницький), Златковский (укр. — Златковський), Иваницкий (укр. — Іваницький) и многие другие. Нам кажется, что писатель наделил литературный образ фамилией "Курицкий" потому, что таким образом хотел представить украинизацию фамилий среди военных медиков, как общую тенденцию. Вполне возможно, что таким образом Михаил Булгаков еще и указывал на сельское происхождение Д. Одрины, ведь фамилия "Курицкий" скорей всего возникла от слова "курица".

Остается загадкой, знал ли Михаил Булгаков о врачебном подвиге бывшего сокурсника Дмитрия Одрины, ценой своей жизни оказавшего помощь многим больным тифом. Думаем, что писатель этого не знал. Иначе, доктор Курицкий в романе "Белая гвардия" предстал бы перед читателями совершенно в ином свете.

Женский образ в романе "Белая гвардия"

Женским образам в романе Михаил Афанасьевич Булгаков придает особое значение, хоть это не так легко заметить. Все герои-мужчины "Белой гвардии" так или иначе связаны с историческими событиями, разворачивающимися в Городе и на Украине в целом, они воспринимаются нами не иначе, как активные действующие лица гражданской войны. Мужчины "Белой гвардии" наделены способностями размышлять о политических событиях, делать решительные шаги, с оружием в руках защищать свои убеждения. Совершенно другую роль писатель отводит своим героиням: Елене Турбиной, Юлии Рейсс, Ирине Най-Турс. Эти женщины, не смотря на то, что смерть витает и возле них, остаются почти равнодушными к событиям, и в романе фактически занимаются лишь личной жизнью. Самое интересное то, что в "Белой гвардии" и любви в классическо-литературном смысле, в общем- то, нет. Перед нами разворачивается несколько ветреных романов, достойных описаний в "бульварной" литературе. В роли легкомысленных партнеров этих романов Михаил Афанасьевич выводит именно женщин. Исключение, пожалуй, составляет лишь Анюта, но ее любовь с Мышлаевским так же заканчивается достаточно "бульварно": как свидетельствует один из вариантов 19-й главы романа, Виктор Викторович увозит свою возлюбленную делать аборт.

Некоторые достаточно откровенные выражения, которые использует Михаил Афанасьевич в общих женских характеристиках, ясно дают нам понять несколько пренебрежительное отношение писателя к женщине, как таковой. Булгаков не делает различия даже между представительницами аристократии и работницами старейшей в мире профессии, сводя их качества к одному знаменателю. Вот какие обобщающие фразы о них мы можем прочитать: "Кокотки. Честные дамы из аристократических фамилий. Их нежные дочери, петербургские бледные развратницы с накрашенными карминовыми губами"; "Проходили проститутки мимо, в зеленых, красных, черных и белых шапочках, красивые, как куклы, и весело бормотали винту: "Занюхался, т-твою мать?". Таким образом, неискушенный в

"женских" вопросах читатель, ознакомившись с романом, вполне может сделать вывод, что аристократки и проститутки — это одно и тоже.

Елена Турбина, Юлия Рейсс и Ирина Най-Турс являются совершенно разными по складу характера и жизненному опыту женщинами. Ирина Най-Турс представляется нам барышней 18-летнего возраста, ровесницей Николки, еще не познавшей всех прелестей и разочарований любви, но имеющей большой запас девичьего флирта, способного обаять молодого человека. Елена Турбина, замужняя женщина 24-х лет, так же наделена обаянием, но она более проста и доступна. Перед Шервинским она не "ломает" комедий, а ведет себя честно. Наконец, самая сложная по характеру женщина, Юлия Рейсс, успевшая побывать замужем, является яркой лицемеркой и эгоисткой, живущей в свое удовольствие.

Все три упомянутые женщины не только имеют разницу в жизненном опыте и возрасте. Они представляют три самых распространенных типа женской психологии, с которыми наверняка сталкивался и Михаил Афанасьевич

Булгаков. Все три героини имеют свои реальные прототипы, с которыми писатель, по всей видимости, не только общался духовно, но и имел романы или же состоял в родстве. Собственно, о каждой из женщин мы поговорим отдельно.

Сестра Алексея и Николая Турбиных "Золотая" Елена, изображена писателем, как нам кажется, самой тривиальной женщиной, тип которой является достаточно распространенным. Как видно из романа, Елена Турбина принадлежит к тихим и спокойным "домашним" женщинам, способным при соответствующем отношении со стороны мужчины быть верными ему до конца жизни. Правда, таким женщинам, как правило, важен сам факт наличия мужчины, а не его моральные либо физические достоинства. В мужчине они в первую очередь видят отца своего ребенка, определенную жизненную опору, наконец, неотъемлемый атрибут семьи патриархального общества. Именно поэтому такие женщины, намного менее эксцентричные и эмоциональные, легче переживают измену или потерю мужчины, которому сразу же пытаются найти замену. Такие женщины очень удобны для создания семьи, поскольку поступки их предсказуемы если не на 100, то на 90 процентов. Кроме того, домоседство и заботы о потомстве во многом делают этих женщин слепыми в жизни, что позволяет их мужьям без особых опасений заниматься своими делами и даже заводить романы. Эти женщины, как правило, наивны, глупы, достаточно ограничены и мало интересны мужчинам, любящим острые ощущения. В то же время,

таких женщин можно достаточно легко заполучить, поскольку любой флирт они воспринимают за чистую монету. В наши дни таких женщин очень много, они рано выходят замуж, причем за мужчин старше их, рано рожают детей и ведут, на наш взгляд, скучный, нудный и неинтересный образ жизни. Главной заслугой в жизни эти женщины считают создание семьи, "продолжение рода", что изначально и делают для себя главной целью.

Доказательств тому, что Елена Турбина именно такая, как мы описали, в романе предостаточно. Все ее достоинства, по большому счету, сводятся лишь к тому, что она умеет создать уют в доме Турбиных и вовремя выполнить функции бытового характера: "Скатерть, не смотря на пушки и на все это томление, тревогу и чепуху, бела и крахмальна. Это от Елены, которая не может иначе, это от Анюты, выросшей в доме Турбиных. Полы лоснятся, и в декабре, теперь, на столе, в матовой, колонной вазе голубые гортензии и две мрачных и знойных розы, утверждающие красоту и прочность жизни…". Точных характеристик для Елены Булгаков не припас — она проста, и простота ее видна во всем. Действие романа "Белая гвардия" фактически начинается сценой ожидания Тальберга: "В глазах Елены тоска (не беспокойство и переживания, не ревность и обида, а именно тоска — прим. Т.Я.), и пряди, подернутые рыжеватым огнем, уныло обвисли".

Из этого состояния Елену не вывел даже стремительный отъезд мужа за границу. Она не проявила вообще никаких эмоций, лишь печально слушала, "постарела и подурнела". Чтобы заглушить свою тоску, Елена не пошла к себе в комнату рыдать, биться в истерике, срывать злость на родственниках и гостях, а принялась вместе с братьями пить вино и слушать явившегося вместо мужа поклонника. Не смотря на то, что между Еленой и ее мужем Тальбергом не было никаких размолвок, она все равно стала мягко реагировать на знаки внимания, оказываемые ей поклонником Шервинским. Как оказалось в конце "Белой гвардии", Тальберг уехал не в Германию, а в Варшаву, и не для того, чтобы продолжить борьбу с большевиками, а жениться на некой общей знакомой Лидочке Герц. Таким образом, Тальберг имел роман, о котором его жена даже не подозревала. Но даже в этом случае Елена Турбина, которая вроде бы и любила Тальберга, не стала делать трагедии, а полностью переключилась на Шервинского: "А Шервинский? А, черт его знает… Вот наказанье с бабами. Обязательно Елена с ним свяжется, всенепременно… А что хорошего? Разве что голос? Голос превосходный, но ведь голос, в конце концов, можно и так слушать, не вступая в брак, не правда ли… Впрочем, неважно".

Сам Михаил Афанасьевич Булгаков, хоть объективно и

оценивал жизненное кредо своих жен, всегда останавливался именно на таком типе женщин, как описанная Елена Турбина. Собственно, во многом таковой была вторая жена писателя, Любовь Евгеньевна Белозерская, который считал ее данной "от людей". Вот какие характеристики, посвященные Белозерской, мы можем встретить в дневнике Булгакова в декабре 1924 года: "Очень помогает мне от этих мыслей моя жена. Я обратил внимание, когда она ходит, она покачивается. Это ужасно глупо при моих замыслах, но, кажется, я в нее влюблен. Но одна мысль интересует меня. При всяком ли она приспособилась бы также уютно или это избирательно, для меня?"; "Ужасное состояние, все больше влюбляюсь в свою жену. Так обидно — десять лет открещивался от своего… Бабы как бабы. А теперь унижаюсь даже до легкой ревности. Чем-то мила и сладка. И толстая". Кстати говоря, как известно, Михаил Булгаков посвятил роман "Белая гвардия" именно своей второй супруге, Любви Белозерской.

Спор о том, имеет ли Елена Турбина свои исторические прототипы, тянется уже очень давно. По аналогии с параллелью Тальберг — Карум проводится подобная параллель Елена Турбина — Варвара Булгакова. Как известно, сестра Михаила Булгакова Варвара Афанасьевна действительно была замужем за Леонидом Карумом, выведенным в романе, как Тальберг. Братья Булгаковы недолюбливали Карума, чем и объясняется создание такого нелицеприятного образа Тальберга. В данном случае Варвара Булгакова считается прототипом Елены Турбиной только потому, что была женой Карума. Конечно, аргумент весомый, но по характеру Варвара Афанасьевна очень сильно отличалась от Елены Турбиной. Еще до встречи с Карумом Варвара Булгакова вполне могла найти себе пару. Не была она и такой доступной, как Турбина. Как известно, существует версия о том, что из-за нее в свое время покончил жизнь самоубийством близкий друг Михаила Булгакова Борис Богданов, очень достойный молодой человек. Кроме того, Варвара Афанасьевна искренне любила Леонида Сергеевича Карума, помогала ему даже в годы репрессий, когда стоило заботиться не об арестованном муже, а о детях, и последовала за ним в ссылку. Представить Варвару Булгакову в роли Турбиной, которая от тоски не знает, куда себя деть, а после отъезда мужа заводит роман с первым попавшимся мужчиной, нам весьма сложно.

Существует версия и о том, что все сестры Михаила Афанасьевича так или иначе связаны с образом Елены Турбиной. Эта версия строится в основном на сходстве имени младшей сестры Булгакова и героини романа, а так же некоторым другим внешним признакам. Однако и эта версия, на наш взгляд,

является ошибочной, поскольку у Булгакова все четыре сестры были личностями, не в пример Елене Турбиной имевшими свои странности и причуды. Сестры Михаила Афанасьевича во многом походят на другие типы женщин, но никак не на рассматриваемый нами. Все они были весьма переборчивыми в выборе пары, и их мужья являлись образованными, целеустремленными и увлеченными людьми. Более того, все мужья сестер Михаила Афанасьевича были связаны с гуманитарными науками, которые и в те времена в серой среде отечественной мрази считались уделом женщин.

Честно говоря, спорить о прототипах образа Елены Турбиной весьма сложно. Но если сравнивать психологические портреты литературных образов и женщин, окружавших Булгакова, можно сказать, что Елена Турбина очень сильно похожа… на мать писателя, всю жизнь посвящавшую себя только семье: мужчинам, быту и детям.

Ирина Най-Турс также имеет достаточно типичный для 17-18-летних представительниц женской половины общества психологический портрет. В развивающемся романе Ирины и Николая Турбина мы можем заметить некоторые подробности личного характера, взятые писателем, вероятно, из опыта своих ранних любовных похождений. Сближение Николая Турбина и Ирины Най-Турс происходит лишь в мало известном варианте 19-й главы романа и дает нам повод считать, что Михаил Булгаков все же намеревался развить эту тему в последующем, планируя доработать "Белую гвардию".

Николай Турбин познакомился с Ириной Най-Турс при оповещении матери полковника Най-Турса о его гибели. В последующем Николай вместе с Ириной совершил мало приятное путешествие в городской морг для розыска тела полковника. Во время празднования Нового Года Ирина Най-Турс появилась в доме Турбиных, а Николка после того вызвался ее провожать, о чем повествует мало известный вариант 19-й главы романа:

"Ирина зябко передернула плечами и уткнула подбородок в мех. Николка шагал рядом, мучаясь страшным и непреодолимым: как предложить ей руку. И никак не мог. На язык как будто повесили гирю фунта в два. "Идти так нельзя. Невозможно. А как сказать?.. Позвольте вам… Нет, она, может быть, что-нибудь подумает. И может быть, ей неприятно идти со мной под руку?.. Эх!.."

— Какой мороз, — сказал Николка.

Ирина глянула вверх, где в небе многие звезды и в стороне на скате купола луна над потухшей семинарией на далеких горах, ответила:

— Очень. Я боюсь, что вы замегзнете.

"На тебе. На, — подумал Николка, — не только не может быть и речи о том, чтобы взять ее под руку, но ей даже неприятно, что я с ней пошел. Иначе никак нельзя истолковать такой намек…"

Ирина тут же поскользнулась, крикнула "ай" и ухватилась за рукав шинели. Николка захлебнулся. Но такой случай все-таки не пропустил. Ведь уж дураком нужно быть. Он сказал:

— Позвольте вас под руку…

— А где ваши пегчатки?.. Вы замегзнете… Не хочу.

Николка побледнел и твердо поклялся звезде Венере: "Приду и тотчас

же застрелюсь. Кончено. Позор".

— Я забыл перчатки под зеркалом…

Тут ее глаза оказались поближе возле него, и он убедился, что в этих глазах не только чернота звездной ночи и уже тающий траур по картавому полковнику, но лукавство и смех. Она сама взяла правой рукой его правую руку, продернула ее через свою левую, кисть его всунула в свою муфту, уложила рядом со своей и добавила загадочные слова, над которыми Николка продумал целых двенадцать минут до самой Мало-Провальной:

— Нужно быть половчей.

"Царевна… На что я надеюсь? Будущее мое темно и безнадежно. Я неловок. И университета еще даже не начинал… Красавица…" — думал Никол. И никакой красавицей Ирина Най вовсе не была. Обыкновенная миловидная девушка с черными глазами. Правда, стройная, да еще рот не дурен, правилен, волосы блестящие, черные.

У флигеля, в первом ярусе таинственного сада, у темной двери остановились. Луна где-то вырезывалась за переплетом деревьев, и снег был пятнами, то черный, то фиолетовый, то белый. Во флигеле все окошки были черны, кроме одного, светящегося уютным огнем. Ирина прислонилась к черной двери, откинула голову и смотрела на Николку, как будто чего-то ждала. Николка в отчаянии, что он, "о, глупый", за двадцать минут ничего ровно не сумел ей сказать, в отчаянии, что сейчас она уйдет от него в дверь, в этот момент, как раз когда какие-то важные слова складываются у него в никуда не годной голове, осмелел до отчаяния, сам залез рукой в муфту и искал там руку, в великом изумлении убедившись, что эта рука, которая всю дорогу была в перчатке, теперь оказывается без перчатки. Кругом была совершенная тишина. Город спал.

— Идите, — сказала Ирина Най очень негромко, — идите, а то вас петлюговцы агестуют.

— Ну и пусть, — искренне ответил Николка, — пусть.

— Нет, не пусть. Не пусть. — Она помолчала. — Мне будет жалко…

— Жал-ко?.. А?.. — И он сжал руку в муфте сильней.

Тогда Ирина высвободила руку вместе с муфтой, так с муфтой и положила ему на плечо. Глаза ее сделались чрезвычайно большими, как черные цветы, как показалось Николке, качнула Николку так, что он прикоснулся пуговицами с орлами к бархату шубки, вздохнула и поцеловала его в самые губы.

— Может быть вы хгабгый, но такой непговоготливый…

Туг Николка, чувствуя, что он стал безумно храбрым, отчаянным и очень поворотливым, охватил Най и поцеловал в губы. Ирина Най коварно закинула правую руку назад и, не открывая глаз, ухитрилась позвонить. И тот час шаги и кашель матери послышались во флигеле, и дрогнула дверь… Николкины руки разжались.

— Завтга пгиходите, — зашептала Най, — вечегом. А сейчас уходите, уходите…"

Как видим, "коварная" Ирина Най-Турс, наверняка более искушенная в жизненных вопросах, нежели наивный Николка, полностью берет в свои руки зарождающиеся личные отношения между ними. По большому счету, мы видим юную кокетку, которая любит нравиться и кружить голову мужчинам. Такие барышни, как правило, способны достаточно быстро "воспылать" любовью, добиться расположения и любви партнера, и так же быстро остынуть, бросив мужчину на вершине его чувств. Когда такие женщины хотят добиться внимания к себе, они выступают в роли активных партнеров, делающих шаг на встречу первыми, как это произошло в случае с нашей героиней. Мы, конечно же, не знаем, чем Михаил Булгаков планировал закончить историю с наивным Николкой и "коварной" Ириной, но, по логике вещей, младший Турбин должен бы был влюбиться "вдрызг", а сестра полковника Най-Турса, добившись своего, остыть.

Литературный образ Ирины Най-Турс имеет своего прототипа. Дело в том, что в "Белой гвардии" Михаил Афанасьевич Булгаков указал точный адрес Най-Турсов: Мало-Провальная, 21. Эта улица на самом деле носит название Малоподвальной. По адресу Малоподвальная, 13, рядом с номером 21, жила семья Сынгаевских, дружественная Булгаковым. Дети Сынгаевские и дети Булгаковы еще задолго до революции дружили между собой. Михаил Афанасьевич был близким другом Николая Николаевича Сынгаевского, некоторые черты которого были воплощены в образе Мышлаевского. В семье Сынгаевских было пять дочерей, которые так же посещали

Андреевский спуск, 13. Именно с одной из сестер Сынгаевских, скорей всего, кто-то из братьев Булгаковых в гимназическом возрасте имел роман. Наверное, этот роман у одного из Булгаковых (которым, возможно, являлся сам Михаил Афанасьевич) был первым, иначе никак нельзя объяснить наивность отношения Николки к Ирине. Подтверждает эту версию и фраза, брошенная Мышлаевским Николке перед приходом Ирины Най-Турс:

"— Нет, не обиделся, а просто интересуюсь, чего это ты распрыгался так. Что-то больно весел. Манжетки выставил… на жениха похож.

Николка расцвел малиновым огнем, и глаза его утонули в озере смущения.

На Мало-Провальную слишком часто ходишь, — продолжал Мышлаевский добивать противника шестидюймовыми снарядами, это, впрочем, хорошо. Рыцарем нужно быть, поддерживай турбинские традиции".

В данном случае фраза Мышлаевского вполне могла принадлежать Николаю Сынгаевскому, который намекал на "булгаковские традиции" поочередного ухаживания за сестрами Сынгаевскими.

Но, пожалуй, самой интересной женщиной романа "Белая гвардия" является Юлия Александровна Рейсс (в некоторых вариантах — Юлия Марковна). Реальное существование которой даже не вызывает сомнений. Характеристика, данная писателем Юлии настолько исчерпывающа, что психологический ее портрет понятен изначально:

"Только в очаге покоя Юлия, эгоистка, порочная, но обольстительная женщина, согласна появиться. Она и появилась, ее нога в черном чулке, край черного отороченного мехом ботинка мелькнул на легкой кирпичной лесенке, и торопливому стуку и шороху ответил плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера, опьяненный своей славой и присутствием обаятельных цветных женщин".

Герою "Белой гвардии" Алексею Турбину Юлия Рейсс спасла жизнь, когда он бежал от петлюровцев по Мало-провальной улице и был ранен. Юлия завела его через калитку и сад по лестнице к себе в дом, где и спрятала от преследователей. Как оказалось, Юлия была разведена, и в то время жила одна. Алексей Турбин влюбился в свою спасительницу, что закономерно, и в последующем пытался добиться взаимности. Но Юлия оказалась женщиной слишком честолюбивой. Имея опыт замужества, она не стремилась к стабильным отношениям, и в решении вопросов

личного характера видела лишь исполнение своих целей и желаний. Она не любила Алексея Турбина, что вполне можно проследить в одном из мало известных вариантов 19-й главы романа:

"— Скажи мне, кого ты любишь?

— Никого, — отвечала Юлия Марковна и глядела так, что сам черт не разобрал бы, правда ли это или нет.

— Выходи за меня… выходи, — говорил Турбин, стискивая руку.

Юлия Марковна отрицательно качала головой и улыбалась.

Турбин хватал ее за горло, душил, шипел:

— Скажи, чья это карточка стояла на столе, когда я раненый был у тебя?.. Черные баки…

Лицо Юлии Марковны наливалось кровью, она начинала хрипеть. Жалко — пальцы разжимаются.

— Это мой двою… троюродный брат.

— Где он?

— Уехал в Москву.

— Большевик?

— Нет, он инженер.

— Зачем в Москву поехал?

— Дело у него.

Кровь отливала, и глаза Юлии Марковны становились хрустальными. Интересно, что можно прочитать в хрустале? Ничего нельзя.

— Почему тебя муж оставил?

— Я его оставила.

— Почему?

— Он — дрянь.

Ты дрянь и лгунья. Я тебя люблю, гадину.

Юлия Марковна улыбалась.

Так вечера и так ночи. Турбин уходил около полуночи через многоярусный сад, с искусанными губами. Смотрел на дырявый закостеневший переплет деревьев, что-то шептал.

— Деньги нужны…"

Приведенную выше сцену полностью дополняет и другой отрывок, связанный с взаимоотношениями Алексея Турбина и Юлии Рейсс:

"— Ну-с, Юленька, — молвил Турбин и вынул из заднего кармана револьвер Мышлаевского, взятый напрокат на один вечер, — скажи, будь добра, в каких ты отношениях с Михаилом Семеновичем Шполянским?

Юлия попятилась, наткнулась на стол, абажур звякнул… дзинь… В первый раз лицо Юлии стало неподдельно бледным.

— Алексей… Алексей… что ты делаешь?

— Скажи, Юлия, в каких ты отношениях с Михаилом Семеновичем? — повторил Турбин твердо, как человек, решивший, наконец, вырвать измучивший его гнилой зуб.

— Что ты хочешь знать? — спросила Юлия, глаза ее шевелились, она руками закрылась от дула.

— Только одно: он твой любовник или нет?

Лицо Юлии Марковны ожило немного. Немного крови вернулось к голове. Глаза ее блеснули странно, как будто вопрос Турбина показался ей легким, совсем нетрудным вопросом, как будто она ждала худшего. Голос ее ожил.

— Ты не имеешь права мучить меня… ты, — заговорила она, — ну хорошо… в последний раз говорю тебе — он моим любовником не был. Не был. Не был.

— Поклянись.

— Клянусь.

Глаза у Юлии Марковны были насквозь светлы, как хрусталь.

Поздно ночью доктор Турбин стоял перед Юлией Марковной на коленях, уткнувшись головой в колени, и бормотал:

— Ты замучила меня. Замучила меня, и этот месяц, что я узнал тебя, я не живу. Я тебя люблю, люблю… — страстно, облизывая губы, он бормотал…

Юлия Марковна наклонялась к нему и гладила его волосы.

— Скажи мне, зачем ты мне отдалась? Ты меня любишь? Любишь? Или

же нет?

— Люблю, — ответила Юлия Марковна и посмотрела на задний карман стоящего на коленях".

Рассуждать о любовнике Юлии, Михаиле Семеновиче Шполянском мы не будем, поскольку посвятим ему отдельный раздел. А вот рассказать о реально существующей девице с фамилией Рейс здесь будет достаточно уместно.

С 1893 года в городе Киеве жила семья полковника Генерального штаба российской армии Владимира Владимировича Рейс. Владимир Рейс был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, заслуженным и боевым офицером. Он родился в 1857 году и происходил из лютеранской семьи дворян Ковенской губернии. Его предки были немецко-балтийского происхождения. Женат полковник Рейс был на дочери Великобританского подданного Питера Тикстона Елизавете, вместе с которой и приехал в Киев. Сюда же вскоре перебралась и сестра Елизаветы Тикстон София, которая поселилась в доме на Малоподвальной, 14, квартира 1 — по адресу, где жила наша загадочная Юлия Рейсс из "Белой гвардии".

В семье Рейс был сын и две дочери: Петр, 1886 года рождения, Наталья, 1889 года рождения и Ирина 1895 года рождения, который воспитывались под присмотром матери и тетки. Владимир Рейс семьей не занимался, поскольку страдал душевными расстройствами. В 1899 году он попал в Психиатрическое отделение военного госпиталя, в котором и оставался почти все время до 1903 года. Болезнь оказалась неизлечимой, и в 1900 году военное ведомство отправила Владимира Рейс в отставку с присвоением чина генерал-майора. В 1903 году генерал Рейс скончался в Киевском военном госпитале, оставив детей на поруки матери.

Тема отца Юлии Рейсс несколько раз проскакивает в романе "Белая гвардия". Даже в бреду, только попав в незнакомый дом, Алексей Турбин замечает траурный портрет с эполетами, свидетельствующими о том, что на портрете изображен подполковник, полковник или же генерал.

После смерти вся семья Рейс переезжает на Малоподвальную улицу, где теперь жили Елизавета и София Тикстон, Наталья и Ирина Рейс, а так же сестра генерала Рейс Анастасия Васильевна Семиградова. Петр Владимирович Рейс к тому времени учился в Киевском военном училище, а потому на Малоподвальной собралась большая женская компания. Петр Рейс в последующем станет сослуживцем Леонида Карума, мужа Варвары Булгаковой, по Киевскому Константиновскому военному училищу. Вместе они пройдут дороги гражданской войны.

Ирина Владимировна Рейс, самая младшая в семье, училась в Киевском институте Благородных Девиц и Екатерининской женской гимназии. Как утверждают киевские булгаковеды, она была знакома с сестрами Булгаковыми, которые даже могли приводить ее в дом на Андреевском спуске, 13.

После смерти Елизаветы Тикстон в 1908 году Наталья Рейс вышла замуж и поселилась вместе с мужем на Малоподвальной улице, 14, а Юлия Рейс попала под опеку Анастасии Семиградовой, с которой вскоре переехала на улицу Трехсвятительскую, 17. Вскоре уехала София Тикстон, а потому на Малоподвальной осталась одна Наталья со своим мужем.

Мы не знаем, когда именно Наталья Владимировна Рейс расторгла свой брак, но после этого в квартире она осталась совершенно одна. Именно она и стала прототипом для создания образа Юлии Рейсс в романе "Белая гвардия".

Михаил Афанасьевич Булгаков вновь увидел свою будущую жену Татьяну Лаппа лишь после большого перерыва — летом 1911 года. В 1910 — начале 1911 года у будущего писателя, которому тогда было 19 лет, наверняка были какие-нибудь

романы. В это же время Наталья Рейс, 21 года, уже развелась со своим мужем. Жила она напротив друзей Булгаковых — семьи Сынгаевских, и потому Михаил Афанасьевич мог с ней познакомиться действительно на Малоподвальной улице, где он частенько бывал. Таким образом, мы можем смело утверждать, что описанный роман Алексея Турбина и Юлии Рейсс действительно имел место у Михаила Булгакова и Натальи Рейс. Иначе нам никак нельзя объяснить подробное описание адреса Юлии и пути, который вел к ее дому, совпадение фамилии, упоминание о траурном портрете подполковника или полковника с эполетами 19-го века, намек на существование брата.

Итак, в романе "Белая гвардия" Михаил Афанасьевич Булгаков, по нашему глубокому убеждению, описал различные типы женщин, с которыми ему больше всего приходилось сталкиваться в жизни, а так же рассказал о своих романах, которые были у него до женитьбы на Татьяне Лаппа.

Скоропадский, Диреткория и Третья власть

Скоропадский, Директория и Третья власть

Гетман Украины Павел Скоропадский, лидеры украинской Директории Симон Петлюра и Владимир Винниченко на равне с прочими персонажами "Белой гвардии" так же являются героями романа Михаила Булгакова. Но они, в отличие от семьи Турбиных и ее друзей, существуют как бы в иной плоскости романа, им отведена роль непосредственных вдохновителей и руководителей тех событий, на фоне которых происходят действия "Белой гвардии". Эти герои не изображены в динамике, о них мы узнаем лишь по косвенным размышлениям да историческим описаниям. Данные герои являются фигурами неодухотворенными, но без них "Белая гвардия" существовать не может. По большому счету, и Скоропадский, и Петлюра, и Винниченко злые гении романа, непосредственные вершители судеб киевлян, к которым принадлежали и Турбины.

Украина времен гражданской войны напрямую зависела от руководителей противоборствующих сторон. У Украинской революции таких руководителей было четыре: глава Центральной Рады Михаил Грушевский, гетман Павел Скоропадский, лидер Директории Владимир Винниченко и глава правительства Украинской Народной Республики Симон Петлюра. В 1918 году, ко времени описываемых в романе событий, звезда Грушевского-политика уже закатилась. Но на карте истории оставалось еще три украинских деятеля, роль и значение которых на Украине было весьма велико. Они являлись созидателями и разрушителями украинской истории 1918 года, таковыми и изобразил их Булгаков в своем романе "Белая гвардия", где от действий этих людей зависела не только ситуация в государстве, но и жизнь Турбиных и их друзей.

После возвращения в Киев при помощи немецких штыков, Центральная Рада оказалась в двойственном положении: с одной стороны она еще считалась украинским правительством, с другой же полностью зависела от оккупантов, которые вели себя, как полные хозяева положения. Центральная Рада не признавала этого и пыталась всячески избавиться от чрезмерной опеки немецкого командования. Для немцев все время конфликтовать с Радой было так же весьма обременительно. Кто-то должен был

уйти с политической сцены. И этим "кто-то" стала Центральная Рада, почти не имевшая войск и потерявшая поддержку населения. К тому времени в ее составе уже давно не было ни Владимира Винниченко, ни Симона Петлюры, вынужденных временно уйти с политической сцены.

Немцам Центральная Рада была абсолютно не интересна — она не имела никакого влияния на Украине. Немцы боялись другого — возрождения российской армии, способной сокрушить Германию в Первой мировой войне. Руководителями и костяком этой армии могли стать русский генералитет и офицерство, с представителями которого немцы искали примирения. Немецкое командование пыталось всячески задобрить белых, которые не признали Брестского мира и оставались в состоянии войны с Германией. Вместе с тем, немцы опасались побежденной, но не сломленной Советской республики, которая с помощью бывших царских генералов и офицеров стала создавать

Рабоче-крестьянскую Красную армию. В 1918 году Германия в отношении бывшей Российской империи преследовала три главные цели: поддерживать борьбу между белыми и фасными, искать дружбы с российским генералитетом и офицерством, препятствовать созданию вооруженных сил, способных сокрушить немецкую армию. Кроме того, немцы, благодаря оккупации всех восточных регионов бывшей империи, получали хорошую продовольственную базу, в которой катастрофически нуждались страны Четверного союза. На Украине немецкое командование хотело видеть в качестве своих партнеров бывших русских кадровых военных. Именно поэтому появление гетмана Скоропадского было признано Германией, как самый благоприятный исход истории с Центральной Радой.

Павел Петрович Скоропадский был генерал-лейтенантом российской армии, человеком, сделавшим блестящую дворцовую карьеру, командиром 1- го Украинского корпуса на фронте в 1917 году. Скоропадскому, как бывшему генералу и царедворцу, сочувствовало большинство кадрового офицерства. Поддерживали его и обеспеченные круги украинского общества, не воспринимавшие социалистическую Центральную Раду. Таким образом, поддержка Скоропадского офицерами давала немцам гарантии относительного нейтралитета бывших российских военных, а сочувствие аристократии и земельных собственников Украины позволяло Германии рассчитывать на скорое получение необходимого продовольствия.

Для обывателя фамилия Скоропадского мало что говорила. Потому, "воцарение" на Украине гетмана большей частью населения было встречено прохладно, но… с пониманием.

Михаил Афанасьевич Булгаков писал в своем романе:

"Кавалергард, генерал, самый крупный богатый помещик, и зовут его Павлом Петровичем…

По какой-то странной насмешке судьбы и истории избрание его, состоявшееся в апреле знаменитого года, произошло в цирке. Будущим историкам это, вероятно, даст обильный материал для юмора. Гражданам же, в особенности оседлым в городе и уже испытавшим первые взрывы междоусобной брани, было не только не до юмора, но и вообще не до каких- либо размышлений. Избрание состоялось с ошеломляющей быстротой — и слава богу. Гетман воцарился — и прекрасно. Лишь бы только на рынках было мясо и хлеб, а на улицах не было стрельбы, и чтобы, ради самого господа, не было большевиков, и чтобы простой народ не грабил. Ну что ж, все это более или менее осуществилось при гетмане, пожалуй, даже в значительной степени. По крайней мере, прибегающие москвичи и петербуржцы и большинство горожан, хоть и смеялись над странной гетманской страной, которую они, подобно Тальбергу, называли опереткой, невсамделишним царством, гетмана славословили искренне… и… "Дай бог, чтобы это продолжалось вечно".

Павлу Петровичу Скоропадскому ко времени разгона немцами Центральной Рады было 45 лет. Он принадлежал к старинному украинскому аристократическому роду, который после выступления против Петра Первого Мазепы в 1709 году остался на стороне России. Предок Павла Петровича, Иван Скоропадский, после Ивана Мазепы етап гетманом Украины. Род Скоропадских уже в Российской империи был одним из самых богатых родов Украины. Как гетманский потомок, Павел Петрович Скоропадский большую часть жизни прослужил при дворе Российского императора: закончил Пажеский корпус, был офицером лучшего и самого привилегированного Кавалергардского полка, командовал Лейб-гвардии Конным полком и 1-й Гвардейской кавалерийской дивизией. Участвуя в Русско-японской войне 1904–1905 годов, Скоропадский был ранен и награжден Золотым Георгиевским оружием. В Первую мировую войну он заслужил орден Георгия 4-й степени.

Карьера Скоропадского от начала была обеспечена его происхождением. Уже в 38 лет он был российским генералом и флигель- адъютантом Николая Второго. Не смотря на это, в 1917 году, имея все возможности помочь последнему русскому императору, генерал Скоропадский отрекся от него. Вскоре, командуя армейским корпусом, Павел Петрович Скоропадский увлекся украинским национальным вопросом. Осенью 1917 года он украинизировал свой корпус, который стал именоваться 1-м

Украинским. Фактическим начальником Скоропадского в то время был Симон Васильевич Петлюра, военный министр Центральной Рады.

В декабре 1917 года на Украине началась 1 — я украинско-большевистская война, которая привела к занятию большевиками Киева и заключению между Центральной Радой и Четверным союзом мира. К тому времени и Скоропадский, и Петлюра уже сошли с военно-политической сцены Украины. Симон Петлюра ушел из Центральной Рады из-за внутренних трений, а Скоропадский покинул армию, не соглашаясь с кадровой политикой Рады, поскольку сам метил на место Петлюры. Но Рада боялась и не любила Скоропадского, как аристократа и генерала, а потому проигнорировала его мнение. Петлюра простым бойцом ушел на борьбу с большевиками. Скоропадский же отсиживался по частным квартирам, и ждал, чем закончится эта война. 1 — я украинско-большевистская война расставила акценты украинской политики в 1918 году, вывела на политическую арену Павла Скоропадского. На этих событиях стоит остановиться подробнее.

Надеемся, уважаемый читатель позволит нам несколько отступить от романа Михаила Булгакова "Белая гвардия" чтобы оживить в памяти один персонаж блестящего, но мало исследованного произведения "Собачье сердце". В частности, интересно было бы вспомнить перерождение собаки Шарика в нечто, называющее себя Шариковым:

"…В моем и Зины присутствии пес (если псом, конечно, можно назвать) обругал профессора Преображенского по матери.

…Сегодня, после того, как у него отвалился хвост, он произнес совершенно отчетливо слово "пивная". Работает фонограф. Черт знает что такое…

…Я теряюсь.

…Прием у профессора прекращен. Начиная с пяти часов дня из смотровой, где расхаживает это существо, слышатся явственная вульгарная ругань и слова "еще парочку".

….Он произносит очень много слов: "Извозчик", "Мест нету", "Вечерняя газета", "Лучший подарок детям" и все бранные слова, которые только существуют в русском лексиконе.

Вид его странен. Шерсть осталась только на голове, на подбородке и на груди. В остальном он лыс, с дрябловатой кожей. В области половых органов — формирующийся мужчина. Череп увеличился значительно, лоб скошен и низок".

Чтобы окончательно представить себе появившегося на свет Полиграфа Полиграфовича Шарикова, стоит вспомнить его облик после "заступления на должность" в подотдел отчистки: "…

Прозвучал уверенный звонок, и Полиграф Полиграфович вошел с необычайным достоинством, в полном молчании снял кепку, пальто повесил на рога и оказался в новом виде. На нем была кожаная куртка с чужого плеча, кожаные же потертые штаны и английские высокие сапожки на шнуровке до колен. Неимоверный запах котов тотчас расплылся по всей передней".

Какое отношение Полиграф Полиграфович Шариков из "Собачьего сердца" имеет к "Белой гвардии"? А вот какое: представьте себе Киев начала 1918 года, заполоненный шариковыми и швондерами. Что, сложно представить? Тогда мы чуть-чуть в этом поможем.

Февраль 1918 года выдался в Киеве очень снежным и холодным, а еще — кровавым и страшным. В городе царствовала третья власть, большевики, принесшая киевлянам безудержную вакханалию, кровавую бойню и Варфоломеевскую ночь по-русски. На улицах долгое время шли отчаянные бои между частями Центральной Рады и большевиками. Шла борьба между второй и третьей властями. Большая часть Киева оставалась равнодушной к этим боям. Жители считали, что являются третьей стороной в этом конфликте. Масса офицеров, не снимая погон, шаталась по городу, в некотором роде сочувствуя большевикам, как "своим" — русским. Правда, последние, в основном состоящие именно из шариковых и швондеров, не разделяли этого мнения.

Отряды большевиков, сильно поредевшие в боях с украинскими войсками, полностью вышли из подчинения и грозили расправой своему руководству. Чтобы утихомирить злобу подчиненных, в большинстве своем — дезертиров, спившихся рабочих, выпущенных из киевских тюрем уголовников, унизанных золотыми кольцами балтийских матросов и просто любителей легкой наживы, командующий большевистскими войсками левый эсер полковник Муравьев еще во время боев отдал такой приказ: "Войскам обеих армий приказываю беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции". Большевистские части после полного окончания уличных боев, 9 февраля 1918 года, с радостью и воодушевлением бросились выполнять приказ Муравьева.

На улицах Киева пролилась кровь тех, кто еще несколько дней назад считал себя "нейтральным". Но разве существуют во время войны "нейтральные"? Как известно, они погибают первыми. Самый ощутимый удар был нанесен по киевскому офицерству, вернувшемуся с русско-немецкого фронта. Франты-офицеры считали ниже своего достоинства ходить без погон. За это от третьей власти по приказу бывшего полковника русской армии Н. Муравьева они получили кровавые погоны, вырезанные

штыками на плечах, а некоторые, самые ретивые — и эполеты с лампасами — пытку, к которой и в Средневековье не прибегали. Впрочем, об этих дьявольских и полных скорби днях было много написано оставшимися в живых свидетелями, как, например,

известным киевским общественно-политическим деятелем Н.М. Могилянским:

"Зеленые, изможденные голодовкой, бессоницей и пережитыми волнениями, лица обывателей исказились ужасом безумия и тупой, усталой безнадежности.

Началась в самом прямом смысле этого слова отвратительная бойня, избиение вне всякого разбора, суда или следствия оставшегося в городе русского офицерства, не пожелавшего участвовать в борьбе против большевиков на стороне украинцев. Из гостиниц и частных квартир потащили несчастных офицеров буквально на убой "в штаб Духонина" — ироническое название Мариинского парка — излюбленное место казни, где погибли сотни офицеров русской армии. Казнили где попало: на площадке перед Дворцом, по дороге на Александровском спуске, а то и просто, где и как попало. Так мой двоюродный брат, полковник А.М. Речицкий, был убит на Бибиковском бульваре выстрелом в затылок, при сопротивлении, оказанном им четырем красноармейцам, хотевшим сорвать с него погоны. Герой Путиловской сопки, трагедии под Сольдау, Прасныша, много раз тяжело раненый и контуженый — он даже пред лицом верной смерти не хотел, не смотря на все убеждения, снять с себя воинскую форму: так трагически пресеклась 37-летняя молодая жизнь, полная героического исполнения долга.

Кроме офицеров казнили всякого, кто наивно показывал красный билетик — удостоверение принадлежности к украинскому гражданству. 'Казнили куплетиста Сокольского, за его злые куплеты против большевиков; казнили первого встречного на улице, чтобы снять с него новые ботинки, приглянувшиеся красноармейцу. Начались повальные избиения "буржуев", обыски и вымогательства, с избиением недостаточно уступчивых и покорных судьбе. Так подвергся избиению известный городской деятель В. Демченко. Кто и когда еще расскажет о всей циничной пошлости этой разнузданной вакханалии произвола, насилия, глумления и издевательства над личностью мирного обывателя?! — "Пойдем с нами щи хлебать, буржуйка!" — говорит солдат-красноармеец почтенной даме, в присутствии всех членов семьи, расставленных у стенки с приказанием не шевелиться во время обыска — "У! Тебе бы все шампанское лакать!..." продолжает он, угрожая револьвером, приставленным к самому лицу несчастной жертвы

надругательства.

Из обывательских квартир тащили все, что попало, сначала наиболее ценное: деньги, золото и серебро, всякого рода ценности. Богатые заведомо дома, конечно, были ограблены в первую очередь. Я зашел к старому другу, профессору К. Человек спокойный, уравновешенный, сидит в кресле совершенно подавленный, молчит и наконец, с трудом вытягивает из себя такие слова: "Я на все смотрю равнодушно и спокойно… Кажется, если придут и скажут, что перебили всех моих детей — я не двинусь с места". К К. заходил почтенный земской деятель, бывший полковник гвардии С. Я никогда в жизни не забуду этой безнадежности на окаменевшем лице, в глазах, из которых почти безумие глядит из опустошенного сознания".

Город полностью вкусил радости жизни при большевиках. Еще бы, ведь досталось не только "буржуям", монархистам, офицерам и гайдамакам, но и "врагам революции", а таковыми считались все киевляне, которые не разделяли мнения Муравьева относительно расправы над городом. В результате всякие шариковы и швондеры останавливали, обыскивали и во многих случаях убивали всех, кто был одет более-менее прилично. Вот как это выглядело по воспоминаниям некоторых свидетелей:

Стой, твой документ? покажи руки… ага, белоручка… буржуй… в расход…

— Эй ты, в очках… наверное поповский сынок… в расход!

— Постой, постой, барынька, у тебя видно золотые зубы… Даешь зубы! — удар приклада и окровавленная, ни в чем не повинная женщина упала на снег".

Конечно, в наше время в то, что так было, очень трудно поверить. Но, киевскую резню в начале 20-х годов вынуждены были признать даже сами большевики, тем более, по ошибке матросов в эти страшные дни рассталось с жизнью и несколько видных советских деятелей. Еще во время боев за Киев многие члены подставного украинского советского правительства из-за своих личных документов, написанных по-украински, подвергались репрессиям со стороны большевистских частей. Уже в городе те из них, кто попал в руки шариковых и швондеров, был расстрелян.

Владимир Затонский, один из виднейших большевиков Украины того времени, сам как-то избитый матросами-муравьевцами, называл эти проявления "наивным интернационализмом". А вот что рассказал еще один битый своими же большевиками член украинского советского правительства Г. Лапчинский: "…Я вспоминаю инцидент, который произошел в Полтаве, когда комендант штаба Муравьева тов.

Любинский ("Хлор") явился арестовать т. Леонарда Бочковского, лидера украинских эсеров на Полтавщине. Когда Бочковский на вопрос ответил по-украински, "Хлор" на него закричал: "Предлагаю говорить со мною по-интернациональному". Я умею говорить по- английски, по-немецки, по-французски, по-польски, по-русски, — ответил Бочковский, — но я не знаю, какой язык из них вы считаете интернациональным". Лишь после этого "Хлор" понял, что он сделал глупость. Наверное такой же "наивный интернационалист" через несколько недель после этого расстрелял тов. Бочковского в Киеве лишь потому, что у него был красный билет члена Центральной Рады, составленный по-украински, и Украина потеряла одного из самых выдающихся революционеров, который ранее, нежели официально это сделала большевистская Полтавская организация, начал выступать с девизом "вся власть советам" и поставила уэсэровской организации вопрос про объединение с большевиками еще летом 1917 года".

Конечно, войска большевиков проявляли чрезмерную жестокость, но что еще можно было ожидать от них. Тут следовало бы вспомнить уже крылатую фразу Шарикова: "…мы их душили, душили". Да, душили, и не котов, а "буржуев". Кстати говоря, в начале 20-х годов, когда писалась повесть "Собачье сердце", никаких подотделов отчистки не существовало, зато всяким ЧК и ОГПУ не было счета… Впрочем, о чекисте Шарикове, когда-то бродячем псе, отделении ОГПУ, скромно названном Булгаковым "подотделом отчистки", пышных котах с бантиками (тоже персонаж "Собачьего сердца") — "недобитых буржуях", а также о том, как этих самых котов-"буржуев" "душили, душили", мы поговорим как-нибудь в следующий раз.

Думаете, Шариков и Швондер литературные персонажи в единственном числе? Вот и не угадали. Эти персонажи были типичными для времени, в котором жил и творил Михаил Булгаков.

Чтобы сомнения читателя окончательно рассеялись, приведем примеры описания шариковых и швондеров в Киеве в 1918 году, составленных очевидцами. Вот что в частности вспоминал уже упомянутый нами член украинского советского правительства Г. Лапчинский: "Нас возмущали самовольные обыски и реквизиции разных штабных комиссаров, ихняя жестокость по отношению к местной власти. Нас раздражало, что возле известных нам партийных товарищей и революционеров, возле тов. Антонова крутились какие-то отдельные, как нам казалось, явно чужие рабочему классу субъекты офицерского типа, с нахальными и бандитскими физиономиями, и мы

обвиняли ихнего начальника, что он якобы не умеет подбирать людей. Я помню, какое неприятное впечатление на меня лично производили, когда я приезжал к железнодорожной станции, где стояли штабные вагоны и эшелоны с антоновским войском — его вояки, особенно матросы, увешанные всяким оружием, иногда пьяные, со специфическими грязными ругательствами после каждого слова, хоть это чувство удивительно перемешивалось с пониманием, что это все же есть люди, которые уже героически дрались за советскую власть и в последующем добровольно собираются проливать свою кровь за революцию. Лишь вскоре на деле стало ясно, что для той эпохи такое совмещение настоящего героизма, преданности пролетарскому делу и внешней распущенности и грубости бурной стихии есть неминуемым явлением".

Зачем мы рассказываем о страшных событиях в Киеве в феврале 1918 года, когда и Михаил Булгаков то не был в городе? А за тем, чтобы читатель смог хотя бы внешне представить себе настроения киевского обывателя во время и после царствования шариковых и швондеров в городе. Ведь киевляне в эти трагические дни чувствовали себя не иначе, как кошки из "Собачьего сердца", которых "душили, душили" Климы Чугункины.

Пережить царствование третьей власти, а она находилась в городе всего с 9 февраля по 1 марта 1918 года, было достаточно сложно. Ведь жители Киева, в отличие от профессора Преображенского, не имели никаких самых надежных и окончательных охранных бумаг.

В первый день весны 1918 года, 1 марта, на Брест-Литовском шоссе появился небольшой отряд перераненных и окровавленных гайдамаков Центральной Рады. Вел их в Киев ссутулившийся человек в солдатской шинели, нахлобученной громадной черной сибирской папахе и с укороченным кавалерийским карабином с примкнутым штыком. Этот человек шагал ровной и уверенной походкой, поскольку был убежден, что город — это его город — столица Украинской Народной Республики. Сразу за Симоном Васильевичем Петлюрой, а именно он был командиром вступившего в город украинского отряда, вышагивали громадные красные гайдамаки со свисающими с шапок красными шлыками-"хвостами". Эти гайдамаки, тоже, кстати, в большинстве своем киевляне, были представителями украинского пролетариата. Впрочем, это слово они не любили, так же, как не любили и большевиков. Ведь именно красные гайдамаки всего месяц назад штурмом взяли восставший завод "Арсенал", а теперь так же штурмом овладели городом.

Гайдамацкие части были настроены крайне решительно, а главное — по призыву Петлюры готовы на любые подвиги и самопожертвование. Гайдамацкие головы обуяла месть. Некоторые, самые горячие, предлагали в отместку устроить кровавый погром в рабочих районах, но С. Петлюра своим подчиненным запретил говорить о чем-либо подобном. Месть к шариковым и швондерам была крайне велика. Победа над большевиками, возвращение в город Центральной Рады во многом были заслугой Симона Петлюры. Немцы его боялись, поскольку он в то время имел громадный авторитет. Именно поэтому немцы настояли на том, чтобы Петлюра окончательно ушел из политики. Симон Васильевич вместе со своим верным помощником, Дмитрием Одриной, сокурсником Булгакова и прототипом доктора Курицкого в "Белой гвардии", оставил армию, поселился в Стрелецком переулке и вскоре возглавил губернское земское управление. Единственный человек, способный в то время стать лидером на Украине, отошел от дел.

После прихода немцев Павел Скоропадский вышел из своего подполья. Он, как крупный землевладелец, был заинтересован в защите от социалистической Рады своих интересов и интересов земельных собственников. Скоропадский понимал, что Центральная Рада не сможет дать украинским "куркулям" тех благ, которые им могла сулить земельная реформа по образцу Столыпинской. Вокруг Скоропадского стали собираться представители аристократии и средние землевладельцы, заинтересованные в смене ситуации на Украине. Облегчало задачу и то, что еще осенью 1917 года Павел Скоропадский был избран гетманом украинского Вольного казачества, которое являлось грозной политической силой. Так возник Союз Хлеборобов, ратующий за консервативные реформы в стране.

События на политической арене Украины развивались с калейдоскопической быстротой. 25 апреля 1918 года по обвинению в похищении директора Русского банка Доброго, сотрудничавшего с немцами, последними были арестованы военный министр Центральной Рады Жуковский, начальник милиции Богацкий и некоторые другие ответственные лица. Был так же взят под стражу и премьер-министр Украины Владимир Голубович, задержание которого состоялось во время заседания Центральной Рады. На следующий день немцы, без согласования с Радой ввели на Украине военно- полевые суды, каравшие украинских крестьян за отказ отдавать немцам хлеб. Введение военно-полевых судов, арест премьер-министра и военного министра вызвали решительный протест Центральной Рады, но на этот протест немцам было глубоко наплевать. Они уже

договорились со Скоропадским и его Союзом Хлеборобов о замене власти на Украине.

29 апреля 1918 года в Киеве, в здании городского цирка состоялся съезд Союза Хлеборобов. На нем было выражено недоверие Центральной Раде, которая должна была быть заменена избранным съездом гетманом Павлом Скоропадским. Центральная Рада знала о событиях в цирке, но поделать ничего не могла: на крыше цирка находился пулемет и немецкие пулеметчики, которые служили убедительным доказательством того, что на Украине происходит переворот, инициированный Германией. Членам Центральной Рады было предложено убраться из Педагогического музея, где происходили заседания, что они и поспешили сделать. Некоторые лидеры Центральной Рады еще надеялись на поддержку полка Сечевых Стрельцов полковника Евгения Коновальца — единственной воинской части Рады в городе, но полк был разоружен немцами. Так в Киеве и на Украине окончательно восторжествовала власть гетмана Скоропадского.

Павел Петрович Скоропадский, не смотря на свои симпатии, все же искал сближения с украинскими общественно-политическими кругами левого толка. Большое значение он придавал и сотрудничеству с Петлюрой, великолепно понимая, что поддержка последнего может быть гарантией политической стабильности. Скоропадский и Петлюра имели прямой телефон, которым не редко пользовались. Часто Петлюра мог обратиться напрямую к гетману с мало важной проблемой поучительного характера. Вот что вспоминал один из помощников Петлюры, Василий Бень (перевод с украинского): "…к гетману <Петлюра> ходил сам, а очень часто решал проблемы по телефону. Один раз я был свидетелем такого разговора: Пан гетман? Ту Симон Васильевич. Доброго здоровья. Извините, пан гетман, что вас беспокою, но дело, по поводу которого с вами хочу говорить, неотложное. Сейчас у меня в бюро делегация. Она привезла с собой женщину, допрошенную вашими карательными экспедициями. Все тело в крови и синяках… За что? За то, что из панского леса принесла вязку дров. А нужно вам, пан гетман, знать, что это вдова, с малолетними детьми. Прошу немедленно устроить разбирательство, виновных наказать, а… Это не поучение, только замечание, что ваши офицеры, украинское войско, хуже татар относятся с украинским населением. Такой обиды и надругательства народ не потерпит.

На это был ответ, что гетман немедленно устроит разбирательство и виновных накажет. Должен сказать, что гетман П. Скоропадский к замечаниям со стороны общественности

относился серьезно. Как в предыдущем, так и в других случаях приказывал устраивать следствие, а виновных наказывал".

Таким образом, Симон Петлюра имел возможность в любой момент даже по мелочам беспокоить Скоропадского, и делать ему, главе государства, замечания. Впрочем, это не избавило Павла Скоропадского от угрозы со стороны Петлюры, который лез в любые проблемы и вопросы государственного характера. Симон Петлюра выказывал свое неудовольствие не только гетману лично, но и не скрывал своего взгляда на правление Скоропадского и перед широкой общественностью. А поводов для недовольства хватало.

Павел Петрович Скоропадский вынужден был неукоснительно исполнять Брестский мирный договор Центральной Рады относительно поставок в страны Четверного союза продовольствия. Чтобы выполнять этот договор, Скоропадскому пришлось прибегнуть к услугам специальных отрядов, изымавших у крестьян продовольствие насильно. Естественно, это вызвало широкую волну неудовольствия и восстаний в селах. Скоропадский изгнал из своей кадровой армии офицеров с образованием военного времени, окончивших ускоренные офицерские курсы школ прапорщиков. В подавляющем большинстве эти люди были представителями сельской интеллигенции: учителями, врачами, выпускниками семинарий и уездных училищ. Именно они в 1917 году начали украинизацию российской армии, они же составляли костяк полков Центральной Рады. Отказываясь от услуг этих офицеров, Скоропадский автоматически отказывался от создания национальной армии. Точно так же гетман отвернулся и от многих украинских деятелей, вынесенных на поверхность волной революции, но являвшихся слишком молодыми, чтобы считаться "специалистами". Таким образом, Павел Скоропадский лишал себя поддержки со стороны тех, кто возрождал украинскую государственность. Озлоблял гетман своими действиями и галичан — сечевых стрельцов — ударную силу Украинской революции. И хоть командир сечевиков Евгений Коновалец (булгаковский полковник Торопец) добился у Скоропадского разрешения возродить полк Сечевых Стрельцов, это не изменило ситуации. Петлюра все более активно критиковал гетманскую политику, что вынудило Скоропадского отдать приказ о его аресте.

Постепенно ситуация на Украине становилась угрожающей, и даже обычные обыватели подсознательно понимали это. Вот что писал в своей "Белой гвардии" Михаил Булгаков: "Были десятки тысяч людей, вернувшихся с войны и умеющих стрелять…

— А выучили сами же офицеры по приказанию начальства!

Сотни тысяч винтовок, закопанных в землю, упрятанных в клунях и каморах и не сданных, несмотря на скорые на руку военно-полевые немецкие суды, порки шомполами и стрельбу шрапнелями, миллионы патронов в той же земле, и трехдюймовые орудия в каждой пятой деревне, и пулеметы в каждой второй, во всяком городишке склады снарядов, цейхгаузы с шинелями и папахами.

И в этих же городишках народные учителя, фельдшера, однодворцы, украинские семинаристы, волею судеб ставшие прапорщиками, здоровенные сыны пчеловодов, штабс-капитаны с украинскими фамилиями… все говорят на украинском языке, все любят Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей, — и тысячи бывших пленных украинцев, вернувшихся из Галиции.

Это в довесок к десяткам тысяч мужиков?.. О-го-го!".

9 ноября 1918 года в Германии началась революция, а уже 11 ноября немцы вынуждены были подписать Версальский мир, которым они признавали свое поражение в Первой мировой войне. Немецкие войска, уже наполовину развалленные под воздействием социалистической агитации, возвращались с Украины на родину. Гетман Скоропадский остался один. Он спешно пытался найти точку опоры: решился на проект создания земельной реформы, объявил мобилизацию, стал создавать офицерские дружины, еще раньше разрешил из галичан и наиболее "националистически" настроенных военных создать особые украинские части, пытался задобрить пророссийски настроенные круги населения, для чего издал универсал про воссоединение с будущей возрожденной белой Россией. Но этим Скоропадский еще больше подливал масла в огонь. Восстание было неминуемо. Гетман пошел на крайний шаг, и под давлением немцев выпустил из тюрьмы Петлюру, но этим только ускорил свое падение.

13 ноября 1918 года в Киеве состоялось нелегальное собрание членов Украинского национального союза, объединявшего приверженцев Украинской Народной Республики. На этом собрании было решено организовать новое украинское правительство — Директорию — способную поднять восстание против Скоропадского. Главой Директории стал бывший премьер-министр Центральной Рады, известный украинский писатель Владимир Винниченко. Кроме него в Директорию входило еще четыре человека. В том числе — и Петлюра, которого избрали заочно. 15 ноября Директория переехала в Белую Церковь, где располагался отряд Сечевых Стрельцов полковника Коновальца,

возрожденный по разрешению гетмана незадолго до этого. В этот день по всей Украине Директория объявила о начале восстания. На ее зов откликнулось большинство более-менее укомплектованных воинских частей, существовавших еще со времен Центральной Рады. На Харьковщине к восставшим присоединился полковник Болбочан (булгаковский Болботун) со своей Запорожской дивизией, на Черниговщине на помощь Директории пришла Серожупанная дивизия, на Подолье на сторону УНР перешел командующий 2- м гетманским кадровым корпусом генерал Ерошевич, на Киевщине восстали Черноморский и Сечевой полки. Вокруг этого костяка быстро собирались народные массы, готовые идти против Скоропадского и уезжавших немцев. Всего за неделю войска Директории полностью овладели положением на Украине. Свергнуть гетмана им не давали лишь немцы, которые выторговали у Директории право покинуть Украину с миром. Но это только ненадолго оттянуло падение Скоропадского.

14 декабря 1918 года войска Директории вступили в Киев. Павел Скоропадский бежал в Германию. Вскоре в город вернулись предводители восстания Симон Петлюра, командовавший всеми войсками, и Владимир Винниченко.

Между Петлюрой и Винниченко с давних времен существовали натянутые отношения. Когда-то Симон Васильевич был журналистом и редактировал украинские издания, выходившие в Санкт-Петербурге. Винниченко же печатался в этих изданиях. Владимир Кириллович Винниченко, как уже именитый и, безусловно, талантливый писатель, требовал к себе и своей работе уважения и почтения. Петлюра же выступал в роли литературного критика, и никак не мог согласиться с требованиями Винниченко. Усугубляло положение и то, что и Винниченко и Петлюра серьезно занимались украинской политикой, и были приверженцами различных взглядов. Потому-то едкие статьи Симона Петлюры, касающиеся Винниченко, затрагивали не только писательский талант, но и политические взгляды Владимира Кирилловича. Последний платил Петлюре той же монетой.

С тех пор прошло много времени. В Российской империи состоялась Февральская революция, а в Киеве была создана Центральная Рада, куда попали Винниченко и Петлюра. Один вскоре стал премьер-министром, второй — военным министром. Владимир Кириллович, 37-летний писатель, только вернувшийся из эмиграции, был неисправимым романтиком и мечтателем, родившимся слишком рано. Он хотел видеть мир без социального гнета и рабства, без битв и армий, без денег и человеческих

пороков. 38-летний Симон Васильевич, побывавший на фронте и знавший цену жизни, был прагматиком, и не относился серьезно к идеям Винниченко, призывавшего народ Украины к свободному труду, коллективизму и взаимопомощи, роспуске армии и социальному равенству. Работа Петлюры была противоположна взглядам Винниченко. Петлюра стремился создать мощную армию, признавал авторитаризм, искал поддержки у среднего класса. Столкновения между Винниченко и Петлюрой привели к тому, что Симона Васильевича в начале декабря 1917 года "ушли" из Центральной Рады. Во время 1-й украинско- большевистской войны пришлось покинуть пост премьер-министра и Владимиру Кирилловичу. Петлюра и Винниченко оказались квиты.

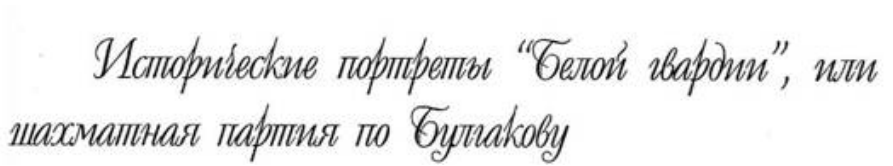
Вновь свела судьба Владимира Винниченко и Симона Петлюру уже в Директории. Но и здесь не прекратилось их противоборство. Винниченко был официальным главой Директории, Петлюра же в то время считался чуть ли не народным героем, руководителем украинских полков и вооруженных крестьянских масс. Влияние Симона Васильевича было намного сильнее влияния Владимира Кирилловича. Это не могло не сказаться на их взаимоотношениях. Петлюре нужен был лишь повод, чтобы подтолкнуть Винниченко к уходу из большой политики. Таким поводом стал отказ стран Антанты сотрудничать с Винниченко, которого французы и англичане требовали "выгнать как собаку". Украинская Директория нуждалась в помощи Антанты. Поэтому Винниченко оставил Директорию и в марте 1919 года покинул Украину. Петлюра остался почти единоличным главой Украинской Народной Республики, каковым оставался де-факто до конца 1920, а де-юре — до 1926 года.

По разному сложилась судьба Скоропадского, Винниченко и Петлюры. Павел Петрович Скоропадский в эмиграции вновь вернулся к идее гетманства, пытался заниматься политической деятельностью и погиб от разрыва советского снаряда в Германии, где жил, в 1945 году. Симон Васильевич Петлюра до конца гражданской войны оставался главой украинского правительства, и даже в эмиграции в Париже пытался удержать в руках армию Украинской Народной Республики и беженцев, оказавшихся в Польше. Он погиб от руки террориста, еврея с Украины, на одной из парижских улиц в 1926 году. По какому-то демоническому совпадению свидетелем гибели Петлюры был Владимир Винниченко. Последний в 1920 году в Вене пытался создать Украинскую Коммунистическую партию, в 1921 году по приглашению советского правительства приезжал на Украину, где ему предлагали занять пост заместителя главы украинского Совнаркома. Владимир Кириллович отказался. Он вновь выехал

за границу, где занимался в основном литературной деятельностью. Винниченко прожил долгую жизнь и умер в США в 1951 году.

Исторические портреты «Белой гвардии» или шахматная партия по Булгакову

"Так вот-с, нежданно-негаданно появилась третья сила на громадной шахматной доске. Так плохой и неумелый игрок, отгородившись пешечным строем от страшного партнера (к слову говоря, пешки очень похожи на немцев в тазах), группирует своих офицеров около игрушечного короля. Но коварная ферзь противника внезапно находит путь откуда-то сбоку, проходит в тыл и начинает бить по тылам пешки и коней и объявляет страшные шахи, а за ферзем приходит стремительный легкий слон — офицер, подлетают коварными зигзагами кони, и вот-с, погибает слабый и скверный игрок — получает его деревянный король мат". ("Белая гвардия")



Большая часть героев романа Михаила Булгакова "Белая гвардия" задействована не только в самом художественном сюжете и исторических событиях, но и в… шахматной партии, которую ведет провидение, разыгрывая на доске сложные комбинации истории. Большинству героев романа соответствуют определенные шахматные фигуры, смысл и значение которых в игре автор достаточно четко отобразил в литературных образах. Игроками этой шахматной партии Булгаков сделал немцев и большевиков, что весьма отвечает исторической действительности. Ведь именно немцы создали марионеточную Державу Скоропадского, которую уничтожила социалистическая украинская Директория, освободившая, таким образом, дорогу к

власти на Украине большевикам. Из текста "Белой гвардии" это вполне ясно. Булгаков достаточно четко говорит о немецких корнях власти Скоропадского, а также правлении Винниченко и Петлюры, приведшем к появлению в конце романа бронепоезда "Пролетарий" и бойцов с красными звездами на шапках.

Как Михаил Афанасьевич Булгаков распределил роли на своей шахматной доске? Как видно из названия романа, "белыми" в игре стали гетман Скоропадский и его приверженцы. В этом можно усмотреть не только аналогию с Белым движением и офицерскими дружинами. Дело в том, что своим переворотом на Украине Скоропадский сделал ход первым, а потому по правилам шахматной игры является белой фигурой. Следовательно, все те, кто был связан с гетманом и его государством, автоматически становятся белыми фигурами. Черный цвет был отдан Директории и ее приверженцам, в чем вполне можно усмотреть намек на существование анархии в Украинской Народной Республике конца 1918 — начала 1919 года. И это также историческая правда, поскольку во время Антигетманского восстания крестьянскими массами владел хаос, который вскоре и привел к переходу власти в руки красных. Эта самая анархия не дала возможности Директории отстоять Украину перед лицом большевистского натиска.

Павла Петровича Скоропадского Булгаков вполне определенно назвал "деревянным белым королем", а потому-то с определением главной фигуры белых нет проблем. Сложности возникают с королем черных, которым вполне могут быть и Петлюра, и Винниченко. Из текста романа неясно, кто именно был из этих двух людей главным. Из истории нам известно, что главой Директории являлся Винниченко, который и должен быть черным королем. Но Владимир Винниченко возглавлял правительство Украинской Народной Республики непродолжительное время. Уже в марте 1919 года его место занял Симон Петлюра. Именно поэтому Михаил Булгаков не настаивал на том, чтобы оставить черным королем одного из двух упомянутых лидеров украинской Директории. Черный король лишь подразумевается — это Владимир Кириллович Винниченко. Петлюре Булгаков отвел роль "коварного ферзя", который действительно сыграл роковую для Скоропадского роль в Антигетманском восстании.

Ферзем Скоропадского писателем был назван командующий вооруженными силами гетмана и его защитников князь Белоруков. Под фамилией Белоруков в романе "Белая гвардия" скрывается главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины генерал-лейтенант князь Александр

Долгоруков, назначенный на этот пост гетманом после снятия графа Келлера 26 ноября 1918 года.

Князь Александр Николаевич Долгоруков (1873–1948) был дальним родственником гетмана Скоропадского по линии его супруги. Вместе с Павлом Скоропадским князь Долгоруков окончил Пажеский корпус и служил в Кавалергардском полку. В 1914 году, когда Скоропадский командовал Лейб- гвардии Конным полком, Долгоруков возглавлял Кавалергардский полк. Оба полка составляли 1 — ю бригаду 1 — й Гвардейской кавалерийской дивизии. Это была элита элиты российской армии того времени. В первом же бою под Каушеном во время Первой мировой войны Скоропадский и Долгоруков заслужили свои ордена Святого Георгия 4-й степени. За этот же бой получил Георгиевский крест и гвардейский конный артиллерист полковник Лев Кирпичев, будущий командир Киевской добровольческой дружины у Скоропадского, упоминавшийся в "Белой гвардии" под фамилией Картузова и ставший одной из фигур шахматной партии Булгакова. В бою под Каушеном также отличился ротмистр полка Скоропадского барон Врангель, получивший орден и чин полковника. Этот самый Врангель в 1920 году стал командующим белогвардейской Русской армии в Крыму.

Павел Скоропадский

В 1918 году генерал-лейтенант Александр Долгоруков вместе с генерал- майором Кирпичевом и многими своими сослуживцами очутился на

территории Украины. Скоропадский радушно принимал своих бывших сослуживцев по императорской гвардии. Вот что писал по этому поводу Михаил Афанасьевич: "Одни из них —

кирасиры, кавалергарды, конногвардейцы и гвардейские гусары, выплывали легко в мутной воде потревоженного Города. Гетманский конвой ходил в фантастических погонах, и за гетманскими столами усаживалось до двухсот масленых проборов людей, сверкающих гнилыми желтыми зубами с золотыми пломбами. Кого не вместил конвой, вместили дорогие шубы с бобровыми воротниками и полутемные, резного дуба квартиры в лучшей части Города — Липках, рестораны и номера отелей…"

Генерал Долгоруков до октября 1918 года не служил у гетмана. Он занимался политической деятельностью, поддерживал пророссийски настроенные круги населения Украины и вскоре стал одним из лидеров движения за возрождение Российской империи. После снятия с поста главнокомандующего Келлера, Скоропадский, шедший на уступки российским кругам, согласился на назначение на освободившуюся должность Долгорукова. Так князь Александр Долгоруков стал одним из главных действующих лиц украинской политики того времени.

Для Скоропадского Долгоруков был крайне невыгодным главнокомандующим. Князь мнил себя чуть ли не вторым Наполеоном, с мнением других военных не считался, а самого гетмана даже слегка презирал, как "изменника". На своем посту Александр Долгоруков успел издать множество приказов, шедших в разрез с официальной политикой гетмана, и даже опровергавших некоторые указы Скоропадского. В начале декабря 1918 года Долгоруков почти полностью вышел из подчинения Скоропадского, теперь даже номинально не признавая его власти. Потому-то Павел Скоропадский и стал "деревянным королем". Сам Долгоруков грозился устроить крестовый поход на большевистскую Москву, собирался "под своей рукой" объединять все антибольшевистские силы на территории бывшей Российской империи, а в случае необходимости — "умереть на виду вверенных ему войск". Скоропадскому Долгоруков не приносил никакой пользы, а потому ферзем для "деревянного короля" он был крайне неудачным.

14 декабря 1918 года, во время окончательной победы Директории, Скоропадский и Долгоруков бежали. Но если Скоропадский оставался в своем дворце даже после официального отречения, то Долгоруков оставил штаб сразу же после известий о вступлении украинских частей в Киев. Отдав офицерским дружинам приказ стягиваться к Педагогическому музею, князь Долгоруков, возможно, намеревался и сам отправиться туда. Но оказался он вскоре не в петлюровском плену, разделив участь своих офицеров, а в… Германии. Туда же бежал и Скоропадский.

Значительную роль в своей шахматной партии Михаил Булгаков отвел "слонам" — "офицерам" — командующим соединений и крупных воинских частей Скоропадского и Директории. Так, у "белых" в качестве шахматных офицеров мы видим обоих командиров офицерских дружин, формировавшихся в Киеве. Это генерал Картузов, "формирующий дружины для защиты матери городов русских", и генерал Блохин, "начальник первой дружины". "Офицерами" "черных" стали "австрийский полковник генерального штаба" Торопец и полковник Болботун.

В Киеве к 14 декабря 1918 года существовало лишь две крупные воинские части — Киевская добровольческая дружина генерала Кирпичева и 1 — я Офицерская дружина полковника Святополк-Мирского. Эти дружины имели права корпусов, а потому вполне могли именоваться воинскими соединениями. Оба командира дружин, Кирпичев и Святополк-Мирской, невольно стали "офицерами" булгаковской шахматной партии. Генерал Кирпичев, о котором мы уже упоминали, был изображен Булгаковым в образе генерала Картузова из "Белой гвардии". Командир 1-й Офицерской дружины полковник Святополк-Мирской дал начало существованию литературного героя генерала Блохина.

Генерал-майор Лев Николаевич Кирпичев (1878–1928) принадлежал к той когорте гвардейского офицерства, которой симпатизировал и всячески помогал Павел Скоропадский. С будущим гетманом Лев Кирпичев был знаком достаточно давно. Как офицер 3-й батареи Лейб-гвардии Конно- артиллерийского дивизиона, Кирпичев еще с 1899 года по служебным делам часто виделся со Скоропадским. Вместе с будущим гетманом Лев Кирпичев служил и во время Первой мировой войны. Именно поэтому, оказавшись на Украине в 1918 году, генерал Кирпичев нашел надежное убежище от большевиков. В конце октября 1918 года на Украине под покровительством гетмана Скоропадского Министром внутренних дел Игорем Кистяковским начал формироваться для борьбы с анархией так называемый Сводный корпус. В его состав принимали офицеров и добровольцев, являвшихся гражданами Украины, но не имевших полного военного образования для получения права служить в кадровой гетманской армии. Непосредственно в Киеве формировался штаб корпуса и Киевская дружина, командиром которой был назначен генерал Кирпичев. Эта дружина в последующем должна была быть развернута в восемь пехотных полков, сведенных в две дивизии. Сам Кирпичев, вскоре стал командиром Сводного корпуса.

Дружина генерала Кирпичева была самой крупной воинской частью того времени. Ее отделы (роты, которые должны были развернуться в полки) дрались с частями войск УНР на всех участках фронта под Киевом. Командирами дружины большей

частью были бывшие императорские гвардейские офицеры — представители гвардейской конной артиллерии, кавалерии, 3-й Гвардейской пехотной и Гвардейской Стрелковой дивизий. Так, 1 — м отделом дружины руководил полковник гвардейской конной артиллерии Владимир Хитрово, 2-м — полковник Лейб-гвардии 1 — го Стрелкового полка Сергей Крейтон, 3-м — полковник Лейб-гвардии Литовского полка Василий Шелетаев, 4-м и 5-м — гвардейские стрелки полковники Винберг и Гревс. Одну из мелких частей корпуса возглавлял полковник Лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка полковник Петр Воейков. 5-й отдел дружины полностью состоял из бывших гвардейцев. Киевская добровольческая дружина была разбросана по всему фронту, а потому, как единая воинская часть не существовала. Именно в этом мы можем найти объяснение поражения антипетлюровского фронта под Киевом. 14 ноября Киевская дружина получила приказ стягиваться к Педагогическому музею, где почти вся была взята в плен. Избежали этой участи лишь штаб дружины, 1-й отдел, да формирующиеся команды. Подавляющее большинство офицеров дружины в последующем было вывезено немцами с Украины в Германию, откуда эти офицеры перебрались в белогвардейскую Северо-западную армию генерала Родзянко, а затем — Юденича. Высшим чинам дружины, попавшим в плен, не повезло. По приказу Директории все плененные генералы и полковники в числе 27 человек были собраны в Лукьяновской тюрьме. При отступлении войск УНР из Киева в феврале 1919 года этих заключенных "забыли" выпустить. В результате все они были расстреляны красными. Среди расстрелянных был и командир 2-го отдела киевлянин полковник Крейтон. Сам генерал Кирпичев бежал из Киева, служил в Добровольческой армии и умер в 1928 году на эмиграции в Египте.

Менее удачно сложилась судьба у командира 1 — й Офицерской дружины полковника Леонида Сергеевича Святополк-Мирского и его подопечных. 1-я Офицерская дружина изначально формировалась Военным министерством Скоропадского, как 1 — й Особый полк Особого корпуса, предназначенного для похода на Москву. В состав корпуса принимали офицеров, не являвшихся гражданами Украины, либо не желавших служить в гетманской кадровой армии. Командование и офицерские состав 1-го Особого полка, в отличие от Киевской дружины генерала Кирпичева, почти полностью состояли из коренных киевских офицеров, служивших в полках гарнизона города еще до Первой мировой войны. Начальником 1-го Особого полка был назначен бывший командир киевского 166-го Ровненского пехотного полка и 42-й пехотной дивизии генерал-майор Иван Фридрихович Буйвид. При переформировании 1-го Особого полка в 1 — ю Офицерскую дружину руководство дружиной генерал Буйвид передал последнему командиру 166-го Ровненского полка полковнику Леониду Святополк-Мирскому. В дружине Святополк-Мирской собрал почти всех офицеров 42-й пехотной дивизии, а его помощником бул бывший командир 165-го Луцкого пехотного полка, полковник Евгений Францевич Серафимович. 2-я Офицерская дружина, формировавшаяся при непосредственном

участии Святополк-Мирского, состояла в основном из бывших офицеров киевской 33-й пехотной дивизии, а командовал дружиной последний командир 130-го Херсонского пехотного полка полковник Александр Николаевич Рубанов. После разгрома 1 — й Офицерской дружины под станцией Мотовиловка, 2-я дружина была влита в ее состав. 14 декабря 1918 года практически все офицеры и добровольцы дружины попали в плен. Судьба полковника Святополк-Мирского нам до конца не известна. По некоторым данным, он был пленен со своими офицерами и заключен в Лукьяновской тюрьме. Был ли он расстрелян красными в феврале 1919 года, мы не знаем.

"Офицеры" "черных" полковники Торопец и Болботун были более удачливыми военачальниками, нежели их противники, хотя опыта они имели поменьше. Евгений Михайлович Коновалец в 1918 году был молодым человеком, ему исполнилось 27 лет. Он родился в городке Жашков Львовского уезда Восточно-Галицкой провинции Австро-Венгерской империи в учительской семье. Военным Коновалец стал совершенно случайно: в 1914 году был мобилизован в австро-венгерскую армию, стал прапорщиком и уже в 1915 году попал в плен к русским. Очутившись в Саратове, в лагере для военнопленных, Коновалец стал лидером среди пленных офицеров и стрельцов украинского Легиона Сечевых Стрельцов, с которыми в конце 1917 года перешел на службу

Центральной Раде. Изначально в распоряжении Коновальца был лишь батальон, затем полк, вскоре появилась собственная батарея и даже конный отряд. Центральная Рада пожаловала Коновальцу чин полковника, который был признан и гетманом Скоропадским. Профессиональным военным, тем более, полковником австрийского генерального штаба Евгений Михайлович не был. Тем не менее, многие на Украине считали, что он является австрийским генштабистом, что упомянул в рассказе о Торопце и Михаил Булгаков. На

самом деле Евгений Коновапец в основном занимался лишь вопросами военно- политического и организационного характера. Операциями руководил штаб Коновальца, в котором во время Антигетманского восстания работало четыре генштабиста бывшей российской армии. К началу восстания в распоряжении Коновальца имелся всего один галицкий батальон и неполная батарея. Но вскоре на помощь галичанам пришли восставшие крестьяне Киевщины, а также сформированный Скоропадским по национальному принципу Черноморский кош, на базе которых был создан так называемый Осадный корпус УНР во главе с полковником Коновальцем. Благодаря восставшим этот корпус разросся сначала до трех, а затем до четырех дивизий пехоты с артиллерией и кавалерией. Евгению Коновальцу, булгаковскому полковнику Торопцу, выпала героическая и трагическая судьба. В конце 1919 года он порвал с Петлюрой и Украинской Народной Республикой, распустил свой корпус, и выехал на эмиграцию в Вену. Здесь из бывших военнослужащих своего корпуса и Украинской Галицкой армии Коновалец создал Украинскую Военную Организацию (УВО), на базе которой в 1929 году была создана Организация Украинских Националистов (ОУН). Именно ОУН, расколотая после смерти Коновальца на ОУН Мельника и ОУН Бандеры, в годы Второй мировой войны протистояли коммунизму. Мельниковцы были в союзе с Германией, создали общеизвестную 14-ю дивизию войск СС "Галичина". Бандеровцы боролись и с Германией и с СССР. Их Украинская Повстанческая Армия существовала на Западно-Украинских землях до 1953 года. Жизненный путь самого Евгения Михайловича Коновальца сложился трагически. 23 мая 1938 года в городе Роттердаме он был убит неизвестным человеком, хорошо знавшим Коновальца лично. Причины и обстоятельства этого убийства до сих пор не известны.

Трагически сложилась судьба и у другого "офицера" шахматной партии Булгакова, полковника Болботуна — Петра Болбочана. Будущий известный украинский военный деятель родился в 1883 году на Хотинщине. Он был кадровым офицером

российской армии, служил в провинциальном 38-м Тобольском пехотном полку, и, если бы не война и революция, так бы и остался заурядным офицером без всяких перспектив в служебном продвижении. Во время Первой мировой войны Болбочан был тяжело ранен, потому-то в чине подполковника в 1917 году работал в корпусном интендантстве. Украинизация на фронте подтолкнула Болбочана к активным действиям. Он сформировал Республиканский пехотный полк, во главе которого принимал участие в боях с большевиками на стороне Центральной Рады. Весной 1918 года Болбочан был назначен командиром сформированного им 2-го Запорожского пехотного полка, во главе которого оставался и при Скоропадском. За успешные бои на границе с Советской Россией гетман пожаловал Болбочану чин полковника. После того, как Скоропадский издал свой универсал про федерацию с будущей возрожденной Россией, Болбочан порвал с гетманом и присоединился к восставшим. Возглавив Запорожскую дивизию, он взял под контроль всю Левобережную Украину. Киева войска Болбочана не брали. Директория, да и сам Петлюра, боялись авторитета полковника Болбочана, а потому старались избежать его возможно появления в столице Украины. Таким образом, приписанного Михаилом Булгаковым взятия Болботуном Киева на самом деле не было. В конце 1918 года Болбочан возглавил Левобережный фронт армии

УНР, противостоявший Красной армии. Глава Директории Владимир Винниченко долгое время пытался найти общий язык с Совнаркомом, а потому приказывал Болбочану вести только оборонные бои. В результате, измотанные в оборонных схватках части Болбочана не смогли сдержать второго натиска красных. Полковник Болбочан был обвинен в измене, желании перейти к белым, и арестован. Вскоре Болбочана перевезли в Станислав, где он жил, как частное лицо. В начале июня 1919 года по приглашению запорожцев полковник Болбочан вернулся в свой Запорожский корпус, где был избран его командиром. На это Петлюра и командующий армией генерал Осецкий отреагировали очень остро: Болбочан был вновь арестован и по постановлению военно-полевого суда 12 июня 1919 года… расстрелян. По некоторым сведениям, во время судебного разбирательства от жестокой и незаслуженной обиды полковник Болбочан сошел с ума. Так Украина лишилась безусловно талантливого, честного и благородного военачальника.

Полковники Болбочан и Коновалец в конце 1918 — начале 1919 года были самыми крупными и влиятельными военными Украинской Народной Республики, потому-то нет ничего удивительного, что Михаил Булгаков изобразил их в романе

"Белая гвардия" в качестве "офицеров" своей шахматной партии.

Легкими фигурами — "конями" — Михаил Булгаков взял в свою партию представителей среднего звена командного состава армии Украинской Народной Республики и войск, защищавших гетмана Скоропадского. Ими, на наш взгляд, стали описанные в романе "Белая гвардия" командиры 1-го Синежупанного полка полковник Мащенко, 1-го конного полка атаман Козырь- Лешко, служившие в армии УНР, а также начальники мортирного дивизиона полковник Малышев и добровольческого отряда под Красным Трактиром полковник Щеткин. Здесь следует отметить, что если о предыдущих "фигурах" Михаил Булгаков знал лишь из газет да понаслышке, то "конями" были изображены люди, с которыми будущий писатель сталкивался лично. В частности, о Малышеве и Мащенко, их исторических прототипах и знакомстве с ними Булгакова мы уже говорили в предыдущих разделах нашего исследования. В связи с этим поговорим лишь о Щеткине и Козыре-Лешко.

Во время Антигетманского восстания в составе Осадного корпуса Евгения Коновальца, бравшего Киев, был лишь один конный полк -1-й конно- партизанский сечевых стрельцов атамана Алексея Козыря-Зирки. Козырь-Зирка и стал прообразом для создания литературного героя Козыря-Лешко. Откуда его знал Михаил Булгаков, до сих пор сказать сложно, поскольку фамилия этого атамана в прессе не появлялась. Тем не менее, знакомство с атаманом у будущего писателя было, поскольку некоторые подробности его боевой жизни Булгаков перенес в свою "Белую гвардию".

Биография атамана Алексея Козыря-Зирки достаточно сложная и запутанная. В Овруче, где атаман долгое время был царьком, поговаривали, что Козырь-Зирка — это вовсе не фамилия, что он некий граф из Белой Церкви, или же — беглый галицкий каторжник, руки которого действительно были испещрены татуировками.

Совершенно другим рисует нам Козыря-Зирку Михаил Булгаков: "Всю свою жизнь до 1914 года Козырь был сельским учителем. В четырнадцатом

году попал на войну в драгунский полк и к 1917 году был произведен в офицеры. А рассвет четырнадцатого декабря восемнадцатого года под оконцем застал Козыря полковником петлюровской армии, и никто в мире (и менее всего сам Козырь) не мог бы сказать, как это случилось. А произошло это потому, что война для него, Козыря, была призванием, а учительство лишь долгой и крупной ошибкой. Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни. Целых лет двадцать человек занимается

каким-нибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле он тонкий садовод и горит любовью к цветам. Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни. Козырь попал к сорока пяти годам. А до тех пор был плохим учителем, жестоким и скучным".

Честно говоря, мы не знаем, был ли когда-нибудь Козырь-Зирка сельским учителем. Странным кажется и возраст, предопределенный Михаилом Булгаковым — 45 лет. Опять таки, о реальном возрасте Козыря-Зирки писатель мог и не знать, как, впрочем, не знаем этого и мы. Вполне возможно, что Михаил Булгаков провел аналогию между "полковником" 1 — го Синежупанного полка Пащенко (которого писателю пришлось очень хорошо узнать и о котором мы уже говорили) и командиром 1-го конно-партизанского полка Козырь-Зиркой. Для полноты образа М. Булгаков действительно мог приписать по примеру Пащенко Козырь-Зирке сельское учительство. В целом же образ Козыря-Лешко, созданный Михаилом Булгаковым, совпадает с реально существовавшим Козырь-Зиркой.

Алексей Козырь-Зирка

А что мы знаем о Козырь-Зирке? Алексей Козырь-Зирка

происходил из богатой казацкой семьи с Екатеринославщины. Был падок на деньги и женские юбки. В 1914-м году был мобилизован в российскую армию, служил в драгунском полку, откуда каким-то неведомым образом попал в Туземную конную дивизию, сформированную из представителей кавказских народов. Всю войну Козырь-Зирка провел на коне, был унтер-офицером, а в 1917 году получил первое офицерское звание прапорщика. Осенью 1917 года Козырь- Зирка, как потомственный казак-запорожец, перевелся в 3-ю кавалерийскую дивизию, в которой создавался украинский конный полк. Будучи блестящим оратором, прапорщик Козырь-Зирка быстро приобрел сторонников в солдатской среде и в скором времени был избран на должность командира украинского конного полка. Но этот полк просуществовал недолго — уже в

декабре 1917 года большевики разгромили его в районе Екатеринослава. Самому Козырь-Зирке пришлось спасаться бегством. Будущий атаман прибыл в Киев, где принимал активное участие в боях между большевиками и украинскими частями в начале февраля 1918 года (второй и третьей властями). Вскоре А. Козырь-Зирка поступил в конный полк имени К. Гордиенко войск Центральной Рады, с которым участвовал в весеннем наступлении украинских и немецких подразделений против большевиков на Полтавщине, в Причерноморье и Крыму. Во время правления Скоропадского Козырь-Зирка примкнул к восставшим Киевщины, а после разгрома Таращанско-Звенигородского восстания скрывался среди сечевиков. Вместе с ними из Белой Церкви он выступил в поход против Скоропадского, по приказу Коновальца сформировал конный полк, ставший кавалерией Сечевой дивизии. Во время осады Киева Козырь-Зирка по собственно инициативе несколько раз нарушал перемирие между УНР и немцами, совершая набеги на киевские предместья. После занятия Киева полк Козыря-Зирки был отправлен в район Овруча и Коростеня, где атаман "прославился" своими еврейскими погромами. Полк атамана был расформирован, а сам Козырь-Зирка чуть не попал под суд. До лета 1919 года Козырь-Зирка с небольшим отрядом болтался по тылам украинской армии, пока его чуть не схватила петлюровская контрразведка. Алексей Козырь-Зирка бежал к красным. По некоторым свидетельствам, у них он етап служить в… ЧК. Как сложилась дальнейшая судьба бывшего атамана, мы не знаем. Открытым остается вопрос и о знакомстве Козыря-Зирки с Булгаковым.

Полковник Щеткин, в отличие от авантюристичных "коней" "черных", а также благородного Малышева является персонажем

отрицательным. Определить, кто был историческим прототипом полковника, весьма сложно. Из романа "Белая гвардия" следует, что Щеткин являлся одним из командиров 2-го отдела, в котором служил Мышлаевский, жил на Липках, куда бежал "в объятья полной блондинки" во время поражения офицерских дружин. Командир 2-го отдела Киевской добровольческой дружины полковник Сергей Крейтон в этом случае отпадает. Он хоть и жил на Липках, но оставался со своими офицерами до конца. Кого же в таком случае Михаил Афанасьевич Булгаков имел в виду? По воспоминаниям офицера 2-го отдела Романа Гуля, на позиции приезжал "не особенно трезвый" гвардии полковник Сперанский, который также, как и Щеткин, выступал перед офицерами с ура-патриотическими речами. Судьба Сперанского после крушения фронта под Киевом нам не известна, не знаем мы и того, где он жил в Киеве в 1918 году. Вместе с тем, вполне возможно, что он бежал с позиций, поскольку его фамилия среди пленных, или расстрелянных большевиками нам не попадалась. Поэтому будем считать, что образ полковника Щеткина в какой-то мере отвечает реальной судьбе командира подотдела 2-го отдела Киевской добровольческой дружины полковника Сперанского.

Тяжелые фигуры булгаковской шахматной партии — "туры" или "ладьи" — не отождествлены писателем с какими-либо историческими героями. "Турами" в партии является артиллерия, которая присутствует как на одной, так и на другой стороне. Именно "туры" начинают шахматную партию — боевые действия романа "Белая гвардия" под Киевом: "Все трое прислушались и убедились — пушки. Тяжело, далеко и глухо. Вот еще раз: бу-у…" Артиллерия, как неотъемлемый атрибут любых боевых действий, незримо присутствует и в романе "Белая гвардия". Особенно впечатляющем является момент гибели батареи защитников Киева — "туры" "белых": "Из землянки с фонарями вылезли три офицера и три юнкера в тулупах. Четвертый офицер и двое юнкеров были возле орудий у фонаря, который метель старалась погасить. Через пять минут пушки стали прыгать и страшно бить в темноту. Мощным грохотом они наполнили всю местность верст на пятнадцать кругом, донесли до дома № 13 по Алексеевскому спуску… Господи, дай…

Конная сотня, вертясь в метели, выскочила из темноты сзади на фонари и перебила всех юнкеров, четырех офицеров. Командир, оставшийся в землянке у телефона, выстрелил себе в рот.

Последними словами командира были:

— Штабная сволочь. Отлично понимаю большевиков".

Так погибли тяжелые фигуры "белых" в шахматной партии по

Булгакову. В самой игре писатель придал им огромное значение, но их роль в "Белой гвардии" является мало заметной.

Пешками "Белой гвардии" в прямом и переносном смысле стали главные герои романа: братья Турбины, Шервинский, Мышлаевский, Карась, и даже Най-Турс с Тальбергом. Именно им и таким как они пришлось расплачиваться за Киевскую авантюру. Поэтому с позиции шахматной игры Михаил Булгаков и наделил своих главных героев такими ролями. Писатель показал жизнь пешек, к которым он отнес себя, и которым больше всего симпатизировал. Пешки "Белой гвардии", это не только полюбившиеся нам образы героев романа, это вообще все офицеры, юнкера, студенты, представители интеллигенции, защищавшие Киев. С противоположной стороны пешками были повстанцы — простой люд Украины — крестьяне и ремесленники. Вывод напрашивается достаточно символичный для наших дней: все мы, независимо от принадлежности к какой-либо социальной группе, происхождения, профессии, являемся всего лишь пешками в руках нечистоплотных политиков и дельцов, и еще не один раз будем повторять тернистый путь героев "Белой гвардии".

Вместо послесловия

Вместо послесловия

Вот и подошло к концу наше повествование, посвященное "Белой гвардии", приключениям Михаила Булгакова во время гражданской войны, историческим прототипам романа, событиям на Украине 1918 года, Киеву того времени. Мы не ставили себе задачей охватить весь спектр вопросов, связанных с исследованием романа "Белая гвардия". Поэтому в нашей работе были отображены лишь аспекты военного и военно-исторического характера, а также люди, нераздельно связанные с событиями гражданской войны, упомянутыми в "Белой гвардии". Роман Михаила Булгакова "Белая гвардия" видится нам в первую очередь произведением, посвященным киевскому офицерству. Именно от этого мы и отталкивались, поставив себе целью рассказать о нелегком боевом пути в гражданскую войну каждого из прототипов героев романа, носивших на плечах погоны.

Конечно же, о многом мы не смогли рассказать в нашей книге. Дело в том, что кроме военных в "Белой гвардии" отображены известные киевские врачи, религиозно-философские деятели, поэты, писатели и просто знакомые Михаила Афанасьевича Булгакова. О каждом из них можно рассказывать очень много. Но эти прототипы в определенной степени уже нашли отображение в статьях, посвященных творчеству Булгакова.

Большую работу по выявлению в тексте романа прообразов представителей медицины провел киевский исследователь Гелий Ефимович Аронов. В его статьях нашли отображение такие крупные киевские медики начала 20-го века, как Феофил Гаврилович Яновский (1860–1928), Франц Адольфович Стефанис (1865–1917), а также Иван Павлович Воскресенский, второй муж матери Михаила Булгакова Варвары Михайловны. Как утверждает Г.Е. Аронов, учителя Михаила Афанасьевича, профессора Киевского университета Ф. Яновский и И. Воскресенский были описаны автором врачами, лечившими Алексея Турбина. Франц Адольфович Стефанис изображен несколько в ином амплуа. Именно его, поклонника препарирования, встречают Николай Турбин и Ирина Най-Турс в анатомическом театре за работой.

Весьма интересной является и статья молодого киевского исследователя Сергея Шурлякова, посвященная Киевскому религиозно-философскому обществу. В ней мы встречаем

предположение, что литературный образ штабс- капитана Александра Брониславовича Студзинского возник благодаря близкому знакомству Михаила Булгакова со своим гимназическим преподавателем литературы, Александром Брониславовичем Селихановичем, заметным деятелем Киевского религиозно-философского общества. Александр Селиханович был поляком по происхождению, а потому говорил с сильным польским акцентом. Не смотря на это, гимназисты любили его лекции за живость объяснения на первых взгляд скучных произведений русской классики.

Не нашли в нашей работе отображения и близкие знакомые семьи Булгаковых, Василий Павлович Листовничий и Александр Александрович Глаголев. Василий Листовничий (1876–1919) был хозяином дома на Андреевском спуске, 13. Именно он жил в нижнем этаже здания, и невольно послужил прообразом для создания литературного портрета Василия

Васильевича Лисовича — Василисы. По известным нам сведениям, Василий Павлович совершенно не походил на своего литературного собрата Василису. Листовничий был гражданским инженером, начитанным и образованным человеком. Вместе с тем, это не мешало его квартирантам, Булгаковым, иногда конфликтовать с хозяином дома. Возможно, именно это и послужило поводом к созданию Михаилом Афанасьевичем несколько комического образа Василисы.

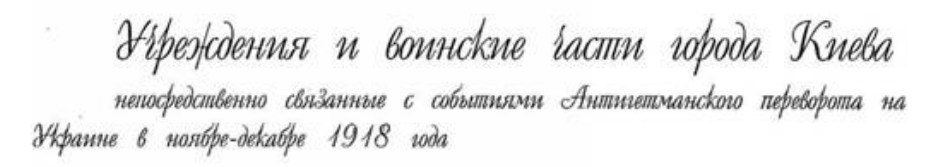
Стоит упомянуть и отца Александра, настоятеля церкви Николы Доброго, отпевавшего мать Турбиных. Александр Александрович Глаголев (1872–1937), известный в то время деятель Киевского религиозно-философского общества, был близок к семье Булгаковых. Именно он послужил прообразом отца Александра. Вместе с Афанасием Ивановичем Булгаковым он преподавал в Киевской духовной академии, был профессором кафедры еврейского языка и библейской археологии.

Отдельного исследования заслуживает литературный образ Михаила Семеновича Шполянского, председателя городского поэтического ордена "Магнитный Триолет", и его сподвижников. В образе Шполянского исследователи находили биографические и внешние черты ряда деятелей искусства того времени: футуристов Владимира Шкловского, Михайля Семенко, Николая Евреинова и даже Владимира Маяковского. Образ Шполянского и связанные с ним события во многом следует отнести к разносторонности интересов Михаила Булгакова, которого всегда занимали события культурной жизни того времени. Исследованиями этого рода занимается киевский литературовед Мирон Семенович Петровский, результаты работы которого мы,

возможно, сможем увидеть в самое ближайшее время.

Наше исследование предназначено для широкого круга читателей, а потому мы не сочли нужным перегружать текст ссылками, комментариями, объяснениями и вообще всем тем, что зовется научным аппаратом. Все цитаты романа "Белая гвардия" из патриотических побуждений были даны по 2- томному киевскому изданию произведений Михаила Афанасьевича Булгакова 1989 года.

Учреждения и воинские части города Киева


Учреждения и воинские части города Киева
непосредственно связанные с событиями Антигетманского переворота на Украине в ноябре-декабре 1918 года

Дворец ***Его Ясновельможности*** *Пана Гетмана Павла Скоропадского* Генерал-губернаторский дворец, ул. Институтская, 40 Комендант — генеральный хорунжий Константин Присовский

Штаб Гетмана Скоропадского ул. Институтская, 50

Начальник штаба — генеральный хорунжий Борис Стелецкий

Собственный Гетмана Конвой ул. Институтская, 22

Командир — генеральный хорунжий Николай Устимович

Сердюцкая (Гвардейская) дивизия Штаб — ул. Лютеранская, 8

Командующий — генеральный хорунжий Виктор Клименко

1 — й Сердюцкий пехотный полк Луцкие казармы, ул. Дегтяревская, 19 Командир — полковник Богачев

2- й Сердюцкий пехотный полк Луцкие казармы, ул. Дегтяревская, 19 Командир — полковник Берниковский

3- й Сердюцкий пехотный полк Тираспольские казармы, ул. Большая Дорогожицкая, 68 Командир — полковник Бондарчук

4- й Сердюцкий пехотный полк Васильковские укрепления, Редут № 1 Командир — полковник Басенко

Сердюцкий артиллерийский полк Николаевское артиллерийское училище, Командир — полковник Афанасьев

Лубенский Сердюцкий конно-казачий полк Бендерские казармы, Кадетское шоссе, 22 Командир — полковник Конради

Военное министерство ул. Банковская, 11

Военный министр — генеральный значковый Василий Шуцкой (занимал должность с 13.11. по 12.12.1918)

Генеральный штаб ул. Банковская, 11

Начальник штаба — генеральный хорунжий Александр Шуберский

Гпавный штаб ул. Большая Подвальная, 38

Начальник штаба — генеральный хорунжий Александр Греков (занимал должность до 19.11.1918)

Гпавное интендантское управление ул. Банковская, 13 Начальник — полковник Темченко

Гпавное артиллерийское управление ул. Банковская,13

Начальник — генеральный хорунжий Николай Синеоков

Гпавное инженерное управление ул. Левашовская, 3

Начальник — генеральный хорунжий Семен Сидельников

Гпавное военно-школьное управление Алексеевское инженерное училище Начальник — генеральный значковый Николай Юнаков

Гпавное военно-санитарное управление ул. Крещатик, 3

Начальник — генеральный значковый медицины Федор Яницкий

Гпавное военно-юридическое управление ул. Большая Владимирская, 56 Начальник — генеральный хорунжий Чивадзе

Гпавное военно-ветеринарное управление ул. Жилянская, 43 Начальник — ?

Гпавное управление по ремонту армии ул. Крещатик, 48

Начальник — полковник Митропольский

4-й Киевский армейский корпус Штаб — Кирилловская, 30

Командующий — генеральный хорунжий Михаил Волховский

7-я *кадровая пехотная дивизия* Штаб — ул. Львовская, 23

Командующий — генеральный значковый Леонид Федяй

19- й Овручский пехотный полк ул. Львовская, 23

Командир — полковник Владимир Ольшевский

20- й Радомысльский пехотный полк ул. Шияновская, 8, дом Собниковой Командир — полковник Николай Ассеев

21- й Сквирской пехотный полк

дома Ясногурской по ул. Монастырской и на Глубочице Командир — полковник Николай Волошин-Петриченко

7-я легкая артиллерийская бригада ул. Жилянская, 43

Командир — полковник Борис Демьянович

4-я тяжелая артиллерийская бригада ул. Жилянская, 43

Командир — генеральный значковый Николай Романовский

Управление Киевского гарнизона Штаб — ул. Прорезная, 23

Командующий — генерал-лейтенант Алексей Кушакевич Помощник — генерал-майор Антошевич Начальник штаба — генерал-майор Давидов

Киевская военная комендатура ул. Никольская, 3

Начальник — генеральный хорунжий Тищинский

Школа Старшин Алексеевское инженерное училище Начальник — генеральный хорунжий Максимов

Киевское городское управление по воинской повинности ул. Владимирская, 26

Районные участки Державной Варты

1) Дворцовый, Александровская ул., д. 11

2) Печерский, Б. Шияновская ул., д. 2

3) Лыбедсой, Тарасовская ул., д. 4

4) Новостроенский, Б. Васильковская ул., д. 4

5) Демиевский, Б. Васильковская ул., д. 29
6) Старокиевский, Б. Житомирская ул., д. 3
7) Владимирский, Фундукпеевская ул., д. 20
8) Бульварный, Жилянская ул., д. 119
9) Соломенский, Большая ул., д. 38
10) Львовский, Львовская ул., д. 91
11) Шулявский, здание Бульварного района
12) Святошинский, Брест-Литовское шоссе, д. 13
13) Подольский, Воскресенский переулок, д. 3
14) Плосский, Цыганский переулок, д. 3
15) Куреневский, Казарменный переулок, д. 4
16) Слободской, Маклаковский проспект, д. 30
17) Лукьяновский, Б. Дорогожицкая ул., д. 19

Военные силы на территории Украины

Штаб Гпавнокомандующего (создан 19.11.1918) ул. Банковская, 11

Главнокомандующий — генерал от кавалерии граф Федор Келлер

(с 19.11. по 26.11.1918) Главнокомандующий — генерал-лейтенант князь Александр Долгоруков Начальник штаба — генерал-лейтенант Александр Ельшин Генерал-квартирмейстар — генерал-майор Владимир Синклер Помощник по вопросам организации и формирования — генерал-майор Лисенко (гостиница "Прага", № 13; затем Крещатик, 5, кв. 15)

Конвой Гпавнокомандующего ул. Банковская, 11

Начал формироваться 27 ноября 1918 года. К 1 декабря в конвое насчитывалось 35 офицеров. Прекратил свое существование после вступления в Киев войск Директории 14 декабря 1918 года.-

Мусульманский эскадрон при штабе Гпавнокомандующего Бендерские казармы, Кадетское шоссе, 22

Начал формироваться 27 ноября 1918 года. К 1 декабря в конвое насчитывалось 83 военнослужащих. Прекратил свое существование после вступления в Киев войск Директории 14 декабря 1918 года.

Сводный корпус Штаб — Прорезная, 23

Командующий — генерал-майор Лев Кирпичев Замеситеть командующего — полковник Эвальд Начальник штаба — генерал-майор Щуравичев Помощник начальника штаба — полковник

Мартьянов Начальник оперативного отдела — полковник Дейчман

Обер-офицер для поручений — штабс-ротмистр Борис Левшин

Корпус в виде отдельных добровольческих дружин начал формироваться Министерством внутренних дел Украины после подписания Гетманом Скоропадским 15 октября 1918 года закона о Национальной гвардии. Первоначально название Сводного корпуса применительно к Национальной гвардии было неофициальным, и лишь в середине ноября оно окончательно закрепилось за ней. В Киеве в рамках создания Национальной гвардии 24 октября из добровольцев начала формироваться Киевская добровольческая дружина генерала Кирпичева. В эту дружину входили всевозможные формирования, которые и составляли Сводный корпус, возглавляемый генералом Кирпичевым. Поэтому, говоря о Национальной гвардии, Сводном корпусе а так же Киевской добровольческой дружине, мы должны учитывать, что по существу это одно и то же соединение. В соответствии с законом о Национальной гвардии, Сводный корпус комплектовался из добровольцев и офицеров военного времени — граждан Украинской Державы, не имевших права по причине отсутствия полного военного образования служить в кадровой украинской армии. 14 ноября 1918 года Киевская добровольческая дружина от имени всего корпуса заявила о переходе под юрисдикцию командующего белогвардейской Добровольческой армией генерала Деникина. Над помещением штаба в этот день был поднят российский государственный флаг. В состав корпуса входила собственно Киевская добровольческая дружина, дружины Георгиевских кавалеров, "Наша Родина", бой-скаутов и так далее. Приказом генерала Долгорукова от 12 декабря 1918 года частям корпуса была присвоена атрибутика и знаки отличия стрелковых частей российской Императорской армии. Свое существование корпус прекратил с занятием Киева войсками УНР. Большая часть чинов корпуса попала в плен.

Киевская добровольческая дружина Штаб — ул. Прорезная, 23 Командующий — генерал-майор Лев Кирпичев

Начала формироваться из добровольцев 24 октября 1918 года. По плану, в составе дружины должны были быть созданы 8 пехотных отделов (рот, способных развернуться в полки), 9-й инженерный отдел, конный отряд и отдельный артиллерийский дивизион. Кадры дружины в большинстве составляли офицеры Императорской гвардии — Гвардейской Стрелковой и 3- й Гвардейских дивизий, частично демобилизованых в Киеве в феврале 1918 года. До 19 ноября 1918 года (назначения

Главнокомандующего) дружина подчинялась Министру внутренних дел Игорю Кистяковскому. В последующем была передана в распоряжение штаба Главнокомандующего. Вербовочные пункты Киевской дружины:

1) Алексеевский пер., здание ресторана,
2) Бульварно-Кудрявская, 20, детская лечебница,
3) бильярдная на углу Столыпинской и Дмитриевской ул.,
4) бильярдная "Гранд-отеля", Крещатик,
5) Александровская, 94, Подол,
6) Никольская ул., 4, Печерск,
7) Дорогожицкая ул., 10, "Ясли",
8) Лукьяновская варта (участок), Дорогожицкая ул., 19,
9) Львовский участок (варта), Львовская ул., 95.
10) Александровская ул., 95,
11) Бульварно-Кудрявская ул., 25,
12) Дмитриевская ул., 2, кв. 46,
13) Гоголевское училище у Владимирского базара,
14) беговая беседка, Печерск,
15) Никольские ворота, казармы понтонеров,
16) Педагогический музей.

Организация, расположение и командование частей дружины:

1- й отдел

Штаб — ул. Александровская, 95 Командующий — полковник Владимир Хитрово

2- й отдел

Штаб — ул. Бульварно-Кудрявская, 25 Командующий — полковник Сергей Крейтон

3- й отдел

Штаб — ул. Дорогожицкая, 10, приют "Ясли" Командующий — полковник Василий Шелетаев

4- й отдел

Штаб — Гоголевское училище Командующий — полковник Винберг

5- й отдел

Штаб — ул. Никольская, 4 Командующий — полковник Гревс

6- й отдел

Штаб — училище, ул. Лютеранская, 2

Резерв дружины ул. Лютеранская, 1

Командующий — генерал-майор Прангистан Габаев

7- й отдел

Штаб — ул. Лютеранская, 1

Начал формироваться из добровольцев 28 ноября 1918 года

Конный отряд Штаб — ул. Прорезная, 23

Начал формироваться из добровольцев 28 ноября 1918 года.

Планировалось первоначально создать 2 офицерских эскадрона, которые должны были располагаться в Бендерских казармах.

9-й инженерный отдел Штаб — ул. Жилянская, 43-6 Командующий — подполковник Мордвинов Начал формироваться из добровольцев 1 декабря 1918 года

Отдельная артиллерийская батарея Штаб — ул. Прорезная, 23 Командир — полковник Хомутов

Днем 14 декабря 1918 года практически вся дружина (кроме некоторых чинов 1-го отдела и штаба) сдалась в плен частям украинской Директории.

1- *й Отдельный артиллерийский дивизион* Штаб — Николаевское артиллерийское училище Командир — подполковник — П. Мартынов

Начал формироваться вместе с Киевской добрвольческой дружиной генерала Кирпичева, фактически была создана лишь одна батарея.

1 — я легкая батарея Командир — капитан Л. Спекторский

2- я легкая батарея Командир — ?

3- я горная батарея Командир — подполковник Румянцев

После вступления в Киев 14 декабря 1918 года войск Директории дивизион прекратил существование. Большая часть его чинов попала в плен.

Орденская (Георгиевская) дружина Штаб — ул. Александровская, 41 (помещение Союза Георгиевских кавалеров) Командующий — генерал-лейтенант Георгий Ступин

Начала формироваться 27 октября 1918 года Союзом Георгиевских кавалеров из кавалеров орденов Святого Георгия и Святого Равноапостольного Князя Владимира с мечами и бантом. Входила в состав Сводного корпуса. С 19 ноября 1918 года в дружину принимались все без исключения добровольцы. Прекратила свое существование 14 декабря 1918 года, после занятия частями Директории Киева. Большая часть чинов дружины попала в плен.

Чехословацкая Днепровская народная дружина Штаб — ?

Командующий — капитан Викентий Грушка

Начала формироваться 14 ноября 1918 года офицерами-чехами из армии генерала Деникина капитанами Розелем и Грушкой. Командиром дружины первоначально планировалось назначить генерал-майора Цицовича. Численность дружины не превышала 73 человек. После вступления в Киев 14 декабря 1918 года войск украинской Директории прекратила существование. Большая часть личного состава дружины попала в плен.

Летучий студенческий добровольческий отряд

(он же добровольческий передовой летучий отряд, он же

летучий добровольческий отряд группы русских студентов, он же особый отряд, он же дружина союза "Наша Родина", он же бригада союза "Наша Родина") Штаб — Владимирская, 47; затем Крытый рынок; затем Пушкинская, 1; затем Коммерческий институт

Командующий — поручик В. Щелкович, затем штабс-капитан Романенко Начальник штаба — штабс-капитан Шиманский

Начал формироваться 19 ноября 1918 года праворадикальным политическим союзом "Наша Родина" под покровительством Киевского центра Добровольческой армии. 26 ноября 1918 года перешел под юрисдикцию Главнокомандующего. Имел крайне малую численность. Прекратил свое существование со вступлением войск украинской Директории в Киев 14 декабря 1918 года. Большая часть чинов отряда попала в плен.

дружина СВИВ (Союза Возрождения России) (она же Отечественная дружина) Штаб — Крещатик, 10

Начала формироваться 1 декабря 1918 года Союзом Возрождения России Станюковича, объединявшим представителей центристских и некоторых левых партий до эсеров включительно. Имела очень небольшой состав. 12 декабря по приказу Главнокомандующего была расформирована, а некоторые ее члены арестованы.

Дружина бойскаутов Штаб — Педагогический музей

Командующий — профессор Евгений Гарнич-Гарницкий

Начала формироваться с разрешения Главнокомандующего 4 декабря 1918 года из членов спортивной организации бойскаутов Е.Ф. Гарнич- Гарницкого. Целью создания дружины было несение внутренней караульной службы, что позволяло значительно разгрузить боевые части. В дружину принимались гимназисты и кадеты 7 и 8 класов. Юноши моложе 17 лет могли быть приняты лишь с разрешения родителей. К 6 декабря дружина была полностью укомплектована. Прекратила свое существование 14 декабря 1918 года, после занятия частями Директории Киева. Большая часть бойскаутов попала в плен.

Особый корпус Штаб — Николаевское артиллерийское училище Командующий — генерал-майор Александр Ревишин

Корпус начал формироваться Военным министерством Украины в соответствии с указом Гетмана Павла Скоропадского от 22 октября 1918 года из офицеров и военнослужащих, не желавших служить в украинской армии, либо не являющихся гражданами Украинской Державы. Корпус создавался для похода на Москву против большевиков. В каждом губернском центре Украины должно было быть сформировано по одному полку корпуса. В Киеве формировался 1 — й полк. В первых числах

ноября кадры этого полка были обращены на формирование Особой офицерской бригады в составе 1-й офицерской добровольческой дружины полковника Святополк-Мирского и 2-й дружины полковника Рубанова. Эти дружины должны были составлять кадры двух пехотных дивизий. 14 ноября 1918 года 1-я офицерская дружина от имени всего корпуса заявила о переходе под юрисдикцию белогвардейской Добровольческой армии генерала Деникина. В конце ноября 2-я дружина была расформирована. В начале декабря в составе корпуса начал формироваться Белорусский отряд. Таким образом, к 14 декабря из состава Особого корпуса продолжали существовать лишь 1 — я офицерская дружина полковника Святополк-Мирского с приданными ей частями и Белорусский отряд. В соответствии с приказом генерала Долгорукова от 12 декабря 1918 года частям Особого корпуса были переданы традиции и знаки отличия 1 — й и 2-й Гвардейских пехотных дивизий Императорской армии. Этот приказ так и не удалось воплотить в жизйь, поскольку с падением Киева Особый корпус прекратил свое существование. Большая часть чинов корпуса попала в плен.

1-й Особый пехотный полк Николаевское артиллерийское училище Командир — генерал-майор Иван Буйвид

Начал формироваться 22 октября 1918 года. Вскоре обращен на пополнение 1 — й офицерской дружины.

Особая офицерская бригада Штаб — Художественное училище на Бульварно-Кудрявской ул. Командующий — генерал-майор Прядченко

Управление бригады начало создаваться 14 ноября 1918 года. В бригаду должны были входить 1-я и 2-я офицерские добровольческие дружины. Из-за расформирования в 20-х числах ноября 2-й дружины управление бригады было упразднено.

1- я офицерская добровольческая дружина Штаб — ул. Львовская, 18

Командующий — полковник Леонид Святополк-Мирской Заместитель командира — полковник Евгений Серафимович

Дружина начала формироваться 22 октября 1918 года. Подчинялась Военному министерству в лице командующего 4-м Киевского корпуса генерала Волховского. В бою под Мотовиловкой 17 ноября 1918 года с войсками украинской Директории была почти полностью разгромлена, однако багодаря пополнениям вновь возобновила свое существование. С 19 ноября дружина перешла в распоряжение Главнокомандующего. Прекратила свое существование с занятием города войсками УНР 14 декабря 1918 года. Большая часть чинов дружины попала в плен.

2- я офицерская добровольческая дружина

Штаб — Художественное училище на Бульварно-Кудрявской ул. Командир — полковник Александр Рубанов

Дружина начала формироваться 14 ноября 1918 года. В 20-х числах ноября была обращена на пополнение 1-й офицерской дружины из-за больших потерь в последней.

1-я офицерская добровольческая батарея Штаб — ул. Львовская, 18 Командир — полковник Шуневич

Начала формироваться вместе с 1-й офицерской добрвольческой

дружиной. Планировалось, что батарея в будущем будет развернута в дивизион. После вступления в Киев 14 декабря 1918 года войск украинской Директории военнослужащие батареи разбежались, таким образом избежав плена.

Белорусский отряд Пункты формирования:

1) ул. Александровская, 95, кв. 3,

2) ул. Фундукпеевская, 42, Белорусская торговая палата,

3) ул. Большая Подвальная,?

Начал формироваться Белорусской военной организацией в составе Особого корпуса 4 декабря 1918 года. Прекратил свое существование 14 декабря 1918 года, после вступления в Киев войск Директории. Большая часть чинов отряда попала в плен.

Силы прочих армий в Киеве

Добровольческая армия Штаб — здание охраны, угол Крещатика и ул. Институцкой Главный представитель — генерал-лейтенант Петр Ломновский Заместитель — генерал-лейтенант Николай Шиллинг Начальник снабжения — генерал-лейтенант Дмитрий Филатьев Начальник штаба — подполковник Немерок

Представительство функционировало с мая 1918 года. Было главным на Украине региональным представительством белогвардейской Добровольческой армии генерала Деникина. 15 ноября 1918 года на ул. Львовской, 18 представительство начало формировать свой отряд, который в последующем был влит в 1-ю офицерскую дружину. В ноябре 1918 года по причине тяжелой болезни Ломновского и неприезде Шиллинга фактическим руководителем представительства был подполковник Немерок. Именно он протестовал против узурпации имени Добровольческой армии Главнокомандующим Догоруковым и генералом Кирпичевым. Немерок был арестован, а официальная хроника представительства в прессе фальсифицировалась штабом Главнокомандующего. Лишь войска Директории освободили

подполковника Немерока из заточения.

Южная армия Штаб — ул. Прорезная, 5, кв. 3

Командующий Киевским отрядом — полковник Бучиновский

Создавалась российскими монархическими организациями для действий против Красной армии. Непосредственно формировалась на территории подконтрольных немцами уездов Воронежской губернии с помощью Донского и Украинского Гетманского правительств. Ставила целью возрождение монархии в России. Из-за сотрудничества немцами не имела поддержки у Добровольческой армии. 16 ноября 1918 года в Киеве началось формирование Киевского отряда Южной армии, который подчинялся командующему Сводным корпусом генералу Кирпичеву. После 14 декабря 1918 года представительство армии перестало существовать, а большая часть чинов отряда попала в плен. Сформированные из уроженцев Украины в Воронежской губернии части Южной армии в последующем влились в белогвардейскую Добровольческую армию.

Северная армия Штаб — гостиница Михайловского монастыря Командующий — генерал от кавалерии граф Федор Келлер

Формировалась в Киеве Советом обороны Северной области во главе с сенатором Туган-Барановским. Ставила целью защиту от большевиков подконтрольных немцами территорий Курляндской, Псковской и Новгородской губерний. Формирование армии финансировалось Гетманским правительством. Армия непосредственно создавалась в Пскове, куда ожидался отъезд из Киева штаба армии во главе с Келлером. Назначение 19 ноября Келлера на должность Главнокомандующего изменило эти планы, и штаб армии остался в городе. Сам Келлер официально именовался Главнокомандующим Украинской и Северной армий. После занятия 14 декабря 1918 года Киева украинскими войсками Директории штаб армии был розгромлен, генерал Келлер арестован и затем расстрелян. Части Северной армии, уже существовавшие в Пскове, были переформированы в Северный добровольческий корпус полковника Родзянко и принимали активное участие в боях с красными. В последующем из Северного корпуса была создана Северо-Западная добровольческая белогвардейская армия генерала Юденича, которая на протяжении 1919 года дважды пыталась взять Петроград. Более трети офицеров Северного корпуса и впоследующем Северо-Западной армии происходили с Украины, в 1918 году служили в Гетманской армии. Практически все плененные частями Директории 14 декабря 1918 года офицеры и добровольцы так же попали в эту армию.

Астраханская армия Командующий — полковник князь Тундутов (в Киеве отсутствовал)

Постоянного представительства не имела. Формировалась атаманом Астраханского казачьего войска полковником Тундутовым для борьбы с Красной армией на Каспии и Волге. Армия финансировалась Гетманским правительством. В Киеве создавался 1-й Астраханский охотный полк, части которого 15 ноября 1918 года вошли в состав 1-й офицерской дружины. После занятия Киева войсками Директории 14 декабря 1918 года фактически прекратила свое существование. Некоторые подразделения армии, сформированные под Царицыным, вскоре влились в состав Добровольческой армии.

Хроника борьбы между Директорией и гетманом Скоропадским

14 (1) ноября 1918 года

Генерал Деникин

В киевских политических кругах передают, что командующий русской Добровольческой армии генерал Деникин с согласия союзников назначается Главнокомандующим всеми войсковыми частями, оперирующими на территории бывшей Российской империи. Генералу Деникину даны такие же полномочия, какие возложены на генерала Болдырева в районе Сибири и Востока России. В Киев прибыл специальный курьер от генерала Деникина с весьма важным пакетом, адресованным высшему представителю украинского правительства.

(Киевская Мысль, 14 (2) ноября 1918 года, № 214)

Украинская армия и приказ генерала Деникина

Нам сообщают из вполне авторитетного источника, что вчера в правительственных кругах известный приказ генерала Деникина о подчинении ему всех войск, сформировавшихся на территории России послужил предметом оживленного обмена мнениями. Некоторые члены правительства высказывались при этом в том смысле, что этот приказ является обязательным для украинской армии. Как нам передают, таково же мнение и руководящих украинских военных кругов. Таким образом весьма вероятно, что украинская армия будет объявлена подчиняющейся генералу Деникину, причем командование этой армией будет возложено на одного из русских боевых генералов, занимающего в настоящее время высокий пост на Украине.

(Голос Киева, 15 (2) ноября 1918 года, № 155)

Новый приказ генерала Деникина

По имеющимся в городе сведениям, новый приказ генерала Деникина приравнивает всех, кто действует против Добровольческой армии и сил, находящихся в ее подчинении, к большевикам.

(Голос Киева, 15 (2) ноября 1918 года, № 155)

Совещание в Генеральном штабе

Вчера в Генеральном штабе в кабинете начальника штаба А.В. Сливинского состоялось совещание офицеров Генерального штаба по вопросу объединения командования Дона, Украины, Добровольческой армии. Начальник штаба обратился с краткой

речью к офицерам приблизительно такого содержания: "Теперь настал момент, когда необходимо говорить откровенно и прямо. Уже шесть месяцев на Украине идет работа по созданию армии под руководством 300 офицеров Генерального штаба. За их и вашу работу моральная ответственность падает на меня, почему я и считаю необходимым высказаться. Настал час возрождения России, в каких формах это совершится, решать не нам, но что она будет, не подлежит никакому сомнению. И в этом смысле работа Генерального штаба не может не быть не односторонней, не неопределенной. Каждому из здесь присутствующих совершенно ясно, что только единство воли и действий обеспечит успех в борьбе, потому я считаю нужным ясно определить наше отношение к разнородным формированиям на территории бывшей России. Я знаю, что оно может быть никаким, кроме братского. Против большевиков должен быть создан единый фронт. На этом фронте Украина должна занять подобающее место. Прошу вас считать, что ведь вы работаете в этом смысле и в этом направлении, и что ваша работа имеет целью участие наше в процессе возрождения России в тесном контакте со всеми силами, идущими к той же цели".

Совещание разделило взгляд, высказанный начальником штаба, решив, что объединение всех армий, действующих на территории бывшей России, необходимо под Верховным командованием опытного командира Добровольческой армии генерала Деникина. В этом смысле начальник штаба сделал вчера же соответствующий доклад в подлежащих сферах.

(Голос Киева, 15 (2) ноября 1918 года, № 155)

До промови А.В. Сливинського

У зв'язку з відомостями, які мають газети про збори офіцерів Генерального штабу та промову полковника А.В. Сливинського, наш співробітник одержав учора у Генеральному штабі такі докладні відомости. Збори були скликані бо визнано було потрібним установити певне та ясне відношення до боротьби з більшовизмом, про що до цього часу, маючи на увазі перебування у Києві представників більшовицької республіки, не могло бути розмови. Коли вони виїхали, питання про визнання необхідного одного фронту проти большевицьких погроз виникло само собою і промова начальника Генерального штабу в цим напрямку була тільки принциповим затвердженням цієї необхідності. Але через деякі неповності в передачі сам факт виголошення цієї промови прийняв характер, якого в дійсності він зовсім немає. Так, наприклад, питання об'єднання Росії було зачеплено тільки як принцип воєнної можливості з метою ослабшення більшовицької влади, але не упереджаючи питання про ту чи іншу політичну

форму. Також зовсім не було зачіплено питання про форму об'єднання фронту, бо для цього поки що нема необхідних конкретних даних. Було тільки встановлено принципове відношення до такого об'єднання, потреба якого немає сумніву. Також зовсім не згадувалось про які-небудь засоби або заходи для здійснення визнаного потрібним об'єднання.

(Слово, 16 листопада 1918 року, № 40)

Объявление

Сим объявляется, что сборища как на улицах, так и в закрытых помещениях, как равно манифестации и демонстрации безусловно воспрещаются.

Всякие попытки в этом направлении будут считаться большевистскими и прекращаться вооруженной силой.

Командир 4 корпуса генеральный хорунжий Волховский

(Голос Киева, 15 (2) ноября 1918 года, № 155)

15 (2) ноября 1918 года

Вчерашние события в Киеве

Правительственное сообщение, Киев, 15 ноября (Официально).

От совета министров Украинской Державы.

Сегодня на улицах Киева произошло прискорбное событие. Толпа народа, выкинув красный флаг и прикрывая революционные цели социалистическими лозунгами, двинулась вперед с пением интернационала и не разошлась вопреки предупреждению властей. Военному командованию пришлось прибегнуть к оружию. Совет министров, глубоко опечаленный этим происшествием, напоминает населению, что город Киев состоит на военном положении, что всякие манифестации и сборища воспрещены и что государственное строительство достигается планомерной организационной работой, а не выступлением революционного характера, которые будут и впредь присякаемы и подавляемы военной силой. Председатель Совета министров Гербель

(Киевская Мысль, 16 (3) ноября 1918 года, № 216)

От начальника киевского гарнизона.

14 сего ноября по городу было расклеено на всеобщее сведение обязательное постановление командира 4 корпуса, воспрещающее все сборища как на улицах, так и в закрытых помещениях, а равно манифестации, демонстрации с предупреждением, что всякие попытки в данном направлении будут считаться большевистскими и прекращаться вооруженной

силой. Объявления эти появились так же и в газетах вечерних 14 ноября и утренних 15 ноября. Вместе с сим были закрыты временно высшие учебные заведения.

15 ноября с утра к университету Святого Владимира стали подходить студенты, курсистки и посторонние лица, которые нашли ворота университетского двора запертыми. Не смотря на объявление им о том, что доступа в университет и двор нет ввиду распоряжения военного начальства о временном закрытии университета, на улице стало собираться толпа, которая все увеличивалась и не исполнила требование варты разойтись. Когда толпа достигла больших размеров, участники ее через ограду университета проникли на сходку во двор. Около часу дня толпа демонстрантов вышла на Владимирскую улицу и с революционными песнями двинулась к центральной части города. Впереди толпы шла группа в несколько сот человек, тесно сомкнувшись друг с другом. На встречу им подъехал отряд первой офицерской добровольческой дружины, который выстроившись, зарядил ружья. Представитель Державной варты вышел к толпе и трижды просил ее разойтись предупредив, что в противном случае будет открыта стрельба. Благоразумная часть студентов быстро отошла в сторону, ядро же, человек в 300–400 продолжало движение с песнями и приблизилось шагов на 40 к военной команде. Ввиду этого, по демонстрантам воинской частью была открыта стрельба к каковой присоединились находившиеся в наряде вартовые. После этого толпа разбежалась. На месте остались раненые и убитые.

Убитые: 1) студент Голубев 2) Егорова, курсистка 3) Бакланов Феофил Кандратьевич 4) Набутов Михаэль Зельманович 5) курсистка Ольга Ивановна (фамилия неизвестна) 6) неизвестный студент 7) неизвестная 8) неизвестный студент

Раненые: 1) Вайсберг Лазарь 2) Вертек Янкель 3) Зарипкий Ушар 4) Гук Емельян 5) Роткпин Соломон 6) Виновер Этя, курсистка 7) Сухин 8) Фельдман 9) Байбицкий Махмуд 10) Орловский 11) Баженов Борис 12) Ломидзе Григорий

(Киевская Мысль, 16 (3) ноября 1918 года, № 216)

В городе

После событий возле университета настроение в городе весь день было повышенное. На улицах и возле учреждений стояли усиленные наряды войсковые и варты, а также немецкие патрули. Порядок однако нигде нарушен не был. Днем по городу с музыкой продефилировал под ружьем один из полков Сердюцкой дивизии. В течении дня и вечером по городу двигались с песнями покидающие уже Киев некоторые германские и австрийские войсковые части.

(Киевская Мысль, 16 (3) ноября 1918 года, № 216)

16 (3) ноября 1918 года

Приказ Пана Гетмана по армии

Офицеры, казаки и солдаты!

Настал грозный час, когда все честные и любящие свою Родину люди должны грудью стать на ее защиту. Теперь нет места национальным спорам и политической розни. Украина и Россия зовут всех на защиту их политического бытия. Мы должны спасти их, или умереть с честью. Я, глава государства Украинского, принял на себя тяжкие обязанности правления лишь для того, чтобы все мои силы отдать на служение горячо любимой Родине. Теперь, когда Россия погибает, раздираемая ужасами большевизма, когда большевизм этот грозит уже Украине, вы должны отдать все ваши силы на служение Родине. Призываю вас всех спасать Украину и тем самым спасать Россию. На Украине нашли себе место лучшие силы России. На Украине сохранился государственный порядок и я призывая к сохранению и укреплению государственного порядка, ибо в нем залог победы, а победа Украины будет и победой России. Казаки, открыто боритесь с большевизмом. Помните, что под гнетом большевизма погибают в России все истинно трудящиеся и что всякая, даже малая собственность разрушается, что власть захватывается теми, кому терять нечего и что поэтому восстание селян против большевистской власти следует одно за другим. Требую от вас дружно стать на защиту Украины, тем дать мне возможность скорей мне провести закон о земле и закон о привлечении широких народных кругов к устройству государства. В твердой надежде на помощь Божью и на вашу преданность Родине, я не сомневаюсь в успех вашего святого и правого дела. Гетман всей Украины Павло Скоропадский

(Киевская Мысль, 17 (4) ноября 1918 года, № 217)

Пожертвования домовладельцев

Вчера министра внутренних дел посетила делегация общества домовладельцев во главе с профессором Демченко по вопросу об охране города Киева. Делегация сообщила министру о решении общества домовладельцев предоставить на нужды Добровольческой армии миллион рублей.

(Киевская Мысль, 17 (4) ноября 1918 года, № 217)

Херсон

Вітання херсонських офіцерів

Збори офіцерів херсонської залоги з великим ентузіазмом

вислухали грамоту гетьмана про відродження Росії. Гетьманові отправлено вітальну телеграму, в якій говориться, що офіцери одноголосно вирішили віддати себе у розпорядження Його Яновельможності.

(Слово, 17 листопада 1918 року, № 41)

18 (5) ноября 1918 гола

Русский флаг

Вчера (т. е. 18 декабря — прим. Т.Я.) над помещением штаба Киевской добровольческой дружины генерала Кирпичева был поднят русский национальный флаг.

(Голос Киева, вторник, 19 (6) ноября 1918 года, № 158.)

К назначению графа Ф.А. Келлера

Ввиду чрезвычайных обстоятельств, общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю генералу от кавалерии графу Келлеру на правах Главнокомандующего армиями фронта с предоставлением ему сверх того прав, определенных ст. 28 положения о полевом управлении войск в военное время. Всю территорию Украины объявляю театром военных действий и потому все гражданские власти Украины подчиняются генералу графу Келлеру.

Гетман всей Украины Павло Скоропадский.

(Голос Киева, вторник, 19 (6) ноября 1918 года, № 158.)

К назначению графа Ф.А. Келлера

Инициатива объединения всех военных сил Украины под одним командованием принадлежит министру внутренних дел, выдвинувшему вместе с тем на пост Главнокомандующего кандидатуру графа Ф.А. Келлера, как генерала, пользующегося популярностью среди офицеров и вообще в армии. В воскресенье 17 ноября И.А. Кистяковский поехал с графом Келлером по частям. Вчера в гетманском дворце состоялось совещание, в котором приняли участие председатель совета министров и министры военный, внутренних дел и путей сообщения. Непосредственно после окончания совещания был подписан приказ о назначении графа Келлера Главнокомандующим всеми вооруженными силами на территории Украины.

(Голос Киева, вторник, 19 (6) ноября 1918 года, № 158.)

Мобилизация

Вчера (т. е. 18 декабря — прим. Т.Я.) в ночном заседании Совета министров в связи с общим положением на Украине решено в срочном порядке провести мобилизацию всех офицеров, унтер-офицеров и сверхсрочных служащих до 43 лет не исключая

студентов всех курсов, бывших на военной службе, а также открыть прием добровольцев в армию.

(Голос Киева, вторник, 19 (6) ноября 1918 года, № 158.)

20 (7) ноября 1918 года

Черниговщина

Банды большевиков, силою до четырех рот утром 20 ноября произвели нападение на Глухов и ворвались на окраины города. Подошедшими немецко-украинскими войсками банды отбиты, причем большевики потеряли свыше 40 человек убитыми, у них взято 5 пулеметов. С нашей стороны 4 человека ранены. Преследование большевистских банд продолжается. В Стародубе наступило заметное успокоение. В д. Найтоповичи, что в 20 верстах севернее Стародуба, замечено скопление большевистских банд пока силою до 800 человек. Вследствие перерыва связи соединения с Конотопом не получено. На остальных участках фронта и во внутренних уездах губернии без перемен. Объявлена в Стародубе частичная мобилизация, а так же начатое повсюду формирование и организация дружин проходит успешно.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

21 (8) ноября 1918 года

Наказ № 11 від Головнокомандуючого всіма військовими силами на території України, 21 листопада 1918 року, м. Київ

Я дізнася, що чини контррозвідочних відділів ріжних добровольчих формувань роблять у Києві труси та арешти. Визнаю це непотрібним і шкідливим для справи, що вносить тільки лишню смуту серед громадянства і через те наказую негайно припинити такі незаконні вчинки. Труси та арешти можуть робитись тільки відповідальними правительственними установами, в котрих є відповідні документи.

(Слово, 22 листопада 1918 року, № 43)

Случай с бронированным поездом

21 ноября в 2 ч. дня на готове к отправке бронированного поезда явился машинист Николай Доценко с подложным документом о поручении ему вести поезд. Направив поезд в тупик он произвел крушение, а сам успел скрыться. Немедленно были вызваны рабочие, которые приступили с исключительной энергией к исправлению повреждений. К вечеру поезд был исправлен. Когда вместе с благодарностью рабочим было вручено

вознаграждение в размере 3000 рублей, рабочие от вознаграждения отказались и попросили передать эти деньги в распоряжение Добровольческой армии.

(Киевская Мысль, 23 (10) ноября 1918 года, № 222)

Черниговщина

За истечении текущего дня боевых столкновений на фронте корпуса не было. Большевистский бронированный поезд, приблизившийся к разрыву пути в районе ст. Кузы, что в 20 верстах северо-западнее Гомеля, выслал из своего состава делегацию к немцам с просьбой не препятствовать исправлению пути. Немцы в этом отказали. В остальных районах Черниговщины без перемен.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

22 (9) ноября 1918 гола

Приказ по Українській та Північній арміям № 4

В доповнення до мого приказу за № 1 встановляю для всіх військовослужачих за весь час їх перебування на позиції і в бою зверх платні окремі добові гроші в розмірі для старших (офіцерських) чинів 20 карбованців на добу, а для всіх молодших чинів 10 карбованців на добу.

Головнокомандуючий генерал-від-кавелерії граф Келлер

(Слово, 26 листопада 1918 року, № 46)

По сведениям из осведомленных источников вчера утром (т. е. — 22 (9) ноября — прим. Т.Я.) добровольческие части начали наступление. Отряды Петлюры не выдержали боя и начали поспешно отступать. Большую поддержку правительственным войскам оказала артиллерия. Попадания в отдельные группы противника были весьма метки. На место боя выезжал министр Внутренних дел И.А. Кистяковский, который вместе с Главнокомандующим генералом Келлером объехал передовые позиции, за час до этого оставленные противником.

(Киевская Мысль 23 (10) ноября 1918 года, № 222)

Из под расстрела. Письмо в редакцию

Позвольте господин редактор на страницах вашей газеты рассказать о том, что пришлось пережить и испытать еще одному из тех многих, которые явились жертвами озлобления и примитивной расправы бывших людей, бывших русских граждан, теперь нравственно не калеченных людей- животных. В 6 часов утра 22 сего ноября я в числе отряда офицерской дружины во главе с полковником Л… выступил из села Никольской Борщаговки по направлению к Петропавловской Борщаговке и

встретившимся нам противником, петлюровцами, превышающими нас в количественном отношении, при пулемете, принято было нами за нашу заставу, был взят в плен. Окружив и обезоружив, они повели нас в село.

Наше шествие сопровождалось насмешками и руганью со стороны конвоиров.

Полковник Л… всю дорогу требовал предоставления ему возможности говорить с их штабным начальством, а подполковник Г… уверял, что это недоразумение, которое через полчаса выяснится. Пройдя все село Петропавловскую Борщаговку и передаваемые из рук в руки мы были приведены к сараю, находящемуся у конца деревни в сторону Святошино. Нас завели в сарай, окруженный сильным караулом, державшим все время винтовки на изготовку. Троих из нас: полковника Л…, подполковника Г… и ротмистра С… повели куда-то в штаб, а мы остались в сарае. Подошла какая-то женщина и стала плакать. На вопрос одного из солдат, чего она плачет, она ответила:

- Мни цых людей жалко,

- Чем плакать, лучше бы принесла им хлеба, — отвечал солдат.

Действительно, некоторые из нас просили дать кусок хлеба. Через

некоторое время, получивши через солдата собранные от нас деньги, женщина принесла большой хлеб и два кувшина молока. Но не успели мы опомниться, как молоко было уже выпито часовыми. Нам все-таки дали по кусочку хлеба. Тем временем вернулись ушедшие в штаб. По прошествии пятидесяти минут вошли в сарай пять человек, из которых четверо навели на нас винтовки, а пятой при шашке в черной каракулевой шапке лет 2022, улыбаясь, крикнул: "У кого есть часы, давайте". Все стали поспешно снимать и отдавать часы, которые тут же распределялись между караулом. Далее было потребовано отдать шапки, причем это требование сопровождалось намеком, что нас разведут по четыре человека по теплым квартирам и они там будут не нужны. Забраны были и кольца, а кто просил оставить кольцо обручальное, на него направлялись винтовки.

Потом было приказано четырем из нас выходить. Вывели трех ходивших в штаб и еще одного. По прошествии двух-трех минут мы услышали залп. У нас опустились головы. Затем второй залп. Все стало ясно… Все перекрестились, некоторые стали читать молитву. Возле меня сидел студент Г… и плакал. Я принялся утешать его. Вошли снова. Послышался окрик, мол, четыре, — да живо. Секунда колебания, и я встал. Встали еще трое. Лица, фамилий которых я не помню. Вывели из сарая и стали обдирать.

На мне был полушубок и шинель. Так как полушубок трудно расстегивался у ворота то его разорвали. Повели через улицу, проходя которую я увидел стоявшего и смотревшего на нас офицера, которому, указав на виднеющаяся у него на груди георгиевскую розетку, сказал: "За что вы его получили? И вам, как офицеру, не стыдно?". Но я не договорил. Солдат, шедший возле, ударил меня в грудь прикладом. "Успеешь еще", — сказал я ему, отводя винтовку. Нас привели к оврагу и стали раздевать до белья.

- Снимай рубашку (гимнастерку).

- Снимай скорее, потом уже снимешь.

- Потом она будет запачкана, — последовал ответ, и я снял. Наконец раздели. Я повернулся к ним спиной и стал мысленно прощаться с родными и близкими. Вдруг залп. Я чувствуя, что не тронут пулей, притворился смертельно раненым и бросился в ров. Чудо. В меня не попали. Слышу стоны, мольбы добить, а сам не верю себе, что я жив. Лежу, притаив дыхание. Вцруг снова залп, вниз, по не добитым. Я опять чувствую, что нетронут. Еще несколько одиночных выстрелов и тишина… "Ну, будь что будет", — подумал я и стал освобождаться из-под навалившихся на меня товарищей.

Поднял голову, — никого. Бросился вперед и почувствовал, что при падении повредил свою больную ногу. Все же я был благодарен, что меня оставили в белье, так как при побеге мне легче было скрыться сливаясь со снежным покровом. Не зная, что еще будет со мною, я хотел и смеяться и плакать. Но медлить было невозможно. Ползком я добрался до второй линии окопов, и, видя, что преследование мне не угрожает, как мог принялся бежать. Скрываясь в лощинах, где возможно — лесом, я добрел до реки Ирпень и далее по шоссе уже покрытый шинелью, которую дал мне крестьянин, знавший моих родных, живущих за Ирпенем по Житомирскому шоссе. Чувствуя, что далее самостоятельно двигаться не могу, я с помощью этого крестьянина-попутчика добрался к своим родным, где и свалился.

Я спасся. А остальные? Мир и покой вам, безвременные жертвы лихолетья.

Прапорщик Ал. Главловский

(Голос Киева, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 169)

В університеті

Становище в університеті остається те саме. Всі входи зачинені для студентів і приватних осіб. Пропуски даються тільки тим студентам, котрі вносять платню за право слухання лекцій, або записуються на лекції. Читання лекцій припинено. Функціонують тільки університетська канцелярія та учебна каса.

Питання про відкриття університету не вияснено.

(Слово, 22 листопада 1918 року, № 43)

Черниговщина

Слухи о появлении вооруженных банд в районе Брахлевской волости Новозыбковского уезда не подтвердились. Глуховский отряд, отбросивший банды большевиков, преследовал отогнанных от Глухова на 27 верст. Положение в районе Конотопа. 22 ноября около 10 ч. вечера после короткого огневого боя с авангардом восставших сечевиков правительственные войска без потерь заняли станцию Бахмач-Товарный нанеся потери и захватив в плен 6 сечевиков, из коих один офицер. Взято 1 пулемет, 2 походные кухни, винтовки и револьверы. Разрозненные банды сечевиков в количестве около 100 человек отошли к ст. Конотоп. В Бахмаче спокойно.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

23 (10) ноября 1918 года

Приказ Головнокомандуючого всіма озброєними силами на території України, 23 листопада 1918 року

В доповнення приказів № 2 і № 8 наказую:

1. Закликати на службу всіх юнкерів, вільноопреділяючихся 1-го і 2- го розрядів не залежно від того, в якому стані вони перебувають;

2. Звільнити від призиву а) всіх поляків (громадян польської держави, польських підданців), б) тих військовообов'язаних офіцерів, унтер-офіцерів, юнкерів та вільноопреділяючихся, котрих звільнено зовсім від служби через слабість, або нездатність до служби через рани та контузії. Себто, військовообов'язаних, залічених військово-лікарськими установами до четвертої категорії, котрі подали затвердженні до 19 листопаду цього року санітарним інспекторам медицинські уповноваження. Звільнені від служби іншим порядком належать обов'язково до призову, в) Всіх офіцерів, що перебувають до 29 жовтня сього року на службі по охороні військових складів, магазинів, арсеналів та майстерень інтендантського, артилерийського, інженерного, військово-учебного, санітарного та ветеринарного відомств і, лічачй їх на службі од 29 жовтня сього року, залічити в списки тих відомств і установ, де вони несуть вартову службу. Ці офіцери одержують все те постачання, що належить хорунжому українського війська, незалежно від чину. Збільшення числа офіцерів з тою ж метою проти визначеного до 20 жовтня цього року дозволяється військовим

міністром, г) Всіх учнів середніх шкіл і тих військовообов'язаних, котрі поступили до 19 листопада, та стипендіатів університетів, котрі готуються на професорські кафедри е) Всіх служачих в експедиції заготовки державних паперів, ж) Всіх служачих державного контролю. 3) Відкласти призов до 25 грудня цього року для тих, що скінчили вищі школи і тепер складають державні іспити.

Розуміючи цілком лише патріотичні почуття, що спонукають багато вихованців середніх шкіл взяти безпосередню участь в боротьбі з анархією для встановлення в краю порядку, я проте не бачу тепер потреби відривати цю молодь від учення у школах, і через те рішуче забороняю начальникам військових частин військових організацій та добровольчих дружин приймати на службу учнів середніх шкіл, в тому числі й кадетських корпусів, без згоди батьків.

Генерал-від-кавалерії граф Келлер

(Слово, 26 листопада 1918 року, № 46)

Движение войск союзников.

От представителя держав согласия, акредитированного при украинском правительстве г. Энно получено официальное сообщение, что войска союзников двигаются по направлению Жмеринки и Фастова.

(Киевская Мысль, 23 (10) ноября 1918 года, № 222)

На фронте Фастов-Киев.

Из авторитетных источников сообщается. С целью выяснения наличия сил, действующих против Киева, сегодня около 8 ч. утра часть войск, прикрывающих украинскую столицу, была выдвинута вперед в нескольких направлениях. Правый отряд, продвигаясь в указанном ему направлении, сравнительно быстро прошел назначенные ему рубежи не встретив особого сопротивления и последовательно выбил противника из селений, расположенных вблизи его прежней позиции, причем захватил два орудия и пулемет. Средний отряд быстрым коротким ударом выбил противника и потеснив его расположение, занял даже станцию Жуляны. На левом фланге предуказанная отряду разведка развивалась так же с полным успехом, несмотря на крайне неблагоприятные условия местности, сильно пересеченной, потому затрудняющей передвижение войск. Около полудня от всех отрядов начали поступать донесения, отвечающие на те вопросы, выяснение которых составляло цель операции. Содержание которых явилось вполне освещающим истинное положение противника и силы его сопротивляемости. Сведения эти тогда же были сообщены киевским газетам для осведомления общества о военных действиях с утра, благодаря отзвукам

артиллерийской перестрелки, служившим темой оживленных суждений. По мере наступления темноты разведочные партии присоединились ко своим отрядам, продолжавшим занимать основную линию нашего расположения. Как выясняется из донесений, поступивших в штаб Главнокомандующего, в течении дня это расположение по-прежнему остается вполне устойчивым и Киеву никакой опасности в данный момент не угрожает. Произведенная же сегодня разведка сопровождавшаяся незначительными потерями, подтвердила это положение, сложившееся в последние дни благодаря неутомимой энергии войск и их образцовой стойкости.

(Киевская Мысль, 23 (10) ноября 1918 года, № 222)

Украинское телеграфное агентство передает. Нам сообщают, что героем сегодняшнего боя был генерал Присовский, командовавший Особым отрядом Его Светлости Гетмана Украины. Генерал Присовский со своим отрядом двинулся во фланг противнику, разбил его и заставил отступить на несколько верст.

(Киевская Мысль, 23 (10) ноября 1918 года, № 222)

Харьковшина

23 ноября под Белгородом произошел бой с большевиками. Немцы выступали на стороне правительственных войск. Было убито свыше 30 большевиков.

(К.М., 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

25 (12) ноября 1918 года

Оголошення

У місті поширюються злоумисленими особами чутки, неначе в Києві підготовляється єврейський погром. З огляду на це заявляється:

1. Жодних дійсних підстав для таких чуток немає;

2. Всяки безпорядки, з якої б вони сторони не були, будуть випереджатися і припинятися самим рішучим засобом;

3. Всякі особи, без ріжниці їх фаху і становища, що своїми балачками поширюють чутки про погром, що ніби мається відбутись, вносять в громадянство розлад, будуть притягнені до суворої відповідальності. В сучасний критичний момент все громадянство можна розділити на дві частини. Більшу його частину, яка складається з вірних синів Росії й шукає порядку і меншу, преступну, частину громадянства, яка хоче утворити і підтримати розлад і безправність в нашій Батьківщині. Всі, що люблять Батьківщину і бажають її відродження,

підтримуватимуться всіма засобами правительством, вороги ж порядку і спокою переслідуватимуться без найменшої пощади. Причому, ні національність, ні політичні переконання в тому не грають не можуть і не повинні грати жодної ролі.

Головнокомандуючий генерал-від-кавалерії граф Келлер

(Слово, 26 листопада 1918 року, № 46)

У Києві (офіціяльно)

Оперативна сводка штабу Головнокомандуючого Північною та Українською армією за 25 листопада

Становище на внутрішньому київському фронті для нас зовсім певне. Петлюрівські ватаги активності не виказували. Артилерія повстанців обстрілювала наше розташування. Наша артилерія обстрілювала сильним огнем панцерний поїзд противника.

(Слово, вівторок, 26 листопада 1918 року, ч. 46)

Виступ німців проти Петлюри.

Вчора у 6 год. ранку з Києва виступили чотири німецьких полки та 6 батарей, котрі рушили по напрямку до Фастова. Німці повідомили київське військове командування, що будуть лічити всіх, хто перешкоджує нормальному залізничному рухові і займає залізничні лінії, ворожими елементами, проти котрих будуть прийняті військові операції.

(Слово, вівторок, 26 листопада 1918 року, ч. 46)

Черниговщина

Из Черниговской губернии телеграфируют.

Вблизи ст. Варовка сосредоточены большевистские отряды, против которых направлен немецкий отряд с артиллерией. На Троицком винокуренном заводе большевиками убит владелец завода два акцизных чиновника. В с. Буры Путивльского уезда банда вооруженных грабителей ворвалась в квартиру начальника второго участка, забрала оружие, ранила вартового. Преступники задержаны.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

При занятии ст. Бахмач отрядом генерала Литовцева захвачен пулемет и взято в плен 8 мятежников. В м. Ивангороде Борзненского уезда появилась банда грабителей в 30 человек. Банда ликвидирована Державной вартой. На станциях Круты и Нежин спокойно.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

Волынь

Убийство графов Плятеров

По сообщению из Ровно, на третий день после петлюровского восстания крестьяне окрестных сел в числе до двух тысяч явились в усадьбу графов Плятеров, расположенную вблизи местечка

Домбровицы, и начали обстрел замка. Стража графов Плятеров и служащие отвечали. Крестьяне подожгли замок. Графы Плятеры, спасаясь от огня, выскочили из помещения и были убиты толпой. Убито так же 8 человек стражи.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

26 (13) ноября 1918 года

Отставка графа Келлера (официально)

Наказ Пана Гетмана Всея Украины.

Генерал от кавалерии граф Келлер освобожден мною от Главного командования всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины. Генерал-лейтенанту князю Долгорукову вручаю общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, на правах Главнокомандующего армиями фронта с предоставлением ему сверх того прав, определенных ст. 28 положения о полевом управлении войск в военное время. Вся территория Украины продолжает оставаться театром военных действий.

Подписал: Гетман Всея Украины Павло Скоропадский

26 ноября 1918 года, г. Киева

(К.М., 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

Борьба с повстанцами

Оперативная сводка штаба Главнокомандующего украинской и Северной армиями за 26 ноября.

Положение на фронте под Киевом продолжало изменяться в благоприятную для нас сторону. Противник вынужден был отчистить район селения Белогородка, оставив на полях сражений 50 трупов и отдав в руки наступавших 14 пленных и 4 пулемета. Наши войска удачными действиями разведывательных партий в течении всего дня приковывали повстанцев к занимаемому ими фронту. Генерал-квартирмейстер (подпись).

(Голос Киева, 28 (15) ноября 1918 г., № 166)

Действия германцев

Вчера германцы приступили к активным действиям против повстанцев. Германский отряд к вечеру позавчерашнего дня сосредоточился в Святошине. Вчера, достигнув линии реки Ирпеня пехота повернула на юг, а кавалерия и самокатчики переправились на западный берег Ирпеня и тоже повернули на юг, содействуя пехоте, охватывая деревню Белгородка с запада. Когда пехота германцев показалась из леса, по ней из деревни Белгородка был открыт сначала артиллерийский, а затем и

ружейный огонь. Завязался бой, в результате которого сечевики, занимавшие деревню Гаревичи и Белгородку, были разбиты, потеряв 4 пулемета и 14 человек пленных. Повстанцы оставили убитых на поле сражения. Броневой поезд, выдвинутый перед вечером на полустанок Жуляны, обнаружил там лишь заставу, которую он обстрелял пулеметным огнем.

(Голос Киева, 28 (15) ноября 1918 г., № 166)

Отход петлюровцев от Киева

Сегодня к утру совершенно ясно определенно обозначился отход всех сил Петлюры от Киева. События, предшествующие отступлению повстанцев, развивались медленно, но достигнутый военный успех вполне оправдывает твердую планомерную подготовку высшим командованием военных действий, имеющих сейчас место на фронте к западу и к югу от Киева. Вчера и позавчера население Киева слышало интенсивную стрельбу. По временам грохот батарей, стрелявших частым беглым огнем, даже пугал беспокойный Киев. Меж тем все эти дни 25 и 26 ноября шла артиллерийская подготовка. Кроме многочисленной правительственной артиллерии, в дело была введена германская тяжелая артиллерия. В течении двух суток артиллерия непрерывным огнем буквально терроризировала ближний тыл и фронтовую линию противника. Одновременно с работой правительственных батарей добровольческие войска отняли у повстанцев деревни, на которые банды опирались и которые были выгодны для них по топографическим и тактическим условиям. Вчера 26 ноября весь день правительственная артиллерия с прежней силой била по расположению повстанцев, причем огонь дальнобойных орудий был перенесен в глубину петлюровского расположения. Уже вчера к полудню повстанцы обнаружили признаки неустойчивости. Возможность наступления с их стороны совершенно исключалась. В день 26 противник, получив сведения об обходе его расположения германской пехотой и кавалерией начал отходить по всему фронту. Киев пугливо прислушивался к раскатам артиллерийского огня и не знал о том, что Петлюра уже к вечеру 26 отчистил станцию Жуляны. За сегодняшний день повстанцы отчистили станцию Боярку и продолжают поспешно отходить от Киева в западном и южном направлениях. (Голос Киева, 28 (15) ноября 1918 г., № 166)

Волынь

Из Волынской губернии сообщают

В районе Бердичева день прошел спокойно. Повстанцы ничем себя не обнаружили. В Сарненском направлении отряд генерала Кислицына установил в Сарнах законный порядок, восстановил административные учреждения. Отряд остановил поезд с

повстанцами, следовавшими из Лунинца, обстреляв его артиллерийским огнем. Повстанцы скрылись в лесу и рассеялись. В районе восстановлена военная власть, благодаря чему восстановлена связь с Луцком, Кременцем и Острогом. Восстанавливается порядок. Зачинщики выступлений арестованы. Повстанцами ограблено ровенское казначейство на 150 тысяч рублей. В донесениях местной власти указывается, что выступление населения преследует главным образом грабительские цели. Главноначальствующий Волынской губернии Андро приказал в местностях, освобожденных от повстанческих банд, восстанавливать офицерские дружины, варту и учреждать военно-полевые суды.

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

Одесса

Сводка событий

Из осведомленных источников сообщают. Отряд добровольцев подходит к Бирзуле. Среди повстанцев смятение. Жмеринка и Вапнярка заняты повстанцами. Из Одессы вышел боевой поиск, направляющийся на Жмеринку, Могилев, Христиновку, Черкассы.

(К.М., 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

27 (14) ноября 1918 года

Від штабу Головнокомандуючого всіма збройними силами на Україні.

Оперативна сводка до 21 год. 27 листопада 1918 року

На протязі 27 листопада на фронті під Києвом особистих змін не було. Наша розвідка пройшла вперед в напрямку до полустанку Жуляни й с. Гатне. Ворожа гармата обстрілювала Пост-Волинський та наших наступавших розвідчиків. Генерал-квартирмейстер (підпис)

(Слово, п'ятниця, 29 листопада 1918 року, ч. 49)

Киевская добровольческая дружина с глубокой скорбью извещает о смерти доблестных своих сотрудников, погибших в бою с неприятелем. Полковников: Сухонина, Галятовского; подполковника Урбана; штабс-капитана Петриченко; поручиков: Дорохова, Константинова, Волицкого; ротмистра Свенткевича; прапорщиков: Винтер, Журавского, братьев Езерских, Павлушенко, Мазур, Торчевского, Нагорного; казака 1-го Сердюцкого полка Глушка; юнкера Якубенка и 16-ти других, которые с обезображением их трупов неприятелем опознать не удалось. Вынос тел со станции Киев-Товарный 27 сего месяца в

8 ч. утра. Заупокойная литургия и отпевание в 10 ч. утра во Владимирском Соборе, погребение на Лукьяновском кладбище. Отпевание будет совершено с участием артиста Московского государственного Большого театра Куржиемского с хором Владимирского Собора под управлением Гончарова. (Речь идет об офицерах и добровольцах, погибших 22 ноября 1918 года, см. выше — прим. Т.Я.)

(Киевская Мысль, 27 (14) ноября 1918 года, № 225)

На потреби Добровольческої армії

В П. Н. повідомляють, що київська група цукрозаводчиків зібрала на нужди Добровольческої армії сім мільйонів карбованців.

(Слово, 28 листопада 1918 року, № 48)

28 (15) ноября 1918 года

У Києві

До перемирення з Петлюрою

Місцева німецька комендатура оголосила таке оповіщення. Наступ Республіканського війська на Київ перервав рух по самій головній для відправки нашого війська на батьківщину залізничній лінії Київ-Фастів-Голоби і через те саме доставка харчів для Києва стала неможливою. Крім того, з дня на день можна було сподіватися, що Київ стане театром військових операцій. Щоб забезпечити в майбутньому відправку нашого війська, ми ухвалили, щоб не сталося, залізничну лінію Київ-Фастів-Голоби очистити. Наш перший замір — примусити військо петлюрівське мирним шляхом звільнити потрібну нам залізницю — не мав, на жаль, бажаного нам успіху. Ми були примушені зі зброєю в руках очистити потрібний нам шлях. В бою, який тягнувся цілий день, ми змішаними частинами пройшли до села Білгородки, після чого військові операції було припинено, бо петлюрівські частини вислали до нас для переговорів повноважних парламентерів, з якими і підписано було відоме вже перемир'я.

(Слово, середа, 4 грудня 1918 року, ч. 53)

Останні вісті.

Умови перемирря Петлюри з німцями.

Сьогодні вечером представниками німецького штабу, німецького совіту солдатських депутатів і представниками військ Петлюри підписано таку умову про перемирря.

"Умова про перемирря.

Нижче підписані, зібравшись 28 листопада 1918 року в

головній німецькій квартирі київської групи військ, уповноважені представники Української Республіканської Директорії, вищого командування і головного совіту солдатських депутатів у Києві постановили:

1. Заключається попереднє перемирря в районі Києва.

2. Українське Республіканське військо відступає на межу, намічену червоною смугою на прикладеній мапі, яка в двох примірниках доручається уповноваженим. Межа мусить бути очищена до 6 год. вечора 29 листопада. Військовий матеріал може бути вивезено і пізніше. На інших фронтах біля Києва Українське Республіканське військо залишається на протязі 20 кілометрів від осередку міста.

3. Німецьке військо київського гарнізону обов'язується не переходити межи, зазначеної голубою смугою на прикладеній мапі.

4. Полонені, взяті до цієї пори Українським Республіканським та німецьким військом будуть негайно обміняні.

5. Німецьке воєнне командування вжиє заходів, щоб правительственное військо відійшло до Києва.

6. Тільки коли буде виконана згода на підставі цих принципів, відносно котрої вже прийшли у тій частині угоди, в головній німецькій квартирі київської групи війська переговори будуть вестись далі.

7. Німецьке військо надалі бере на седе оборону української людності в Києві.

Договор підписали: полковник Осмоловський, доктор Назарук, Ліпінський; з боку німців: Ярош, Бронсарт, фон Келлендорф, Кебеме, представник головного німецького солдатського совіту І. Резенфельд"

(Слово, п'ятниця, 29 листопада 1918 року, ч. 49)

29 (16) ноября 1918 года

Приказ всем вооруженным силам, действующим на территории Украины, 29 ноября 1918 года, № 40

В городе даже в служебные часы встречается много офицеров ничем не занятых. Очевидно, что в тылу, в управлениях и учреждениях, различных ведомствах имеется гораздо больше офицеров чем это вызывается интересами службы. В то же время в строевых частях и особенно на позициях ощущается недостаток в офицерском составе. Приказываю в виде временной меры начальникам всех управлений и учреждений военного и гражданского ведомств, а равно и все бюро немедленно

откомандировать в распоряжение генерала Кирпичева для службы не менее четверти всего

наличного состава. В таких управлениях, коих имеется менее трех офицеров, офицеры могут быть оставлены. В один из ближайших дней мною будет назначена проверка сего распоряжения. Если будет обнаружено, что имели место какие-либо послабления, то лица допустившие подобные отступления, помимо отстранения от занимаемых должностей будут арестованы и переданы военному суду.

Подписал Главнокомандующий генерал-лейтенант (подпись)

Скрепил начальник штаба генерал-лейтенант (подпись)

(Голос Киева, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 169)

Приказ всем вооруженным силам на территории Украины, 29 ноября 1918 года, № 50

В дополнение к наказу Ясновельможного Пана Гетмана от 7 ноября с. г. за № 309 объявляю всю территорию Украинской Державы на военном положении с предоставлением командирам корпусов прав, принадлежащих согласно правилам о местностях, объявленных состоящими на военном положении, командующего армией. Основание: ст. 2 правила о местностях объявленных состоящими на военном положении и наказ Ясновельможного Пана Гетмана от 7 ноября 1918 года за № 309.

Подписал: Главнокомандующий генерал-лейтенант князь Долгоруков

Скрепил: начальник штаба (подпись)

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

З приводу звільнення графа Келлера (офіціяльно)

Від штабу Головнокомандуючого

В газеті "Последние Новости" в замітці "Причини відставки Келлера" між іншим сказано: "Одна з осіб, близьких до графа Келлера, робила в місті багато арештів діячів з більш ніж поміркованою політичною програмою. Хто тільки здавався підозрілим, як українець, того арештовували". Такі відомості невірні. Ніхто з осіб штабу Главнокомандуючого, ні з його цивільної канцелярії чи його близьких не робив не тільки масових, але й взагалі ніяких трусів та ніяких арештів. За весь час перебування графа Келлера коло влади, по розпорядженню особисто самого графа було заарештовано тільки одну особу не-українця, котру через кілька днів було випущено. Відносно арештів взагалі граф Келлер віддав відомий приказ, що обмежив право арештів і нагадав, що труси та можуть робитись тільки відповідними урядовими установами та урядовцями, в котрих є відповідні для цього документи.

(Слово, 30 листопада 1918 року, № 50)

Нам сообщают

В течении всего вчерашнего дня (т. е. 29 (16) ноября — прим. Т.Я.) на фронте затишье. Противник отходит на юг. В некоторых районах германские кавалеристы разводят усиленную разведку. Днем германский эшелон проследовал на ст. Фастов, которая, вероятно, сегодня же будет отчищена от петлюровцев.

(Наш Путь, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 12)

По сведениям в управлении Юго-Западных железных дорог, ст. Боярка была вчера (т. е. 29 (16) ноября — прим. Т.Я.) в 2 ч. дня занята немецкими отрядами. Одновременно с этим, отряды петлюровцев заняли дачные места в 25 верстах от Киева Бучу и Ирпень.

(Наш Путь, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 12)

Волынь

Приїзд генерала Чистякова

Рівне, 29. Приїхав генерал Чистяков, котрого призначено головним начальником Ровенського району з правами командуючого армією. Наказом Чистякова призиваються в 24 год. всі офіцери та військові урядовці явитись на збірний пункт воїнського начальника.

(Слово, 1 грудня 1918 року, ч. 51)

30 (17) ноября 1918 года

Напечатанный в газетах от 3О ноября закон о призыве молодых людей, родившихся в 1899 году и подлежащих призыву, по Киевскому градоначальству и Киевскому уезду утвержден Его Светлостью Паном Гетманом 30 сего ноября.

2-й генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (подпись) (Голос Киева, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 169)

На Петлюровском фронте

Оперативная сводка до 9 ч. утра 30 ноября

От штаба Главнокомандующего

Ночь на фронте под Киевом прошла спокойно. Разведка выяснила частичный отход неприятельских частей перед Демиевским участком нашей позиции. В центре так же обнаружены признаки отхода петлюровских сил. В Святошинском направлении наши разведчики прошли до д. Екатериновка, не обнаружив противника. На участке к северу от Святошина спокойно.

Генерал-квартирмейстер (подпись)

(Наш Путь, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 12)

Від штабу Головнокомандуючого (офіційно)

Оперативна сводка, 21 год. 30 листопада 1918 року

В київському районі наше військо залишилось на зайнятих нами позиціях. Супротивник по всьому фронту почав відход, але маються відомості, що він провадить перегрупировку. Наші розвідчики зайняли низку залишених повстанцями осель.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор (підпис)

(Слово, вівторок, 3 грудня 1918 року ч. 52)

На фронте

Из авторитетных источников нам сообщают. Положение на фронте продолжает оставаться устойчивым. В расположении обеих сторон за истекшие сутки изменений не произошло. Сегодня по городу распространились слухи о том, что германские отряды, в следствии заключения перемирия, покинули позиции под Киевом. Эти слухи не соответствуют действительности. Все германские отряды, выступившие в свое время против Петлюры, продолжают находиться на фронте. Боевых столкновений в течении дня не происходило. Лишь изредка возникала ружейная и пулеметная перестрелка. Небольшие отряды петлюровских войск, пытавшихся проникнуть за линию правительственных войск, быстро отгонялись действиями добровольческой дружины. В большинстве случаев петлюровцы держаться совершенно пассивно. Не смотря на наступившее затишье в боевых операциях, все добровольческие дружины продолжают бессменно находиться на позициях.

(Наш Путь, 1 декабря (18 ноября) 1918 года, № 12)

1 декабря (18 ноября) 1918 года

Оперативна сводка, 9 год. 10 хв. ранку, 1 грудня

Ніч на фронті й в залозі пройшла спокійно. Перед нашим фронтом стоять німецькі кавалерійські частини (застави)

(Слово, вівторок, 3 грудня 1918 року ч. 52)

Оперативна сводка, 20 год., 1 грудня

На київському фронті тихо. Наші частини, як і сперше, стоять на своїх позиціях. (Слово, вівторок, 3 грудня 1918 року ч. 52)

2 декабря (19 ноября) 1918 года

Приказ всем вооруженным силам, действующим на территории Украины № 47, 2 декабря 1918 года

Кроме органов по политическому розыску министерства

Внутренних дел, на Украине вообще и в Киеве в особенности организовано большое число розыскных учреждений под названием контрразведок различных добровольческих формирований и вербовочных бюро. Не имея никакого на то право, контрразведки эти занимаются политическим розыском, производят обыски и аресты, тем самым вторгаются в сферу деятельности органов министерства Внутренних дел и отвлекают от прямых обязанностей большое число офицеров. Ввиду сего приказываю:

1. Все контрразведки за исключением контрразведывательных отделений моего штаба и Главного штаба расформировать немедленно.

2. При канцелярии генерала, наблюдающего за всеми формированиями, сорганизовать немедленно военно-регистрационное бюро, которому заниматься исключительно наведением справок и проверок о тех лицах, которые поступают на службу в формируемые в Киеве добровольческие части.

Главнокомандующий генерал-лейтенант князь Долгоруков

Начальник штаба генерал-лейтенант Ельшин

(Киевская Мысль, 4 декабря (21) ноября 1918 года, № 231)

До призову новобранців

В Думському залі відкрилось засідання міського військового присутствія до призову новобранців, які народились у 1899 році. На протязі першого дня призову присутствіям зарегістровані тільки особи, які мають право на льготу першого розряду та на відстрочку. Всього таких осіб на протязі дня зарегістровано 800 чоловік.

(Слово, 3 грудня 1918 року, ч. 52)

Приказ киевского столичного атамана

Имея ввиду, что громадное количество лиц, обязанных согласно приказам Главнокомандующего за № 2, 23, 37 явиться немедленно в ряды формируемых войск, уклоняются от такой явки, поручаю начальникам районных и начальнику Главного розыскного отдела с 3 сего декабря приступить к самой тщательной проверке домов, гостиниц, меблированных комнат, кофеен, ресторанов, паштетных и т. п., мест, где забывшие свой долг перед родиной лица могут скрываться. Их арестовывать и с протоколами отправлять в ближайший военно-полевой суд. Указываю чинам варты, что при проверке документов задерживаемых по подозрению в уклонению от призыва лиц надлежит обратить особое внимание на то, что многие из них обзавелись в Совдепии документами или подложными, или же не указывающими на их отношение к воинской повинности. Такие лица подлежат так же задержанию и самой тщательной проверке.

Наблюдение за точным исполнением настоящего приказа возлагаю на начальников отделов. О результатах проверок мне докладывать ежедневно в 10 ч. утра.

Столичный атаман Маршалк

2 декабря 1918 года

(К.М., 4 декабря (21) ноября 1918 года, № 231)

От штаба Главнокомандующего (официально)

Оперативная сводка к 20 ч. 2 декабря 1918 года

В течение дня на фронте и в городе спокойно.

Генерал-квартирмейстер (подпись)

(Киевская Мысль, 4 декабря (21 ноября) 1918 года, № 231)

(Слово, середа, 4 грудня 1918 року, ч. 53)

3 декабря (20 ноября) 1918 года

Приказ всем вооруженным силам, действующим на территории Украины № 51, 3 декабря 1918 года, г. Киев

Подтверждаю к точному исполнению, что никакие добровольческие записи и вербовка офицерского состава в местах, подчиненных Главнокомандующими всеми вооруженными силами на Украине, не могут иметь место, потому что ныне все офицеры призваны на укомплектование частей войск, формируемых на театре военных действий. Все публикации в газетах и переманивание офицерского состава из одних частей в другие немедленно прекратить, как действия явно вредные для правильного ведения войны. Все назначения на должности начальников отдельных частей и дружин могут исходить только от меня по представлениям подлежащих начальников. Никакие иные лица не имеют права вмешиваться в боевое назначение частей, в их внутренний распорядок, денежное обращение, назначение командного состава и т. п.

Подписал: Главнокомандующий генерал-лейтенант князь Долгоруков (Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Призыв новобранцев и запасных

Объявленный в Киеве призыв новобранцев 19-летнего возраста и запасных чиновников некоторых категорий продолжается. В воинских присутствиях, городском и уездном, вчера был первый день медицинского освидетельствования сперва тех из призываемых, которые были внесены в составленные уже заранее списки подлежащих настоящему призыву. Постепенно списки эти пополняются вновь поступающими на учет по городу Киеву и его уезду и в порядке той же постепенности будет

проводиться их освидетельствования и в расчете, что в пятидневный срок призыв таким образом будет пополнен. Во временное управление воинского начальника вчера продолжалась явка и прием чиновников, артиллеристов, пиротехников и других из запаса.

(Киевская Мысль, 4 декабря (21) ноября 1918 года, № 231)

От штаба Главнокомандующего Оперативная сводка к 9 ч. утра 3 декабря Ночь на фронте под Киевом и в самом городе Генерал-квартирмейстер (подпись) (Киевская Мысль, 4 декабря (21 ноября) 1918 (Слово, середа, 4 грудня 1918 року, ч. 53)

Положение на фронте Вчера (т. е. — 3 декабря — прим. Т.Я) на фронте царило полное спокойствие. Все войсковые части оставались на своих местах. По всему фронту продолжалась разведка. На некоторых участках изредка раздавались одиночные выстрелы. Противник продолжал перегруппировку частей на всех участках фронта.

На украино-большевистской границе передвижений не наблюдалось. (Киевская Мысль, 4 декабря (21 ноября) 1918 года, № 231)

Волынь

Назначение А.Ф. Андро

На Волынского губернского старосту А.Ф. Андро возложены обязанности товарища министра Внутренних дел с оставлением занимаемой должности главноначапьствующего Волынской губернии и города Бердычева и с откомандированием в штаб Главнокомандующего всеми вооруженными силами на Украине для восстановления связи между военными и гражданскими властями.

(Киевская Мысль, 4 декабря (21) ноября 1918 года, № 231)

4 декабря (21 ноября) 1918 года

День добровольца прошла спокойно, года, № 231)

Вчера (т. е. 4 декабря — прим. Т.Я.) в день добровольца по городу с утра были расклеены большие плакаты с призывом записываться в добровольческие дружины генерала Кирпичева. Группы учащихся средних учебных заведений раздавали в огромном количестве листки "К сынам России", "К женщинам" и пр. В воззвании к женщинам между прочим говорилось: "Киеву и немногим мирным городам грозит участь Москвы и Петрограда. Там тоже жили, не думая о завтрашнем дне, не верили в опасность, не видели приближающихся ужасов. Мужчины не были оторваны от семьи, сыновья от матери и дети от родителей. Теперь там голод, слезы и смерть. Готовите ли вы ту же участь вашим сыновьям, вашим мужьям. Женщины! Ободрите малодушных и устыдите трусов. Заклеймите презрением

спасающихся в тылу. Они ждут союзников, ждут посторонней помощи. А если французы или англичане не протянут нам руки помощи?

Другое воззвание гласит: "Если ты ничего не делаешь для защиты себя, своей семьи и Родины, то ты не только трус, ты изменник, так как ослабляешь ряды защитников, где ты нужен. Не позорь себя и своей семьи. Что ты ответишь, когда тебя спросят: "Где ты был, когда умирали твои братья?" Около часу дня на Крещатике прошло несколько добровольческих частей. Прошла так же одна из уже организованных бойскаутских дружин в полном вооружении.

(Наш Путь, 5 декабря (22 ноября) 1918 года, № 15)

Впечатления

Туман. В воздухе кислая сырость. У входа в городскую думу мокнет черно-желтый плакат соображением добровольцев в шлемах. Дальше на Крещатике еще плакат. Изображены солдат с винтовкой.

Барышни и дамы раздают призывы и воззвания.

Вот и все…

Как будто просто?

Да, просто. Праздному воображению день добровольца рисовался почему-то в веселом, этаком европейско-английском духе. Казалось, что будет музыка, будут флаги, плакаты, агитационные митинги. Казалось, что красивые дамы и барышни будут убеждать мужчин записываться в отряды, будут останавливать, спрашивать, — почему еще не записались?

Мужчины будут тут же записываться. Иных заставлять краснеть и т. д. и т. п.

Однако, день вербовки оказался простым, будничным, суровым. Некогда было заниматься музыкой и опереточной суетой. На улицах проходили отряды.

На кого не действовал вид винтовок на мирных штатских пальтишках, на того не подействует музыка и шумиха.

Проходили отряды гимназистов, они шли попарно. Шли хмуро, стройно, решительно… Это должно действовать сильнее, чем доводы красивых дам.

Дама в глубоком трауре молча вручала призывные воззвания. Ее траур был достаточно сильным доводом. Словесная агитация была излишня…

Положение ясно, и это ощущалось всеми. Лица были хмурые, серьезные, озабоченные. Агитация молчания действовала сильнее, чем могли действовать агитационные речи. Много было смущенных фигур и лиц. Они искали случая заговорить, оправдаться…

— Эх, если бы не восемь человек семьи, пошел бы и я непременно, — вздыхал у фонаря плотный молодой человек.

В ресторанах было тише чем всегда. Заядлые ругатели большевиков смущенно помалкивали. Совершенно ясно стало, что порицание большевизма за стаканом вина сейчас занятие бесплодное. Пришло время активности, а не болтовни, и к активности звали молчаливо проходящие по улицам отряды, звали редкие плакаты и краткие энергичные воззвания, звали хмуро, серьезно и грозно.

Пришел час последней борьбы в последней самозащите, а к самозащите взывают без музыки и декоративной шумихи.

(Наш Путь, 5 декабря (22 ноября) 1918 года, № 15)

Войска союзников

По полученным вчера в Киеве сведениям, войска союзников находятся между Могилевом-Подольским и Жмеринкой.

(Киевская Мысль, 4 декабря (21) ноября 1918 года, № 231)

Оперативная сводка штаба Главнокомандующего

4 декабря 1918 года, 9 ч. утра

В Киевском районе по-прежнему спокойно.

Генерал-квартирмейстер (подпись)

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Полтавщина

По полученным в Киеве сведениям, в Гадяче Полтавской губернии повстанцами убиты и оскальпированы гадяцкий уездный староста Г. Мельников и помощник его Г. Крамер.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

5 декабря (22 ноября) 1918 года

Приказ всем вооруженным силам, действующим на территории Украины № 62

5 декабря 1918 года

Чрезвычайные обстоятельства вызвали необходимость ввести военное положение. В киевском районе развиваются военные действия. При таких условиях пришлось прибегнуть к призыву сначала офицеров, а потом и новобранцев для разного рода формирований и доведения частей до военного состава. Таким образом, с объявлением призыва вербовка офицеров и военнообязанных не может иметь место. Теперь добровольцами (охотниками) могут зачисляться только те возрасты, кои не подлежат принудительному призыву. Без единства действий и дисциплины победы не добыть. Между тем, ни что так не действует разлагающим образом на то и другое, как

разношерстные правила для набора сих и их содержание. На каждом шагу появляются в газетах объявления и заманчивые предложения для записи в дружины. Дошло до того, что в газетах появились извещения о целых формированиях новых полевых управлений. Такое положение двоевластия недопустимо. Все мы служим не лицам, а общему для всех дорогому делу освобождения и возрождения нашей Родины. Все одинаково заинтересованы в отбитии непосредственного врага до прибытия войск союзников. Все одинаково несут боевую службу, а поэтому все должны получать одинаковое содержание. Разное содержание вызывает лишь рознь и зависть среди войск. Все это настолько ясно и настолько понятно каждому честному воину и гражданину, что не требует дальнейших пояснений. Поэтому приказываю все рекламные объявления и приглашения для призыва добровольцев прекратить. Вмешательство с чьей бы то стороны ни было в дело организации всех войск прекратить. Содержание и все виды довольствия установить однообразные согласно приказа Главнокомандующего всеми вооруженными силами, действующими на Украине за № 1 и № 4, из какого бы источника это довольствие не поступало, то есть, все равно от казны или из частных средств. Все лица, проживающие в Киеве, какое бы они высокое положение не занимали без всякого исключения, если они прямо или хотя бы в косвенной форме будут способствовать уклонению от прямого смысла сего приказа, будут мною считаться вредными общему делу.

Подписал: Главнокомандующий генерал-лейтенент князь Долгоруков

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Союзники в России.

Прибытие союзных войск в Киев

В дипломатических кругах получены сообщения, что в пятницу прибудут в Киев первые отряды румынских войск. Командование этих отрядов состоит из французских офицеров. К торжественной встрече прибывающих румынских отрядов правительством приняты экстренные меры.

(Наш Путь, 5 декабря (22 ноября) 1918 года, № 15)

5 декабря, 9 ч. утра

На фронте под Киевом и в городе ночь прошла спокойно.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

5 декабря 1918 года, к 20 ч

В течении дня на фронте и в городе спокойно.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

На фронте

На фронте в последние дни царит полная тишина. С нашей

стороны принимаются все меры к улучшению снабжения фронта и налаживания транспорта. В настоящее время воинские части находятся на фронте в несравненно лучших условиях по сравнению с первыми днями борьбы с петлюровцами.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Неприятельский разъезд в Пуще-Водице

Штаб Главнокомандующего сообщает. 5 декабря в Пуще-Водице неприятельский разъезд, перейдя демаркационную линию, пробрался в еврейский санаторий, где захватил главного врача санатория и двух вартовых, которых расстрелял в Пуще-Водице (Голос Киева, 7 декабря (24 ноября) 1918 г., № 173)

Активное выступление немцев

Германским главным командованием получены сведения о занятии германскими войсками Харькова, Полтавы, Золотоноши, Константинограда. Петлюровские войска выбиты и восстановлена прежняя власть. Занятию предшествовали горячие схватки. Подробности боев еще не получены.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Черниговщина

Фронт 5-го корпуса

У Кпинцев и Новозыбкова спокойно. В Клинцы прибыла немецкая пехота и бронированный поезд. Продвижение большевиков к Гомелю не замечалось. Операции отряда генерала Литовцева протекают вполне успешно. Под м. Ивачицей разогнаны повстанческие банды. В Козелецком, Нежинском, Пирятинском и Переяславском уездах тихо. У местечка Бобровицы хлеборобы разогнали петлюровские банды захватив пулемет.

Большевики пытались разобрать путь между Гомелем и Речицей, но он был восстановлен германскими войсками. Германцы твердо заняли линию по фронту: Новгород-Северский — Костобубер — ст. Воронеж — Клинцы. Отряд генерала Литовцева спешно оперирует в районе станций Конотоп — Бахмач — Круты. В советских радиотелеграфных данных разведкой установлено, что повстанцы действуют в полном согласии с большевиками.

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Полтавщина

В ночь с 4 на 5 петлюровцы повели наступление на станцию Хорол. Наши части, подкрепленные из резерва, встретили противника в трех верстах от станции, где потеснили повстанцев, захватив при этом паровоз с платформой. Повстанцы отступили к станции Веселый Подол.

Генерал-квартирмейстер (подпись)

(Голос Киева, 7 декабря (24 ноября) 1918 г., № 173)

5 декабря Полтава освобождена от петлюровцев германскими войсками.

генерал-квартирмейстер (подпись)

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

6 декабря (23 ноября) 1918 года

Объявления:

От штаба представителя русской Добровольческой армии. При представителе главнокомандующего русской Добровольческой армии образуется комитет по организации сбора денежных и материальных средств на нужды русской Добровольческой армии. Все вопросы по сбору и приему пожертвований разрешаются этим комитетом в штабе представителя, Институтская ул., от 11 до 3 ч. дня ежедневно. Начальник штаба представителя русской Добровольческой армии подполковник (подпись).

(Голос Киева, 6 декабря (23 ноября) 1918 года, № 172)

Борьба с повстанцами

Оперативная сводка штаба Главнокомандующего к 9 ч. 6 декабря

Ночь на фронте под Киевом прошла спокойно.

(Голос Киева, 7 декабря (24 ноября) 1918 г., № 173)

Положение на фронте

На фронте по-прежнему тихо. Банды повстанцев по собственной инициативе производят набеги с целью грабежа и разбоя особенно в районе ковельской железной дороги. Петлюра и его штаб не в состоянии управлять своими войсками. При строгом отношении к соблюдению условий перемирия повстанцами германцы могли бы уже много раз усмотреть грубые нарушения перемирия. По данным разведки, противник бездеятельный по линии фронта производит в ближнем тылу перегруппировки своих частей. Лица, прибывшие в Киев через расположение петлюровцев, сообщают, что повстанцы, мобилизуя крестьянские подводы и лошадей, обещают легковерным крестьянам нагрузить эти подводы всяким добром после взятия Киева и отпустить их домой с награбленным. Мобилизацию повстанцы проводят исключительно принудительным способом, не скупясь на репрессии. Петлюра пытается приступить к новым формированиям, но люди разбегаются и требуют неустанного надзора за собой. Петлюра избегает принимать в войска интеллигенцию боясь, что она разъяснит обманутым казакам

сущность всего движения и преступность петлюровских замыслов.

(Голос Киева, 7 декабря (24 ноября) 1918 г., № 173)

7 декабря (24 ноября) 1918 года

Від штабу Головнокомандуючого

Оперативна сводка № 24, 20 год. 7 грудня 1918 року

Протягом дня на фронті під Киевом і в місті спокійно. Вночі на 7 грудня відділ ворога, силою 15–20 душ, з-боку д. Білгородка намагався наблизитися до д. Софійська Борщагівка, але зустрінутий вогнем нашої варти розбігся.

Генерал-квартирмейстер (підпис)

(Слово, 8 грудня 1918 року, ч. 56)

8 декабря (25 ноября) 1918 года

Официальный отдел

Приказ всем вооруженным силам, действующим на территории Украины, № 78, 8 декабря 1918 года (официально)

Для ликвидации существующих вербовочных бюро и для в войска лиц, не подлежащих обязательному призыву, разрешаю временно организациям, желающим содействовать созданию вооруженной силы, образовать одно центральное бюро в Киеве.

Подписал: Главнокомандующий генерал-лейтенант князь Долгоруков

(Киевская Мысль, 12 декабря (29) ноября 1918 года, № 237)

Енно-самозванець

Республіканські вісті у Вінниці повідомляють, що з Яс одержало звістку, що американський посол в Ясах послав до Києва депешу ще вночі з 7 на 8 грудня, в якій говориться, що французький консул в Одесі п. Енно не мав права виступати в імені держав згоди.

(Ставка, вівторок, 17 грудня 1918 року, ч. 2)

Оперативна сводка на 9 год. 8 грудня 1918 року

На Київському фронті і в місті Києві тихо. Вчора біля 11 год. ранку в районі на південний схід од Пущі-Водиці піша німецька розвідка була обстріляна повстанями, причим 3 німці вбито. Вислано німецький карний відділ. (Слово, 10 грудня 1918 року, ч. 57)

Від штабу Головнокомандуючого (офіціяльно)

Оперативна сводка № 26 на 20 год. 8 грудня 1918 року

Місто Київ. День пройшов у місті Києві і на позиціях тихо

(Слово, 10 грудня 1918 року, ч. 57)

Полтавщина

Оперативна сводка на 8 грудня

На південь від Ромодану наші частини, що залишили 6 грудня Хорол, другого дня перейшли в наступ, потиснули передові загони повстанців І надвечір зайняли фронт: Ромодан-Бочки-Стойки. В районі на південь від Гребінки іде бій. Вислана з Миргороду експедиція очистила від банд район Хомутець-Рочинці-Тарананка-Чересак. Відділ, висланий з Гребінки для приборкання повстанців у Прилуках, успішно йдучі, зайняв станцію Липовиці (15 верст на південь від Прилук).

Генерал-квартирмейстер (підпис)

(Слово, 10 грудня 1918 року, ч. 57)

9 декабря (26 ноября) 1918 гола

Приказ всім збройним силам, орудуючим на території України N° ЗО Э грудня 1918 року (офіціяльно) > — .

1. Забороняю мобілізованим на підставі закону 5 грудня 1918 року виїзд поза межі Київського містоначальства. Ті, що виїхали після 8 грудня чк такі, що ухилилися від мобілізації, підлягають воєнно-польовому суду' Підстави: ст. 2 і 15 закону 5 грудня 1918 року.

2. Приказую припинити запис добровольців в внутрішні дружини і соманди тих, що мобілізуються на підставі закону 5 грудня 1918 року Всі юдібного року записи, зроблені після 6 грудня, об'являю недійсними

Підписав: Головнокомандуючий генерал-лейтенант (підпис)

(Слово, 10 грудня 1918 року, ч.57)

Призыв новобранцев

Закончился призыв лиц, родившихся в 1899 году. Новобранцы явились исправно. Неявки ничтожны. Большинство лиц изъявило желание служить в Особом корпусе. Украинцы просились в Сердюцкие части. Набор

дал хорошие результаты.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

Спростування чуток

Нам повідомляють. Цього дня на зборних пунктах для тих, що призиваються, якісь особи розповсюджували зі злими намірами чутки, начебто цей набор у Києві та його околицях робиться для відправки призваних на Дон. Чутки ці, розуміється, являються черговою провокаційною вигадкаю, що розповсюджується з метою внести безладдя і пригнітити настрій громадян, що призиваються

обороняти Київ та підтримувати порядок.

(Слово, 10 грудня 1918 року, ч.57)

Борьба с повстанцами

На фронте

От штаба Главнокомандующего. Оперативная сводка № 27 к 9 ч. 9

декабря 1918 года.

Ночь на фронте под Киевом и в самом городе прошла спокойно.

Неприятельский разъезд в Пуще-Водице.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

У Києві

Від штабу Головнокомандуючого (офіціяльно)

Оперативна сводка № 28 на 20 год. 9 грудня 1918 року.

На протязі дня на фронті під Киевом і в самому місті спокійно.

Генерал-квартирмейстер (підпис)

(Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

Положение на фронте

На фронте под Киевом оживление в связи с прекращением перемирия. По линии ружейные перестрелки и поиски разведчиков. Настроение правительственных войск бодрое. Повстанцы держатся пассивно, не обнаруживая желания наступать или вести боевое соприкосновение с правительственными войсками. Артиллерия огня не открывала в течении всего дня. Банды грабителей пытались во многих местах перейти демаркационную линию с разбойничьими намерениями. Излюбленный район их нападения — ковельская железная дорога. Набеги терпят неудачи. Вчера сторожевые заставы правительственных войск несли службу совместно с германскими постами. Германцы занимали свои прежние позиции в полной готовности преступить к активным операциям в любую минуту. За истекшие сутки производились полеты наших летчиков над расположением противника. Фронт противника безжизненный. Дороги пусты. Оживление только у

деревень, в которых жмутся петлюровские банды. В связи с прекращением перемирия германские части возобновили усиленную сторожевую службу. Заметно учащенное снабжение передовых частей. Подходят новые части из резерва.

Среди германских солдат начинает сильно преобладать мнение о том, что не украинское правительство, а повстанцы тормозят отправку германцев на родину. Убийство 3 германских солдат петлюровцами вызвало большое возмущение среди немцев. Раздражение среди солдат побуждает германское

командование совместно с президиумом германского совета немедленно выслать в расположение петлюровцев карательный отряд. Передают, что отряд этот будет укомплектован солдатами-добровольцами, желающими поскорее покончить с разнузданными бандами Петлюры и отчистить от них железнодорожные пути, столь необходимые для правильной эвакуации.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

Черниговщина

Фронт 5-го корпуса

На Черниговщине устойчиво. В уездах банды повстанцев ликвидируются местными организациями и карательными экспедициями. Германцы твердо стоят на фронте Клинцы — Новгород-Северский — ст. Воронеж. Движение местных большевиков от станции Калиновичи на город Мозырь ликвидируется городскими добровольческими отрядами. Район Круты — Бахмач охраняется доблестным отрядом генерала Шилленбаха-Литовцева.

На направлении Золотоноши без перемен. Повстанцы из банд Болбочана отходят к железной дороге и пытаются двигаться по проселочным дорогам, укрываясь в урочищах и деревнях. Правительственные войска преследуют эти банды при помощи особых летучих отрядов. Повстанцы не могут образовать в этом районе непрерывного устойчивого фронта. Разрозненные действия их носят характер большевистско-партизанской войны. Повстанческое командование очевидно не в состоянии управлять своими войсками.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

Под Кругами идет бой с повстанцами. Под Нежином, между немцами и петлюровцами идет бой.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

Полтавщина

В напрямі Крути в районі Гребінки і Ромодану без особливих змін (сводка на 9 грудня).

(Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

Волынь

Очищение Волыни от петлюровцев

Главноначапьствующий в Ровно генерал Чистяков решительными действиями, с помощью правительственных войск, отчистил от петлюровцев весь район Луцк — Ровно — Новгород-Волынский — Острог — Дубно.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

10 декабря (27 ноября) 1918 года

Сербы в Киеве

Подтверждается проскользнувшее сообщение о прибытии в Киев сербских квартирьеров офицеров и солдат. Они заняли помещение на Крещатике в доме № 25 и вывесили свой национальный флаг. Пока это единственный сербский пункт в Киеве. Вчера в миссии перебывало много граждан сербской и родственных национальностей. Там же наводились справки по различным вопросам момента. По пути в Киев квартирьеры благополучно переехали расположение повстанцев. Задержать их никто не посмел. Выяснилось, что сербские войска прибудут в Киев через неделю. Для них спешно готовятся отведенные в городе союзникам помещения.

(Голос Киева, 10 декабря (27 ноября) 1918 года, № 176)

Оперативна сводка до 20 год. 10 грудня 1918 року

Впродовж дня на фронті під Киевом і в самомі місті спокійно.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор (підпис)

(Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

До розриву німців з Петлюрою

Сподівавшиєся по повідомленню "П.Н." відновлення телеграфних зносин між Києвом та Фастовом затрималось дякуючи почавшимся вчора в районі Фастова стичкам між військом Петлюри та німецьким. По відомостям залізничників, німці вживають всіх заходів, щоб очистити ст. Фастів, та притягуючи до неї містечка та села від війська Петлюри. Штаб Петлюри, маючи на увазі значення володіння вузловою ст. Фастов, в свою чергу стягає до цього району військо і силкується недопустити сюди німців. Обидві сторони концентрують зараз в цьому районі великі сили. Серйозних боїв поки що не було, однако ж відновлення боїв сподіваються щогодини. Мешканці району, маючи на увазі, що почнуться бої, спішно покидають насижені місця, тікають у всі боки.

(Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

Повернення уповноважених

Повернулись до Києва уповноважені німецького командування, робивші переговори з уповноваженими петлюрівського штабу. Переговори були в Василькові. (Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

Полтавщина

В районе Гребенки и Ромодана идет бой, причем наши части на хорольском направлении имеют успех.

(Киевская Мысль, 12 декабря (29 ноября) 1918 года, № 237)

Волынь

Бої в Житомирі і Бердичеві

В місцевих німецьких офіційних колах одержано

повідомлення, що в Житомирі і Бердичеві виникли бійки між німцями і петлюровським військом. Німцями відправлені в околиці Києва гармати й кавалерія для активного виступу проти петлюрівців.

(Слово, 11 грудня 1918 року, ч.58)

11 декабря (28 ноября) 1918 года

В дополнение обязательных постановлений 9 и 10 сего декабря объявляю:

1. Ввиду планомерно протекающей мобилизации, дающей вполне достаточный контингент призываемых в войска и во избежание излишнего стеснения населения, нахожу возможным разрешить беспрепятственный выезд из Киева всем лицам старше 30 лет и моложе 20 лет (…)

(Киевская Мысль, 12 декабря (29) ноября 1918 года, № 237)

Киевская управа по воинской повинности, городское воинское присутствие приглашают лиц, родившихся в 1900 годуй проживающих в Киевском градоначальстве, немедленно явиться в воинский отдел городского управления (Б. Владимирская, № 26) от 10 до 2 ч. дня для приписки к призывному участку к призывному участку г. Киева. Иметь при себе документы о возрасте, принадлежности к сословию и жительстве в пределах Киевского градоначальства.

Председатель управы (подпись)

(Киевская Мысль, 12 декабря (29) ноября 1918 года, № 237)

Последний день мобилизации

Вчера (т. е. 11 декабря — прим. Т.Я.) был третий и последний по расписанию день киевской мобилизации, которая шла тем же, что и накануне, темпом, но значительнее успешней, чем в первый день. В общем, ныне по имеющимся данным можно установить, что мобилизация прошла с большим успехом в более центральных буржуазных районах и дала меньше призванных на окраинах чего, впрочем, и следовало ожидать по условиям нынешней мобилизации. Прием являющихся шел в эти дни в строго установленном порядке по улицам и домам каждого района. Сегодняшний день мобилизации назначен для тех, которые по тем или иным причинам не могли явиться на призыв своевременно. Приемочные комиссии будут действовать в районах и в дальнейшие дни, впредь до роспуска их, принимая как тех из мобилизуемых, которые запоздали с явкой по уважительным причинам и явятся добровольно, так и тех, которые уклонились от своевременной явки и будут доставлены в

комиссии приводом.

(Киевская Мысль, 12 декабря (29) ноября 1918 года, № 237)

Совет министров о мобилизации

В вечернем заседании Совета министров под председательством С.Н. я был заслушан подробный доклад о ходе мобилизации в Киеве и его

окрестностях. Кроме членов кабинета, в заседании присутствовал Главнокомандующий военными силами на Украине генерал князь Долгоруков. Из обмена мнений выяснилось, что дополнительная мобилизация старших годов в настоящий момент является лишней, что военное ведомство на первых порах должно ограничиться произведенным призывом мужского населения в возрасте от 20 до 30 лет.

(Киевская Мысль, 12 декабря (29) ноября 1918 года, № 237)

События на Украине

От штаба Главнокомандующего (официально)

Оперативная сводка к 9 ч. 11 декабря 1918 года.

Ночь у Киеве прошла спокойно. На фронте под Киевом в направлении Пущи-Водицы мелкие стычки разведчиков.

(Киевская Мысль, 12 декабря (29 ноября) 1918 года, № 237)

Вчера (т. е. 11 декабря — прим. Т.Я.) наш отряд принужден был очистить ст. Нежин и отойти на ст. Носовку.

(Киевская Мысль, 12 декабря (29 ноября) 1918 года, № 237)

12 декабря (29 ноября) 1918 года

Від штабу Головнокомандуючого (офіціяльно)

Оперативна сводка № 33 до 9 год. 12 грудня 1918 року

Ніч на фронті під Киевом і в місті пройшла спокійно.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор (підпис)

(Слово, п'ятниця, 13 грудня 1918 року, ч. 60)

Оперативна сводка до 20 год. 12 грудня

На фастівському напрямку ворог сьогодні зранку рушив до лінії, котру він залишив після заключения перемирря з німцями. Повстанці роззброїли частини німців, котрі несли охорону попереду нашого розташування. Наше військо непохитно стоїть на своїх позиціях, готове зустрінути повстанців. По інших місцевостях без змін.

Генерал-квартирмейстер генерал-майор (підпис)

(Слово, п'ятниця, 13 грудня 1918 року, ч. 60)

Черниговщина

На Крутському напрямку без перемін. У зв'язку з відходом нашого війська з м. Ніжина до ст. Носівка наші частини з Ромодану відійшли до м. Лубен (дані на 9 год. 12 грудня).

(Слово, п'ятниця, 13 грудня 1918 року, ч. 60)

Полтавщина

На Крутському напрямку без перемін. У зв'язку з відходом нашого війська з м. Ніжина до ст. Носівка наші частини в Ромодану відійшли до м. Лубен (дані на 9 год. 12 грудня).

(Слово, п'ятниця, 13 грудня 1918 року, ч. 60)

14 (1) декабря 1918 года

Офіційне повідомлення з приводу стрілянини по Республіканському війську (офіціяльно)

У пів до 4 год. дня 14 грудня величезні маси київського демократичного громадянства зустрічали зі сльозами радості і революційними піснями перші отряди Українських Республіканських військ. Радісні зустрічі при безперестанному "Слава", урочистий похід з Фундуклеївської вулиці рушив на Хрещатик. З кожним часом маніфестація збільшувалась. Демократичне громадянство без ріжниці націй збільшувало маніфестацію, робило ще більше урочистим свято перемоги демократії. Але сталося щось страшне, злодійське. Руське офіцери з отрядів гетьманського уряду, не дивлячись на те, що уряд гетьмана в той час капітулював перед революційними військами, вийшли з Прорізної та Інститутської вулиць та почали стрілянину по мирній і радісно настроєній маніфестації. Рівночасно розпочали стрілянину по маніфестації кулеметами з дахів будинків по Хрещатику. З вікон буржуазних помешкань посипались у натовп бомби. Полягли дорослі маніфестанти й малі діти. Лише негайним активним заходом Республіканських військ було зпинено ганебну провакаційну бойню. Рівночасно деякими гуртами Добровольчої армії розпочався розгром складів на Галицькому базарі. Вночі було зроблено спробу розгрому на Подолі чорними силами. Такою подвоєною провокацією скінчив своє існування як реакційний уряд гетьмана так і його чорносотенна офіцерська добровольча армія.

(Слово, вівторок, 17 грудня 1918 року, ч. 63)

Вчера ночью группа просочившихся в Киев сечевиков ворвалась в помещение гетманского броневого отряда на Печерске, обезоружила солдат и захватила два броневых автомобиля. Один из автомобилей удалось задержать, второй же занял Лавру и принял боевое положение. Под защитой броневика повстанцы постепенно стали распространяться по Печерску. Около 11 часов дня ими было занято здание военного министерства на Никольской. (Мир, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 10)

С утра войска Директории перешли в наступление на

киевском фронте и заняли Святошино, Борщаговку и Красный Трактир. Одновременно рабочими было поднято восстание на Печерске и захвачена Лавра. Началась ружейная и артиллерийская стрельба на Печерске и Липках. Гетманом была сделана попытка войти в переговоры с Директорией, но из Фастова потребовали капитуляции гетмана.

В 11 час. утра гетман сложил власть и уехал из Киева. К этому же времени войска Директории вошли в предместье Киева, где некоторое сопротивление им оказали добровольческие дружины. Однако, ввиду безнадежности дела штаб Главнокомандующего решил капитулировать.

К 3 час. дня Киев был в руках войск Директории. До позднего вечера шло разоружение отдельных офицерских частей. К вечеру стрельба в городе затихла. Ген. Долгоруков покинул Киев. Все добровольческие дружины в Киеве разоружены. Они получают возможность уехать» на Кубань.

(Мир, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 10)

Первые отряды войск Директории вошли в город со стороны Святошинского шоссе. Впереди на автомобиле, разукрашенном национальными флагами, ехало 3 человека. К ним навстречу выехал автомобиль с белым флагом от городской думы. Войска Директории шли выстроившись по 8 в ряд. Между войсками и автомобилем выстроилось человек 100, которые несли портрет Шевченко. Манифестация была окружена цепью молодежи. Толпа на тротуарах приветствовала входившие церимониальным маршем войска Директории. Незадолго до входа войск правительственные войска и отряды добровольческих дружин, размещавшиеся в Педагогическом музее, кафе "Франсуа", оставили эти сборные пункты. Войска Директории от Фундукпеевской по Крещатику направились к Царской пл. Вдруг со стороны Думской пл. послышался пулеметный огонь. В ответ последовали выстрелы со стороны проходивших войск. Стрельба продолжалась минут 10. Крещатик моментально опустел. Масса пряталась в подворотни. Это было около 5 часов вечера. На улицах было совершенно темно и пусто. Спустя час, убедившись, что стрельба прекратилась, публика стала расходиться по домам.

(Утро, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 13)

До історії сформування і бойової роботи групи військ УНР Печорського району (зі звітів по команді і слів учасників)

Ініціативна група заарештованих політичних українців, котрі знаходились на Головній Гауптвахті міста Києва, одержавши 20 листопада відомості про те, що український народ під проводом Директорії повстав проти буржуазного гетьманського уряду, котрий торгував долею народу, після наради вирішили прийняти

участь в боротьбі. Для цього ініціативна група попоробувала увійти в зв" язок із зовнішнім світом і війти в яку-небудь революційну організацію, з котрою бажала координувати свою працю. 25 листопада групою був випущений політичний сотник Куликівський, котрому було доручено пройти в штаб військ Директорії, де він повинен був з'явитись до отамана Петлюри і по одержанню директив повідоміть групу. Сотник Куликівський пробрався до військ Директорії, об чім повідомив групу. Вирішено виступить активно тоді, коли буде відомо про загальний наступ Осадного корпусу на Київ. Через відвідувачів (пана В., співробітника мін. праці) групі удалось дістать зброю, котра переховувалась не вважаючи на переодичні обшукування, які проводились по наказу бувшого коменданта міста.

13 грудня з вечірніх газет дізнались про умовини Директорії з німцями. Негайно зроблена була нарада групи, на котрій було вирішено виступить між 13 і 14 грудня. На тієї ж нараді група обрала командуючим військового старшину Вовка, начальником штабу сотника Тютюнника. Було виявлено, що можна сформувати бойову частину у кількості 120–130 чоловік. В 9 год вечора 13 грудня по наказу командуючого сотником Соломінським була обеззброєна варта на Головній Гауптвахті, від котрої було відібрано 16 рушниць. Зараз же під керуванням начальника штабу була вислана озброєна рушницями розвідка в місто в кількості 7 чоловік. Розвідка пройшла під видом російської частини по місту до Софійської площі і повернувшись назад, доложила про стан і розташування охоронних гетьманських і російських частин в місті.

Хоча й не було певних відомостей про ситуацію взагалі, командуючий видав наказ про виступ і зайняття Печерська по виробленому плану. Карні злочинці були зачинені в карцерах. Всі політичні увійшли в бойовий загін… В першу чергу була роззброєна комендантська сотня в кількості 100 чоловік і заарештований бувший комендант міста Києва генеральний хорунжий Тищинський, по наказу котрого були увечері 13 грудня виставлені кулемети в напрямку гауптвахти. Після озброєння всього бойового загону рушницями і кулеметами комендантської сотні, почався наступ з двох боків на особливий гетьманський дивізіон панцирників. Був момент, коли під дужим обстрілом панцирників в бойовому загоні було помітно хитання. Але захоплені прикладом кількох старшин і гайдамаків, люди кинулися на штурм. Панцирники кількістю около 500 чоловік капітулювали. Із зброї було відібрано: 3 панцирних самоходи, з гармати, коло 100 кулеметів і багато іншої зброї.

Озброївшись, що зветься, до зубів, загін повів наступ на

власний конвой гетьмана і 5-й відділ добровольчої дружини. Після короткого обстрілу відділ дружини склав зброю. Впертий бій витримав гетьманський конвой. Ним була відкрита гарматна і кулеметна стрілянина. Бойовий загін зі свого боку пустив в діло гармати і кулемети. Приблизно через 3 години з початку бою конвоєм були вислані парламентьори, котрі заявили, що гетьманський уряд капітулював. До того часу загоном обстрілювався гетьманський палац

З однієї гармати.

Уже після капітуляції уряду штабом Долгорукова проти бойового загону були послані резерви добровольців. Бойовий загін забирав їх в полон після багнетної атаки. Стрілять не було часу. Всі люди обеззброєних гетьманських і російських частин інтернірувались. По сей час вони знаходяться під охороною бойового загону.

Оповіщення оперативним штабом загону лівих соц. — революціонерів і інші частини не виявили себе крім 8 душ робітників Арсеналу. О 3 год. дня було донесено, що решта районів міста за виключенням Шулявського не виступили. До того часу була обеззброєна Інструкторська школа старшин, інші частини, що мешкали на Печерську.

Командуючий наказав зайняти Дворцовий район і Звіринець, вливши в свій загін частину людей із обеззброєних військових частин, за котрих міг поручитись хто-небудь із козаків, або старшин бойового району. Наказ про загальний наступ, котрий передбачався на 7 год. вечора, було одержано о

4 год. ЗО хвилин. В той час частинами бойового загону займвася участок до Хрещатика, В. Васильківської і Дніпра. На опорних пунктах загоном були поставлені гармати і кулемети О 7 год. вечора здалась добровольча дружина Кірпічова (ріг Караваївської і Васильківської вул.), кількостю до 1000 чол. Рівночасно резерервом загону були примушені скласти зброю частини добровольців, які вийшли в тил бойового участку з Дарниці. На Дарницю направлені були загони з кулеметами.

О 7 год ЗО хв. вечора командуючий з начальником штабу на самоході виїхали дивитись на участок. По проханню чинів штабу фортеці (Володимирська 45) вислано караули до помешкання штабу і таким чином

бойовий участок ще поширено.

В ніч з 14 на 15 грудня бойовий загін ніс охорону всього участку, не допускаючи грабунків і бешкетів. Було виявлено наші втрати в забитих і поранених. З боку добровольців, конвою і інших гетьманських частин страти були разів в десять більші.

15 ранком командуючий заїхав в оперативний штаб в Лук"

янівський народний будинок, де зробив справоздання на словах. Пізніше командуючий заїхав в штаб Осадного корпусу (Банкова, 11), де від отамана корпусу одержав наказ нести охорону участку до приходу Січової дивізії, котра має змінити бойовий загін.

В останній час, 16 в ранці одержано повідомлення з Дарниці від начальника посланого туди загону, що там знаходяться частини Сердюцької дивізії з отаманом Клименко на чолі, котрі втікли з міста коли почався виступ. Одержавши відомості, що Київ захоплений військами Директорії, ці частини почали обеззброювати добровольців, які ще знаходились в районі Дарниці. Начальник загону запропонував отаманові Клименко підлягти його розпорядженням, що останній і виконав. Зараз загін несе варту в Дарниці.

З людей загону сформовано окремий курінь з гарматами і панцирними самоходами. Штаб командуючого міститься на гіподромі (Печерськ). Там же мешкає і сформований курінь.

(Ставка, вівторок, 17 грудня 1918 року, ч. 2)

В Педагогическом музее

Около 4 часов дня в здании Педагогического музея собралось до тысячи офицеров добровольческой дружины. При них было оружие и пулеметы. К зданию подошли прибывшие в Киев республиканские войска и, окружив здание, расставили караулы. В самое здание прошло несколько десятков человек, и после недолгих переговоров состоялось соглашение, в результате которого все находившиеся в здании добровольцы сдали оружие. Офицеры были объявлены арестованными. К музею начали являться матери и жены офицеров, находившихся в здании. Они умоляли освободить офицеров и отпустить домой. В этом было отказано. Большая часть разоружившихся надела на рукава белые повязки.

(Мир, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 10)

Арешт графа Келлера

Як вияснилось, бувшого головнокомандуючого генерала Келлера заарештовано разом з ад'ютантом в одній з кімнат гостиниці Михайлівського монастиря. (Слово, вівторок, 17 грудня 1918 року, ч. 63)

Воззвание Укранского революционного комитета

Волею народа устанавливается УНР. Власть в городе Киеве переходит к народному правительству республиканской Директории. До прибытия членов Директории высшим органом государственной власти является Украинский революционный комитет. Городские дела должна взять в свои руки Городская Демократическая Дума. Министерства осуществляют свои текущие дела под надзором комиссаров, назначенных

революционным

комитетом. Все сотрудники министерств остаются на своих местах. Комиссары при министерствах могут отстранять тех или иных членов министерств в случае их проступков.

Волею украинского народа возобновляется свобода слова, собраний и печати. Население призывается к свободному пользованию благами свободной жизни. Разбои будут караться по закону военного времени. Да будет согласие между нациями УНР!

Голова Украинского революционного комитета В. Чеховский

(Утро, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 13)

15 (4) декабря 1918 года

Сегодня с утра в городе наступило полное успокоение. С самого раннего утра на улицах появилась масса праздничной публики, с интересом наблюдавшей за проходившими войсками, за мчавшимися автомобилями и т. д. Настроение приподнятое. Кое-где заметны отдельные кучки, оживленно комментирующие текущие события…

Вышедшие утренние газеты брались публикой нарасхват. Наблюдается повышенный интерес к газетам, которые внесли успокоение в умы обывателей разъяснением положения.

(Последние новости, воскресенье, 15 декабря 1918 года, № 5341)

16 (3) декабря 1918 года

У Києві

Прибуття військ. 16 грудня, після славних бойових операцій на лінії Бочовка-Боришпіль-Дарниця прибули до Дарниці частини 2-ї Дніпровської козачої дивізії з отаманом Данченко на чолі.

(Ставка, четвер, 19 грудня 1918 року, ч. 4)

Харьковшина

Наслідки гетьманщини

"Південному краю" повідомляють з Бахмуту, що отряд, який пробирався на Дон волчанського повітового старости Неклюдова, коло Бахмуту цілком нежданно надійшов на республіканців, котрі з неклюдівцями вступили в бій. Неклюдівці розбиті і загубили 50 вбитих, 40 ранених і 14 полонених.

(Слово, вівторок, 17 грудня 1918 року, ч. 63)

17 (4) декабря 1918 года

Арест Гарніч-Гарницького

Вчора (тобто 17 грудня — прим. Т.Я.) о 3 год. у власному помешканні після пильного огляду був заарештований доктор Гарніч-Гарницький, організатор армії бой-скаутів у Києві та дружин учнів вищих та середніх шкіл у Києві.

(Слово, середа, 18 грудня 1918 року, ч. 64)

Учні-добровольці

Начальник штабу Осадного корпусу в розмові з головою батьківських оганізацій А.В. Кружиліним з приводу учнів, бувших в дружинах, дозволив оголосити через пресу слідуюче.

1. Всі учні, інтерніровані в Педагогічнім музею, по виясненню особливою комісією їх осіб, будуть відпущені додому. Також буде зроблено з учнями, котрі інтерновані в Дарниці після попереднього переводу їх до Києва.

2. Арештів учнів у зв" язку з перебуванням їх у дружинах робитись не буде. І кожен з таких арештів буде рахуватись, як самочинний. Вільним чином являються самочинними вимогання яких би то не було списків учнів, бувших в дружинах.

(Слово, середа, 18 грудня 1918 року, ч. 64)

18 (5) декабря 1918 года

В Педагогічному музею

Наш співробітник особисто був в помешканні Педагогічного музею, де тепер знаходяться заарештовані добровольці. На першому поверсі знаходиться варта та комендатура будинку. Самі заарештовані розташовані на 2 та 3 поверсі, в великій залі та по маленьких кімнатках. Кожний доброволець має при собі постіль та всяке майно. Прислужує їм великий штат своїх власних сестер-жалібниць, які доглядають за кожним їх кроком, приносять обід, води і навіть прибирають помешкання. їжа видається їм скарбова, але крім цього не забороняється одержувати їжу і власну. На запитання співробітника, чи були які-небудь негарні вчинки з-боку варти, всі як один відповідали, що ексцесів ніяких не було, що відношення до них зі сторони Республіканських військ дуже гарне, чого вони ні в якому разі ніколи не могли очікувати. Найбільше враження зробила на добровольців Дніпровська дивізія, яка як раз проходила біля Педагогічного музею.

(Ставка, четвер, 19 грудня 1918 року, ч. 4)

Церемоніял зустрічі С. Петлюри, вироблений "Комітетом зустрічі" по розумінню з отаманом корпуса Є. Коновальцем

Розпорядчиком церемоиіялу назначений Комітетом директор українського театру М.К. Садовський. Петлюра прибуде разом зі своїм штабом на вокзал точно о 1-ій годині дня. Після привітання

на вокзалі Петлюра рушить зі своїм штабом по Безаківській, Бібіковським б., Володимирській аж до Городського театру. Біля театру начнуться привітання делегацій від національних організацій. Хор трупи Садовського відспіває гімн "Слава, тобі, козаченьку". На Софійській площі зустріне Петлюру духовенство. Буде відправлено молебен. Торжество зікінчиться церемоніяльним маршем військ.

(Відродження, четвер, 19 грудня 1918 року, № 213)

20 (7) декабря 1918 года

Парад на Софійській площі

…Вдарили дзвони на Софії, загреміло одразу кілька оркестрів музики, і очі всіх, що жадібно направлені були на арку, побачили нарешті скромну постать того, якого ім'я не сходить з уст всієї України і цілого світу вже на

протязі місяця. Київ побачив Петлюру.

- Слава! Слава! — залунало навкруги назустріч отаманові. Скромно одягнений в чорний жупан і чорну шапку з червоним верхом, з блідим стомленим лицем, отаман революційного українського війська пішов вздовж рядів своїх козаків.

…Публіка починає розходитись. Але стоячи купками на пішоходах, люди довго ще передавали свої враження один одному.

- Не бачив Київ ще ніколи такого! — каже хтось.

- Ні, бачив! Але то було дуже давно. Бачив, коли вступав до Києва Богдан Хмельницький після перемоги над поляками.

- А, так, так! Але ми того не бачили — одповідає другий.

Починає смеркати. Народ потроху розходиться по домівках.

(Відродження, субота, 21 грудня 1918 року, № 215)

Голова слідчої комісії отаман Колодій про становище затриманих військовослужачих

Тимчасовий штаб охорони Києва при міській раді по уповноваженню голови слідчої комісії отамана Колодія цим оголошує:

1. Надруковані в газетах звістки від імені отамана Колодія про розділення всіх затриманих військовослужачих на чотири категорії з відданням двох категорій під військово-польовий суд, що загрожує їм по ст. 108 карою смерти, не правдиві. Кара смерті в Українській Народній Республіці скасована і досі не відновлена. Через те нікому з служачих у ріжних військових організаціях кара смерті не загрожує.

2. Військовослужбовці, що поступили в частини та дружини

по мобілізації, зокрема по такій, ухилення від котрої загрожувало розстрілом, будуть незабаром увільнені з-під арешту і зовсім випущені на волю.

3. Осіб, що поступили в частини та дружини добровільно, буде вислано за межі України (безумовно, не совітську Московщину).

4. Під суд після слідства буде віддано осіб:

а) котрим доказано зловживання,

б) керовників протинародних формувань та їх відповідальних військових начальників,

в) осіб, що дали про себе неправдиві зізнання.

З приводу того, що реєстрацію всіх затриманих військовослужачих передано реєстраційному бюро при міській думі, мають усі служачі в частинах та дружинах, що живуть нині по приватних помешканнях, явитись до думи (кімн. 18) для добровільної реєстрації.

(Слово, субота, 21 грудня 1918 року, ч. 66)

В "Версалі"

В гостиниці "Версаль" на В. Підвальній вул. перебувають найбільш відомі діячі гетьманського руху. Там знаходяться всі затримані до цієї пори міністри, товариші міністрів і відомі урядовці різних відомств. В "Вересалі" ж знаходяться й заарештовані журналісти і співробітники "Утра" і "Вечера". В "Версалі" з 18 грудня перебувають архієпископ Євлогій і метрополіт Антоній. Всі арештовані до 80 осіб містяться в одній кімнаті. Арештованим розрішається бачитись з близькими родичами, дається право посилати за обідами в паштетну, яка знаходиться недалеко. Прибирання має проводитись самими ув'язненими по черзі. Не відмовляються від виконання цієї натуральної повинності бувший прем'єр-міністр Гербель, міністр Внутрішніх справ Рейбот і інші сановники. Поводження з арештованими дуже коректне. З чужих осіб доступ до в'язнів в "Версаль" з розрішення військової влади має представник міської думи С.О. Сірополко.

(Слово, субота, 21 грудня 1918 року, ч. 66)

21 (8) декабря 1918 года

Звернення офіцерів до думи

Головою міської думи В.А. Дрейлінгом одержуються листи від груп офіцерів, котрі знаходяться зараз в ріжних в'язницях з висловленням щирої подяки демократичній думі за її участь у судьбі арештованих. Офіцери пишуть, що вони були втягені в

злісну авантюру. Що їх якоби брали для захисту законності і порядку від більшовизму, в дійсності ж направили проти Республіканської армії того Петлюри, з котрим частина офіцерства разом боролась проти більшовиків в січні. Одна група офіцерів пише:

"Ми, рядове бувше офіцерство у великій більшості демократичне. Ми не можемо і не могли виступити вороже по відношенню до війська, котре захищає права та волю народа. Нас закликали, як говорилось в наказі гетьмана, для забезпечення державної безпечності боротьби з анархією в прифронтовій полосі, для підтримання же порядку в столиці і в метах перекурочення анархічних виступів. Бажаючим з призваних було запропоновано записатись інструкторами в добровольческу по охороні Києва дружину. Коли ми почули про рух до Києва отрядів, настрій котрих нам був невідомий но про котрих ми догадувались, в нашій среді з'явилось підозріння в чистоті замірів влади, котра призвала нас. В відповідь на наш сумнів вийшов наказ графа Келлера про підлеглість військово-польовому суду тих, які ховаються і відмовляються. Офіцери щиро прохають захистити їх від травлі проти них і роз'яснити громадянам, що в подіях останніх днів вони, офіцери, були тільки жертвою хитрих політиків, розплату за гріхи яких вони опльовані і осоромлені зараз несуть".

(Слово, неділя, 22 грудня 1918 року, ч. 67)

Заарештовані міністри

Всі міністри гетьманського кабінети за винятком бувшого міністра закордонних справ Г.Я. Афанасієва і бувшого міністра внутрішніх справ І.А. Кістяківського містяться на Великій Підвальній вул. ч. 10 в будинку готелю "Версаль". (Ставка, неділя, 22 грудня 1918 року, ч. 6)

25 (12) декабря 1918 года

Становище в'язнів-офіцерів

Під головуванням швейцарського консула Єнні відбулось засідання консульського корпусу по питання про становище арештованих офіцерів добровольческих частин. Член датського консульства лікарь датського Червоного лреста зробили доклади про завітання них до арештованих в помешканні Педагогічного музею і "Версалі". Постановлено звернутись до членів Директорії з проханням вжити заходів до полегшення участі вˆязнів.

(Слово, четвер, 26 грудня 1918 року, ч. 70)

Освобождение офицеров-белорусов

В ближайшие дни предстоит освобождение арестованных и содержащихся в Педагогическом музее и Коммерческом институте офицеров-белорусов, которых насчитывается свыше 200 человек. Ходатайствующий за арестованных белорусский консул г. Базаревич указал в министерстве Иностранных дел на то, что он в свое время протестовал перед гетманским правительством по поводу мобилизации белорусов. Ныне ходатайство Базаревича с благоприятным отзывом передано министерством Иностранных дел военным властям.

(Наш Путь, 26 (13) декабря 1918 года, № 31)

Полтавщина

Перемога Запорожського полку над гетьманцями

Генеральний штаб повідомляє. 2-й Запорожський Республіканський полк між ст. Гребінкою та Яготином розбив до щенту гетьманський відділ до 1000 чоловік при гарматах та кулеметах, яким керував генерал Устимович. Більша частина гетьманців розбіглась по селах, покинувши зброю і всякі речі, частина здалась в полон, а решту забито в бою. Відібрано від них 9 гармат, багато кулеметів та рушниць, кількість яких виясняється.

(Слово, четвер, 26 грудня 1918 року, ч. 70)

Одесса

Одесские газеты передают подробности о боях в Одессе. Боям предшествовало очищение так называемой союзной зоны, начавшееся с разоружения многочисленных немецких и других частей. Разоружение производилось при помощи польских легионеров и офицеров-добровольцев. Разоружение немцев было вызвано слухами, будто немцы передают свое вооружение другим войскам. К полудни можно было видеть следовавшие за пределы зоны немецкие грузовики с имуществом немецких солдат. Одновременно офицеры-добровольцы принимали энергичные меры к отмежеванию зоны от остальной части города. Улицы были перерезаны веревками, а в некоторых местах были устроены баррикады из скамеек. Везде были расставлены пулеметы. В пределах зоны публика пропускалась с большим разбором. Весь день прошел в сплошных недоразумениях. Например, не пропускали отца больного ребенка с лекарством в руках. Затем начался своего рода спорт по части захватывания в плен противников. Добровольцы арестовывали попадавшихся в пределы зоны своих противников, те задерживали и арестовывали польских солдат и офицеров и русских офицеров-добровольцев и тоже их уводили. Два явно враждебных и вооруженных лагеря разделяли веревки, перетянутые через улицы, да опрокинутые скамейки. Кроме того, очень много лиц в форме Добровольческой

армии и просто в серых шинелях были задержаны за целый ряд, как говорит официальная власть, незакономерных проступков.

Охрану в городе продолжают поддерживать студенческие и еврейские отряды, которым оказывают помощь французские караулы.

Главная база добровольческих и польских отрядов находилась в порту. Потому противники сюда направили усиленный огонь из орудий. Снаряды, большей частью шрапнельные, летели сюда в течении всего дня„Из стоявших в порту союзных судов на стрельбу отвечало лишь несколько миноносцев союзного флота. Снаряды в большем числе падали на территорию порта и в бухту. О повреждениях пароходов в нашей газете сообщалось уже вчера. Много пострадало случайных прохожих, так как снаряды не все долетали до моря. О количестве жертв боев можно судить по следующим данным. За день доставлено только в два морга 68 трупов. Во время перестрелки в течении всего дня и ночи на вокзале работали приемные покои, куда носили для оказания медицинской помощи раненым. За день принято несколько десятков.

(Наш Путь, 26 (13) декабря 1918 года, № 31)

27 (14) декабря 1918 года

События в Киеве

Штабом охраны при городской думе составлен следующий список лиц, пострадавших при взрыве в Педагогическом музее 27 декабря. Самойленко (контужен), Шереметинский полковник (ранен в голову и руку), Павлов полковник (ранен в голову и обе руки), Котов (ранен в руку), Гуинц (ранен в руку), Мазченко (ранен в голову и руку), Дарчевич (ранен в руку), Ломанов (ранен в голову), Чубинский (ранен в голову и руку), Чубинский- второй (ранен в ногу и руку), Никольский (ранен в ногу), Булгаков-второй (ранен в голову), Школьник (ранен в спину), Лебедев (ранен в голову), Каменец поручик (неизвестно), Рундли (ранен в голову), Сметанин (ранен в руки), Кривошея (ранен в голову и руки), Лащевский (ранен в голову), Пешков (ранен в ноги и руки), Фальковский (ранен в ноги и висок), Януцин (ранен в голову), Любимко (ранен в голову), Кузнецов Евстафий, Ужилко (ранен в бок и руки), Каде (ранен в ногу), Шимченко (ранен в руку), Налович (ранен в голову), Чугихин (ранен в шею), Турценич (ранен в голову), Глинский (ранен в голову, спину и руку), Золотарев (ранен в голову), Петров (ранен в голову), Антоненко (ранен в голову), Майков (ранен в руку), Толкушкин (ранен в

голову), Кривошеин (ранен в лоб и руки), Васильев А.А. (ранен в голову и руки), Курдюмов (ранен в руки), Джусь (ранен в голову), Шепоренко (ранен в голову), Устимович (ранен в руку), Дрожкин (ранен в голову и лицо), полковник Король (ранен в голову), Мацелли (ранен в голову, спину и руки), Курушевский (ранен в голову), Пелишенко Иван (ранен в голову и ногу), Галицкий (ранен в голову и ногу), Комарчук (ранен в голову и руки), Годовский (в голову, спину и руки), Шишман (в голову), Шкат (в голову и руки), Сечко (в голову), Розенкранц (в спину), Монков (в голову и ноги), Боровир (в ногу, руку и бок), Ярмоленко (в голову и ногу), Белинский (в голову и ноги), Саранчев (в спину), Кураданов (в голову и ноги), Горчаб (в голову и ногу), Гречанко (в ногу), Макаренко (в спину), Крипаченко (в голову), Ренькасть (в голову), Нестеренко (в руку), далее зарегистрированы без указания ранении Гейнц, Коломеец, Тульский, Руденко, Григоров, Гордиенко, Белоцерковский.

(Вечерний голос, № 1, воскресенье, 29 декабря 1918 года)

До вибуху коло музею

По наведенних німецькою комендатурою справках про вибух коло Педагогічного музею, вдалось встановити такі факти. Бомбу мабуть кинено з автомобіля, котрий зараз після того втік. Вибухом 22 російських офіцерів тяжко ранено, 48 легко ранено та 2 козаків убито.

(Слово, вівторок, 31 грудня 1918 року, ч. 74)

31 (18) декабря 1918 года

Київщина

На Київ-1 привезено 450 чоловік бувших гетьманських офіцерів, які зібралися в Канівським пов. і хотіли преїхать на Дін одначе на станції Таганча їх заарештовано місцевими козаками і переведено в Київ.

(Бюлетень Головного Інформаційного бюро армії УНР за 31.12.1918)

В "Хронике" использовано несколько материалов из работы С.Л. Бурмистренко и Т.А. Рогозовской "Сорок семь дней из жизни города" (Коллегиум, 1995 г, №5)